

СТРУКТУРНО-
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ
ГРАММАТИКИ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

СТРУКТУРНО-
ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ
ГРАММАТИКИ
СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

4
С-87

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ АН СССР

67941

В сборнике исследуются актуальные вопросы грамматического моделирования таких категорий, как падеж, словосочетания, степени сравнения, предложные конструкции; освещаются проблемы фразовой интонации славянских языков и другие, более специальные вопросы.

Ответственный редактор
доктор филологических наук А. А. ЗАЛИЗНЯК

С $\frac{711-0666}{042(02)}$ 348-73

© Издательство «Наука», 1973 г.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

1. Характеристика грамматических категорий по структурным признакам

Понятие грамматической категории является одним из важнейших в лингвистике. Определение грамматической категории, соотношение в ней формы, значения, функции, как известно, неодинаково трактуется разными лингвистами. Мы исходим из следующих основных положений: 1) грамматическая категория представляет важнейший языковой механизм, закреплённый как в парадигматике, так и в синтагматике языка; 2) грамматическая категория связана с передачей значений, отражающих свойства объективной неязыковой действительности, и с выражением зависимости между словами в языковой цепи; 3) между значением, формой и функцией грамматической категории устанавливается неслучайная, избирательная связь.

Для характеристики грамматических категорий представляется существенным учесть следующие признаки: *А.* Шаг в парадигматику языка — грамматическая категория в соотношении с частями речи; *В.* Шаг в синтагматику языка — грамматическая категория и выражение синтаксических связей в синтагме; *С.* Устройство плана содержания; *Д.* Устройство плана выражения.

А. Грамматическая категория в соотношении с частями речи

Характер связи грамматической категории и части речи можно зафиксировать в ряде постулатов.

(1). Грамматическая категория распространяется на все множество элементов той части речи, которой свойственна данная категория; показатель категории появляется в тексте каждый раз, когда в нем присутствует элемент этой части речи.

Таков критерий грамматичности, предложенный И. А. Мельчуком¹, а по существу — ранее Б. Л. Уорфом².

¹ И. А. Мельчук. О некоторых типах языковых значений — В кн.: О. С. Ахманова, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Р. М. Фрумкина. О точных методах исследования языка. М., 1961.

² В. Л. Whorf. Grammatical categories. «Language», 1945, vol. 21, № 1,

По отношению к частям речи грамматические категории несут важную нагрузку: они участвуют в формировании общего значения и грамматических свойств данной части речи в ее противопоставленности другим подобным классам слов. Отсюда вытекает практическая необходимость следующего положения:

(2). Грамматическая категория всегда связана с одной, и только одной, частью речи. Действительно, такие глагольные категории, как вид, время, залог, наклонение, связаны с глаголом и формируют значение этой части речи⁸. Но вот такие категории, как род, число, падеж, внешне как будто не следуют постулату (2). Они свойственны как существительным, так и прилагательным и глаголам. Следовательно, такие категории принадлежат более чем одной части речи. На самом деле, однако, и здесь выполняется постулат (2). Хорошо известно, что категория рода у существительного есть нечто совершенно отличное от той же категории у прилагательного, глагола, числительного. В имени существительном категория рода связана с отражением определенных признаков неязыковой действительности; в прилагательном, глаголе она является в первую очередь синтаксической категорией, указывающей на определенную синтаксическую связь между словами. Принципиально разнятся между собой категории падежа и числа у существительных и прилагательных. Поэтому, когда одна и та же категория приписывается более чем одной части речи, на самом деле имеются в виду различные — и притом связанные друг с другом категории.

Между категориями, принадлежащими разным частям речи, могут существовать следующие отношения: 1) независимости (конstellации, в терминологии Л. Ельмслева), например вид глагола и степени сравнения прилагательных; 2) детерминации, когда одна категория предполагает другую, но обратное неверно. Например, падеж прилагательного предполагает наличие категории падежа у существительного, но из наличия категории

⁸ В данном случае естественно возникает вопрос, идет ли речь о категориях какого-то конкретного языка, группы языков или о категориях вообще, независимо от языка, в котором они представлены. Выше уже выдвигалась посылка об избирательной связи между содержанием, формой и функцией категории. Поэтому предполагается, что для любой категории можно выделить черты инвариантные, например с падежом связывается представление об изменении по этой категории (и таков падеж в индоевропейских, финно-угорских, кавказских языках), а с родом, напротив, о неизменяемости по родам (и это свойство прослеживается в индоевропейских языках, в именных классификациях африканских, кавказских, американских индейских языков). Вместе с тем существует, очевидно, для каждой категории свойственное только ей «пространство реализаций», которое в полном виде может быть установлено только индуктивным путем, через последовательный анализ категорий в языках различного строя. Предлагаемые в статье постулаты о категориях, а также их структурные характеристики ориентированы на общее, инвариантные черты грамматических категорий. Каждый раз, когда речь идет о категории какого-то конкретного языка, это оговаривается специально.

падежа у существительного не вытекает обязательное присутствие этой категории у прилагательного⁴; 3) интердепенденции, когда обе категории присутствуют вместе и не могут существовать друг без друга. Например, род прилагательного предполагает род существительного, а род существительного, в свою очередь, постулирует наличие рода у прилагательного (или другого класса, в котором категория рода имеет то же устройство, что и у имен прилагательных).

В тех случаях, когда между грамматическими категориями устанавливается отношение детерминации или отношение интердепенденции, они составляют особый сложный механизм, в котором категории, присущие только одной части речи, выступают как составляющие. Этот единый механизм можно рассматривать как цельную систему, область действия которой распространяется более чем на одну часть речи. Системы подобного рода в дальнейшем будут называться суперкатегориями. Категории, связанные только с одной частью речи, предлагается, за неимением лучшего термина, называть простыми или ординарными. Термин «категория», в соответствии с традицией, будет употребляться по отношению ко всем видам грамматических категорий. Введем постулат (3):

(3). Если между простыми категориями разных частей речи устанавливается отношение детерминации или интердепенденции, эти категории объединяются в одну суперкатеорию.

Простые категории своей способностью входить в суперкатеорию различаются на связанные и несвязанные. Несвязанные категории в суперкатеории не входят. Среди связанных следует различать сильно и слабо связанные категории. Слабо связанными являются категории, входящие в суперкатеорию, построенную на отношении детерминации (например, число и падеж прилагательного). Сильно связанные категории входят в суперкатеорию, построенную на отношении интердепенденции. Таковыми являются категория рода в прилагательном, глаголе, числительном и категория рода в существительном.

Большой интерес представляет вопрос о способности отдельных простых категорий входить в суперкатеорию. Такие глагольные категории, как вид, время, залог, наклонение, по-видимому, чаще являются простыми и несвязанными. Очевидно, имеется связь между этим фактом и тем, что глагол является

⁴ Так, в саамском языке прилагательные в роли определения не согласуются с определяемым именем ни в числе, ни в падеже. Это же относится и к числительным (за исключением форм эссива и комитатива единственного числа). Г. М. Керт. Саамский язык. «Языки народов СССР». М., 1966, т. 3, стр. 160, 161. В лакском языке прилагательное в роли определения может выступать в трех формах: неизменяемая форма на -сса, форма, содержащая в основе классные показатели, и, наконец, форма с измененными классными показателями (не считая краткой формы, сливающейся с определяемым именем). Ни одна из названных форм не согласуется с именем по падежу (см.: Л. И. Ж и р к о в. Лакский язык. М., 1955, стр. 45—46).

коммуникативным центром предложения, и глагольные категории постоянно сообщают об изменениях в неязыковой действительности. Конечно, не следует думать, что глагольные категории никак не связаны с грамматическими категориями других членов в синтагме и предложении. Если взять, например, категорию залога, то она непосредственно обращена к выражению субъектно-объектных отношений и может детерминировать (как в славянских языках) падеж реального субъекта и объекта. В грузинском языке в глаголах I серии (группа настоящих времен) субъект стоит в именительном падеже, при глаголах II серии (группа прошедших времен) — в эргативном падеже, а при глаголах III серии (инверсивных, «заглазного»⁵ наклонения) реальный субъект стоит в форме дательного падежа⁶. В таких случаях мы тоже, конечно, имеем дело с взаимодействием категорий в синтагматической цепи, но говорить о суперкатегории вряд ли возможно, поскольку каждая из глагольных категорий, с одной стороны, и отдельные падежи, с другой, имеют собственный план содержания и, кроме того, выделение каждой из категорий происходит независимо, оно не связано с выделительностью других грамматических категорий.

Несколько по-иному обстоит дело с категорией лица. Это может быть простая несвязанная категория, представленная только в местоимении. Так, глагол в древнеяванском языке (кави) не имеет грамматической категории лица⁷. В индонезийском языке глагольные формы лица «имеют очень узкую сферу употребления, так как они свойственны лишь переходным глаголам в страдательном залоге»⁸. В языке африкаанс глагол также не имеет лица и числа⁹. Категория лица грамматически не обязательна в глаголе в японском языке¹⁰.

Чаще, однако, категория лица выступает как суперкатегория, представленная в местоимении и глаголе. При этом выделяются два случая, резко разграниченные де Гроотом¹¹. В таких языках, как французский или английский, где показатель лица в глаголе появляется спорадически, лишь в некоторых случаях, сама форма личного местоимения выступает показателем лица в глаголе и индуцирует эту категорию в глаголе. В таких группах, которые

⁵ А. А. Ш а н и д з е. Грамматика грузинского языка (на груз. яз.). Тбилиси, 1955.

⁶ Н. В. Ч а н и ш в и л и. Структура и семантика системы падежей и ее взаимоотношение с системой глагола (на материале грузинского языка). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1972. О других случаях взаимодействия именных и глагольных категорий в грузинском языке см. статью О. Г. Ревзиной и Н. В. Чанишвили в настоящем сборнике.

⁷ А. С. Т е с е л к и н. Древнеяванский язык (кави). М., 1963.

⁸ А. С. Т е с е л к и н, Н. Ф. А л и е в а. Индонезийский язык. М., 1960, стр. 26.

⁹ С. А. М и р о н о в. Язык африкаанс. М., 1969.

¹⁰ Н. И. Ф е л ь д м а н. Японский язык. М., 1960.

¹¹ A. W. de G r o o t. Classification of Word-Groups. «Lingua», vol. VI, 2, 1957.

де Гроот считает истинно предикативными, употребление глагольной формы без местоимения невозможно. Напротив, в таких языках, как латинский или русский, где лицо находит формальное выражение и в глаголе, и в местоимении, вполне возможно самостоятельное употребление глагольных форм. При этом для большинства языковых систем (если не для всех) верно, что если категория лица представлена в глаголе и местоимении, то обязательно согласование по лицу в предикативной синтагме.

Характерными особенностями суперкатегории лица являются: тождество семантических оппозиций обеих простых категорий (ср. ниже суперкатеорию рода), а также тот факт, что показатели лица в глаголе представляют — по происхождению или в синхронном плане — формы личных местоимений.

Для именных категорий в целом характерна большая способность к образованию суперкатегорий по сравнению с глагольными. Категория падежа может быть как простой (см. сноску 4), так и суперкатегорией (ср. славянские языки). Отсюда ясно, что суперкатегория падежа строится на принципе детерминации: при этом, хотя в прилагательном выделение морфологических показателей падежа возможно без обращения к имени существительному, но определение плана содержания простой категории падежа в прилагательном возможно только при соотнесении с соответствующей категорией существительного. Категория числа может быть как простой (ср. английский язык), так и суперкатегорией. Простые категории, входящие в суперкатеорию, являются обычно слабо связанными (ср. славянские языки). Но, очевидно, возможны случаи, когда простые категории, входящие в суперкатеорию числа, связаны отношением интердепенденции. Так, М. А. Кумахов, анализируя устройство категории числа в абхазо-адыгейских языках, отмечает, что в кабардино-черкесском языке существительное с недифференцированным значением числа сочетается с глаголами обоих чисел¹². Другой пример — некоторые папуасские языки юго-восточной Новой Гвинеи, где изменение формы глагола в зависимости от числа субъекта является основным средством различения числа существительного, не наделенного собственным формальным показателем¹³.

Категория рода занимает среди других суперкатегорий совершенно особое место, поскольку во всех языках, где она встречается, это может быть только суперкатегория, построенная на принципе интердепенденции. Это обусловлено классифицирующим характером категории рода (см. ниже), т. е. ее связью с лексемой, а не с отдельной словоформой. Отсюда отсутствие формальных выделяющих показателей рода в имени существительном и возможность определить род имени только по согласованию

¹² М. А. Кумахов. Число и грамматика. — ВЯ, 1969, № 4.

¹³ Y. H. M. C. Voelars. The linguistic position of South-Western New Guinea. Leiden, 1950.

с частями речи, входящими в класс определяемых (прилагательное, глагол, разные виды местоимений и т. д.). Все разработанные в последние годы формальные процедуры выделения родов основаны на этой особенности суперкатегории рода¹⁴. Отметим по ходу дела, что эти процедуры позволяют вскрыть принципиальное единство данной категории с именными классификациями — мысль, высказанную в лингвистике с тех пор, как данные именных классификаций вошли в обиход¹⁵ [например, в языке луганда (северная группа языков банту) именные классы выделяются с помощью того же понятия диагностического контекста, которое использовалось при выделении родовых систем в славянских и романских языках]¹⁶.

*В. Грамматическая категория
и выражение синтаксических связей
в синтагме*

Грамматическая категория может быть представлена в управляющем или управляемом члене синтагмы. При этом ее присутствие в управляющем члене по-разному влияет на управляемый член.

Для простых категорий, не входящих в суперкатегорию, характерен тот факт, что они не влияют на категории связанного с ними члена синтагмы. Таковы по большей части глагольные категории (вид, наклонение, время), представленные в управляющем члене. Напротив, функция суперкатегорий — служить средством организации подчинительных связей в синтагме. В суперкатегориях между управляющими и управляемыми простыми категориями устанавливается отношение взаимозависимости или односторонней зависимости. Кроме того, управляющие и управляемые категории различаются своими свойствами. Достаточно сравнить управляемые простые категории рода, числа и падежа в прилагательном и соответствующие категории существительного, чтобы убедиться в их резком различии не только в плане отношения к подчинительной связи в синтагме, но и в устройстве плана содержания. Для управляемых категорий характерно

¹⁴ С. Маркус. Теоретико-множественные модели языков (пер. с англ.). М., 1970, гл. IV «Грамматический род».

¹⁵ См. об этом: А. А. Жуков. О некоторых грамматических категориях имени существительного в языках банту. — В кн. «Africaana. Культура и языки народов Африки». М.—Л., 1966; П. С. Кузнецов. Об именной классификации и системе согласования в суахили. «Языки зарубежного Востока». М.—Л., 1935; Он же. К вопросу о количестве именных классов в суахили. «Африканская филология». М., 1966.

¹⁶ О. Г. Карпинская. Типология рода в славянских языках. — ВЯ, 1964, № 6; А. С. Черниченко. Именные классы в языке луганда. Автореф. канд. дисс. М., 1969; В. Ф. Новодранова. Сопоставительный анализ грамматической категории рода (на материале романских языков). Автореф. канд. дисс. М., 1971.

преобладание синтаксического компонента в значении, а управляющим категориям свойственна в большей мере передача лексических значений (см. ниже).

Интересно, что в суперкатегории лица, где обе простые категории — глагола и местоимения — являются семантически полными, связь по лицу уже не выглядит чисто подчинительной. Конечно, в синтаксическом плане глагол является управляющим членом, но на морфологическом уровне связь в предикативной синтагме определяется скорее как «грамматическая координация форм подлежащего и сказуемого», как «формальное уподобление главных членов», лишь внешне сходное с согласованием, а по существу не позволяющее выделить ни главенствующий, ни зависимый члены¹⁷.

Суперкатегория падежа занимает особое положение по данному признаку. В синтагме существительное плюс прилагательное простая категория падежа существительного выступает, разумеется, управляющей. Но есть еще одна синтагма — глагол плюс существительное, в которой та же категория проявляет себя как управляемая, зависящая от класса управления глагола. Обычно в глаголе не выделяется специальной категории управления, что объясняется рядом причин (отсутствие формальных показателей класса управления в самом глаголе, способность одного и того же глагола управлять несколькими падежами, большая дробность разделения глагола по классам управления и т. д.). Возможно, что здесь следовало бы выделять единую суперкатегорию, включающую класс управления глагола и падеж имени. Эта категория по своему устройству была бы аналогична категории рода в том отношении, что для глагола она была бы классифицирующей, имеющей показатель в управляемом слове, а для имени — словоизменительной, указывающей на класс управления глагола точно так же, как простая категория рода в прилагательном указывает на род существительного. Во всяком случае, способность категории падежа в имени выступать как управляющей, так и управляемой, побуждает нас выделить ее в особый тип — обоюдною категорию.

С. Грамматическая категория и устройство плана содержания

(4). Каждая грамматическая категория имеет свой план содержания и план выражения.

Введение постулата (4) при его внешней тривиальности необходимо по следующим соображениям. В таких суперкатегориях, как род или определенность (когда она выражается в артикле, прилагательном), план содержания и план выражения

¹⁷ Грамматика современного русского литературного языка. М., Изд-во «Наука», 1970, стр. 548, 549.

оказываются как бы разделенными: значение рода содержит в себе категория существительного, а формальный показатель — категория рода в прилагательном, и точно так же значение определенности приписывается существительному, а формальный показатель содержится в определяющем слове. Кажется, однако, что каждая из простых категорий, входящих в суперкатеорию, обладает самостоятельностью. Ведь противопоставление по частям речи является парадигматическим, и грамматическая категория выступает как элемент, парадигматически противопоставленный другим грамматическим категориям. Следовательно, она должна иметь ту минимальную законченность, самодостаточность, при которой слово с показателем данной категории воспринималось бы носителем языка как нечто самостоятельное и вне связи с текстом как элемент словаря. Поэтому даже те категории, которые раскрывают себя именно в синтагматике (например, род, число, падеж прилагательного), передают элементарный грамматический смысл, позволяющий им, наряду с другими категориями, участвовать в формировании более общих значений части речи.

(5). Значение всякой грамматической категории базируется либо на отражении явлений и признаков окружающей действительности, либо на отражении отношений между словами, возникающих в языковой цепи.

(6). Отношение знака к денотату (неязыковая действительность) формирует лексический компонент значения, отношение знака к знаку формирует синтаксический компонент значения.

(7). В значении всякой грамматической категории выделяются лексический и синтаксический компоненты.

А. М. Пешковский¹⁸ разделил категории на синтаксические и несинтаксические. Синтаксические категории обозначают «зависимость одних слов в речи от других», несинтаксические такой зависимости не обозначают. Данное разделение было поддержано И. А. Мельчуком¹⁹. Для А. М. Пешковского, однако, разделение категорий на синтаксические и несинтаксические не было абсолютным, он указывает на смежные случаи. Так, имеются несинтаксические категории, например части речи, категории залога, вида, степеней сравнения, «в которых самый оттенок, образующий категорию, совершенно изменяет отношение данного слова к другим словам»²⁰. Категории времени, вида, передающие «лексические» значения, одновременно, конечно, влияют и на сочетаемость глагольных форм (ср. связь с наречиями времени, невозможность употребления форм несовершенного вида после отрицания *не* в повелительной форме, несочетаемость форм совершенного вида со вспомогательными глаголами со значением становления

¹⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6. М., 1938, стр. 59.

¹⁹ И. А. Мельчук. Указ. соч.

²⁰ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 61.

в русском языке и т. д.). С другой стороны, «синтаксическая» категория падежа имеет несомненную связь с неязыковой действительностью (ср. дифференциально-семантические признаки объемности, направленности, периферийности, предложенные для описания общих значений падежей Р. Якобсоном).

Целесообразно считать, что в плане содержания любой грамматической категории присутствуют и лексический, и семантический компоненты. Но соотношение их может быть различным, и по превалированию одного из компонентов естественно говорить о преимущественно лексических и преимущественно синтаксических категориях. Такие категории, как вид, время, наклонение глагола, род и число существительного, т. е. простые несвязанные или — если они входят в суперкатеорию — простые управляющие, являются преимущественно лексическими в отличие от преимущественно синтаксических категорий — падежа существительного, рода, числа и падежа прилагательного (обюдные или управляемые категории). О. Есперсен отмечает: «Некоторые из категорий. . . находятся в очевидной связи с чем-то существующим в самих предметах; так, грамматическая категория числа, несомненно, соответствует различию между единичностью и множественностью, существующему во внешнем мире; чтобы объяснить различные грамматические времена — настоящее время, имперфект и т. д., необходимо обратиться к понятию „времени“ во внешнем мире; различие между тремя грамматическими лицами соответствует естественному различию между говорящим, лицом, к которому обращена речь, и чем-то, находящимся вне их обоих»²¹. Таким образом, для преимущественно лексических категорий характерно не просто преобладание лексического компонента, но и «реальность» его, т. е. высокая степень изоморфизма между устройством неязыковой действительности (материал содержания) и способом ее представления в языке. По-иному обстоит дело с преимущественно синтаксическими категориями. О. Есперсен говорит о категориях, в которых «связь с чем-то, находящимся за пределами языка, не столь очевидна»²². Лексические компоненты, их значения рассматриваются «как конструкторы, возникающие в результате довольно сложной абстракции и не отвечающие прямо каким-либо идеям, имеющимся в сознании носителей языка (или, по крайней мере, тех из них, которые не изучали грамматику)»²³. К категориям второго типа Есперсен относит падеж существительного. «Падеж представляет одну из наименее рациональных частей языка в целом»²⁴. В падеже существительного главным является, конечно, синтаксический компонент, т. е. указание на «отношения между словами»

²¹ О. Есперсен. *Философия грамматики* (пер. с англ.). М., 1958, стр. 56.

²² О. Есперсен. Указ. соч.

²³ А. В. Гладкий. К определению понятий падежа и рода существительного. — ВЯ, 1969, № 2.

²⁴ О. Есперсен. Указ. соч., стр. 213.

в предложении. Лексический компонент — отношения «между соответствующими внеязыковыми предметами в некоторой описываемой ситуации»²⁵ — отличается от синтаксического компонента не только по объему, но и своим конструктивным характером, явным присутствием языковой категоризации.

Наибольшие трудности в определении их лексического компонента представляют такие управляемые, преимущественно синтаксические категории, как род, число и падеж прилагательного. Конечно, допустимо выделить их в особый разряд «синтагматических» категорий, приобретающих значение непосредственно в тексте. Однако тот факт, что при субстантивации прилагательных в них, наряду с изменением синтаксических свойств, отчетливо проявляется и лексический компонент (в частности, переменное значение рода меняется на постоянное), делает возможным предположение, что этот компонент присутствует потенциально в данных управляемых категориях и делается явным при переходе категории из управляемой в управляющую²⁶.

Выделив лексический и синтаксический компоненты в плане содержания, мы определили источники формирования значений грамматических категорий. Другие характеристики плана содержания будут рассмотрены ниже, в связи с функцией грамматических категорий.

Д. Грамматическая категория и устройство плана выражения

Показатели грамматической категории могут исходить либо из слова, принадлежащего данной категории, либо из контекста, в котором оно встречается. Наконец, возможен случай, когда показатели категории имеются и в слове, и в контексте. Поэтому можно говорить о двух основных способах выражения — элементном²⁷ и контекстном. Элементный способ

²⁵ В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, стр. 260.

²⁶ Не случайно факт субстантивации прилагательных рассматривается как важнейший и даже исходный пункт в происхождении рода. Е. Курлович. Проблема грамматического рода. — В кн.: Е. Курлович. Очерки по лингвистике. М., 1962.

²⁷ Необходимо оговорить, что аналитические конструкции мы также относим к элементному способу выражения, следуя в этом за В. М. Жирмунским, который пишет: «Будучи частью аналитической конструкции, служебное слово по своей грамматической функции эквивалентно словоизменительной (формообразующей) морфеме (аффиксу). Тем самым аналитическая конструкция является формой соответствующего знаменательного слова, входя в систему его словоизменения (или формообразования) — в так называемую «парадигму» слова. (В. М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях. — В сб. «Аналитические конструкции в языках различных типов». М., 1965, стр. 7). Конечно, реально «аналитические» словоформы имеют ряд серьезных отличий от «флективных», в связи с чем можно было бы произвести разделение элементно-флективного и элементно-аналитического способов выражения. Но если сравнивать, к чему стоит

всегда является морфологическим, поскольку он связан со словоформой, а контекстный способ может быть и контекстно-морфологическим (так, род существительного выделяется на основе морфологического показателя в контексте) и чисто синтаксическим (как у падежа существительного).

Грамматическая категория закреплена и в парадигматике, и в синтагматике языка. Отсюда постулат (8):

(8). В плане выражения всякой грамматической категории присутствуют элементный и контекстный способы выражения. Однако роль двух способов выражения не равноценна.

(9). В плане выражения всякой грамматической категории должен присутствовать формальный морфологический показатель.

Таким образом, мы придерживаемся понимания грамматической категории как формального класса слов, высказанного Пешковским²⁸. Категории, которые выделяются только контекстно-синтаксически, т. е. не имеют морфологического показателя ни в словоформе, ни в контексте, нельзя считать чисто грамматическими. Ряд таких категорий для английского языка был выделен Б. Л. Уорфом²⁹. Он назвал их скрытыми (covert). Другим примером подобных «предграмматических» категорий можно, видимо, считать категорию состояния в русском языке, выделенную Л. В. Щербой³⁰. Противники категории состояния отказывают ей в праве на существование, именно исходя из отсутствия у членов этой категории общих морфологических признаков³¹. Относительно морфологического показателя грамматической категории необходимо сделать еще одно замечание: данный показатель должен обладать выделительной силой. Это означает, что, пользуясь данным показателем (только им одним или в совокупности с другими формами выражения), можно построить операционное определение грамматической категории. Этим свойством не обладает, в частности, морфологический показатель рода в существительном, почему мы и говорим, что род в существительном выделяется лишь контекстно-морфологическим способом. Действительно, в русском языке имена на *-а* в большинстве женского рода, на *-о* — среднего, а на твердый согласный — мужского. Эти показатели «различают» род, но не выделяют его. И дело здесь не просто в том, что показатели рода в существительном неоднозначны. Истинная причина глубже: показатели

ближе аналитический способ — к контекстному способу, т. е., по существу, к чистой сочетаемости со свободными и большей частью полнозначными словами, или к служебному форманту, тогда представляется оправданным объединение в одном элементном способе и чисто флективной и аналитической словоформы.

²⁸ А. М. Пешковский. Указ. соч.

²⁹ В. Л. Уорф. Grammatical categories. «Language», 1945, vol. 21, No 1.

³⁰ Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. «Избранные работы по русскому языку». М., 1957, стр. 75—76.

³¹ П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. М., 1961, стр. 61—62, 65—66.

рода в существительном характеризуют не словоформу, а лексему, поэтому на их основе нельзя построить парадигму.

В постулате (8) указывается, что в плане выражения всякой грамматической категории присутствуют элементный и контекстный способ выражения. Но соотношение этих двух способов может быть различным. Так, категория вида в глаголе выделяется на основе элементарных показателей, причем значение отдельных форм (например, *делать* и *сделать*) осознается независимо от контекста. Такой способ можно назвать элементарно-независимым. В категории падежа элементный и контекстный способы соотносятся по-иному. Хотя падежные показатели можно выделить, оставаясь в пределах словоформы, как это показывает А. М. Пешковский, объединение показателей одного падежа, а также значений падежей производится на основе контекста. В категории падежа контекстный способ играет не подчиненную, а самостоятельную роль. С учетом этой роли контекста строятся все модели падежа. В подобных случаях можно говорить об элементарно-зависимом способе. Большинство простых глагольных категорий, преимущественно лексических по значению, выделяется элементарно-независимым способом (вид, время, наклонение, залог). Сюда же относятся такие категории, как степени сравнения прилагательных, число существительных. В суперкатегориях управляемые категории (род, число, падеж прилагательных) элементарно-зависимы, управляющие категории могут быть элементарно-независимыми (число существительных) и элементарно-зависимыми (падеж существительного). Уникальный случай представляет категория рода в существительном, которая выделяется только по морфологическому показателю в контексте, то есть не имеет собственного показателя в существительном, наделенного выделительной силой.

В табл. 1 дана характеристика грамматических категорий по рассмотренным выше признакам. Одновременно в таблицу введено противопоставление словоизменительных и классифицирующих категорий³². Как уже отмечалось, эта оппозиция покоится на том, что одни категории образуют парадигму и относятся к словоформе, а другие не образуют парадигмы и относятся не к словоформе, а к лексеме. Например, падеж существительного есть словоизменительная категория: набор падежных морфем образует парадигму, и минимальной областью, где выявляется эта категория, является словоформа. Напротив, категория рода в существительном есть классифицирующая категория: в существительном отсутствует набор формальных показателей, которые

³² А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967. Это противопоставление, как отмечает А. А. Зализняк, аналогично различению лексико-грамматических и грамматических категорий у А. И. Смирницкого (Древнеанглийский язык. М., 1955). Ср. сходное разграничение парадигматических и непарадигматических категорий в кн.: И. И. Ревзин. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.

Таблица 1

Признаки		Глагол				Прилагательное			Существительное			
		вид	время	залог	наклонение	степени сравнения	число	падеж	род	род	число	падеж
Отношение к лексеме	словоизменительные	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+
	классифицирующие	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-
Соотнесенность с частью речи	простые несвязанные	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-
	простые сильно связанные	-	-	-	-	-	-	-	+	+	-	-
	простые слабо связанные	-	-	-	-	-	+	+	-	-	+	+
Выражение синтаксических связей в синтагме	управляющие	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	-
	управляемые	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	-
	обоюдные	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
Устройство плана содержания	преимущественно лексические	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	-
	преимущественно синтаксические	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	+
Устройство плана выражения (способ)	элементно-независимый	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	-
	элементно-зависимый	-	-	-	-	-	+	+	+	-	-	+
	контекстно-морфологический	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-

фиксируют бы его род, и минимальная область проявления категории рода — это лексема, т. е. совокупность словоформ.

Соотнесение данного разделения с классификацией по четырем признакам обнаруживает неслучайную их связь. Признак: отношение к лексеме — отношение к словоформе как бы сводит воедино другие черты категорий и называет тот механизм, который создается в результате действия этих черт.

Из табл. 1 явствует, что большинство грамматических категорий является словоизменительными. При этом словоизменительные категории весьма разнообразны по своей структуре. Они могут быть простыми несвязанными, как глагольные категории, и образовывать суперкатегории, как число и падеж. Словоизменительные категории выступают в качестве управляющих, преимущественно лексических, выделяющихся элементарно-независимым способом (вид, время, залог, наклонение, степени сравнения), и управляемых, преимущественно синтаксических, выделяющихся элементарно-зависимым способом (род, число, падеж прилагательного). Иначе говоря, словоизменительные категории немаркированы.

Им противостоит тип классифицирующей категории, классическим воплощением которого является род. Эта противопоставленность тройная. Во-первых, классифицирующий тип маркирован, таких категорий очень немного. Во-вторых, классифицирующая категория жестко связана в своих проявлениях. Это — суперкатегория, построенная на отношении интерdependенции, выделяемая контекстно-морфологически. В-третьих, по своим структурным признакам классифицирующая категория резко противопоставлена словоизменительным (см. табл. 1). Функции двух типов категорий также различны (см. ниже).

2. Связь и иерархия признаков для классификации грамматических категорий

В связи с предпринятой попыткой построения структурной классификации грамматических категорий имеет смысл разобрать вопрос об определении необходимого и достаточного числа признаков при построении многомерной классификации. Этот вопрос является актуальным для современной лингвистики, в которой построение многопризнаковых классификаций часто используется при типологическом анализе³³. Из табл. 1 ясно, что на сочетании признаков наложены существенные ограничения. Возможны следующие комбинации: 1. Несвязанные & управляющие

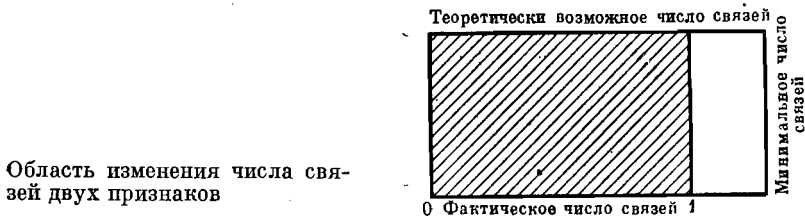
³³ М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева, Д. М. Сегал, В. Н. Горюхов. Структурная типология и славянское языкознание. «Структурно-типологические исследования». М., 1962; М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, Т. М. Судник, С. М. Шур. Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков. — В кн. «Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963.

& преимущественно лексические & элементарно-независимые категории. Сюда относятся вид, время, залог, наклонение глагола, степени сравнения прилагательных. 2а. Слабо связанные & управляемые & преимущественно лексические & элементарно-независимые категории. Такими характеристиками обладает категория числа в существительном. 2б. Слабо связанные & управляемые & преимущественно синтаксические & элементарно-зависимые категории. Пример: число и падеж прилагательных. 2в. Слабо связанные & обоюдные & преимущественно синтаксические & элементарно-зависимые. Пример: падеж существительного. 3а. Сильно связанные & управляющие & преимущественно лексические & контекстно-морфологические. Пример: род существительного. 3б. Сильно связанные & управляемые & преимущественно синтаксические & элементарно-зависимые. Пример: род прилагательного.

Интересно сравнить сочетаемостные свойства каждого из признаков. При этом важно учесть следующее обстоятельство. Если каждое значение признака *A* сочетается только с одним из значений признака *B*, то признак *A* одновременно и полностью предсказывает признак *B*. Если же признак *A* сочетается больше чем с одним значением признака *B*, его предсказующая сила понижается, и она равна нулю, когда каждое из значений признака *A* сочетается с любым из значений признака *B*. Следовательно, проанализировав сочетаемость четырех признаков между собой, мы одновременно можем выявить для каждого признака, в какой мере он предсказывает другие и в какой мере сам предсказывается остальными признаками.

Определим ту область, в пределах которой варьируется сочетаемость признаков. Постоянными являются две величины: теоретически возможное число связей возникает, если все значения двух признаков сочетаются между собой. Минимальное число связей имеет признак, в котором каждому значению соответствует ровно одно значение другого признака.

Переменной величиной выступает фактическое число связей. Схематически соотношение трех указанных величин выглядит следующим образом.

Заптрихованная область указывает то пространство, в пределах которого изменяется фактическое число связей, а с ним и предсказующая сила признака. Если фактическое число свя-

зей совпадает с теоретическим, предсказующая сила признака равна нулю, если фактическое число связей совпадает с минимальным, предсказующая сила равна единице. В каждом конкретном случае предсказующая сила (ПС) признака *A* относительно признака *B* может быть определена по формуле:

$$ПС(A/B) = \frac{\text{число теорет. связей} - \text{число факт. связей}}{\text{число теорет. связей} - \text{число миним. связей}}$$

Эта формула может быть содержательно истолкована следующим образом: числитель дроби есть переменное, измеряющее степень заполнения заштрихованной области (см. схему), а знаменатель есть постоянное, измеряющее самое эту область.

Рассмотрим, к примеру, предсказующую силу признака *A* (соотнесение с частями речи) относительно признака *B* (синтаксическая функция в синтагме, охваченной суперкатегорией). Признак *A* принимает три значения (несвязанные, слабо связанные, сильно связанные), признак *B* также принимает три значения (управляющие, управляемые, обоюдные категории). Следовательно, теоретическое число связей между этими двумя признаками равно девяти (если каждое из значений сочетается с каждым), а минимальное число связей признака равно числу значений этого признака, т. е. трем. Фактическое число связей признака *A* определяется следующим образом: связанные категории могут быть только управляющими (одна связь), слабо связанные категории сочетаются со всеми тремя значениями *B* (три связи), сильно связанные категории могут быть управляющими и управляемыми (две связи) — всего шесть связей. Предсказующая сила признака *A* относительно признака *B* равна:

$$ПС(A/B) = \frac{9-6}{9-3} = \frac{3}{6} = 0,5.$$

Это означает, что реализуется половина возможных сочетаний признака *A* с признаком *B*, или *A* предсказывает *B* на 50%.

Таблица 2

	<i>A</i>	<i>B</i>	<i>C</i>	<i>D</i>	Общая предсказующая сила признака
<i>A</i>	—	0,5	0,3	0,6	1,4
<i>B</i>	0,5	—	1	0,6	2,1
<i>C</i>	0,25	0,75	—	0,75	1,75
<i>D</i>	0,6	0,83	1	—	2,43
Степень предсказуемости признака остальными	1,35	2,08	2,3	1,95	—

В табл. 2 определяется общая предсказующая сила признака в системе и степени предсказуемости каждого из признаков остальными.

Если бы структура избранной для классификации системы признаков была бы идеальной и если бы ни один из признаков не предсказывал другие, табл. 2 имела бы совершенно иной вид. Она была бы заполнена нулями. Это означало бы, что выбранные признаки абсолютно не зависят друг от друга. Однако вряд ли такое положение следует считать идеальным. Это противоречит определению Соссюром системы как такого устройства, где все взаимосвязано. Далее, необходимо иметь в виду, что для классификации избираются существенные признаки, формирующие структуру замкнутого объекта. Следовательно, эти признаки должны как-то сочетаться друг с другом, частично пересекаться. Допустим теперь, что каждый признак предсказывает остальные, т. е. что табл. 2 заполнена единицами. Это означало бы полную зависимость признаков друг от друга, тождественность информации, которую они дают, т. е. по существу сводимость к одному признаку. В обоих случаях признаки будут выбраны не наилучшим образом. По-видимому, наиболее оптимальный вариант требует такого выбора признаков, при котором они были бы более или менее симметричны и равноценны по предсказующей силе. В этом случае выполняются два условия: признаки взаимосвязаны и вместе с тем они разнозначимы, и каждый обладает достаточной ценностью. Это не исключает, конечно, того факта, что в набор могут быть включены и такие признаки, которые перекрещиваются с другими, но в своей несовпадающей части несут такую информацию, которую из остальных признаков получить нельзя.

Обратимся вновь к табл. 2. В ней нет нулей. Это означает, что все избранные признаки взаимосвязаны. Два признака — *B* (синтаксическая функция в синтагме) и *Д* (устройство плана выражения) — стопроцентно предсказывают признак *С* (устройство плана содержания). Здесь интересна непосредственная зависимость плана содержания категории от ее плана выражения и синтаксической функции. Тем не менее считать признак *С* механически вытекающим из признаков *B* и *Д* и потому избыточным было бы неверно. Во-первых, следует принять во внимание, что сами признаки *B* и *Д* не тождественны друг другу. Во-вторых, хотя признаки *B* и *Д* целиком предсказывают признак *С*, но сам этот признак (устройство плана содержания) предсказывает признаки *B* и *Д* (формальное устройство категории) на 75%. Следовательно, признак *С* содержит информацию, которая другими признаками не передается, и потому должен быть оставлен в наборе, хотя ясно чувствуется его подчиненное положение.

В остальном соотношение признаков по предсказующей силе выглядит достаточно симметрично: $ПС(A/B) = ПС(B/A) = 0,5$; $ПС(A/Д) = ПС(Д/A) = 0,6$; $ПС(A/С) = 0,3$, а $ПС(С/A) = 0,25$ и т. д. Интересна и симметричность другого рода: предсказую-

щая сила признака в системе и степень предсказуемости его остальными признаками системы близки друг другу (хотя и в разной степени): для признака *A* это соотношение 1,4—1,35; для признака *B* — 2,1 — 1,08; предсказующая сила признака *C* — 1,75, степень его предсказуемости другими признаками — 2,3; для признака *D* — 2,43 — 1,95. Это также довод в пользу внутренней симметричности системы признаков.

Наибольшей предсказующей силой (2,43) обладает признак *D* (максимальная предсказующая сила признака в данной системе, при которой признак абсолютно предсказывает три других, равна трем так же, как и максимальная степень предсказуемости равна трем). Далее следуют признаки *B* (общая предсказующая сила — 2,1), признак *C* (1,75) и признак *A* (1,4). В этой иерархии интересно то, что на первом месте стоит признак, касающийся устройства плана выражения категории, далее следует еще один признак плана выражения — синтаксическая функция в синтагме, им подчинен признак устройства плана содержания, а наиболее независимым является признак, касающийся соотношения категории с частями речи. Данное соотношение отвечает принятому выше взгляду на грамматическую категорию как класс слов, имеющий формальный показатель. Наиболее предсказуемым является устройство плана содержания (степень предсказуемости — 2,3), далее следуют: синтаксическая функция в синтагме (признак *B* — 2,08), устройство плана выражения (признак *C* — 1,95) и соотнесение с системой частей речи (признак *A* — 1,35). Таким образом, признак устройства плана содержания является наиболее зависимым, признак соотнесения с частями речи — наиболее независимым, а два формальных признака — устройство плана выражения и синтаксическая функция в синтагме, охваченной суперкатегорией — можно считать двумя организующими признаками данной системы.

3. Структура плана содержания и функции словоизменительных и классифицирующих категорий в языке

Выше было показано, что классифицирующие категории суть преимущественно лексические, а словоизменительные могут быть и теми и другими. Противоположение двух типов категорий углубляется, если обратиться к другим признакам для выявления структуры плана содержания.

1. Характер соотношения между лексическим значением основы и грамматическим значением категории, принадлежащей слову.

В качестве основной классифицирующей категории будет рассматриваться грамматический род. Пусть имеется слово *женщина*. В нем содержится два семантических множителя: лицо+

принадлежность к женскому полу. Значение грамматического женского рода формируется на основе входящего в лексическое значение слова семантического множителя «принадлежность к женскому полу». В названиях неодушевленных предметов род, как известно, указывает в обычном употреблении только на тип согласования, лишь при персонификации происходит насыщение объекта признаками пола и в значении имени появляется соответствующий семантический множитель. В первом случае отсутствию семантического множителя в основе соответствует его отсутствие и в значении грамматической категории, во втором, т. е. при олицетворении, возникающий семантический множитель в значении категории опять-таки будет совпадать с появившимся с этим множителем лексическим компонентом основы. Поэтому справедливо следующее утверждение.

(10). Значение классифицирующей категории включается в качестве компонента в лексическое значение основы и не несет поэтому по отношению к ней новой семантической информации.

Тот принцип, на котором построено соотношение между значением категории и значением основы, естественно, исходя из сказанного, назвать принципом инклюзивности³⁴.

Как пример словоизменяющей категории можно взять падеж. Значение словоформы *женщин-е* (дательный падеж единственного числа) разлагается на семантические множители: (лицо + принадлежность к женскому роду) + (направленность, необъемность, периферийность). Здесь существенно то, что значение грамматической категории не связано с семантическими множителями, представленными в основе. Это — информация о новом признаке, который может быть совместим или несовместим со значением основы, но никоим образом не перекрещивается с этим значением. Если обратиться к таким категориям, как число, степени срав-

³⁴ Принцип инклюзивности позволяет следующим образом объяснить отличие от грамматического рода систем квалификаторов, представленных в ряде малайско-полинезийских языков. Относительно квалификаторов или нумеративов Л. Ельмслев писал, что можно провести семантическую аналогию с родом, но грамматическая аналогия никак не устанавливается (L. Hjelmslev. *Animé et inanimé, personel et nonpersonel*. «Travaux de l'Institut de Linguistique», vol. I. Paris, 1956). По отношению к грамматическому роду мы разлагаем основу на семантические множители и находим в ней значение, совпадающее со значением рода. Это — аналитическая операция, производимая над языком. А в языках с нумеративами такое разложение происходит в самом языке, т. е. входит в структуру. Действительно, нумератив в сочетании с разными корнями дает каждый раз новое понятие, соотносимое с новым денотатом. Таким образом, в самом языке основа (или слово) записывается как набор семантических множителей. Одновременно здесь происходит сгущение, потому что один и тот же элемент демонстрирует и возможное значение слова, и его формальный класс. Таким образом, здесь принцип инклюзивности сохраняет свою силу, и в этом отношении нумеративы или квалификаторы сходны с грамматическим родом, хотя достигается этот принцип способом совершенно отличным, а именно отождествлением двух множителей в одном и том же формальном элементе.

нения, время, залог, лицо, можно увидеть, что в них представлено то же соотношение между значением категории и значением основы, что и в падеже. Одновременно эти категории объединены по другому признаку — они являются словоизменительными. По отношению к ним, очевидно, справедливо выдвигание следующего постулата.

(11). Значение словоизменительной категории не перекрещивается с лексическим значением основы и несет по отношению к ней новую информацию. Этот принцип связи значения категории со значением основы естественно назвать принципом эксклюзивности.

2. Способ представления действительности в классифицирующих и словоизменительных категориях.

а. Постоянный — переменный характер передаваемого признака.

Для категории рода характерна передача постоянных признаков объектов, обозначаемых именем. Действительно, по таким признакам, как личность, одушевленность, соотносительность с одним из полов, предметы и явления окружающего мира могут получать одну, и только одну, характеристику. Напротив, для словоизменительных категорий характерна передача переменных признаков (ср. для падежей: периферийность — непериферийность, направленность — ненаправленность и т. д.), по которым объект или действие могут получать более чем одну характеристику. Лексический компонент словоизменительной категории, относясь к служебной морфеме, может быть и добавлен к лексическому значению основы и отнят у нее, т. е. значение основы может быть изменено. Лексический компонент классифицирующей категории, будучи вработан в лексическое значение основы, не может быть ни исключен, ни добавлен. В плане выражения постоянство передаваемого признака связано с отношением к лексеме, а переменный характер — с отнесением к словоформе.

б. «Реальность» — «конструктность» передаваемого признака

Для семантических родовых оппозиций характерно совпадение между тем, что представляется и как это представляется в языке (т. е. совпадение между объектом и способом представления того же объекта в языке). Действительно, семантические родовые признаки равны соответствующим понятиям. Поэтому при построении семантической модели рода можно идти «от категорий к языковым формам» или «от форм к мысли»³⁵, и в обоих случаях модель рода будет построена. Семантические признаки словоизменительной категории также могут быть реальными, например, у категорий

³⁵ Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.

времени, вида, лица. По-иному обстоит дело со значением, например, категории падежа, где отчетливо ощущается действие языковой категоризации и где для построения семантической модели возможен только один путь — «от форм к мысли», т. е. от формы содержания к материалу содержания. Такие значения «конструктны» (см. выше, пункт С).

в. Тип добавочного значения в классифицирующих и словоизменительных категориях

Для словоизменительных категорий характерно, что в контексте их общее значение может существенно изменяться. Эта предпосылка лежит в основе разделения Р. Якобсоном для русских падежей общих, частных и специфических значений³⁶.

Существенным является тот факт, что добавочные элементы к лексическому компоненту возникают в данном случае под влиянием языкового контекста. Здесь действует значение глагола, значение предлога (ср. примеры, приводимые Р. Якобсоном на родительный приближения—удаления: *бегай блуда — желай блуда, от зари — до, зари*).

В категориях вида, залога, времени и других словоизменительных категориях наблюдается подобная вещь: все они активны к восприятию добавочных значений, и эти значения создаются в них контекстом.

Общее значение словоизменительных категорий редко используется в тексте без добавочных компонентов; в нем перемежаются различные специфические значения, возникающие под воздействием языкового окружения. Здесь действует установка не на систему, а на текст, и имея в виду источник, мы можем назвать добавочные значения словоизменительных категорий «синтагматическими».

Если обратиться к классифицирующей категории рода, можно увидеть черты, прямо противоположные: общее значение редко дополняется добавочными значениями, для текста характерно сохранение одного и того же родового значения, на которое языковой контекст не влияет. Это добавочное, или специфическое значение имеет совсем другой источник. Чтобы этот источник выявить, полезно вспомнить ту теорию происхождения и функционирования рода, которая в свое время была предложена Гриммом³⁷. Допустимая современная интерпретация одной из основных идей Гримма состоит в том, что каждому из родов можно приписать дифференциальные семантические признаки, углубляющие и расширяющие значение родовой оппозиции — принадлежность к мужскому и женскому полу. Мужской род, по Гримму, представляет «das frü-

³⁶ R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», 1936, № 6.

³⁷ J. Grimm. Deutsche Grammatik, Bd. III. Göttingen, 1831; M. H. Jelinek. Zur Geschichte einiger grammatischer Theorien und Begriffe. «Indogermanische Forschungen», Bd. 19, Heft 3—5, стр. 357.

here, größere, festere, sprödere, raschere, das thätige, bewegliche, zeugende» («более раннее, большее, более плотное, жесткое, быстрое», а также «деятельное, подвижное, производящее»), женский род — «das spätere, kleinere, weichere, stillere, das leidende, («более позднее, меньшее, более мягкое, тихое», а также «пассивное, воспринимающее»). Особые признаки Grimm приписывал и среднему роду («das leblose, das erzeugte, gewirkte, generelle, unentwickelte» («неодушевленное, произведенное, общее, неразвитое, вещественное»). Эти значения в роде являются потенциальными, они обнаруживаются лишь при определенных условиях, при которых «мысли дана возможность на нем (т. е. роде. — *O. P.*) сосредоточиться, т. е. по произведениям поэтическим»³⁸. Итак, добавочные значения в категории рода возникают не из языкового контекста, а из соотношения языкового значения с материалом содержания. Механизм их возникновения таков: категория рода связана с признаком, одновременно фиксирующим определенные классы объектов неязыковой действительности. Например, признак принадлежности к мужскому полу указывает на класс мужчин и животных-самцов. Этому классу объектов можно в неязыковой действительности поставить в соответствие и другие признаки, кроме того, который этот класс организует. В частности, классам объектов — существа мужского пола, существа женского пола — можно приписать признаки, предложенные Гриммом. За счет таких признаков и происходит расширение значения членов семантической родовой оппозиции. И условия актуализации подобных добавочных значений связаны не с текстом, а с установкой на определенное восприятие действительности, т. е. эти значения являются «парадигматическими».

В связи с принципом инклюзивности — эксклюзивности различное происхождение добавочных значений у двух типов категорий можно было бы интерпретировать следующим образом. В классифицирующей категории, какой является род, значение категории равно одному из семантических множителей основы. Поскольку этот множитель входит в наименование объекта, т. е. в некую замкнутую систему, он не является свободным и не способен, очевидно, к самостоятельному взаимодействию со значением других языковых единиц. Напротив, он способен к расширению значения за счет привлечения добавочных черт того объекта неязыковой действительности, который он отражает, поскольку всегда есть возможность «сверки» лексического значения категории рода с семантическим множителем основы, а это дает возможность отсечь добавочное «парадигматическое» значение и восстановить общее значение данного рода. В словоизменительной категории возможность такой «сверки» отсутствует, поскольку значение категории не повторено аналогичным семантическим множителем в основе. Следовательно, всякое расширение значения за счет

³⁸ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968.

парадигматических признаков должно приводить к возникновению нового общего значения. Но тогда общее значение делается неопределенным и изменчивым уже в синхронном плане, а это противоречит принципам действия и назначению грамматических категорий. Кроме того, надо иметь в виду «конструктивный» характер значения преимущественно синтаксических категорий, предполагающий большую роль языковой категоризации и не допускающий легкого расширения этих значений за счет «реальных признаков» неязыковой действительности.

Но те же самые факторы благоприятствуют развитию — для словоизменительных категорий — добавочных «синтагматических» значений. Их приобретение возможно, поскольку они функционируют на фоне других сочетаний общего и добавочного значений, а также на фоне функционирования форм с чистым общим значением. Более того, появление таких «синтагматических» значений иногда необходимо, поскольку общее значение словоизменительных категорий (особенно преимущественно синтаксических) задается на очень абстрактном уровне, и их уточнение как раз и производят, исходя из конкретной ситуации, задаваемой языковым контекстом.

Возникает вопрос о том, как связываются различия в устройстве плана содержания словоизменительных и классифицирующих категорий с их функциями в языке.

Две черты, которые по существу являются укрупнением других различий, привлекают особое внимание. Классифицирующая категория, являясь инклюзивной, не несет какой-либо новой информации по отношению к лексеме, которой она принадлежит, и одновременно ее значение остается постоянным на протяжении текста. Словоизменительная категория, построенная на принципе эксклюзивности, передает новую информацию по отношению к основе, и ее значение меняется в связи с семантической дистрибуцией словоформы.

Эти черты следует поставить в соответствие с некоторыми общими правилами построения текста.

Хорошо известно, какую роль играет в построении текста субституция отдельных его элементов за счет местоимений. В последовательности фраз одно и то же имя чаще всего не повторяется, оно заменяется местоимением (*Мальчик стоял у окна. Он думал о своей болезни*). При субституировании возникает задача отождествления упомянутого объекта, в языковом плане — отождествления имени с его субститутом. Понятно, что показателем отождествления не может служить, например, категория падежа, поскольку падеж имени меняется от предложения к предложению (*Мальчик стоял у окна. У него на глазу вскочил ячмень*). Вообще к подобному показателю следует, по-видимому, предъявить два требования: он должен указывать на постоянный признак и не зависеть от структуры фразы. Этим условиям удовлетворяет такая классифицирующая категория, как род. И в действительности идентификация имени

и его субститутов в потоке речи всегда производится по категории рода, если эта категория имеется в данной языковой системе³⁹. Таким образом, основная функция категории рода — это функция идентификации, функция отождествления. И в соотношении с этой функцией получают объяснение все другие ее свойства. Здесь отсутствие новой информации уравнивается исключительной важностью той нагрузки, которую несет категория рода, цементируя текст и давая возможность построить его наиболее экономичным образом. В этом ракурсе получает объяснение и тот факт, что грамматическая правильность фразы несовместима с нарушением родового согласования. Несущественность этого нарушения для одной конкретной фразы отступает перед неизбежным разрушением дальнейшего текста в случае неправильной родовой характеристики имени. Сходным в этом отношении с категорией рода является класс управления в глаголе, который также является постоянной характеристикой. Управление цементирует правильно построенное предложение, и не случайно нарушение управления, особенно сильного управления, также делает фразу неотмеченной. Роль «внутреннего каркаса», которую играют такие категории, как род имени, управление глагола, отчетливо вскрывается в поэтическом языке, где нарушения согласования и управления встречаются редко, даже в экспериментальной поэзии⁴⁰.

Касааясь идентифицирующей функции категории рода, отметим также, что в тех случаях, когда в тексте происходит идентификация по числу, эта категория начинает вести себя как словообразовательная по значению, т. е. значение числа начинает рассматриваться как постоянный признак, и изменение по числу не допускается.

В связи со сказанным обращает на себя внимание и тот факт, что в тех языках, где категория рода утрачивается, она обычно сохраняется в местоимениях. Примером может служить английский язык, в котором различаются местоимения мужского (*he—он*), женского (*she—она*) и среднего (*it—оно*) родов. Л. Ельмслев, указывая на недостаточное внимание к роду местоимений, также отмечает, что местоимения различаются по родам и в тех языковых системах, где род как согласовательная синтаксическая категория отсутствует⁴¹.

Функция словоизменятельных категорий оказывается совершенно иной. Это — реакция на изменяющуюся ситуацию, подача

³⁹ Очевидно, что род имени не всегда приводит к однозначной идентификации. Например, если в предложении представлены два существительных одного рода и в следующем предложении они оба заменяются на местоимения, род не дает идентификации. Здесь вступают в действие другие факторы (в частности, категория числа). Важно то, что род является основной идентифицирующей категорией.

⁴⁰ И. И. Ревзин. Грамматическая правильность, поэтическая речь и проблема управления. «Труды по знаковым системам». Тарту, 1971, № 5.

⁴¹ L. N. J e l m s l e v. Указ. соч.

информации об этих изменениях. Выполнение данной функции предполагает такие черты, как возможность добавить новое значение, способность к уточнению значения в зависимости от окружения. Эти черты присутствуют в словоизменительных категориях. Большому количеству новой информации, поступающей со стороны изменяющейся ситуации, можно поставить в соответствие большее число словоизменительных категорий по сравнению с классифицирующими во всякой языковой системе.

4. Классифицирующая категория рода и принцип партиципации

На примере категории рода мы хотели бы показать, что не только общие, но и более частные принципы ее устройства непосредственно связаны с выполнением ею идентифицирующей функции.

Родовые системы, представленные в разных индоевропейских языках, не совпадают по числу родов и по характеру приписываемых им значений. Минимальное число родов равно двум, как это и вытекает логически из самого понятия языковой оппозиции⁴². Система из двух родов представлена в хеттском языке (средний и одушевленный), в скандинавских языках («общий» и средний), в романских (мужской и женский роды). Три рода (мужской, женский, средний) формируют родовую систему, представленную в греческом, латинском, немецком языках. В славянских языках индоевропейское разделение по трем родам дополнилось противопоставлением по одушевленности — неодушевленности или личности — неличности, произошло внутреннее членение старых родов, и число родов соответственно увеличилось⁴³.

В основе названных родовых систем лежат три семантических противопоставления: 1) одушевленность — неодушевленность; 2) принадлежность к мужскому — женскому полу; 3) личность — неличность.

Выше указывалось, что значение категории рода «реально». Это означает, что в плане ее содержания имеются признаки, которые производят определенную классификацию объектов и в неязыковой действительности. Но «реальность» значения не означает отсутствия языковой категоризации. Неязыковая классификация объектов и языковая родовая классификация имен не совпадают целиком, хотя признаки используются одни и те же.

Все множество имен можно разложить на следующие классы: A_1 — названия лиц мужского пола, A_2 — названия лиц женского пола, B_1 — названия животных-самцов, B_2 — названия животных-самок, C — названия вещей.

Эти группы имен могут по-разному сочетаться между собой, причем интересно то, что отдельные их сочетания также дают се-

⁴² М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967, стр. 16.

⁴³ L. H j e l m s l e v. Указ. соч.

мантически единые группы. Так, объединение классов $A_1 + A_2 + B_1 + B_2$ дает новый класс D — названий одушевленных существ. Подобным образом классы A_1 и A_2 дают класс названий лиц, а объединение классов B_1 и B_2 дает названия животных. Родовые оппозиции построены на различной сочетаемости указанных исходных групп имен, они отражают ту противопоставленность, которая возникает между этими классами в результате их укрупнения.

Рассмотрим вначале тот объем членов родовых оппозиций, который должен быть поставлен им в соответствие, исходя из реальной классификации объектов в неязыковой действительности (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Родовая оппозиция	Объем членов оппозиции
Одушевленность — неодушевленность	$A_1 + A_2 + B_1 + B_2 : C$
Принадлежность к мужскому — женскому полу — несоотнесенность с полом	$A_1 + B_1 : A_2 + B_2 : C$
Личность — неличность	$A_1 + A_2 : B_1 + B_2 + C$

Действительное разделение имен по родовым признакам в языковых системах отличается от логического. Наибольший интерес в этом плане представляет признак соотнесенности с полом, являющийся основным противопоставлением категории рода. В трехродовой системе (на фрагменте «именная группа» представлена в славянских языках) имеется следующее разбиение по родам: мужской ($A_1 + B_1 + C$) : женский ($A_2 + B_2 + C$) : средний (C). В двухродовых системах, в основе которых лежит признак соотнесенности с полом (ср. романские языки), объем членов родовой оппозиции таков: мужской ($A_1 + B_1 + C$) : женский ($A_2 + B_2 + C$).

Языковая классификация совпадает с реальной в той части, которая касается названий одушевленных существ. В обоих случаях имена, обозначающие существа мужского пола, относятся к мужскому роду, а имена, обозначающие существа женского пола, — к женскому грамматическому роду. Несовпадения касаются класса C — названий неодушевленных предметов. Если в реальной классификации они образуют отдельный класс, то в языковой системе неодушевленные имена подключаются в те два рода, семантическая характеристика которых предполагает иное значение признака одушевленности, а именно приложимость признака пола определяется тем, что речь идет о названиях существ. Кроме того, неодушевленные имена могут образовывать собственный род — средний, но это необязательно.

Противопоставленность родов в трехродовой системе выглядит следующим образом. Имеется довольно строгая противопоставленность среднего рода мужскому и женскому: в средний род входят исключительно или в основном имена из группы C , т. е. названия вещей и имена действия и состояния (хотя и здесь возможно семантическое перекрещивание, например в русском языке *лицо*, *животное*, *насекомое* относятся к одушевленному среднему роду, а в белорусском языке названия молодых животных входят в средний род).

Мужской и женский роды противопоставлены друг другу лишь частично. Наряду с областью противопоставления (A_1+B_1 : A_2+B_2), у них выделяется общий член C — названия вещей, которые могут входить как в мужской, так и в женский род. Таково же отношение мужского и женского родов в двухродовых системах.

Способ, которым противопоставляются друг другу имена разных родов, был тонко проанализирован Л. Ельмслевом⁴⁴. Л. Ельмслев увидел в противоположении родов особый, сформулированный им принцип построения грамматических оппозиций, который он назвал партиципативным. Суть принципа партиципации, как можно убедиться в случае с родом, состоит в том, что два члена оппозиции противопоставлены лишь частично, в неполном объеме, и оба они имеют между собой нечто общее. «Партиципативность лингвистических оппозиций состоит в том, что сам термин a входит в состав противопоставленного ему члена оппозиции, т. е. $a/a + \text{не-}a$ »⁴⁵.

Мысль о несводимости языковых оппозиций к логическим, о наличии в языковых оппозициях больших степеней свободы была высказана впервые Р. Якобсоном, который, рассматривая значение двух коррелирующих категорий, указывал: «... в случае если категория I объявляет о существовании a , категория II ничего не сообщает о присутствии a , то есть она не говорит, присутствует a или нет. Общее значение категории II в сравнении с категорией I ограничивается отсутствием сигнализации a »⁴⁶.

Здесь уже названы два признака: соотношение членов оппозиции по объему и вытекающая отсюда характеристика по маркированности, которые входят важнейшими составными частями в понятие партиципации. Для глоссематической теории характерны, во-первых, детальная разработка типов партиципативных оппозиций (простые, контрарные, контрадикторные) и, во-вторых, что особенно важно, провозглашение принципа партиципации основным в построении языковых оппозиций. По Л. Ельмслеvu, это связано с наличием в языке своей «логики» — сублогической системы, противопоставленной логическому закону исключенного третьего.

⁴⁴ Л. Hjelmslev. Указ. соч.

⁴⁵ Ю. К. Лекомцев. Глоссематическая теория лингвистических оппозиций и теория различения в семантике и дескриптивной семиотике. «Труды по знаковым системам», т. 4. Тарту, 1969.

⁴⁶ R. Jakobson. Указ. соч.

Современная интерпретация этого положения была дана Ю. Лecomцевым. Прежде всего, не следует говорить о сублогике естественного языка. «... термин „сублогический“ может вызвать ассоциации, предполагающие механизм, который был бы более примитивен, чем логический механизм, но вполне ему аналогичен»⁴⁷.

На самом деле это не так. Логика представляет лишь один из подходов к изучению языка, но вовсе не тождественна ему. «Сам по себе язык нейтрален по отношению к логикам любого рода — ведь он используется не только как инструмент мышления, но и как средство иррационального самовыражения и как средство иррационального психического давления и т. д.»⁴⁸ По мнению Ю. К. Лecomцева, принцип партиципации следует связывать не с сублогической системой, а со структурой естественного языка.

Как же связано со структурой языковой системы действие принципа партиципации в категории рода? Отметим прежде всего, что благодаря действию данного принципа в каждом из членов родовой оппозиции, указывающей на принадлежность к мужскому или женскому полу, можно выделить семантическое ядро — названия одушевленных имен мужского и женского пола, в которых семантический множитель, свойственный члену родовой оппозиции, представлен и в лексическом значении имени, и неядерную область, в которой категория рода является в обычном употреблении семантически пустой. Между семантическим ядром и неядерной родовой областью устанавливается отношение семантической иррадиации, обеспечивающее потенциальное насыщение лексическим значением названий неодушевленных имен, которое может стать явным при определенных условиях (персонификация).

Распределение названий неодушевленных имен по родам семантически произвольно. Эта семантическая произвольность воспринимается обычно как нечто неестественное для языка и в связи с этим в плане развития — как неоптимальный результат некоей трансформации. «... на основе современного мышления нельзя уяснить, почему слова: *потолок, сор, мор, сыр, жир, гроб, город, год* и т. д. — мужского рода; *стена, весна, плесень, плешь* — женского рода, а *поле, море, солнце, время, небо, лето* — среднего рода. Самые мотивы родовой дифференциации одного вещного круга (например, *море, озеро, река, ручей, звезда, луна, месяц*) представляются, с точки зрения современного языка, непонятными. Так же неясно, почему *живот* — мужского рода, а *пузо* или *брюхо* — среднего. Никто из говорящих не осознает причины, почему из деревьев *вяз, клен, ясень, дуб* — мужского рода, а *липа, осина, береза, сосна, ива, ветла, черемуха* и др. — женского»⁴⁹. О том же пишет О. Есперсен: «... почему классификация распространяется на все слова, даже и на такие, у которых невозможно

⁴⁷ Ю. К. Лecomцев. Указ. соч.

⁴⁸ Там же, стр. 448.

⁴⁹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 17—18.

увидеть никакой связи с естественным полом? . . . Поистине совершенно невозможно найти в этом хаосе один определяющий принцип»⁵⁰. А. Мейе определяет категорию рода как «одну из наименее логичных и наиболее непредвиденных (непредсказуемых)»⁵¹.

Говоря о семантической произвольности, следует различать парадигматическую ее заданность в системе и реализацию в синтагматике. В тексте возможны два случая: 1) отсутствию семантического множителя в категории соответствует отсутствие данного множителя в основе. В этом случае категория рода выступает как чисто «грамматикализованная», указывающая на синтаксические связи между словами, и факт семантической произвольности отнесения конкретного имени к мужскому или женскому роду по существу не проявляется. Это наиболее обычный способ функционирования категории рода; 2) в некоторых случаях — при персонификации — происходит насыщение категории рода у названий неодушевленных объектов лексическим элементом. Но в этом случае тот же семантический множитель возникает и в основе, отражая, таким образом, факт олицетворения и приобретения признака пола. Следовательно, и в этом случае семантическая произвольность себя не проявляет. Иначе говоря, семантическая произвольность в отнесении названий неодушевленных объектов не находит выражения, т. е. никакой дезинформации, могущей помешать правильному восприятию содержания текста, не вносится. Семантическая произвольность, непосредственно связанная с принципом партиципации, представляет, таким образом, заданный в парадигматике системный принцип, настроенный, на наш взгляд, на те функции, которые предписываются категории рода.

Следует различать два случая: 1) категория рода внутри отдельного предложения; 2) категория рода по отношению к следующим друг за другом предложениям. Внутри отдельно взятого предложения категория рода служит для выражения синтаксической связи между управляющим и управляемым словом. В тех языках, где действует признак соотнесенности с полом, род проявляет себя в большинстве случаев в двух типах синтагм: 1) именная группа «определяющее плюс определяемое» 2) предикативная группа «субъект плюс предикат». В обоих случаях представлена определительная связь (хотя, конечно, содержание этой связи не целиком одинаково для двух типов синтагм). Но важно, что в структуре предложения определительная связь является как бы вторичной, она не связана с уточнением позиций субъекта и объекта. Отношения определяющего и определяемого выглядят совершенно идентичными для названий и одушевленных, и неодушевленных объек-

⁵⁰ О. Есперсен. Указ. соч., стр. 266

⁵¹ A. Meillet. Le genre grammatical et l'élimination de la flexion. — В кн.: A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1926.

тов. Поэтому факт партиципации не препятствует выполнению категорий рода тех функций, которые приписываются ей внутри предложения.

Если по отношению к «внутренней» функции категории рода принцип партиципации выступает как не препятствующий, то по отношению к ее внешней функции — идентифицирующей — он выступает стимулирующим фактором. В самом деле, разнесение названий неодушевленных объектов по трем родам создает обширные дополнительные возможности для их различения в последовательности предложений.

Действительно, пусть имеется множество названий неодушевленных имен *С*. Очевидно, что есть два способа отсылки к одному из членов этого множества: 1) каждый раз, когда возникает необходимость, называть самое это имя (*Дом стоял у дороги. На дом повесили плакаты. В доме было много детей* и т. д.); 2) воспользоваться субститутом. При этом число различительных возможностей множеств данных имен возрастает с увеличением числа субститутов (хотя дробность не должна быть очень большой, чтобы не спускаться на лексический уровень). Признак соотнесенности с полом вводит в родовую систему два или три (в трехродовых системах) субститута для названий неодушевленных имен. Это снижает текстовую омонимию и способствует восприятию того смысла, который заложен в каждом конкретном предложении. Семантическая произвольность позволяет достичь более или менее равномерного распределения существительных по родам, т. е. относительной равноценности членов родовой оппозиции по объему. Действительно, сосредоточение всех неодушевленных существительных привело бы, очевидно, к тому, что средний род превышал бы по объему мужской и женский и это ослабляло бы позиции двух других родов, т. е. нарушало бы внутреннее равновесие категории. Реально же исследование категории рода в романских языках показывает достаточную равномерность распределения имен между мужским и женским родом в испанском, итальянском и других языках этой группы⁵². Сходные результаты, говорящие об относительной равномерности классов слов, принадлежащих разным родам в русском языке, были ранее получены И. П. Мучником⁵³.

Признаки одушевленности — неодушевленности и личности — неличности могут в отношении принципа партиципации дублировать признак соотнесенности с полом. Так, в шведском языке выделяется два рода: общий (одушевленный) и средний. Различия по роду выражаются через согласование с артиклем и прилагательным в атрибутивной и предикативной синтагмах (в предикативной синтагме — когда при подлежащем имеется именное составное ска-

⁵² В. Ф. Новодранова. Указ. соч.

⁵³ И. П. Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

зубое). Распределение имен между общим и средним родом подчиняется следующим правилам. К общему (одушевленному) роду относятся: 1) существительные, обозначающие лицо; 2) названия большинства животных; 3) названия времен года, месяцев, дней недели; 4) существительные с суффиксами — *-skap*, *-nar*, *-nad*, *-ska*, *-dom*, *-ing*, *-ling*, *-ning*, *-are*, *-het*, *-else*, *-inna* и т. д. В средний род попадают существительные, обозначающие названия вещей, действия и состояний (класс *C*), с суффиксами *-skap*, *-eri*, *-um*, *-eum*⁵⁴.

Оппозиция общего и среднего родов выглядит в данном случае следующим образом: $A_1 + A_2 + B_1 + B_2 + C$ (одушевленный) : C (неодушевленный). Итак, все названия одушевленных существ входят в одушевленный род, а названия неодушевленных распределяются между средним и общим родами. Имеет место оппозиция типа $a \div a$. Это частный случай партициптивной оппозиции, только партициптивность здесь представлена в меньшем объеме, поскольку лишь один член оппозиции — немаркированный общий род не сигнализирует о характеристике существительного по признаку одушевленности, в то время как маркированный средний род постоянно сигнализирует о неодушевленности имени. В данном случае признак одушевленности — неодушевленности действует так же, как и признак соотнесенности с полом. В скандинавских языках, несмотря на то, что внутри предложения функционирует система из двух родов — одушевленного и личного, в личных местоимениях имеется разделение, включающее признак соотнесенности с полом. В датском и шведском различаются в 3 л. ед. ч. 4 местоимения, ср. в датском *han* (он) — для мужского пола, *hun* (она) — для женского, *det* (он, она, оно) — для ср. р.⁵⁵, *den* (он, она, оно) — для общего рода. Идентифицирующая функция присваивается набору местоимений, одно из них соотносится со средним родом, а три других — с одушевленным родом. Так, число элементов, используемых для идентификации, увеличивается. Нагрузка на местоимения здесь, правда, возлагается иная, чем в трехродовых и двухродовых системах, построенных на признаке соотнесенности с полом. Местоимения *han* и *hun* в датском языке идентифицируют только названия лиц в отличие от соответствующих местоимений в романских, славянских и других языках, в которых каждое из этих местоимений связано еще и с классом вещей. Непосредственно на класс *C* направлены два местоимения — *den* и *det*, причем здесь интересно проведение различия между названиями неодушевленных объектов, входящих в общий род (и, следовательно, испытывающих влияние семантического ядра этого рода — названий одушевленных объектов), и таких имен из класса *C*, которые входят в сред-

⁵⁴ Н. Е. Погодина. Практический курс шведского языка. М., 1961, стр. 115—116.

⁵⁵ И. Г. Васильева. Датский язык. М., 1962.

ний род и не взаимодействуют с одушевленными именами. Чаще, однако, признак одушевленности — неодушевленности (и личности — неличности) действует отлично от признака соотнесенности с полом. Признак одушевленности — неодушевленности связан с синтаксической структурой предложения и чаще всего проявляется в позиции прямого объекта⁵⁶. Связь действия с объектом предстает в языке содержательно не равноценной у одушевленных и неодушевленных объектов. «... вместо представления всякого объекта, стоящего в винительном, безусловно страдательным (как и в лат. *Deus creavit mundum, pater amat filium*), возникло две степени страдательности, смотря по неодушевленности или одушевленности объекта: *Бог создал свет, отец любит сына*», — пишет А. А. Потемня⁵⁷. Партиципация по одушевленности — неодушевленности, если она имеет место, характеризуется следующими особенностями: 1) носит незначительный характер и касается обычно семантически компактных групп имен; 2) вместе с приобретением значения противоположного члена оппозиции меняются и грамматические свойства имени; 3) чаще имеет место рассмотрение неодушевленных объектов как одушевленных, чем наоборот. Приписывание имени свойств противоположного члена родовой оппозиции может быть связано с выражением субъектной оценки. Все эти черты можно наблюдать в выражении категории одушевленности в славянских языках. «Область одушевленного рода меняется от одного славянского языка к другому, но во всех случаях он включает некоторое число названий неодушевленных объектов. Чаще всего это названия грибов (ср. русск. *боровика, рыжика*), игральные карты (русск. *валета, козыря, туза*), деревьев (словацк. *bička, duba, javoru*), танцев (русск. *трепака*, польск. *poloneza*), болезней (чешск. *vředa*, польск. *raka*) и напитков (польск. *szampana, burgunda*). Одушевленный род наиболее узко определен в литературном сербскохорватском языке, где он включает небольшое число названий неодушевленных объектов (например, названия шахматных фигур, таких, как *tòra, kralja, konja*), в то время как в украинском языке этот род более открытый. Граница между одушевленным и неодушевленным родами в славянских языках гораздо более мобильна, чем между „естественными“ родами. Многие существительные неодушевленные могут тем не менее (метафорически или идиоматически) трактоваться как одушевленные (ср. польск. идиоматические обороты *utrzeć nosa, zadržec ogona, zgryźć orzecha*);

⁵⁶ Признак соотнесенности с полом в итальянском и французском языках также проявляет себя в объектной синтагме, где происходит согласование по роду и числу между причастием сложной глагольной формы и объектом, например в итальянском *lo li ho visti* «Я их видел» (Т. Б. Алисова. Т. З. Черданцева. Итальянский язык. М., 1962). Однако и по происхождению и с точки зрения правил согласования мы имеем здесь атрибутивную синтагму.

⁵⁷ А. А. Потемня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 40.

такие вариации редки у других родов»⁵⁸. На тот же факт указывает Л. Ельмслев «... „одушевленным” и „личным” считается все, что в действительности является им, а также все то, что может при определенных условиях считаться „одушевленным” или „личным”»⁵⁹. При этом такой «заступ»⁶⁰ делается, скорее, неодушевленными, чем одушевленными именами. Неодушевленные имена чаще включаются в разряд одушевленных, чем наоборот, например в русском языке. «Современный литературный язык решительно склоняется в сторону сохранения за словом с основным значением одушевленности, независимо от его переносного употребления, первоначальных морфологических особенностей»⁶¹. В. В. Виноградов добавляет: «Напротив, слова с основным значением неодушевленности, примененные к конкретным лицам или живым существам, транспонируются в переносном употреблении в категорию одушевленности»⁶².

Отличие признака одушевленности (личности) от признака соотнесенности с полом проявляет себя и в представленности в местоимениях. Повсеместным является распространение признака одушевленности — неодушевленности в вопросительных местоимениях. Вопросительные местоимения используются для субституции внутри предложения, т. е. здесь опять проявляется значимость признака одушевленности — неодушевленности для синтаксической структуры предложения, для различения активного и пассивного субъекта и объекта. Что касается различения одушевленности — неодушевленности в личных местоимениях 3 л. ед. ч. или в соответствующих указательных местоимениях, используемых для субституции, то оно также имеет место в ряде языков (в частности, в американских индейских). Но гораздо чаще в этой форме представлено различие по родам, наряду с отдельным местоимением для названий неодушевленных объектов⁶³. Исполнению идентифицирующей функции признаком одушевленности — неодушевленности мешают его высокая синтаксическая нагрузка внутри предложения и тот факт, что признак одушевленности, сам по себе постоянный в назывании, оказывается связанным с такими переменными синтаксическими единицами, как субъект и объект.

Заканчивая рассмотрение вопроса о связи значения, формы и функции в устройстве категории грамматического рода, мы хотели бы подчеркнуть, что наличие данной избирательной связи вовсе не означает невозможности выражения семантических родо-

⁵⁸ E. S t a n k i e w i c z. The grammatical genders in the Slavic languages. «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics,» 1968, № 11.

⁵⁹ L. H j e l m s l e v. Указ. соч.

⁶⁰ О явлении «инклюзии», в каком-то отношении сходном с описываемым, с приведением большого количества примеров см.: Е. К у р и л о в и ч. Опыт экстраполяции одного языкового закона. — ВЯ., 1971, № 3.

⁶¹ Л. А. Б у л а х о в с к и й. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, стр. 165.

⁶² В. В. В и н о г р а д о в. Указ. соч., стр. 42.

⁶³ К. Е. М а й т и н с к а я. Местоимения в языках разных систем. М., 1969.

вых оппозиций другими способами. Пользуясь идеей С. Карцевского об асимметричном дуализме языкового знака⁶⁴, можно выделить системы, адекватные категории рода, родственные ей семантически или формально. В первую группу войдут именные классификации африканских языков (группа банту), кавказских, некоторых американских индейских языков. Несмотря на ряд существенных отличий, между именными классификациями и категориями рода устанавливается принципиальная близость (они относятся к классифицирующим категориям, имеют сходные функции). Сюда же должны, очевидно, войти и классификаторы языков Юго-Восточной Азии (ср. вьетнамский, индонезийский языки). Семантически родственными категории рода являются случаи, когда родовые оппозиции выражаются лексически, а также на словообразовательном уровне: супплетивизм, присоединение специальных слов со значением «мужчина», «женщина» (например, в яванском, баоаньском, персидском языках) или местоимений (ср. английский язык), внутреннее чередование, специальные словообразовательные аффиксы и т. д. Возможны и грамматические средства для выражения родовых оппозиций: наличие особых парадигм (ср. «слабое» склонение в немецком языке), разный инвентарь падежей у одушевленных и неодушевленных имен, разное образование единственного и множественного чисел, различная сочетаемость с глаголами бытия и т. д. Однако в таких случаях говорить о категории рода не приходится, так как представлен или только контекстный, или только элементный способ выражения, т. е. формальный аппарат, и функции подобных систем совершенно иные. Укажем, наконец, что формально родственным категории рода (но не семантически) можно считать разделение по частям речи, так что для большого ряда языков прослеживается последовательное действие классифицирующего принципа в разбиении словаря на лексико-грамматические разряды слов⁶⁵.

⁶⁴ С. Карцевский. Об асимметричном дуализме лингвистического знака. В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М., 1965.

⁶⁵ Классификация грамматических категорий, предлагаемая в данной статье, носит таксономический характер и в этом смысле следует тому подходу, который развивался Б. Уорфом в статье «Грамматические категории» (см. сноску 29). Многие из поставленных в статье вопросов с отличных позиций обсуждаются в книге М. А. Габинского «Очерки по основаниям грамматики» (Кишинев, 1972). Наряду с таксономическим необходимо и чисто типологическое изучение грамматических категорий, которое позволило бы свести воедино все многообразные способы их реализации. Подобная задача требует применения уже других методов описания и исследования. Очевидно, эффективным при типологическом подходе является метод типологического анкетирования. В частности, автором были составлены две типологические анкеты: «Грамматические категории» и «Грамматическая категория рода и класса» (Изд-во МГУ, 1967, ротапринт). Вопросы типологического анкетирования рассматриваются в недавней публикации: А. Е. К и б р и к. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972. По-видимому, совершенно новые возможности в исследовании грамматических категорий открывает концепция языка, разрабатываемая Н. Хомским.

ПОНЯТИЕ ПАРАДИГМЫ И НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Вводные замечания

Одной из наиболее плодотворных идей современной грамматической мысли, несомненно, было разделение понятий словообразования и словоизменения в концепции Ф. Ф. Фортунатова. Фортунатов определил эти понятия следующим образом: «Формы отдельных полных слов, обозначающие различия в отношениях данных предметов мысли к другим предметам мысли в предложениях, называются формами словоизменения. . . Другие формы отдельных полных слов, не формы словоизменения, называются формами словообразования в широком смысле этого термина»¹.

Это определение, легшее в основу ряда блестящих морфологических работ, все же страдает некоторой неоднозначностью². Это обстоятельство особенно четко проявилось, когда П. С. Кузнецов попытался использовать его как операционный критерий разделения — в каждом конкретном случае — словообразовательных и словоизменительных категорий. Определение Фортунатова оказалось чрезвычайно удобным для системы имени существительного, где словоизменительной категорией *κατ' ἐξοχήν* является падеж, выражающий именно отношения одного предмета мысли к другому (правда, пришлось отделить звательный падеж, по поводу которого вообще неясно, входит ли эта форма в парадигму имени). Однако для глагольных категорий это определение не столь однозначно. Так, ясно, что отношение к моменту речи есть отношение совсем иного рода, чем отношение одного слова к другому, и в общем вполне

¹ Ф. Ф. Фортунатов. Морфологическая классификация языков. «Избранные труды», т. 1. М., 1956, стр. 155.

² Даже отвлекаясь от неконструктивной критики антифортунатовцев и всяческих упреков в формализме, на которых нет смысла останавливаться, можно указать на замечания такого последовательного фортунатовца, как Г. О. Винокур, который писал: «При всей высокой содержательности того, что писал Фортунатов по поводу понятия формы слова, логически невыдержанным и противоречащим его же исходной точке зрения представляется разграничение между „формами словоизменения“ и „формами словообразования“. В том виде, как оно дано Фортунатовым, это разграничение основано на смешении морфологических и семасиологических оснований». (Г. О. В и н о к у р. Форма слова и части речи в русском языке. «Избранные работы по русскому языку». М., 1959, стр. 417). Мы не можем, однако, согласиться с направлением критики Винокура.

может быть сопоставлено с отношением действия к его законченности. Поэтому не очень убедительно отнесение — по выдвинутому критерию — форм времени к словоизменению, а форм вида — к словообразованию³.

Тем не менее последовательное проведение синтаксической точки зрения на словоизменение — огромная заслуга П. С. Кузнецова и других фортунатовцев.

Этот пункт и будет исходным в наших дальнейших рассуждениях, однако мы попытаемся превратить синтаксический критерий в операционный.

Мы будем исходить из следующих общих рассуждений, как представляется, по смыслу близких фортунатовской концепции. Два слова *студент* и *студенту* являются формами одного слова потому, что их различие объясняется лишь их позицией по отношению к управляющему слову. В остальном их свойства неизменны. Эта неизменность проявляется, в частности, в том, что согласовательные свойства слов *студент* и *студенту* по отношению к подчиненным словам одинаковы. Это же касается свойств управления и примыкания по отношению к подчиненным словам.

Мы и хотим формализовать в дальнейшем эту идею. Поскольку при этом точное определение понятий управления и согласования предполагает понятие парадигмы⁴, то мы пойдем несколько иным путем. Тем не менее данное выше предварительное определение имеет значительную эвристическую ценность, и в дальнейшем полезно иметь его в виду.

Под синтаксической зависимостью одного слова от другого мы подразумеваем подчиненность слова, проявляющуюся хотя бы в одном из двух нижеследующих факторов: а) морфологическая форма одного слова зависит от присутствия в тексте другого слова; б) данное слово образует вместе с другим словом синтагму, в которой оно выступает подчиненным элементом, насыщая валентность главного слова. Разумеется, оба фактора могут выступать одновременно.

При определении понятия парадигмы следует учитывать и следующее обстоятельство. Необходимо найти такое определение парадигмы, чтобы каждая парадигма целиком умещалась внутри некоторой части речи. Только при этом условии понятие парадигмы может помочь при решении спорных вопросов морфологии, всегда так или иначе связанных с проблемой части речи. Такой подход вполне соответствует духу фортунатовской концепции частей речи как группировок, объединенных единством словоизменительной характеристики.

³ П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. Изд. МГУ, 1961, стр. 47.

⁴ И. И. Резвин. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967, стр. 239—243.

1. Понятие парадигмы

Той первичной лингвистической реальностью, из которой мы будем исходить, является слово в тексте. Поэтому *стол*, *стола*, *столу* и т. п. для нас разные слова, что естественно, так как мы хотим найти именно способ объединения их. Более того, *стол* в *большой стол стоит там* и в *стол необходим для работы* нам тоже необходимо различать. В подобных случаях мы будем говорить о двух вхождениях слова *стол*.

Мы будем считать, что на множестве слов задано отношение референциального тождества, т. е. что для любых двух слов мы можем определить, обозначают ли они тот же предмет или процесс или признак и т. п. Если слово многозначно, т. е. обозначает разные предметы, процессы или признаки, то для референциального тождества требуется, чтобы они все совпадали. Мы будем считать также, что на множестве слов задано отношение тождества эмоциональной установки говорящего, т. е. что для любых двух слов мы можем установить, выражена ли в них одинаковая эмоциональная установка говорящего к предмету, процессу, признаку и т. п.

Выделим теперь класс слов, обладающих тем свойством, что от этих слов не может зависеть синтагматически какое-либо иное слово (т. е. с ними ничто не согласуется, к ним никакое слово не примыкает, они никаким словом не управляют). Назовем такие слова абсолютно зависимыми. Для этого подкласса принадлежности к одной парадигме определяется следующим образом:

Два абсолютно зависимых слова принадлежат к одной парадигме, если они референциально тождественны и установочно тождественны.

§ Теперь мы построим индуктивное определение, базисом которого и должно служить предыдущее определение:

Два слова x и y принадлежат к одной парадигме, если одновременно выполнены следующие условия:

- 1) x и y референциально тождественны и установочно тождественны;
- 2) для любых слов z и w , зависящих от x или y , отношение принадлежности к одной парадигме уже установлено на предыдущем индуктивном шаге;
- 3) если z зависит от x , то в парадигме слова z существует слово z' , которое зависит от y , и если w зависит от y , то в парадигме слова w найдется слово w' , зависящее от x .

Поясним действие определения на следующем простом примере. На первом шаге (базис индукции) будет установлена одноэлементность парадигмы слова *очень* (как и всех остальных подлинных наречий). На втором шаге слова *хороший*, *хорошей*, *хорошего*, *хорошему* и т. п. будут отнесены к одной парадигме, ибо любое слово, зависящее от одного из них (например, *очень*), само будет зависеть от любого из них. На третьем шаге будут объединены формы

студент и *студенту*, ибо если слово *хороший* зависит от слова *студент*, то для прилагательных состав парадигм уже определен и от *студенту* зависит слово из этой же парадигмы (*хорошему*) и т. п.

Заметим, что вопрос о принадлежности форм *стол* и *стольк* к одной парадигме этим определением решается положительно, правда, при условии, что *стольк* и *стол* рассматриваются как референциально тождественные⁵.

Однако в остальных случаях наше определение дает почти те же результаты, что и характеристика соответствующих явлений в фортунаговской школе.

Чисто словообразовательные процессы не могут привести к объединению в одной парадигме, ибо они ведут либо к референциальному различию (*белый* — *беловатый*), либо к различию установки (*стол* — *столик*), либо, наконец, к различию подчиняющих способностей (ср.: *завоевать* — *завоевание* или *завод* — *заводской*).

Отдельные отклонения от распространенных точек зрения, например отнесение видовых форм глагола к одной парадигме (ибо изменение вида никак не меняет управляющих свойств глагола) или отнесение форм степеней сравнения к словообразовательным (ибо управляющие свойства сравнительной степени резко отличаются от положительной и т. п.), вряд ли могут рассматриваться как аргументы против нашего определения, ибо по каждой из соответствующих проблем имеются разноречивые мнения.

Прежде чем перейти к использованию построенного определения для анализа некоторых собственно славистических проблем, необходимо сделать еще одно замечание. Вопрос о принадлежности тех или иных вхождений слова к одной или двум парадигмам неразрывно связан с вопросом о степени свободы слова в некотором сочетании. В самом деле, применение выдвинутого нами критерия требует возможности экспериментирования, т. е. проб на вставку зависимых элементов и/или замены одного зависимого элемента другим. Очевидно, что вопрос о том, принадлежит ли вхождение *воре* из фразы *На воре шапка горит* к парадигме слова *вор*, зависит от возможности вставлять определения типа *этом*, *каждом* или даже *известном*. В приведенном примере от таких вставок разрушается фразеологизм, но какой-то смысл сохраняется. В других случаях типа *путешествие на край ночи* вставка прилагательных типа *известный*, *обширный* и т. п. перед *край* уже полностью разрушает смысл.

Этот вопрос становится особенно актуальным, когда рассматривается, скажем, такая сугубо грамматическая проблема, как вопрос о «производных предлогах».

⁵ Как показано в другой нашей работе (Об иерархии грамматических категорий славянских языков. «Сов. славяноведение», 1969, № 3), этот вопрос далеко не прост.

Как известно, в современной русистике имеется тенденция к постоянному расширению состава предлогов, куда, например, В. В. Виноградов относил не только такие, как *по мере, ввиду, в течение, в продолжение, вследствие, вроде, наподобие*, что общепринято, но и такие новообразования, как *по части, в части, по линии, с помощью, по случаю, в сопровождении*. Правда, часть таких сочетаний В. В. Виноградов называл «предложными идиомами из застывших сочетаний предлога с именем существительным»⁶.

Однако другие исследователи уже не так осторожны и все подобные сочетания записывают в производные предлоги⁷.

Тенденция к расширительной трактовке объема класса предлогов вызвала и ответную реакцию. Так, Д. Н. Шмелев⁸ указывает, что в образованиях типа *в отношении* отдельные части могут быть разъединены некоторыми другими словами (ср. *в этом отношении*), и непонятно, почему в одних случаях мы должны вхождение *отношении* рассматривать как существительное (*в этом отношении*), а в других случаях как предлог (*в отношении этого*).

Мы видим, что разрешение данного спорного вопроса⁹ есть не только парадигматическая, но прежде всего синтагматическая проблема, проблема той или иной сегментации текста. Предложенный нами критерий (а к нему близок тест Шмелева) в сущности направлен здесь на другое: проверить степень самостоятельности некоторого отрезка в связной речи.

Проблема идиоматики, т. е. большей или меньшей свободы элемента в тексте, запутывает и решение спорного вопроса о так называемой категории состояния в русском языке и в других славянских языках.

В самом деле, для того чтобы утверждать, что вхождение *пора* в тексте *пора идти домой* не является больше существительным (таким, как *пора* в *была ужасная пора*), надо прежде всего доказать, что *пора* в первом тексте не входит в одну парадигму с *поре, порой* и т. п.

Но для того, чтобы использовать пробу на подстановку всевозможных определений, надо убедиться, что *пора идти* не идиоматизм. Поэтому в дальнейшем вопроса о «категории состояния» мы коснемся лишь в случаях, где синтагматическая проблема может считаться решенной.

⁶ В. В. Виноградов. Современный русский язык, вып. II. М.—Л., 1938, стр. 515.

⁷ См., например: Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967.

⁸ Д. Н. Шмелев. К вопросу о «производных» служебных частях и междометиях. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1961, т. XX, вып. 6, стр. 500.

⁹ Об актуальности его для других славянских языков свидетельствуют такие работы, как: R. Večerká. *Předložky v slovanském jazykovém atlase*. «Slavia», г. XXIX, seš. 4. Praha, 1960.

Выдвинутый нами критерий не позволяет рассматривать в русском языке формы и так называемых «второго родительного» и «второго предложного» как равноправные члены парадигмы соответствующего имени. В самом деле, слово *чаю* в *налейте мне стакан чаю* не допускает некоторых из определений, возможных при слове *чай*, ср.: *этот превосходно пахнущий грузинский чай*, при неправомерности фразы **налейте мне стакан этого превосходно пахнущего грузинского чаю* (нужно: *чая*). Аналогичные примеры можно привести для «второго предложного».

Для типологии славянских языков, однако, такое решение удобно, ибо для всех славянских языков, кроме болгарского и македонского, устанавливается единая система падежей.

2. Так называемые притяжательные прилагательные

Вопрос о месте так называемых притяжательных прилагательных типа *отцов*, *сестрин* в славянских языках не может считаться решенным. В русском языке это, по-видимому, категория непродуктивная и даже разрушающаяся¹⁰. Но в других славянских языках слова эти играют весьма важную роль, при сравнении их с русским констатируется продуктивность этой категории¹¹.

Исследователи отмечают промежуточное положение этих слов между прилагательными и существительными. В. В. Виноградов писал, что «они в сущности очень далеки от категории качества, выделяя и определяя предмет через указание его принадлежности единичному обладателю»¹².

Как известно, Н. С. Трубецкой¹³ вообще предложил для старославянского языка считать соответствующие формы членами парадигмы существительного. Таким образом, вопрос о притяжательных прилагательных оказывается непосредственно связанным с темой статьи.

Какой же критерий принадлежности к одной парадигме выставляет Н. С. Трубецкой? Хотя по идее он близок к нашему определению, но основной его критерий — критерий регулярности: «от каждого существительного, обозначающего одушевленное существо, образуется притяжательное прилагательное»¹⁴.

Этот принцип достаточно плодотворен¹⁵, однако он может, вообще говоря, привести к расширительному толкованию пара-

¹⁰ Л. В. Щербачева. О частях речи в русском языке. «Избранные работы по русскому языку». М., 1957, стр. 71.

¹¹ См., например: Původní mluvnické ruštiny pro čechy, 1. Praha, 1961.

¹² В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 178—179.

¹³ Н. С. Трубецкой. О притяжательных прилагательных (Possessiva) в старославянском языке. «Зборник у част А. Белића». Београд, 1937, стр. 15—20.

¹⁴ Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 16.

¹⁵ Ср. обсуждение и попытку формализации этого принципа в книге: И. И. Ревзин. Модели языка. М., 1962, стр. 71.

дигмы, а главное, к нарушению выдвинутого в начале статьи постулата: одна парадигма — значит одна часть речи.

В самом деле, к одной парадигме будут отнесены по критерию регулярности глагол и имя действия, например, *ходить* — *хождение*, *завоевать* — *завоевание* и так в принципе для любого глагола. Требование регулярности является условием необходимым, но не достаточным. Как подчеркнул Ж. Кантино¹⁶, в грамматике — в отличие от лексики — мы всегда имеем дело с пропорциональными оппозициями (что является одной из формализаций принципа регулярности). Регулярность может быть характерной не только для словоизменения, но и для словообразования, которое — с точки зрения фортунаатовской школы — вполне может быть отнесено к грамматике¹⁷.

Попытку подтвердить точку зрения Трубецкого на притяжательные прилагательные путем применения дистрибутивного критерия, близкого к нашему, предпринял недавно Я. Петр¹⁸. Польские формы типа *ojcowy, matczyny, Adamowy* он причисляет к притяжательным формам существительного на том основании, что к ним применима субстантивная прономинализация, например *Przed nami stoi matczyny dom. Ta go chce sprzedać pani Nowakowi*, аналогично и в русском: *Перед нами мамин дом. Она хочет продать его папу Новаку*.

То, что здесь применяется тест, соответствующий нашему критерию, очевидно: слово *ta*, несомненно, зависит морфологически от формы *matczyny*. Однако разница, так сказать, в кванторах, применяемых в определении парадигмы. Данному тесту соответствует формулировка: «Два слова *x* и *y* принадлежат к одной парадигме, если существуют такие члены одной и той же парадигмы *z* и *z'*, которые одинаковым образом зависят соответственно от *x* и *y*». Нами было выдвинуто, однако, гораздо более сильное требование, а именно чтобы любые слова, зависящие от *x*, могли иметь формы, зависящие от *y*, и наоборот.

Ясно, что выдвинутому критерию соответствующие польские и русские формы уже не удовлетворяют, ср.: *дом моей мамы* при невозможности **моей мамин дом* (аналогично в польском). Между тем, как справедливо указывается в работе Петра, другие славянские языки (такие, как лужицкие¹⁹ и словацкий²⁰) вполне допускают конструкции типа словацкого *mojej tetkina komora*,

¹⁶ Ж. Кантино. Сигнификативные оппозиции (пер. с франц.). Сб.: «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1971.

¹⁷ П. С. Кузнецов. Указ. соч.

¹⁸ J. Petr. K charakteristice polských adjektiv. «Slavica Pragensia». X. Praha, 1968.

¹⁹ R. Lötsch. Das sogenannte Possessivadjektiv im Slawischen, speziell im Sorbischen und seine Stellung im System der Redeteile. «Forschungen und Fortschritte», 39. Berlin, 1965.

²⁰ E. Pauliny, J. Ružička, J. Štolc. Slovenská gramatika. Martin, 1955.

starého otcov dom, старочешского²¹ *krev Abelovy spravdivého*, либо лужицкого *mojej tetkina chěža*, *Koklineje sotřiny syn*. Характерны также конструкции с относительным местоимением в сербско-хорватском²² (например, *плач и нарицање Маркино, коя истрча*) и старочешском²³ (например, *tot' jest řeč bratrova, jenžt' me je smútil*). Характерно, что и в современном чешском языке, по свидетельству Травничка, возможны, хотя и нежелательны, конструкции типа *dovoloval se slov básníkových, který praví* (обычно *slov básníka*) или *dům sousedův a jeho sourozenci*. Для этих языков, во всяком случае для старочешского, современного словацкого и лужицких, наше определение, действительно, подтверждает отнесение притяжательной формы к парадигме существительного, а в остальных мы имеем дело со все большим отрывом от существительного. Степень этого отрыва можно также попытаться формализовать. Основные зависимые от существительного склоняемые элементы это: а) прилагательное, б) личное местоимение в другом предложении и в) относительное местоимение. Для принадлежности к одной парадигме все эти три валентности должны быть одинаковы. Назовем расстоянием между парадигмами число позиций, где валентности разные, деленное на общее число позиций. Тогда для словацкого и лужицких языков парадигматическое расстояние между *tetka* и *telkin* и т. п. равно нулю, для сербского и старочешского одной трети, а для русского — двум третям. Наконец, для пар типа *отцовский* и *отец* в русском языке расстояние равно единице, ибо по всем трем позициям валентность разная.

3. Проблематика связки

В своей статье «О частях речи в русском языке» Л. В. Щерба²⁴ предложил рассматривать связку *быть* как служебное слово (наряду с *это*). Эта точка зрения была поддержана В. В. Виноградовым²⁵, который отнес *быть* к частицам (наряду с *это* и *как*). Поскольку в остальных славянских языках связочное *быть* относят к глаголам²⁶, возникает вопрос, считать ли разный статус *быть* в восточнославянских и других славянских языках суще-

²¹ F. T r a v n í č e k. Mluvnice spisovné češtiny, II. Praha, 1965, стр. 1069.

²² П. А. Д м и т р и е в. Притяжательные прилагательные сербохорватского языка (К вопросу об их месте в системе частей речи). Проблемы языкознания. Сборник в честь академика И. И. Мещанинова. Л. 1966, стр. 49—57.

²³ J. V a u e r. Vývoj českého souvětí. Praha, 1960, стр. 200.

²⁴ Л. В. Щ е р б а. Указ. соч., стр. 79.

²⁵ В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 675.

²⁶ Впрочем, схема В. В. Виноградова начинает проникать и в описание других славянских языков. Так, проф. Ю. С. Маслов (Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр. 274) относит к служебным словам не только связку *съм*, но и «примыкающие к ней полусвязочные глаголы *бивам*, *ставам* и т. п.», хотя здесь же отмечается, что «в морфологическом отношении эта группа слов принципиально не отличается от знаменательных глаголов» (добавим, что и в синтаксическом также отличается не больше, чем, скажем, местоимение от существительного!).

ственным признаком, различающим эти языки, или перенести классификацию Щербы—Виноградова на остальные славянские языки, либо, наконец, попытаться показать, что, несмотря на фактическое отличие восточнославянских языков от остальных, состоящее в том, что в настоящем времени используется нулевая связка, общие разряды классификации во всех славянских (и шире: индоевропейских) языках одни и те же.

Словацкий ученый Ружичка²⁷ первый отчетливо осознал тот факт, что проблема связки есть прежде всего проблема парадигматическая, т. е. анализ таких примеров, как словацк. *Ten je poverenikom školstva. Dnes je veľmi zima*, не может быть убедительным без одновременного рассмотрения примеров типа *Byť poverenikom školstva je zodpovedná úloha. Zajtra môže byť ešte zimšie*.

Представляется, что предложенный нами критерий принадлежности к одной парадигме вполне подтверждает идею Ружички: в самом деле, какое бы слово ни зависело от *je* (например, *dnes, zajtra, teraz, tu* и т. п.), найдется предложение, где это же слово зависит от *byť*.

В то же самое время слова *je* и *byť* сами подчинены разным словам. Таким образом (учитывая одновременно референциальное тождество и дополнительную распределенность *je* и *byť*), основные критерии принадлежности к одной парадигме оказываются выполненными.

Перейдем теперь к русскому языку. Для применения того же теста к фразам типа *он сейчас уполномоченный, сейчас холодно* надо прежде всего выяснить, какова их синтаксическая структура. Неубедительно отнесение *сейчас* к *уполномоченный* или соответственно к *холодно* (ибо в других позициях *сейчас* не может зависеть от этих слов, ср. невозможность **он подошел к сейчас уполномоченному*). Нам представляется естественным ввести для таких предложений нулевую связку \emptyset , занимающую позицию центра, от которого зависят остальные слова. Подробную аргументацию в пользу введения нулевой связки для русского языка представил в своей обстоятельной монографии чешский ученый Р. Зимек²⁸. Нам хочется лишь отметить, что в этом случае естественно доказывается и принадлежность нулевой связки к парадигме глагола *быть*.

Такой подход существенно облегчает типологию славянских языков и помогает решению общей задачи создания типологической грамматики славянских языков. Как правильно отметил Ружичка, некоторые новые решения, предполагаемые в русистике, «пока еще не стали предметом критического разбора на основе материала других славянских языков»²⁹.

²⁷ J. Ru ž i č k a. Dva sporné slovné druhy. «K historicko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků». Olomouc—Praha, 1957, стр. 55—58.

²⁸ R. Z i m e k. Problematika spony v ruštině v porovnání s češtinou. Praha, 1963, § 13; R. Z i m e k. Nulová spona v ruštině. «Bulletin ústavu ruského jazyka a literatury», 1962, стр. 17—37.

²⁹ J. Ru ž i č k a. Указ. соч., стр. 55.

4. Так называемый предикатив

Общая проблематика «категории состояния» применительно к славянским языкам выходит за рамки данной статьи, ибо нас интересуют лишь те проблемы, которые непосредственно связаны с парадигматикой.

Некоторые ученые³⁰ предлагают рассматривать слова типа *есть, нет* в предложениях *у меня есть книга, у меня нет книги* как своеобразные «предикативы наличия». По поводу аналогичных примеров в словацком языке: *v potoku je voda, v potoku sú ryby, niet ryb* Ружичка пишет, что хотя мы имеем дело с омонимичным глаголом *byť*, и в этом случае нет оснований для вынесения этих форм за пределы категории глагола. Ружичка предлагает и здесь рассмотреть такие примеры, как *v potoku môže byť voda, v potoku bude voda, v potoku bola voda; v potoku nemôžu byť ryby, v potoku nebude ryb, v potoku nebolo ryb*.

Очевидно, что и здесь мы имеем дело с членами одной парадигмы, ибо зависимые члены идентичны, причем внутреннее устройство этой парадигмы в разных славянских языках более или менее одинаково (разница проявляется лишь в согласовании).

5. Объем категории «прилагательное» в славянских языках¹

Известно, что в «категорию состояния» включают и краткие формы прилагательного, как *весело, радостно, горько, холодно, хорошо* и т. п. (ср. в чешском языке *chladno, dobře* и т. п.) в таких фразах, как *мне весело, холодно* и т. п. Возникает прежде всего вопрос, насколько подобные формы оторвались от парадигмы прилагательного: Выдвинутый нами критерий не дает возможности установить вообще какой-либо отрыв: *холодно* относится к парадигме *холодный*, ибо любое слово, которое зависит от *холодный*, зависит от *холодно*, и наоборот, ср.: *очень, совсем холодный и мне очень, совсем холодно, такой холодный и так холодно* (где *так* и *такой* — члены одной парадигмы как абсолютно зависимые и референциально тождественные слова). Иногда говорят, что *холодно* в *мне холодно* управляет формой *мне*, в то время как *холодный* не управляет ни одной формой из парадигмы *мне*. Однако, как мы установили, в *мне холодно* те же отношения, что и, например, в чешском *je mi chladno*, где *mi* зависит от *je*: в русском языке *мне* управляется нулевой связкой.

В связи с этим мы вообще считаем, что и так называемые наречия на *-о, -е* в славянских языках представляют собой формы парадигмы прилагательного: в *он работает хорошо* и *он хороший работник* различаются лишь управляющие слова (так же, как в *писал студенту* и *видел студента* или *описал стул* и *описание*

³⁰ См., например: А. В. И с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1954, стр. 358.

стула), что же касается зависимых слов, то они одинаковы.

Любопытна попытка Я. Яна³¹ сравнить образование «наречий» на *-o*, *-e* в чешском языке с подлинно словообразовательными процессами. Он говорит, что *vesele* образуется потому, что есть *veselost*, *svěže* — потому, что есть *svěžest*, но нет ни наречия, ни существительного от *kamenný*. Рецензенты уже указывали на неоправданность такого сопоставления³², однако мы бы хотели обратить внимание на тот факт, что образование формы *svěžest* от *svěží* (даже если этот процесс обладает большей регулярностью) резко меняет управляющие свойства слова, в то время как образование так называемого наречия оставляет эти свойства инвариантными.

В славистике с убедительными аргументами в пользу рассмотрения форм типа чешского *krásně* как прилагательных выступил Я. Попела³³, который видит их парадигматическую связь с формами *krásný*, *krásná*, *krásné*, *krásného* и т. д. в: 1) наличии степеней сравнения во всех формах, 2) трансформационных связях типа *krásně zpívat* — *krásný zpěv*, а также (*Dnes*) *je krásné počasí* — (*Dnes*) *je krásně*. Хотя второй аргумент сам по себе ничего не доказывает (ср. трансформации, приводящие к образованию имени действия и т. п.), верно отмечено, что различие между *krásně* и *krásný* связано лишь со свойствами ведущего слова.

Точка зрения, по которой так называемые наречия необходимо включить в парадигму прилагательного, вообще говоря, не нова. Так, Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров рассматривали соответствующие формы как краткие прилагательные, лишь выступающие «в роли наречия»³⁴. Эта точка зрения была поддержана недавно М. В. Пановым³⁵. Мы, в сущности, выдвинули еще один аргумент в защиту этой точки зрения.

Удобство выдвинутой точки зрения в том, что категория наречия получает однозначную характеристику как совокупность слов: а) абсолютно зависимых и б) не имеющих форм словоизменения. Этим подтверждается точка зрения фортунаатовской школы на наречия как «бесформенные слова».

6. Противоречащий пример: славянские числительные

Необходимо указать на единственный найденный нами пример, где предложенное определение противоречит грамматической интуиции. Это — поведение числительных в большинстве славянских языков (в чешском, польском, белорусском, украинском,

³¹ J. J a h n. Slovancké adverbium. Praha, 1966, стр. 19.

³² См. рецензию Е. Кжишковой в «Slavia» (1968, seš. 1, стр. 147).

³³ J. P o p e l a. K podstatě slovních druhů. «Slovo a slovesnost», 1969, N 3, стр. 239; J. P o p e l a. K slovním druhům v češtině. «Philologica Pragensia», 1962, № 4.

³⁴ Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. Очерк грамматики современного русского литературного языка. М., 1945, стр. 147.

³⁵ М. В. П а н о в. Об аналитических прилагательных. «Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского». М., 1971, стр. 249.

русском), где в формах именительного-винительного падежей числительное, например *пять* в *пять столов*, является главным членом синтагмы, управляя существительным, а в остальных падежах является зависимым членом, согласуясь с существительным³⁶, ср. *пяти столам*. По предложенному определению, *пять* и *пяти* следует отнести к разным парадигмам. Здесь, разумеется, проявляется «гибридный характер» славянских числительных, который убедительно раскрыт А. Е. Супрунов в указанной работе.

Можно было бы вообще стать на позицию, что числительные суть элементы гетерогенные по отношению к другим словам (ср. корнеизолирующий характер образования сложных числительных типа *сто двадцать четыре*). Как писал В. В. Виноградов, «подчиняясь воздействию математического мышления, числительные отступили на периферию синтаксиса»³⁷. Их своеобразное отношение к выдвинутому критерию принадлежности к одной парадигме — критерию, синтаксическому по своей сути — может объясняться и этим обстоятельством.

Вопрос об особенностях выражения зависимых отношений в синтагмах с числительными, разумеется, неоднократно обсуждался в славистике. Так, высказывалось мнение, что во всех падежах числительное является ведущим членом, причем везде имеет место согласование, но в прямых падежах с числительным согласуется не форма родительного — что противоречит идее согласования — а особая счетная форма, родственная «второму родительному»³⁸. Что касается формы, выступающей после *два* — *четыре*, то очень веские аргументы в пользу выделения особой счетной формы были выдвинуты А. А. Зализняком³⁹ (в частности, поведение прилагательного в сочетаниях типа *два больших стола*). В пользу этой точки зрения можно было бы привести и общеславянистические аргументы (например, развитие в болгарском языке).

Все же выделение особой счетной формы после числительных *пять* и выше представляется натяжкой, и сколь бы ни хотелось остановиться на этом решении для спасения общей идеи синтаксического объединения парадигмы, следует признать эту попытку мало обоснованной.

Противоречие с интуицией, полученное при попытке применить понятие парадигмы к числительным, лучше рассматривать как показатель несовершенства нашего определения и необходимости его дальнейшего изменения (при сохранении основной идеи).

³⁶ А. Е. Супрун. Славянские числительные. Минск, 1969, стр. 146—148.

³⁷ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 120.

³⁸ Fr. K o p e č n ý. Kvantitativní přívlástek a určení míry. «Slovo a slovesnost», 16, 1953; M. K o m á r e k. K některým otázkám historicko-srovnávacího zkoumání slovních druhů. «K historicko-srovnávacímu studiu slovan-ských jazyků». Olomouc—Praha, 1957, стр. 51.

³⁹ А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 46—48.

ТИПОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПРЕДЛОГОВ И ПОСЛЕЛОГОВ

В настоящей статье изучаются некоторые славянские, балтийские и хеттские иллюстрации универсалии, которую синхронически на уровне поверхностной синтаксической структуры можно описать как функционирование пространственных имен и/или имен, являющихся названиями частей тела, в качестве предлогов или послелогов (часто в притяжательных конструкциях). Диахронически эта же универсалия состоит в постепенном развитии предлогов или послелогов из пространственных обозначений, часто восходящих к названиям частей тела и объединяемых с ними на уровне глубинной семантико-синтаксической структуры признаком неотчуждаемой принадлежности. Этот диахронический аспект оказывается, в частности, исключительно важным как для выяснения происхождения предлогов и послелогов в индоевропейских языках вообще, так и специально для исследования истоков славянских и западнобалтийских предлогов, наречий и имен типа о.-слав. **nadъ* (рус. *над*, общеславянский предлог), **podъ* (рус. *под*, общеславянский предлог), **perdъ* (рус. *перед*, общеславянский предлог, наречие и существительное), **zadъ* (рус. *зад*, общеславянское существительное — название части тела, сохраняющееся как имя существительное в восточных¹ и западных славянских языках, но засвидетельствованное в предложном употреблении в болгарском, в наречном употреблении — в словенском), **pozdъ* (др.-рус. *поздъ* 'поздний', общеславянское прилагательное с наречными формами типа стсл. *поздѣ* 'бѣсѣ', Супр.; временное значение отражено также в рус. мн. ч. *задѣ* в значении 'прошлое' — с архаическим ударением, по Стангу²). Общим для семантики указанных славянских пространственных предлогов признаком является то, что все они обозначают отношения (пространственное взаиморасположение), не связанные с непосредственным соприкос-

¹ Ср. о др.-рус. *zadъ* 'наследство' в связи с предлогом *za*: А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.—Л., 1941, стр. 382.

² См. об акцентуации основ на *-*ъ* этого типа: Chr. S. S t a n g. Slavonic accentuation. Oslo, 1957, стр. 79—81 (Там же о формах типа рус. *задѣмъ*, *передѣмъ* в тексте XVII в.); В. В. К о л е с о в. История русского ударения. Л., 1972, стр. 112—115.

новением с предметом³. В терминах современной семантической классификации способов выражения локативных значений можно сказать, что все они принадлежат к детальным обозначениям конкретного положения относительно каких-либо предметов (а не к обозначениям общего положения или направления движения⁴, которое в общеславянском, как и в ряде других древних индоевропейских языков, обозначалось падежными формами). При этом, как отметил еще Остен-Сакен, обозначения положения по вертикали (*над—под*) являются предложными, а обозначения положения по горизонтали (*перед—зад*) — «субстантивированными пространственными представлениями» («substantivierten Raumvorstellungen») ⁵, ср. понятие предложного существительного, введенное для описания сходных имен в некоторых неиндоевропейских языках⁶. Нельзя не согласиться с Хр. С. Стангом, который настаивает на объединении обеих этих подгрупп в общеславянском, замечая, что различие между ними чисто хронологическое, так как в первой подгруппе (*над—под*) следует предположить развитие в предлог, осуществившееся в дописьменный период⁷. Достаточную древность такого процесса и его исходных данных — предложных существительных со значениями типа 'передняя сторона' — для славянских форм на *-dъ* удостоверяет их генетическое отождествление с прусскими предлогами *pirsdau* 'перед', *sirsdau* 'среди, около', родственными соответственно о.-слав. **perdъ*, **serda* (стсл. *срѣда*, болг. *срѣда*, серб.-х. *срѣда*, *срјуѣда*, слов. *srѣda*, чеш. *středa*, др.-чеш. *strieda*, польск. *środa*, стпольск. *śrzoda*, рус. *середá*), и с прусским наречием *pansdau* 'потом, затем', сближаемым со слав. **pozdъ*⁸. Поскольку оба прусских пространственных предлога можно сопоставить с соответствующими древнехеттскими именами⁹, функционирующими в притяжательных конструкциях, сравнение с прусским оказывается звеном, позволяющим объяснить происхождение славянских форм на *-dъ* тем универсальным процессом, о котором шла речь в начале статьи.

³ Chr. S. S t a n g. Eine preussisch-slavische (oder baltisch-slavische?) Sonderbildung. «Scando-slavica», vol. III, 1957 (в дальнейшем сокращенно: Sonderbildung), стр. 236.

⁴ Различие этих двух типов локативов, предложенное Ельмслевом (L. H j e l m s l e v. La catégorie des cas, т. I—II. Aarhus, 1936), проводится на материале сомали в кн.: А. К. Ж о л к о в с к и й. Синтаксис сомали. М., 1971, стр. 90, 165, 207 (Там же см. о сходном выражении временных значений).

⁵ O s t e n - S a c k e n. — «Archiv für slavische Philologie», Bd. 32, 1908, стр. 121; ср. Sonderbildung, стр. 237.

⁶ См. указанные выше (сн. 4) места книги А. К. Жолковского. Ср. также замечания А. И. Смирницкого о сочетаниях «слов, в которых компонентом, обозначающим само пространственное отношение (направление), является слово, имеющее больший семантический вес, чем типичный предлог»: А. И. С м и р н и ц к и й. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках. «Иностранные языки в школе», 1953, № 2, стр. 9.

⁷ Sonderbildung, стр. 237.

⁸ Sonderbildung, стр. 237—238 (Там же см. о загадочном п в прусской форме).

⁹ В. В. И в а н о в. Общинеоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965 (в дальнейшем сокращенно: Системы), стр. 217.

Сходство между славянскими и древнехеттскими фактами заключается прежде всего в том, что основы типа слав. *pergъ* целесообразно рассматривать как служебные имена¹⁰, как и родственное др.-хет. *peran* в таких притяжательных конструкциях в ритуале очищения царской четы¹¹ типа *peraššet* (*peran* + *šet* 'передняя сторона его'), аналогичное *perazmit* (*peran* + *šmit*¹² 'передняя сторона их') в другом месте того же текста (III 45). Так же, как *peran* 'передняя сторона', *šer* 'вверх' употребляется служебное имя *kitkar* 'голова' в конструкции LUGAL-*aš* SAĪ. LUGAL-[*aš*-]*ša ki-it-kar-ša-me-et* 'к их головам, царя и царицы' (II 41 сл., IV 21). Хотя это слово трактуется как имя, застывшее в наречие¹³, или как наречие¹⁴, первоначальное значение части тела в нем еще достаточно очевидно, ср. синтаксически аналогично построенную конструкцию со словом (*a*)*iš* 'рот': *iššazmit* 'из их рта' (I 18), где за формой отложительного падежа *iššaz* 'изо рта' следует энклитическое притяжательное местоимение *šmit* в форме (по Оттену и Соучеку, творительного падежа), согласованной с отложительным падежом имени.

Особый интерес представляет функционирование в хеттском языке в притяжательных конструкциях этого же типа имени существительного *karat-* 'внутренности, чрево, сердцевина', которое выступает и в качестве названия части тела, и в более общем пространственном значении, сходном со значением родственного о.-слав. **serda*, ср. прус. *sirs dau*. В качестве названия части тела хет. *karat-* в притяжательных конструкциях типа *karat-š-šiš* > *karaz-šiš* 'его внутренности', *karaz-meš* 'мои внутренности' противопоставляется хеттскому обозначению души: *ištanzanaš-šiš* 'его душа', *ištanzanaš-miš* 'моя душа' в архаических текстах ритуалов аналогической магии и заклятия, связанных с мифом о боге Телепинусе¹⁵, где то же существительное *karat-* (идеограмма ŠÀ)

¹⁰ Термин, введенный для описания тюркских притяжательных конструкций с послеложными пространственными именами Н. К. Дмитриевым: Н. К. Д м и т р и е в. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 176; ср.: Там же, стр. 120; О н же. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 229.

¹¹ Цитируется по изданию: Н. О т т е н, V. С о у ч е к. Ein althethitische Ritual für das Königspaar. — «Studien zu den Boğazköy-Texten», Heft 8. Wiesbaden, 1969, ср. о древнехеттских конструкциях этого типа: Там же, стр. 71—73; Системы, стр. 210—214.

¹² Очевидно, группа *zm* должна быть объяснена из **nzm* < **nsm*.

¹³ Н. О т т е н, V. С о у ч е к. Указ. соч., стр. 61, 71.

¹⁴ J. F r i e d r i c h. Hethitisches Wörterbuch, Ergänzungsheft, 3. Heidelberg, 1966, стр. 20. Эту форму, несомненно, следует отнести к числу архаических форм нулевого местного падежа от основ на *-r*, ср. греч. гомеровск. *κάρ*, сопоставляемое с дрхет. *kitkar*, где *kit* может означать 'этим', как в *kitpalandaz* 'с этого времени' (ср. рус. *сей* в *сейчас* и т. п.). Н. О т т е н. Hethitische Totenrituale. Berlin, 1958, стр. 124; ср.: Там же, стр. 125 о притяжательной конструкции *kitkar-šit*.

¹⁵ См. детальный разбор семантической структуры этого противопоставления: A. K a m m e n h u b e r. Die hethitische Vorstellungen von Seele und

может относиться и к сердцевине оливкового священного дерева¹⁶ (KUB XVII 10 II—19'—20'), ср. то же значение у родственного лит. *širdis*, *šerdis*, латыш. *sefde* 'отметка на дереве, сердцевина дерева или плода', греч. *καρδία δένδρου*¹⁷. Последнее архаическое представление, видимо, связанное и с архетипическим уподоблением женского чрева или внутренностей человека дуплу или сердцевине дерева, лежит и в основе чрезвычайно древнего по своей структуре ритуала в честь богини-матери (DINGIR. MAḪ), KUB XXXIII 51.4' сл.: DINGIR. MAḪ-aš ZI. SU^{GIS} *uaršanaš uišurijattati n [u]^{GIS} *uaršama[n] maḫḫan lukkanz[fi n]-ašta anda 4-taš ḫalḫaltumar[iiaš] lalukkišz[fi]* DINGIR. MAḪ-ni-ia-kán A. N [A—ZI—SU *karat-teš-[a] [anda QATAMM]A la[lukki]šdu* 'душа Богини-Матери томит'¹⁸ дерево (дрова) для жертвенного огня. И теперь подобно тому, как зажигают дерево (дрова) для жертвенного огня и подобно тому, как по четырем углам (т. е. по четырем сторонам света) становится светло, так же пусть станет светло по отношению к Богине-Матери, ее душе и твоему чреву'¹⁹. Структура этого заклятия от гнева великой богини-матери, с одной стороны, полностью тождественна формулам хеттских гимнов богу Солнца, держащему в своей руке четыре угла (*ḫalḫaldumari*)²⁰ KUB XXXI 127—I 23) страны и постоянно объезжающему четыре угла — стороны света (там же, I 58—59): *4UTU-i šar-ku LUGAL-u-e 4-an ḫal-ḫal-du-u-u-ma-ri uk-tu-ri iš-tar-na ar-ḫa i-ia-at-ta-ri* 'о бог Солнца, великий царь, четыре угла (стороны света), постоянно ты объезжаешь'. С другой стороны, эти хеттские тексты типологически сходны с теми текстами других традиций, в частности древнеиндийской, где речь идет об*

Leib, Herz und Leibesinnerem, Kopf und Person. «Zeitschrift für Assyriologie». Neue Folge, Bd. 22, 1964, стр. 164—167; ср. о семантике *karat-*: Там же, стр. 156—157, 160.

¹⁶ См. об этом ритуале: Н. Г. Г ü т е р б о с к. Oil plants in Hittite Anatolia. «Journal of the American Oriental Society», vol. 88, 1968, N 4, стр. 67.

¹⁷ К. М ü л е н б а ч с (J. Endzelins). Lettisch-deutsches Wörterbuch. Bd. III. Rīgā, 1927—1929, стр. 819; К. В ü г а. Rinktiniai raštai, t. II. Vilnius, 1959, стр. 562—563.

¹⁸ Буквально: 'душит', 'давит', ср. персонифицированное причастие от этого глагола в функции названия женского мифологического существа, враждебного людям *4Uišurijant-* 'душительница'; см.: J. F r i e d r i c h. Указ. соч., стр. 37; Ö. S a r r u b a. Studien zu den Boğazköy-Texten, Heft 2. Wiesbaden, 1966, стр. 49. сл. Ср. также приводимый ниже текст параллельного ритуала с тем же глаголом, относящимся к богу Телешинусу.

¹⁹ В отличие от Камменхубер, согласно реконструкции которой дается этот текст, притяжательные местоимения переведены в точном соответствии с текстом. По-видимому, 'ее' относится к богине, а 'твое' может относиться и к человеку (женщине), которому грозит гнев богини.

²⁰ Цитирую по клинописному тексту в издании: J. F r i e d r i c h. Hethitisches Keilschrift—Lesebuch, Teil I. Heidelberg, 1960, текст N 13. Ср. о тексте, упоминающем в том же смысле четыре угла дома: Н. O t t e n. Указ. соч., стр. 135; ср. о другом подобном обряде: Н. К ü m m e l. Ersatzrituale für den hethitischen König. Wiesbaden, 1967, стр. 64—65, 99.

объезде священным царем четырех сторон света и о связи четырех священных деревьев с обрядом коронации царя²¹. Хеттский ритуальный текст можно сравнить и с теми индийскими текстами, где, как в «Ригведе» (X, 80, 15), число членов тела мифологического образа человека Пуруши сопоставлено с определенным числом (21) ритуальных частей дерева²². Поэтому можно думать, что *karateš-teš* 'внутренности твои' в приведенном ритуале заклания гнева богини-матери относятся одновременно и к чреву человека и/или богини-матери (ср. повторяющуюся в ряде хеттских текстов партитивную аппозицию *annaz kartaz* 'из чрева матери')²³, и к ритуальным частям дерева (и ковра, из него зажженного), являющегося магическим символом (внутренности) богини. Если правильно предположение А. Камменхубер²⁴ об отражении в полуидеографическом написании ŠA — *it* 'во внутренностях, внутри' в архаическом тексте мифа о Тедепинусе (KUB XXXIII 9 II 9, KUB XXXIII 13 II 91), где ŠA относится к брюшку пчелы, древней формы локатива с нулевым окончанием **karit*, то при возведении последней формы к **kred* можно было бы видеть здесь след такой же чистой основы *kred*, как в общеиндоевропейском сочетании этой основы в качестве приглагольного элемента с глаголом 'ставить': **kred-dhe*(H)- 'внутри', 'в сердцевину' 'ставить = верить', которое реконструируется на основании совпадения дринд. *śraddadhāmi* (с тмезисом: *śrad te dadhāmi* 'в тебя верим' RV, X 147, 1 и др.), авест. *zrazdā*, с дрилл. *cretim*, лат. *crēdo*. Как давно уже было замечено, в значении этого слова, в общеиндоевропейском бывшем еще двучленным сочетанием слов, не обнаруживается следов значения 'сердце', так как первоначально оно значило либо 'читать'²⁵, либо 'иметь (класть) веру'²⁶,

²¹ См. об этом подробно: Е. С. Семёка. Антропоморфные и зооморфные символы в четырех- и восьмичленных моделях мира. «Труды по знаковым системам», V. Тарту, 1971, стр. 97—99. Не только о типологическом сходстве, но и о культурно-исторических связях можно думать по отношению к близкому к хеттскому представлению, отраженному в стеллах Эхнейота (Эхнатона), где речь идет о четырех сторонах света — углах столицы Эхнейота, выезжавшего как солнце, на колеснице.

²² O. V i e n n o t. Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954, стр. 52—53; В. В. Иванов. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *aśva-* 'конь' (жертвоприношение коня и дерево *aśvattha* в Древней Индии). — «Сборник статей памяти В. С. Воробьева-Десятковского». М., 1973 (Там же см. о сопоставлении с числом членов тела человека и об эквивалентности дерева женщине).

²³ А. Камменхубер. Указ. соч., стр. 156.

²⁴ Там же, стр. 168.

²⁵ M. D i l l o n. Celtic and the other Indo-European languages. «Transactions of the Philological Society». London, 1947, стр. 17; «Revue celtique», vol. 44, стр. 90.

²⁶ E. B e n v e n i s t e. Le vocabulaire des institutions indo-européennes. 1. Economie, parenté, société. Paris, 1969, стр. 171—179; C. W a t k i n s. Indo-European and Indo-Europeans. — В кн.: «The American Heritage dictionary of the English language». New York, 1971, стр. 1502. ср.: Там же,

доверие (при обмене благами)'. Как и в аналогичном сложном сочетании **ponti dhe*(H) 'ритуальную дорогу — дерево ставить', отраженном в лат. *pontifex* 'жрец'²⁷, первый элемент может быть понят в качестве объекта. Но сравнение с хет. $\check{S}\check{A}-it=*k(a)-red < *kred$ 'в сердцевине' позволяет предположить, что этот приглагольный объект по существу был уточнителем направления (ср. подобное значение винительного падежа в древних индоевропейских языках), ср. типологически сходное рус. *положиться на кого-нибудь*. Предлагаемое объяснение этого архаического общеиндоевропейского словосочетания представляется выходом из внутреннего противоречия, к которому привело его исследование. С одной стороны, очевидной стала семантическая невероятность предположения, согласно которому речь шла о сердце. С другой стороны, реконструкция семантически и формально изолированного **kred-* только для этого сочетания противоречит принципам экономного описания фразеологии. Бенвенист, ставший тем не менее на этот последний путь, утверждал, что индоевропейское название 'сердца' никогда не бывает представлено в западных диалектах в форме **kred-*²⁸, но это противоречило более ранней его работе, где справедливо реконструировался бинном в двух видах: «I **kér-d-*: **kr-éd-* > **kr-d-éi-* (ср. лит. *širdis* с *r*)»²⁹.

Но вторая форма биннома без последующего **-ei-* представлена только в сочетании, где ее синтаксическая функция приглагольного уточняющего элемента хорошо сохраняется при тмезисе в древнеиндийском. Таким образом, для общеиндоевропейского можно было бы реконструировать то пространственное значение **-d-*, которое кажется вероятным благодаря совпадению противопоставления хет. *kir* 'сердце': *karat-* 'внутренности' с прус. *seyr* 'сердце': *sirsdau* 'среди'.

Согласно объяснению прус. *sirsdau* 'среди' из **sird-* + **d(a)u*, предложенному Стангом³⁰, здесь следовало бы ждать отражения той же основы, которая реконструируется и для лит. *širdis*, латыш. *serde* 'сердцевина (дерева)'. В этом случае в балтийском

стр. 1522 (где в словаре индоевропейских корней соответствующее слово дано вместе с **kerd-* 'сердце' в одной словарной статье). Ср. также: O. S z e m e n y i. *Archivum linguisticum*, vol. IV, 1952, стр. 49 и сл.

²⁷ В. В. Иванов. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии. «Труды по знаковым системам», IV. Тарту, 1969, стр. 47—48.

²⁸ E. Benveniste. Указ. соч., стр. 178. Возражения Бенвениста направлены против геттингенской диссертации Келера, целиком посвященной этой проблеме. Келер в 1948 г. попробовал возродить давно отвергнутое предположение о связи *šrad* с индоевропейским названием 'сердца'.

²⁹ Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 211, стр. 105.

³⁰ Sonderbildung, стр. 237. Основа **sird-* реконструируется как единственная общебалтийская и в более поздней книге: Chr. S t a n g. *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo, 1966, стр. 232.

можно было бы предположить различие основы на -d- с более общим пространственным значением и корневой основы 'сердце', сходное с противопоставлением в хеттском, где обе основы противопоставлены и по роду. Факты других индоевропейских языков можно объяснить постепенным смешением обеих основ, ср. уже в хеттском языке включение в парадигму имени *kir* родительного падежа основы на -i *kardijaš* (в древнехеттском в значении 'угодный сердцу', в частности, во фразеологическом сочетании *kardijaš ija-* 'делать то, что угодно сердцу'³¹, в аккадско-хеттском двуязычном завещании Хаттусилиса I II 53 сл., в мифе о демоне-змее, КВо III I 26). Форма древнего направительного (позднее дательного-местного) падежа *ŠA-ta = karta*³² формально могла бы быть образована и от основы *karat-* 'внутренности', но в сочетаниях *karta tarna-* 'к сердцу пускать', *karta šai-|šija-* 'в сердце отпечатывать'³³ имеется в виду сердце в общеиндоевропейском значении его как вместилища памяти (ср. лат. *recordor*) и эмоций³⁴, ср., в частности, негативные эмоции, отраженные в хеттском отыменном глаголе *šalla-kartai-* 'причинять вред (или сердить?) высокомерием', образованном от архаичного сложного слова *šalla-kart(a)-* (ср. *šall-i-* 'большой'), структурно аналогичного стсл. *милосръдъ* 'οἰκτιρῶν', стпольск. *mitosirdy* 'милосердный', стсл. *тажакосръдъ* 'βαρὴκάρδιος', что позволяет предположить древность этих славянских сложных слов, в которых раньше усматривали кальку латинских или германских их эквивалентов; ср. также *сръдсболѣ* 'συγγενής' и т. п. Существенное семантическое сходство между хеттским, балтийским и славянским заключается в значении 'сердиться, гневаться' у ряда производных от основы **k(e)rdi-*: цслав. *сръдѣти*, рус. *сердить(ся)*, болг. *сърдя*, сербх. *сръдѣти се*, словен. *srditi*; вост. лит. *širdai* 'ссора, гнев', *širdijūs*,

³¹ А. Кампенхубер Указ. соч., стр. 198—199.

³² Выявленное в последних работах Э. Лароша (E. Lagache. *Études de linguistique anatolienne*. III. «Revue hittite et asianique», t. 28, 1970) противопоставление между древнехеттским направительным (*karta*) и местным (*kardi* при параллельном *kir* от основы без суффикса *-d-) падежами (ср. аналогичные три формы от основы *nepiš* 'небо': *nepiša* 'к небу': *nepiši* 'на небе': *nepiš* 'в небе') может служить иллюстрацией правильности концепции, развитой в последних исследованиях по семантике пространственных падежей в языках типа английского; см. D. C. Venet. *Some observations concerning the Locative-Directional distinction*. «Semiotica», vol. V, 1972, № 1 (там же литература вопроса). Согласно этим семантическим теориям, значение направительного падежа, являясь маркированным, включает в себя значение местного. По-видимому, в древних индоевропейских языках можно думать и об аналогичной дихотомии внутри двух локативов, из которых один формально сложнее другого (*kardi*: *kir*, *nepiši*: *nepiš*) и, следовательно, маркирован по отношению к нему. Эта же концепция легко объясняет склеивание обоих падежей в древнехеттском.

³³ E. Lagache. Указ. соч., стр. 30; А. Кампенхубер. Указ. соч., стр. 198—199.

³⁴ E. Veneniste. Указ. соч., стр. 178.

širdýtis 'сердиться', латыш. *sīsties* 'сердиться'³⁵, хет. *kardimiṭa-* 'сердиться, гневаться'³⁶, *kardimiṭatt-* 'гнев'. Отражение этимологических связей между *karat-* и *kardimiṭa-* представляется возможным в архаическом ритуальном тексте, сходном с вышеприведенным: ^D*Telepinuš-ṭa kardimiṭauanza ZI.SU kara-[z-šiš]* ^{GIS}*ṭaršammaš ṡiṡuriṭati nu kuš* ^{GIS}*ṭarš[amnš] maḥḥan ṭarnuer* ^D*Telepinuṡašš-a karpi[š] kardimiṭaz ṡaštul šauṡar QATAMMA ṭarā[nu]* 'Рассердившийся де Телепинус, его душа и [его] внутренности томят деревья (дрова) для жертвенного огня. И теперь, подобно тому, как сожгли эти деревья (дрова), так же пусть согреет гнев Телепинуса, его сердитость, проступок (грех) и злоба' (KUB XVII 10 III 13 сл.).

Если высказанный ряд предположений о первоначальном значении *-d*, связанном с пространственными отношениями, в противопоставлении **ker-*; **ker-d-*, прус. **sēr*: **sird-*, хет. **kēr*: *karat-* верен, то из этого следовали бы существенные выводы, объясняющие приведенную выше серию общеславянских предлогов и предložных имен.

В духе предложенного еще Вондраком постепенного расширения суффикса *-d-* в формах прилагательного типа **serd-ьнь* (рус. *средний* от южнославянской основы) → **perd-ьнь* (рус. *передний*) → **zadъ-ьнь* (рус. *задний*) → **rodъ-ьнь* (рус. *исподний*)³⁷, ср. **pozd-ьнь* (рус. *поздний*), можно было бы считать исходной для всей серии форму **ker-d-ā* > **serd-a*. Хотя морфема *-d-* наличествующая в славянских и восточнобалтийских, как и в других индоевропейских названиях 'сердца', первоначально могла и не быть связана только с более общими пространственными значениями, она могла приобрести это значение в парах типа прус. **sēr*: *sirsdaū*, откуда позднее могла быть перенесена и на другие пары типа **per-*: **per-d-*. Типологические параллели этим предлогам и предložным именам можно было бы видеть в таких языках, где

³⁵ К. В ü g a. Указ. соч., стр. 563. Ср. также албанскую параллель, указанную Педерсеном: Н. P e d e r s e n. Hithitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen. Kjøbenhavn, 1938, стр. 30.

³⁶ Об употреблении этого глагола в древних архаичных текстах ср.: J. F r i e d r i c h. Die hethitischen Gesetze. Leiden, 1959, стр. 28 (§38); Н. O t t e n. Указ. соч., стр. 44. Глагол образован либо от утраченной медиопассивной причастной формы на *-m-* типа лувийских и балто-славянских, либо от производной именной основы на *-(i)ta* (ср. слав. *-bmo*) типа *lalukkima* 'лучезарность, тепло', еще сохраняющей предикативные функции древнего причастия (в частности, в метрическом гимне Богу Солнца, KUB XX XI 127 I 15 *nerišaš taknašša ḥulalešni zikpat* ^dUTU—*uš lalukkimaš* 'в кругозоре, где земля и небо, лучезарно, Солнце, только ты'). Ср. об именах типа *lalukkima-*, *ṡeritema-* 'страх', *ṡantemma-* 'жар', *ekunima-* 'холод', *ḥaḥlimma-* 'желтизна': С. W a t k i n s. The denominative statives in *-ē-*. — В кн.: «Indo-European studies. Special Report to National Science Foundation». Cambridge, Mass., 1972, стр. 175—179.

³⁷ V. V o n d r á k. Vergleichende slavische Grammatik, Bd I. Göttingen, 1906, стр. 537.

названия частей тела и имена со значением 'срединная часть, сердцевина', 'верх', 'низ' выступают в функции соответствующих предлогов или послелогов чаще всего в притяжательных конструкциях, ср. адыгейское имя существительное *кЮоцI* 'внутренность', в послеложном употреблении означающее 'внутри': *унэм ы-кЮоцI* 'внутри дома', *шещым ы-кЮоцI аигъ* 'внутри конюшни' (букв. 'внутренность конюшни') 'помазали (глиной, известью)'³⁸ (в приведенных примерах это послеложное служебное имя стоит в форме неотчуждаемой или органической принадлежности); эскимосск. *к'укак'* 'пространство посреди чего-либо', 'середина', 'поясница', 'часть лодки около кормы' (ср. сходное же значение у тарасканского суффикса *-у-*, который может относиться и к сердцевине дерева и к сердцу) в конструкциях типа *Найвам к'ука кумлях'и- 'ылъюни аюк'ук'* 'озеро середину его заморозило'; *укугым к'укани тагиман'а* 'В полночь я пришел'³⁹ (досл. 'ночи посреди ее', ср. временное употребление слав. **serda* по отношению к дню недели), бирманск. твин³ 'пространство внутри'⁴⁰, хауса служебное имя *tsaka, tsakani* 'середина'⁴¹ и т. п. Типологическое сопоставление с хауса и другими подобными конструкциями в других языках позволяет подтвердить и гипотезу о происхождении предлога *katikà* 'в' в суахили из притяжательной формы имени *kati* 'середина' с классным показателем *ка*⁴². Семантическую па-

³⁸ Г. Р. Рогова, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар—Майкоп, 1966, стр. 94; П. Яковлев, Д. Ашхамов. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 396. Следует заметить, что в адыгейском (как и в некоторых других языках) можно обнаружить и точные типологические параллели обозначениям внутренних состояний человека посредством сочетаний со словом 'сердце'; ср. об этом: В. В. Иванов. Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики. — ИАН СССР, СЛЯ, т. XXVI, 1968, № 8, стр. 240; Он же. Семантическая категория малости — величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира. «Проблемы африканского языкознания». М., 1972, стр. 88, примеч. 28; P. F r i e d r i c h. The Tarascan suffixes of locative space: meaning and morphotactics. Bloomington, 1974, стр. 25, 215 (ср. в особенности глаголы *kur'u-ŋi-h-pi-ni* 'ненавидеть другого', *hat'a-ŋi-a-ca-ku-ni* 'сердиться', включающие морфему *-у-*, обозначающую 'внутренность', 'сердце'), стр. 72 (*ik'i-mi-ŋa-ni* 'сердиться'), стр. 311.

³⁹ Г. А. Меновщикова. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. 1. М., 1962, стр. 211. Для типологии ослав. **rozďь* существенно то, что в эскимосском в этой же роли выступают и имена с временным значением, ср. выше о выводах А. К. Жолковского.

⁴⁰ И. М. Таганова. Послелого с пространственным значением в бирманском языке. Сб.: «Языки Юго-Восточной Азии». М., 1967, стр. 327.

⁴¹ Ю. К. Щеглов. Очерк грамматики языка хауса. М., 1970, стр. 12.

⁴² Н. В. Охотина. Выражение пространственных отношений в языке зулу. — «Африканский этнографический сборник», III. Языкознание. М.—Л., 1959, стр. 148, примеч. 93; В. В. Иванов. К типологии предлога *katika* в суахили. Сб.: «Языки Африки». М., 1966, стр. 263; Лингвистика и гуманитарные проблемы семиотики, стр. 238 (там же см. о семиотическом аспекте данного процесса).

раллель такому развитию в семитских языках представляет эфиопский предлог *westa* 'в, среди' от *west* 'середина', арабск. *wasf* = *wasaf*⁴³ при гипотетическом происхождении от той же основы аккадск. *išt-um* 'от'⁴⁴. Вместе с тем для слова с тем же значением можно указать на значительное число таких точных семантических параллелей развитию от пространственного обозначения к служебному слову, как указанное эскимосск. *к'укак'*, представляющее особый интерес для выяснения возможных конкретных употреблений пространственного термина, связывающегося с обозначениями частей тела.

Имена с подобным пространственным значением могут спрягаться по лицам объекта, как послеложные имена в адыгейском⁴⁵ или древнеирландские спрягаемые предлоги, видимо, родственные именам-послелогам в древнехеттском⁴⁶. Для наиболее глубокого уровня семантической структуры различие между служебным пространственным именем и глаголом едва ли является существенным, ср. возможность передачи пространственных отношений посредством служебных имен-послелогов или глаголов-предлогов в китайском языке. На основании типологического сопоставления с такими языками, как адыгейский и китайский⁴⁷, можно предположить, что для имен этого типа характерна категория неотчуждаемой принадлежности⁴⁸. В свою очередь, внутри неотчуждаемых пространственных имен выделяются две упомянутые выше подгруппы более абстрактных и более конкретных имен; в притяжательных конструкциях в послеложной или предложной функции чаще встречаются последние (хотя в таком языке, как эскимосский, в том же типе притяжательных именных конструкций представлены и весьма абстрактные значения). Морфема *-d-* в славянском и балтийском, а судя по основе **k(e)r-(e)d-*, и в общиндоевропейском⁴⁹, служила для образования подобных имен, давших позднее предлоги.

⁴³ В. П. Старинин. Эфиопский язык. М., 1967. стр. 41, ср. также в тексте, приводимом на стр. 112, I—II: *westa gannát* 'в саду'.

⁴⁴ И. М. Дьяконов. Языки Древней Передней Азии. М., 1967, стр. 262. Эфиопская параллель может служить косвенным подтверждением этимологии аккадского предлога.

⁴⁵ Г. В. Рогова, З. И. Керашева. Указ. соч., стр. 92—94.

⁴⁶ Системы, стр. 214—215.

⁴⁷ А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка. М., 1952, стр. 124—127, § 103—105; стр. 64, ср.: о *даолу*, *у* 'дорога'. Там же, стр. 67; А. А. Драгунов. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. Л., 1962, стр. 186, стр. стр. 172 и 81.

⁴⁸ К теоретическому обоснованию этой гипотезы ср.: J. F. Filmore. The case for case. В кн.: Universals in linguistic Theory. New York, 1968, стр. 80—81.

⁴⁹ Ср. также; O. Szemerényi. The Indo-European name of the «Heart». «Domum Balticum». Stockholm, 1970.

К СЕМАНТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное изучение степеней сравнения прилагательных в славянских языках уже привлекало внимание исследователей. Так, К. Хоралек¹ разделил все славянские языки по критерию аналитичности — синтетичности выражения степеней сравнения на две группы: восточную и западную. Ив. Леков², присоединившийся, в сущности, к этому мнению³, прибавляет ряд других интересных сопоставлений, например образование аналитической формы компаратива⁴ с *более* в русском и с *bolj* в словенском языке⁵.

В предыдущей работе о степенях сравнения⁶ автор выделил два формальных признака: а) парадигматический и б) синтагматический, по которым все славянские языки делились на три группы: 1) русский язык, 2) болгарский (и македонский) язык и 3) остальные славянские языки.

В данной заметке автор делает попытку провести сопоставление форм сравнения в славянских языках, исходя из системы дифференциальных признаков, которая лежит в основе функционирования соответствующих форм.

Исходным пунктом работы было стремление понять семантическую природу так называемого «абсолютного употребления» словацких (и чешских) компаративов типа *Vyššia škola, dlhší čas, v mladších rokoch* и т. п. В указанной работе все подобные употребления объявлены кальками с немецкого языка⁷ (ср.: *höhere*

¹ К. Н о г á л е к. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955.

² Ив. Л е к о в. Общность и многообразие в грамматической строй на славянските езици. София, 1958.

³ В качестве двух крайних точек он рассматривает сербско-хорватский, «по-видимому, наименее отклонившийся от исходного состояния» (стр. 52), с одной стороны, и русский язык — с другой.

⁴ В работе используется следующая терминология: когда говорится о формах, то используются латинские термины «компаратив» и «суперлатив», когда говорится о значении соответствующих форм, то говорится «сравнительная степень», «превосходная степень».

⁵ Впрочем, это сопоставление проводится и другими авторами, см.: Р. Н а х т и г а л ь. Славянские языки (пер. со словенск.). М., 1963, стр. 274.

⁶ И. И. Р е в з и н. К типологии форм степеней сравнения в славянских языках. «Исследования по структурной типологии». М., 1963.

⁷ И. И. Р е в з и н. Указ. соч., стр. 37.

Schule, längere Zeit, in jüngeren Jahren). Понимается, в приведенных конкретных сочетаниях влияние немецкого языка не исключено, но, как указано в другой работе⁸, существен не факт заимствования, а структурная оправданность соответствующих явлений. Что же касается абсолютного употребления компаратива, то, во-первых, надо отметить, что оно очень распространено в этих языках, ср. в чешском языке *starší pán*, 'пожилой человек', *pán menší postavy* 'невысокий мужчина', *menší domek* 'небольшой домик', *po kratší nepřítomnosti* 'после непродолжительного отсутствия', *z chudší rodiny* 'из небогатой семьи', *oblouštější pán* 'толстоватый мужчина', *ze zamožnější rodiny* 'из довольно богатой семьи' и т. п. Мы намеренно привели здесь русские переводы, поскольку примеры взяты из сопоставительной грамматики русского и чешского языков⁹, где подчеркивается специфичность чешского употребления; во-вторых, абсолютное употребление компаратива характерно и для других славянских языков.

Подобное употребление отмечено, например, в польском языке¹⁰: *trwało to dłuższą chwilę* (Ивашкевич); *btąkamy się jeszcze dłuższy czas wśród czarnych ulic* (Ковалевский); *pani kierowniczka bez większego trudu zaangażowała sobie nowego nauczyciela*. Ср. также фразеологизмы типа *wyższa uczelnia, lepszy gość (ptaszek)* «отъявленный негодяй». Сколь можно судить по литературе, абсолютное употребление очень распространено в сербско-хорватском языке, ср. следующие факты, приводимые М. Стевановичем¹¹, например, *Paо већи снег* или *то је боли ћак* или *Настали су лепши дани* или *На испиту је добио лакша питања*. Как отмечает Стеванович, в этих случаях хотят сказать, что выпало снегу не мало, но про него даже можно сказать, что выпало снегу много; что речь идет об ученике, который отличается от плохих, т. е. является хорошим, может быть, даже об ученике лучшем, чем средние; что настали дни неплохие, что погода улучшается и что на экзамене достались вопросы, которые считаются не тяжелыми, а скорее легкими.

В этом анализе явственно проступает идея относительного употребления компаратива: речь идет, так сказать, о более или менее крупном снеге, о более или менее способном ученике, о более или менее хорошей погоде и о более или менее легких вопросах.

Сам Стеванович считает, что «*већи* (в первой фразе) компаратив не к *велик*, а к *мал*, *боли* (во второй фразе) компаратив не к *добар*,

⁸ И. И. Р е в з и н. О синхронной точке зрения в теории славяно-германских контактов. «Типология и взаимодействие славянских и германских языков». Минск, 1969, стр. 62—63.

⁹ Příruční mluvnice ruštiny pro čechy, t. I. Praha, 1961.

¹⁰ J. P e t r. K charakteristice polskich adjektiv. «Philologica Pragensia», X, стр. 83. Характерно, что Я. Петр отвергает возможность немецкого влияния.

¹¹ М. С т е в а н о в и ћ. Савремени србско-хрватски језик. Београд, стр. 261—262.

а скорее к *лош*» и т. п. Эту теорию мы разберем ниже, а пока продолжим рассмотрение фактов.

В македонском (и болгарском) языке возможны употребления типа: *Поголемите наши градишта се: Белград, Загреб, Лоубљана* и др.¹²

В этой связи заметим, что русские формы с *по*, выражающие ослабленность признака¹³ и формально совпадающие с македонским (и болгарским) компаративом, по сути дела оторвались от системы сравнительной степени и функционируют как чистые наречия, ср.: *Я поскорее выбрался из кибитки* (Пушкин).

Итак, в каждом из указанных славянских языков, в качестве маргинальных явлений, причем специфических именно для данного языка, разбираются случаи употребления компаратива вне системы степеней сравнения. Но наиболее интересно то обстоятельство, что аналогичное употребление компаратива наблюдается и в румынском языке. В Академической грамматике румынского языка приводится ряд фактов такого употребления, причем опять-таки констатируется, что специфическим для румынского языка является тип, в котором «отсутствует второй термин сравнения»¹⁴, например *M a i r a r o m s ă p o a t ă l u ă . . .*

Ф. Фикшинеску, посвятившая интересующей нас проблеме специальную статью¹⁵, справедливо отмечает, что такое объяснение ничего не дает, ибо само понятие сравнения теряет смысл. Она приводит большое количество примеров, таких, как *Lui îi plac pui de cei m a i t i n e r i , mie însă-mi plac și iști m a i b a t r î n i ,* или *Toți așteptau, doar o veni Flăcăul m a i c u r i n d ,* и пишет по их поводу: «Прилагательные *tineri* „молодой“, *batrini* „старый“ и наречие *curind* „скоро“, предшествуемые *mai*, выражают степень качества безотносительно к другим существам или вещам». Фикшинеску приходит к выводу, что *mai* в данной конструкции передает идею не сравнения, а приблизительности (*mai* *arghivativ*).

Что касается суперлатива, то во всех славянских языках различаются собственно превосходная степень и так называемый элатив. Особенно отчетливо это различие в болгарском (и македонском) языке, где оба употребления грамматически дифференцируются при помощи члена¹⁶. Существенно, однако, что по происхождению суперлатив славянских языков всегда восходит к компаративу. В случае, когда компаратив употребляется вне сравнения, происходит нейтрализация между им и суперлативом, не имеющим значения превосходной степени. Наиболее характерно со-

¹² Б. К о н е с к и. Граматика на македонскиот литературен језик. Дел II. Скопје, 1954, стр. 77.

¹³ В. В. В и н о г р а д о в. Современный русский язык. М., 1938, стр. 217.

¹⁴ Fl. F i c ș i n e s c u. Un fals comparativ de superioritate. «Limba romîna», 5, 1963.

¹⁵ Gramatica limbii romîne, vol. 1. București, стр. 182.

¹⁶ Ю. С. М а с л о в. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр. 121.

ответствующее явление для русского языка, где только из контекста можно установить, выражают ли формы на -ейший, -айший, а также высший — низший, лучший — худший превосходную степень или же речь идет о компаративе в абсолютном употреблении (исходное значение этих форм).

Можно отметить своеобразную дополнительную в распределении абсолютного употребления компаратива и суперлатива. Наиболее сильно абсолютный суперлатив представлен именно в русском языке, где отсутствует, как мы видим, абсолютный компаратив. Распространенность русского абсолютного суперлатива по сравнению с чешским отмечается и авторами сопоставительной грамматики (см. сноску 9).

Собрав воедино соответствующие факты, мы можем поставить вопрос о семантическом механизме, лежащем в основе всего явления. В принципе возможны два подхода к нему: первый состоит в сохранении идеи сравнения как инварианте для любого употребления компаратива (а также суперлатива), а второй — в поисках некоторого нового инварианта.

Первый подход представлен в изложенной выше идее Стевановича: соответствующие компаративы выражают идею сравнения, но по отношению не к исходному существительному, а к его антониму. По-видимому, впервые эта интересная идея была выдвинута И. Польдауфом¹⁷. Аналогичная теория предлагалась для объяснения немецких компаративов¹⁸ типа приведенных в начале статьи. Основа такого объяснения заключается в том, что при абсолютном употреблении компаратива, действительно, как выразилась Фикшинеску, имеет место определенное равновесие между двумя полюсами, выраженными соответствующими антонимами. Тем не менее нам представляется, что речь идет не о причине, а о следствии. Кроме того, такое значение не выводится из значения обычного сравнения (сравнения двух предметов). Но в отношении типологии наиболее уязвимо в этой теории то, что она фактически объясняет лишь одну специфическую ситуацию, когда в тексте выступают оба антонима. Между тем в этом случае абсолютное употребление компаратива возможно в гораздо большем числе языков¹⁹. Если аппроксимативное употребление в чистом виде, например при буквальном переводе приведенных выше чешских или сербских примеров, недопустимо для русского языка, то при наличии двух антонимов компаратив может выступать и в русском

¹⁷ I. Poldauf. O podstatě stupňování přídavných jmen. «Časopis pro moderní filologii», 31, 1948, str. 109—122.

¹⁸ H. R e n i c k e. Inversion beim neuhochdeutschen Komparativ. «Zeitschrift für deutsche Philologie». Stuttgart, 1955, Bd. 74, № 1—3.

¹⁹ Именно увлечение подобными парными примерами заслоняет, как нам представляется, суть дела в статье Фикшинеску, ср. приводимый ею пример *Oameni ca toți oameni, domnule colonel. Unii mai buni, alții mai răi* (Садовяну). В таких примерах, с нашей точки зрения, пропадает вся специфика явления (ср. приводимый в нашем тексте русский пример).

языке, ср.: *Люди как люди: одни — лучше, другие — хуже*. Между тем абсолютное употребление только одного из антонимов (например, при вопросе *Кто лучше: х или у?* — ответ *оба хуже*) свидетельствовало бы о намеренном или ненамеренном нарушении норм русского языка. Необходимо выработать такую систему признаков, которая отражала бы фактическое различие языков.

Поэтому мы предлагаем другое объяснение. Мы считаем, что в основе любого употребления компаратива — и при подлинном сравнении двух объектов, и при аппроксимативном значении — лежит идея релятивности признака. В самом деле, когда, например, в болгарском предложении *Той е по-умен от Петко* выступает форма *по-умен*, то вовсе не утверждается, что субъект, о котором идет речь, умен, наоборот, он может быть весьма глуп, и при этом сделанное высказывание может оставаться истинным²⁰. Таким образом, из первоначальной идеи релятивности признака²¹ легко выводится при соответствующих условиях контекста и идея чистого сравнения, и идея аппроксимативности признака.

Здесь следует подчеркнуть, что для суперлатива вовсе необязательно постулировать в качестве исходного значения идею сравнения со всеми остальными объектами (заметим, что и исторически суперлатив восходит к тем же интенсифицирующим суффиксам, что и компаратив). Можно постулировать другой признак, а именно признак оптимальности, т. е. очень высокой степени проявления признака. В сочетании с признаком определенности (например, единственности данного объекта в данной ситуации) признак оптимальности и передает идею объекта, обладающего признаком в наивысшей мере. Очевидно, что признак определенности — неопределенности существует для любого славянского языка, хотя он, как правило, выражается в современных языках лишь контекстуально. Однако только в болгарском и македонском языках наличие члена формально разграничивает собственно превосходную степень и абсолютное употребление вне сравнения. Что касается остальных славянских языков, то распределение ролей этих двух суперлативов, не поддержанное синтагматически (употреблением члена), может происходить только за счет парадигматического соотношения между компаративом и суперлативом. Отмеченный выше факт дополнительной распределенности абсолютного употребления компаратива и суперлатива показывает, что оно должно быть различным.

²⁰ Этот факт был отмечен еще К. С. Аксаковым (соответствующее его высказывание приводится в книге В. В. Виноградова «Современный русский язык», стр. 222), но представляется, что из него до сих пор не был сделан тот вывод, который необходим.

²¹ Первоначальность здесь понимается в смысле проведенной логической реконструкции и не связывается с фактической историей. Тем не менее весьма знаменателен тот факт, что для индоевропейских суффиксов *-уес* (*-iуес*) постулируется весьма общее интенсифицирующее значение. Таким образом, не исключено, что в современном употреблении мы имеем дело со структурным эхом весьма ранних процессов.

Ниже мы и хотим исследовать системные отношения форм степеней сравнения на основе выделенных признаков. Мы рассмотрим несколько логически возможных систем. Первая система (которую логически следовало бы считать исходной) отражает абсолютное применение степеней сравнения и построена следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Форма	Релятивность	Оптимальность
Исходная степень	—	—
Компаратив	+	—
Суперлатив	+	+

Из этой системы развитие может идти таким образом, что суперлатив сосредоточивает в себе идею оптимальности, а признак релятивности становится побочным (см. табл. 2).

Таблица 2

Форма	Релятивность	Оптимальность
Исходная степень	—	—
Компаратив	+	—
Суперлатив	+	+

Таковым представляется положение в языках, формально различающих собственно превосходную степень и элативное употребление, например в болгарском и македонском, а также в румынском. При отсутствии такого формального различия естественно предположить дальнейшее развитие, когда признак релятивности полностью сосредоточивается в компаративе (см. табл. 3).

Таблица 3

Форма	Релятивность	Оптимальность
Исходная степень	—	—
Компаратив	+	—
Суперлатив	—	+

Таковым представляется положение в сербско-хорватском языке, а также в чешском и словацком языках, с которых мы и начали.

Заметим, что в системах, соответствующих табл. 2 и 3, значение сравнительной и превосходной степеней могло быть даже основным, ибо оно, как мы уже подчеркивали, полностью выводится из комбинации положительного значения релятивности и отрицательного значения оптимальности для компаратива и положительного значения оптимальности и отрицательного значения релятивности — для суперлатива. Однако были возможны и другие значения, в частности и абсолютные. Из исходной системы (см. табл. 1) можно получить новую систему, заменив признак релятивности на другой признак сравнительности (как мы говорили, логически релятивность предшествует сравнительности) и разрешив для суперлатива оба значения этого признака (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Форма	Сравнительность	Оптимальность
Исходная степень	—	—
Компаратив	+	—
Суперлатив	+ —	+

Такую картину мы и видим в русском языке. Внешне (по распределению плюсов и минусов) она соответствует системе, предлагаемой для болгарского и македонского языков, но имеет другое содержание.

Сопоставление систем, представленных в табл. 2 и 3, объясняет и отмеченный нами факт дополнительного распределения компаратива и суперлатива в абсолютном употреблении. В системе, представленной в табл. 3, суперлатив лишен признака релятивности и поэтому выражает оптимальность в чистом виде, в то же время релятивность вполне может себя выразить в компаративе; наоборот, в системе, представленной в табл. 4, компаратив уже передает не идею релятивности, а значение чистого сравнения, в то время как суперлатив может выступать как в сравнении, так и вне его.

Таким образом, противопоставленности русского типа в плане выражения (аналитичности), по-видимому, соответствует и его противопоставленность в плане содержания. Остается, однако, открытым вопрос о том, почему эти два противопоставления оказались связанными.

ОБ ОДНОМ ВИДЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА С ГЛАГОЛЬНЫМИ
КАТЕГОРИЯМИ

Вопрос о типах связи грамматических категорий в системе языка достаточно нов в лингвистике. Более всего он разработан в учении об универсалиях, где выведен целый ряд зависимостей типа «если глагол имеет категорию рода, он обязательно имеет и категорию числа»¹. В универсалиях фиксируется связь категорий по одновременному наличию — отсутствию, основанная на частоте встречаемости категории в языках разного типа.

Попытка выявить возможные типы связей между категориями, с точки зрения того, какими именно чертами своего устройства они соприкасаются, позволяет в предварительном порядке указать следующие способы их взаимодействия:

1. По процедуре выделения. Грамматическая категория может иметь предпосылкой выделение другой категории, выделяться вместе с ней или, наконец, иметь следствием выделение другой категории. Так, чтобы выделить категорию рода, надо предварительно выделить категорию падежа, а категория падежа предполагает уже выделенную категорию числа². Категория рода в существительном выделяется вместе с категорией рода в прилагательном³. Наконец, выделение категории залога имеет следствием вскрытие оппозиции переходности — непереходности.

2. По семантике. Значение грамматической категории может совпадать с другой, включаться в нее или частично (отдельными членами) пересекаться с ней. Например, категория лица в местоимении обычно совпадает по значению с категорией лица в глаголе, в грузинском языке значение категории поверхностной ситуации вкладывается в общую систему падежных значений (см. ниже), имеются многие схождения между значениями категории времени в глаголе и значением отдельных падежных форм; значение притяжательности включает в себя значение лица и

¹ Дж. Гринберг. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. «Новое в лингвистике», вып. 5. М., 1970, стр. 161.

² И. И. Ревзин. Об иерархии категорий имени в славянских языках. «Сов. славяноведение», 1969, № 3.

³ См. статью О. Г. Ревзиной в настоящем сборнике.

т. п.⁴ Кроме того, значение категории может нейтрализоваться под воздействием другой (ср. хорошо известные факты нейтрализации по роду во множественном числе, снятие оппозиции настоящего — будущего времени в совершенном виде и т. д.).

3. По способу выражения. Мы оставляем сейчас в стороне многочисленные случаи совпадения показателей категорий, поскольку это связано с техникой выражения, свойственной данному языку (агглютинация, фузия и т. д.), и хотели бы обратить внимание только на один случай пересечения способов выражения категорий, который условно можно назвать транспозиционным. Имеется в виду случай, когда грамматическое противопоставление проявляет себя именно в реализации другого противопоставления. Например, различие по одушевленности часто выражается в том, как образуется множественное число, в категории неотчуждаемой принадлежности проявляет себя противопоставление названий частей тела и имен родства остальным именам, в образовании времен по-разному ведут себя статические и динамические глаголы.

4. По способу функционирования. Две категории могут выступать в синтагматической цепи таким образом, что определенное значение одной категории предписывает твердо установленное значение другой (ср. хотя бы связь пассивного залога и творительного падежа).

В славянских языках представлен тип взаимосвязи двух простых категорий — категории рода в существительном и прилагательном, который заставляет объединить их в одну единицу высшего порядка — суперкатеорию рода. Для суперкатегории характерны следующие черты: 1) связь по процедуре выделения: род в существительном нельзя формально выделить, не пользуясь показателями прилагательного; 2) связь по семантике: значение рода в существительном не совпадает со значением рода в прилагательном и вместе с тем связано с ним, в одной категории основным является лексический компонент значения, в другой — синтаксический компонент; 3) связь по способу выражения: формальным показателем наличия категории рода у существительного является родовое словоизменение прилагательного; 4) связь по способу функционирования: в предложении, точнее в синтагме, оба члена суперкатегории выступают совместно, составляя как по значению, так и по синтаксическому употреблению целостный механизм.

Суперкатегория рода проясняет действие одного вида подчинительной связи — согласования. Признаком согласования считается обычно тот факт, что в нем «грамматические значения определяемого повторяются в определяющем, хотя бы формы были раз-

⁴ Семантические сходства категорий значительно возрастают, если их рассматривать на межъязыковом уровне, т. е. независимо от одновременного присутствия в одном языке. Но нас здесь интересуют допустимые семантические связи категорий внутри одной и той же системы.

личны»⁵. Но как раз грамматические значения простых категорий рода в прилагательном и существительном совершенно различны. Эффект тесного слияния членов синтагмы при согласовании возникает оттого, что простые категории, его выражающие, как бы вклиниваются друг в друга: род существительного находит свое выражение в прилагательном, а род прилагательного черпает свою семантику в существительном (что проявляется, в частности, при субстантивации).

Другой тип подчинительной связи — управление — в славянских языках можно также охарактеризовать через взаимодействие категорий. Подобно суперкатегории рода, организующей связь существительного с прилагательным, в синтагме глагол+существительное допустимо при определенной точке зрения выделение категории управления, которая включала бы падеж существительного и категорию управления (семантико-дистрибутивный подкласс, зависящий от управления) в глаголе. Суперкатегория управления многими чертами оказывается сходной с категорией рода. Простая категория управления в глаголе выражается через показатель падежа, т. е. по процедуре и по способу выражения она сходна с категорией рода в существительном. Характерно, что категория переходности, обычно выделяемая в глаголе, также не имеет собственного показателя в глаголе и выделяется именно по способности соединения с глаголом существительного в форме винительного падежа. Те значения, которые можно было бы приписать категории управления в глаголе, соотносятся со всей лексемой, а не с отдельной глагольной формой, точно так же, как значение рода в существительном есть принадлежность слова в целом⁶. Значения категории падежа и корреспондирующей с ней категории управления в глаголе не исключают друг друга, в предложении обе категории выступают одновременно. Таким образом, при управлении в славянских языках создается столь же тесная связь категорий, как и при согласовании.

Конечно, одновременно между управлением и согласованием имеются глубокие различия. Сюда относится и факт большого количества классов управления по сравнению с числом родов, и возможность для глагола управлять несколькими падежами, и, главное, отсутствие явления, аналогичного субстантивации, явления, при котором бы значение одной из связанных категорий переходило на другую. Именно поэтому об управлении говорится, что при этом виде связи «грамматические значения определяемого вызывают в определяющем другие, но вполне определенные грамматические значения»⁷. В этой связи интересную типологическую параллель к славянским языкам представляет грузинский язык,

⁵ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 329.

⁶ Об управлении как лексическом свойстве глагола см.: И. С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. «Уч. зап. МГПИ. Кафедра русского языка». М., 1941, т. V, вып. 1.

⁷ А. А. Реформатский. Указ. соч., стр. 329.

где в синтагме глагол+существительное также наблюдается активное взаимодействие глагольных и именных категорий, однако строится оно несколько иначе и именно в той части, которая касается значения и функционирования связанных простых категорий глагола и имени. Анализ глагольно-именных категориальных отношений расширяет также наше представление о возможных типах взаимодействия грамматических категорий в системе языка.

Для выделения падежной системы грузинского языка можно воспользоваться любой из процедур, предложенных для славянских языков⁸. При этом получается ядерная система «истинных» падежей (Им, Эрг, ДВ, Тв, Тр) и расширенная система, включающая локативные падежи (М, Отпр и Дост⁹). Указанные формальные процедуры эффективны в отношении славянских языков и позволяют собрать воедино словоформы одного падежа. По отношению к грузинскому языку такая задача не стоит, так как в нем нет склонений. Вместе с тем специфика именно грузинской падежной системы, состоящая в четко фиксированной связи падежной формы с категориями глагола, не получает отражения в подобной модели. Более удобной оказалась модель, предложенная для других целей А. Грыбульцем¹⁰, позволившая нам разделить грузинские падежи на серии: субъектно-объектную (Им, Эрг, ДВ), локативную (М, Отпр, Дост) и еще три серии, включающие по одному падежу (Р, Тв, Тр), которые можно объединить в промежуточную зону. Структура грузинской падежной системы формируется, с одной стороны, на основе противопоставлений серий и, с другой стороны, на основе оппозиции синтаксических и семантических падежей. Последнее противопоставление, введенное Е. Куриловичем¹¹ применительно к индоевропейским языкам и, в частности, к славянским, в грузинском языке поддерживается рядом формальных признаков. Чисто синтаксическими являются падежи субъектно-объектной серии (Им, Эрг, ДВ пр, ДВ косв¹²), которые неспособны к распространению основы, занимают в предложении позиции субъекта и объекта и чаще неспособны к выражению обстоятельственных отношений. Напротив, семантические падежи (локативные и падежи промежуточной зоны — Р¹³, Тв, Тр)

⁸ А. А. З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М., 1967; С. М а р к у с. Теоретико-множественные модели языков. М., 1970; И. И. Р е в з и н. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.

⁹ Им — именительный, Эрг — эргативный, ДВ — дательно-винительный, Р — родительный, Тв — творительный, Тр — транслативный, М — местный, Отпр — отправительный, Дост — достигательный.

¹⁰ А. Г р ы б у л ь ц. Разбиения словника в языках с заданными парадигмами. «Научно-техническая информация», 1967, № 12.

¹¹ Е. К у р и л о в и ч. Проблема классификации падежей. В кн.: Е. К у р и л о в и ч. Очерки по лингвистике. М., 1962.

¹² ДВ пр — дательно-винительный прямого объекта, ДВ косв — дательно-винительный косвенного объекта.

¹³ Е. Курилович относит Р к синтаксическим падежам, исходя из трансформации Р объекта и субъекта соответственно в объект и субъект. На первом

в предложении занимают по большей части позиции разного рода обстоятельств, в ядерных предложениях не связаны с выражением субъектно-объектных отношений, и, кроме того, три падежа промежуточной зоны распространяют основу, выступая не только как словоизменительные, но и как словообразовательные аффиксы.

Классификация глагольных категорий в грузинском языке была дана акад. А. А. Шанидзе¹⁴. А. А. Шанидзе выделил две основные группы — категории словоизменительные (категории спряжения) и словообразовательные. К словоизменительным категориям относятся лицо, время, последовательность действия (одновременность, предшествование, следование одного действия за другим), наклонение. Словообразовательными являются категории направления—ориентации, залога, каузативности, версии, ситуации¹⁵.

Подобно тому, как выделяются падежные группировки (падежные серии), можно выделить группы глагольных грамматических категорий. Для обозначения этих группировок А. А. Шанидзе воспользовался термином «глагольная серия». Под глагольной серией А. А. Шанидзе имеет в виду сочетание конкретных значений категорий лица, времени и наклонения, которые характеризуются одинаковой сочетаемостью с падежами субъекта и объекта. В грузинском языке выделяются три глагольные серии. В I серию входят глаголы настоящего, прошедшего незаконченного и будущего времени изъявительного наклонения. Во II серию входят глаголы прошедшего результативного времени изъявительного наклонения и глагольные формы со значением «будущего в прошедшем» сослагательного наклонения. В III серию входят глаголы «заглазного»¹⁶ наклонения прошедшего времени, а также временные формы со значением будущего в прошедшем.

Грузинское простое предложение строится таким образом, что в нем категория падежа активно взаимодействует с глагольными грамматическими категориями и это взаимодействие является важнейшим средством организации синтаксической структуры предложения, определяя валентность глагола, способность предложения к семантическому свертыванию и развертыванию и т. д.

Первый принцип состоит в следующем: синтаксические падежи связаны со словоизменительными категориями, семантические падежи — со словообразовательными категориями.

этапе при классификации грузинских падежей были взяты нетрансформационные признаки, по которым Р попадает в семантические падежи.

¹⁴ А. А. Ш а н и д з е. Грамматика грузинского языка. Тбилиси, 1955.

¹⁵ Термин «словообразовательный» употребляется в данном случае не совсем в общепринятом значении, поскольку здесь не имеется в виду полное изменение денотата. Противопоставляя словообразовательные категории словоизменительным, А. А. Шанидзе, очевидно, хотел подчеркнуть, что такие категории, как ориентация, версия, каузативность больше изменяют значение глагола, чем словоизменительные категории.

¹⁶ Термин акад. А. С. Чикобава. А. С. Ч и к о б а в а. Грузинский язык. «Языки народов СССР», т. IV. М., 1967, стр. 48.

Совокупность различных комбинаций синтаксических падежей создает укрупненную единицу более высокого уровня — серию субъектно-объектных падежей (включающую «падеж субъекта», «падеж косвенного объекта» и «падеж прямого объекта»), которая взаимодействует с единицей своего уровня из класса категорий глагола — с глагольной серией (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Связь синтаксических падежей со словоизменительными глагольными категориями

Падеж субъекта	Глагольная серия	Падеж пр. объекта	Падеж косв. объекта	Примеры
Им	I	ДВ пр	ДВ косв	<i>kas-i</i> (Им) <i>cers ceril-s</i> (ДВ пр), <i>zma-s</i> (ДВ косв) 'человек пишет письмо брату'
Эрг	II	Им	ДВ косв	<i>kas-ma</i> (Эрг), <i>mişcera ceril-i</i> (Им) <i>zma-s</i> (ДВ косв) 'человек написал письмо брату'
ДВ *	III	Им **	P+последлог <i>tvis</i> 'для'	<i>kas-s</i> (ДВ) <i>mişceria ceril-i</i> (Им) <i>zm-is-tvis</i> (P+tvis) 'оказывается, человек написал письмо брату'

* В III глагольной серии (инверсивной) ДВ обозначает реальный субъект, но в глаголе он фиксируется показателями косвенного объекта.

** Им обозначает реальный объект, а в глаголе фиксируется показателями субъекта.

Правила сочетаемости синтаксических падежей с глагольными сериями определяют возможные ядерные типы грузинского предложения, поскольку синтаксические падежи выражают субъектно-объектные отношения глагола. По количеству синтаксических падежей, присоединяемых к глаголу, в грузинском языке можно выделить одноличные, двуличные и трехличные глаголы. Одноличные глаголы присоединяют только падеж субъекта, например, *kas-i* (Им) *curavs* 'человек плавает', *kas-ma* (Эрг) *icurava* 'человек плавал', *kas-s* (ДВ) *icuravia* 'оказывается, человек плавал'. Двуличные глаголы присоединяют падеж субъекта и падеж прямого объекта или косвенного объекта, например: *kas-i* (Им) *xatavs surat-s* (ДВ пр) 'человек рисует картину', *kas-ma* (Эрг) *daxata surat-i* (Им) 'человек нарисовал картину'; *kas-s* (ДВ) *daxatavs surat-i* (Им) 'оказывается, человек нарисовал картину'; *kas-i* (Им) *dačerebia curat-s* (ДВ косв) 'человек смотрит на картину'; трехличные глаголы присоединяют падеж субъекта, падеж прямого объекта и падеж косвенного объекта (см. табл. 1).

Между синтаксическими падежами и глагольными словоизменительными категориями устанавливается отношение взаимной

импликации. Эрг предполагает, что глагол стоит во II глагольной серии, так же как при глаголе II серии возможен субъект только в Эрг. Но в плане содержания и в плане выражения между категорией падежа и глагольными категориями нет особой взаимосвязи. Значения, передаваемые падежами субъектно-объектной серии, с одной стороны, и конкретными значениями категорий времени, наклонения, с другой стороны, не перекрещиваются между собой. Вторая особенность связи данной падежной серии с глагольными сериями состоит в том, что в предложении присутствуют одновременно и падеж, и связанный с ним комплекс значений глагольных категорий. Их связь линейна, а не трансформационна в том смысле, что при изменении одного из членов этого устройства другие тоже производят изменения, но эти изменения специфичны для каждого из членов. Итак, в устройстве субъектно-объектной конструкции сочетаются два принципа: синхронность фазовых переходов, свойственных отдельным членам конструкции, и внутренняя разомкнутость, проявляющаяся в отсутствии взаимодействия между членами.

Связь синтаксических падежей со словообразовательными глагольными категориями неоднородна. Частично она сходна с только что описанной выше (связь падежей локативной серии с категорией направления и ориентации). Но основной тип связи словообразовательных категорий и семантических падежей существенно иной. Отличия от пар, состоящих из синтаксического падежа и глагольной серии, многоплановы. Они касаются семантики вступающих в связь категорий, их влияния на повышение валентности глагола. Наконец — что чрезвычайно существенно — семантические падежи через связь с глагольными словообразовательными категориями вступают во взаимодействие с семантическими падежами.

Рассмотрим эти вопросы более подробно. В табл. 2 приведены объединяющиеся в пары конкретные падежи и глагольные категории.

Таблица 2

Связь семантических падежей со словообразовательными глагольными категориями

Глагольные категории	Залог	Каузативность	Версия	Ситуация	Направление и ориентация
Падежи	Тв	Тв	Р	М	Локативы

1. Залог — Тв. Здесь выделяются два случая: а) если в предложении представлен глагол в неактивном залоге и при нем название орудия или инструмента действия в Тв, то при переходе в активный залог Тв заменяется на падеж субъекта.

Пример: *is* (Им) *ilyeba tamaš-it* (Тв) 'он устает от игры' → *tamaš-i* (Им) *ma-s* (ДВ пр) *γlis* 'игра его утомляет'; б) если в предложении имеется неактивный глагол и при нем Тв в функции, указывающей на прямой инструмент (орудие) действия, то при переходе в активный залог Тв заменяется на падеж прямого объекта.

Пример: *xeeb-i* (Им) *çvereb-it* (Тв) *ca-s* (ДВ) *ebžinebian* 'деревья верхушками неба касаются', *xeeb-i* (Им) *çvereb-s* (ДВ пр) *ca-s* (ДВ) *abženen* 'деревья верхушки к небу прикладывают'.

2. Каузативность — Тв. Здесь также выделяются два случая: а) если в предложении имеется активный некаузативный глагол и при нем форма Тв в значении обстоятельства причины, то при переходе глагола в каузативный Тв заменяется на падеж субъекта.

Пример: *šiš-it* (Тв) *aketeb-s is* (Им) *mas* (ДВ пр) 'он делает это от страха' → *šiš-i* (Им) *aketeb-in-eb-s mas* (ДВ косв) *mas* (ДВ пр) 'страх заставляет его делать это'; б) если в предложении имеется активный некаузативный глагол и при нем Тв, указывающий на косвенный инструмент (орудие) действия, то при переходе глагола в каузативный Тв трансформируется в падеж косвенного объекта.

Пример: *avapetkot čven* (Эрг) *naγmeb-it* (Тв) *kveqana* (Им) 'взорвет мир минами' → *čven* (Эрг) *avapetkeb-in-ot naγmeb-s* (ДВ косв) *kveqana* (Им) 'заставит мины взорвать мир'.

3. Версия — Р. Если в предложении имеются глагол нейтральной версии и приименной Р со значением принадлежности или адресата, то при переходе глагола в объектную версию Р трансформируется в ДВ косв.

Пример: *kač-i* (Им) *ašenebs zma-is* (Р) *saxl-s* (ДВ пр) 'человек строит дом брата' → *kač-i* (Им) *ušenebs zma-s* (ДВ косв) *saxl-s* (ДВ пр) 'человек строит брату дом'.

4. Ситуация — М. Если в предложении имеется глагол нейтральной ситуации и при нем форма М в значении местоположения в пространстве одного предмета относительно другого в статике (без выражения направления), то переход глагола в поверхностную ситуацию заменяет М на ДВ косв.

Пример: *kač-i* (Им) *çers šenišvna-s* (ДВ пр) *çign-ze* (М) 'человек пишет замечание на книге' → *kač-i* (Им) *açers šenišvna-s* (ДВ пр) *çign-s* (ДВ косв) 'человек подписывает замечанием книгу'.

5. Направление и ориентация — Локативы. Связь категории направления-ориентации и локативов несколько отличается от рассмотренных выше. Данная связь похожа на ту, которая существует между грамматическими категориями глагола и синтаксическими падежами. Как присутствие в глаголе определенной грамматической категории предполагает присутствие в предложении соответствующего синтаксического падежа, так и наличие в глаголе какой-нибудь приставки, выражающей значение направления, предполагает обязательное присутствие в предложении соответствующего локативного падежа.

Примеры: *ga-/gamo-* 'вы' и *gada-/gadmo-* 'пере-' требуют Отпр, *a-/amo-* 'вз' и *še-/šemo-* 'в' требуют М или Д ост, *da-* 'с' и *ča-/čamo-* 'с' требуют Д ост или М, но *da-* исключает М (-ši), а *ča-/čamo-* исключает М (-ze).

Обращает на себя внимание параллелизм в строении субъектно-объектной и локативных серий в следующем отношении: если характеризовать эти падежи по дифференциально-семантическим признакам Р. Якобсона (разложив предварительно признак направленности на два — исходности и финальности), то в каждой из серий выделится один исходный падеж (Эрг—Отпр), один финальный (ДВ—Д ост) и падеж, нейтральный по направленности (Им—М). Связь падежей локативной серии с категорией направления и ориентации так же линейна и нетрансформационна, как связь Им, Эрг и ДВ с глагольными сериями. Далее будет показано, кроме того, что в этих двух полярных сериях можно выделить падежи (ДВ—М), являющиеся «переходными мостиками» от этих серий к промежуточной зоне (Тв, Р). Таким образом, выявляется не только противопоставленность данных падежных серий, но и целый ряд их внутренних структурных сходжений.

Перейдем теперь к характеристике той связи, которая представлена в парах Залог—Тв, Каузативность—Тв, Версия—Р, Ситуация—М. Обращают на себя внимание следующие черты: 1) возможность выделить для каждой пары единое значение. При трансформации семантический падеж как будто расщепляется, переходя формально в один из падежей субъектно-объектной серии и одновременно отдавая значение глаголу. Одну и ту же сему каузативности несут глагольная форма и Тв, сему версии—глагол и Р, сему ситуации — глагол и М; 2) наличие одного из членов пары исключает другой член. Если в предложении имеется каузативный глагол, то в нем уже невозможен Тв, в функции орудия или инструмента, который мог бы перейти в падеж субъектно-объектной серии; при глаголе объектной версии в предложении отсутствует Р принадлежности или адресата и т. д. Это отношение взаимоисключения, которое устанавливается между конкретными значениями семантических падежей и глагольных категорий, резко противостоит отношению взаимной импликации, связывающей падежи субъектно-объектной серии с глагольными сериями. Отметим, что в связи локативов с категорией направления и ориентации, хотя и имеется семантическое насыщение (в отличие от субъектно-объектной серии), сема направления и ориентации присутствует и в глагольной приставке, и в локативе, т. е. отношение взаимоисключения не устанавливается; 3) связь словообразовательных категорий с семантическими падежами устанавливается в результате таких трансформаций, которые предполагают не разъединенное изменение каждого из членов конструкции по своим фазам (состояниям), но активное взаимодействие их друг с другом, так что потеря у одного члена означает приобретение у другого.

Сравнение двух типов взаимодействия глагольных категорий с падежами, представленное в грузинском языке, дает следующую картину. Связь словоизменительных категорий с синтаксическими падежами является более слабой, чем связь простых категорий в категории рода в славянских языках. По процедуре выделения глагольные серии независимы от падежных, по значению глагольные и именные категории не пересекаются (хотя категория лица передает те же значения субъекта и объекта, что и синтаксические падежи, но во взаимодействии падежных и глагольных серий она не участвует). Взаимодействие категорий глагола и синтаксических падежей осуществляется в синтаксической цепи и основано на принципе взаимной импликации.

Связь словообразовательных категорий с семантическими падежами также отлична от суперкатегории в том отношении, что по процедуре выделения взаимодействующие категории независимы. Но по значению и употреблению они, напротив, связаны очень тесно, что позволяет говорить о явлении категориального бинома в грузинском языке.

Более подробно следует остановиться на том, какое влияние оказывают трансформации внутри категориального бинома на валентность глагола.

Значение категориального бинома проявляется или в глаголе, или в имени. Если оно проявляется в имени, то глагол приобретает одну единицу потенциальной валентности, если же в глаголе, то валентность глагола возрастает на одну единицу. Если категориальный бином не проявляется ни в имени, ни в глаголе, то валентность глагола остается неизменной. В свою очередь, способность глагола к выражению значения категориального бинома зависит от двух факторов: семантики глагола, точнее, его способности сочетаться со значениями разных словообразовательных категорий, и категории лица.

Наибольшими возможностями в этом плане обладают одноличные глаголы, которые могут быть исходно пассивного залога (*tbeba* 'греется') или среднего (*duγs* 'кипит'). Поскольку при этих глаголах занята только одна позиция — позиция субъекта, то глагол может нарастить и реализовать еще три валентности — позицию прямого объекта и двух косвенных объектов: адресата или непосредственного производителя действия. Эти позиции замещаются формами имен, выступающих в предложении в одном из семантических падежей — Тв, Р, М, которые при передаче своего значения глаголу трансформируются в один из синтаксических падежей. В принципе каждый из биномов может действовать самостоятельно, производя единичное повышение или понижение валентности; на одноличные глаголы действуют все словообразовательные категории: каузативность, версия, ситуация, залог. Отметим, что бином М — ситуация действует только в отношении глаголов с определенной семантикой, допускающей присоединение семы поверхностной ситуации, например, *dneba* (нейтральная

ситуация) *is mas-ze* → *a-dneba* (поверхностная ситуация) *is mas* 'тает он на том'; местный падеж *mas-ze* отдает свое значение глаголу, который становится двуличным и насыщает позицию косвенного объекта. Кроме того, к одному и тому же глаголу можно применять последовательно трансформации по разным категориальным биномам. Число таких трансформаций не превышает трех, и на возможные их сочетания и порядок применения наложены определенные ограничения. Так, для глагола *tbeba* 'греется' естествен следующий порядок: 1) Тв — залог (Тв переходит в падеж прямого объекта): *tbeba* (пассив) *is* (Им) *mit* (Тв) 'греется он тем' → *a-tbobs* (актив) *is* (Им) *mas* (ДВ пр) *mit* (Тв) 'греет он то тем'. Глагол становится двуличным; 2) Тв — каузативность: *a-tbobs* (прямой каузатив) *is mas mit* → *a-tbob-in-ebis is* (Им) *mas* (ДВ пр) *mis* (Р) *mas* (ДВ косв) *mit* (Тв) 'он заставляет его греть его то (что-то) тем'. Теперь уже у глагола насыщены три валентности: Им, ДВ пр и ДВ косв; 3) Р — версия: *a-tbob-in-ebis is mas mis mas mit* → *u-tbob-in-ebis is* (Им) *mas* (ДВ пр) *mas* (ДВ косв) *mas* (ДВ косв) *mit* (Тв) 'он заставляет его греть ему то (что-то) тем'. Глагол реализовал все свои потенциальные валентности, он стал четырехвалентным, больше никакие трансформации невозможны (табл. 3—4).

Таблица 3

Одноличные глаголы: а) изменение по каузативности

Неактивный залог	Некаузативные	<i>duγs</i> 'кипит'	<i>tbeba</i> 'греется'
Активный залог	прямая каузативность	<i>a-duγ -ebis</i> 'кипятит'	<i>a-tbobs</i> 'греет'
	косвенная каузативность	<i>a-duγ-eb-in-ebis</i> 'заставляет кипятить'	<i>a-tbob-in-ebis</i> 'заставляет греть'
	косвенная каузативность + объектная версия	<i>u-duγ-eb-in-ebis</i> 'заставляет кипятить ему'	<i>u-tbob-in-ebis</i> 'заставляет греть ему'

Двуличные глаголы относятся к активному залогу, одновременно несут в себе сему прямой каузативности (валентность прямого объекта). Поэтому к ним применимы только трансформации Тв — косвенная каузативность (показатель *a-in*), Р — версия и М — ситуация. Например, глагол *xaγavs* 'рисует' допускает следующие операции: 1) Тв — каузативность, *xaγavs is* (Им) *mas* (ДВ пр) *mit* (Тв) 'рисует он то тем' → *a-xaγv-in-ebis* (косв. каузатив) *is* (Им) *mas* (ДВ косв) *mis* (Р) *mas* (ДВ пр) *mit* (Тв); 2) Р — версия, *a-xaγv-in-ebis is mas mis mas mit* → *u-xaγv-in-ebis* (объектная версия) *is* (Им) *mas* (ДВ косв) *mas* (ДВ косв) *mas* (ДВ пр) *mit* (Тв) 'заставляет

Одноличные глаголы: б) изменение по версии

Неактивный залог	Объектная версия	<i>u-duγs</i> 'кипит у него'	<i>u-tbeba</i> 'греется у него'	2	↑ Валентность ↓
	нейтральная версия	<i>duγs</i> 'кипит'	<i>tbeba</i> 'греется'	1	
Активный залог	субъектная версия	<i>i-duγebs</i> 'кипятит себе'	<i>i-tbobs</i> 'греет себе'	2	
	объектная версия	<i>u-duγebs</i> 'кипятит ему'	<i>u-tbobs</i> 'греет ему'	3	
	объектная версия + каузативность	<i>u-duγebin-eps</i> 'заставляет его кипятить ему'	<i>u-tbob-in-eps</i> 'заставляет его греть ему'	4	

он его рисовать ему то. тем'. Возможно такое сочетание биномов: М — ситуация и Тв — косвенная каузативность. Трансформации по этим биномам также делают глагол четырехличным: *xaγavs* 'рисует' → *a-xaγavs* 'рисует на' → *axaγv-in-eps is mas mas mas mit* 'он заставляет его рисовать на том то тем' (табл. 5—6)

Таблица 5

Двуличные глаголы: а) изменение по каузативности

Неактивный залог	Нейтральная каузативность	<i>i-xaγeba</i> 'рисуется'	1	↑ Валентность ↓
Активный залог	прямая каузативность	<i>xaγavs</i> 'рисует'	2	
	косвенная каузативность	<i>a-xaγv-in-eps</i> 'заставляет рисовать'	3	
	каузатив + объектная версия	<i>u-xaγv-in-eps</i> 'заставляет рисовать ему'	4	

Трехличные рассмотрим отдельно.

К трехличным относятся все каузативные глаголы и глаголы объектной версии. С другой стороны, во всех трехличных глаголах, формально некаузативных, содержится в какой-то мере значение каузативности, поскольку все они активного залога и во

Двуличные глаголы: б) изменение по версии

Неактивный залог	Объектная версия	<i>e-xaʃeba</i> 'рисуется ему'	2	↑ Валентность ↓
	нейтральная версия	<i>i-xaʃeba</i> 'рисуется'	1	
Активный залог	нейтральная версия	<i>xaʃavs</i> 'рисует'	2	
	субъектная версия	<i>i-xaʃavs</i> 'рисует себе'	2	
	объектная версия	<i>u-xaʃavs</i> 'рисует ему'	3	
	объектная версия + каузатив	<i>u-xaʃv-in-eps</i> 'заставляет рисовать ему'	4	

всех трехличных глаголах есть возможность появления Тв — орудийного. Во всех трехличных глаголах формально нейтральной версии присутствует также и значение объектной версии. В трехличных глаголах семантически присутствуют одновременно и категория каузативности и категория версии. Но формально в трехличных глаголах категория каузативности и категория версии исключают друг друга; если в глаголе присутствует и показатель объектной версии, и показатель каузативности, то глагол, как правило, четырехличный, имеет два косвенных объекта. Один косвенный объект обозначает медиатор, непосредственный производитель действия, и связан с категорией каузативности, а другой — связан с категорией объектной версии и обозначает адресата, которому предназначается действие или прямой объект. Так как все трехличные глаголы содержат понятие объектной версии, то когда к ним прибавляется еще и понятие каузативности, естественно прибавляется еще один косвенный объект — производитель действия. Глагол становится четырехличным. И наоборот, когда к каузативным глаголам прибавляется категория объектной версии, то прибавляется еще один косвенный объект — адресат. Глагол опять-таки становится четырехличным. К трехличным глаголам категория ситуации не прибавляется.

По отношению к трехличным глаголам возможна только одна трансформация. Здесь действует или бином Р — версия или Т — каузативность

С возрастанием валентности глагола уменьшается его способность к образованию новых форм с помощью словообразовательных категорий. Валентность глагола и его семантические возмож-

ности находятся в обратно пропорциональной зависимости друг к другу. Шире всего семантические возможности у одноличных глаголов. Они способны пользоваться всеми словообразовательными категориями для образования новых глаголов. Возможности двуличных глаголов меньше. Трехличные глаголы образуют только категории каузативности и версии. При этом показатель объектной версии прибавляется лишь к небольшому числу трехличных глаголов, а показатель каузативности, хотя он сочетается с большинством глаголов, также в некоторых случаях невозможен.

Порядок применения трансформаций по биномам определяется тем фактом, что при этих трансформациях семантические падежи превращаются в синтаксические, а между синтаксическими падежами существует внутренняя упорядоченность. Правила замещения позиций синтаксических падежей таковы: 1) каждая из позиций может замещаться самостоятельно, в результате единичной трансформации. Поэтому к одноличным и двуличным глаголам применима непосредственно трансформация М — ситуация, в результате которой М превращается в ДВ косв, замещающий позицию косвенного объекта; 2) если замещены позиции косвенных объектов, то невозможны трансформации по биномам, касающиеся Им и ДВ пр. Отсюда после применения трансформации по биному Р — версия возможна только Тв — косвенная каузативность, и наоборот, но невозможны трансформации по биному Тв — залог и биному Тв — прямая каузативность. Вместе с тем падеж субъекта и падеж прямого объекта не иерархизованы друг относительно друга, поэтому после действия бинома Тв — залог, где Тв переходит в падеж прямого объекта, возможна трансформация Тв — каузативность, где Тв переходит в падеж субъекта.

Выше был сформулирован первый принцип взаимодействия имени и глагола в грузинском языке, состоящий в том, что разные типы падежей (семантические и синтаксические) находят корреспондентов в определенных категориях глагола, образуя в ряде случаев глагольно-именные суперкатегории. Это — принцип изоморфизма. Второй принцип можно назвать принципом взаимной компенсации. Основываясь на изложенном выше, его можно разъяснить следующим образом: в грузинском предложении оказываются связанными отношением дополнительной дистрибуции словообразовательные категории глагола и семантические падежи в неадвербиальном употреблении, которые глагол может к себе присоединить. Поэтому число неадвербиальных семантических падежей находится в обратно пропорциональной зависимости от валентности глагола. Чем больше валентность его, тем меньше неадвербиальных семантических падежей в предложении, и наоборот. Реализация всех возможных валентностей означает устранение всех семантических падежей в неадвербиальном употреблении.

Возвращаясь к принципу изоморфизма, можно выделить два основных механизма порождения грузинского предложения:

1) механизм порождения ядерной структуры, основанный на связи синтаксических падежей со словоизменительными категориями; 2) механизм семантического развертывания предложения, основанный на связи семантических падежей и словообразовательных категорий. Эти механизмы (рис. 1) можно представить следующим образом (в — глагол, а — субъект, с — объект прямой или косвенный, д — семантический падеж, присоединяемый к глаголу, номера при символах обозначают фазу):

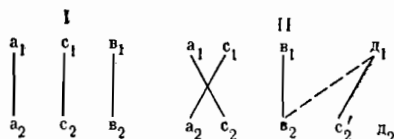

Рис. 1. Синтаксические падежи и словоизменительные глагольные категории

В первом случае при переходе предложения из одной фазы в другую (смена глагольной серии — смена синтаксических падежей) происходит одновременная смена форм всех членов конструкции. Во втором случае переход конструкции в новую фазу, если его искусственно замедлить, предстает как ряд действующих друг за другом правил, предполагающих перераспределение свойств между именами конструкции: 1) первый шаг — семантический падеж передает свое значение глаголу и сам в этом виде уходит из предложения ($d_1 \rightarrow v_1 \rightarrow v_2$); 2) глагол, наделенный новой семей в своем значении, вызывает фазовые переходы синтаксических падежей субъекта и объекта в новое, соответствующее форме глагола состояние ($a_1 \rightarrow c_2, c_1 \rightarrow a_2$); 3) семантический падеж d_1 трансформируется в падеж объекта ($d_1 \rightarrow c_2$), делая возможным присоединение к глаголу нового семантического падежа d_2 .

В грузинском предложении оба названных механизма работают совместно, объединяясь в единую генерализованную систему, которая фиксирует не только связи падежей и глагольных категорий, но и связи семантических падежей с синтаксическими, а также связи семантических падежей друг с другом (рис. 2).

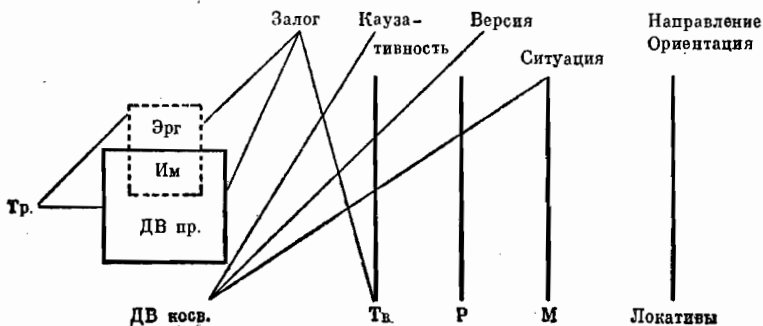

Рис. 2. Семантические падежи и словообразовательные глагольные категории

Мы видим, во-первых, что семантические падежи (Тв, Р, М) обладают способностью превращаться в синтаксические, иначе говоря, они являются потенциальными актантами предложения. При этом семантические падежи взаимодействуют не с изолированными синтаксическими падежами, а с более крупными единицами — падежом субъекта или падежом объекта, которые объединяют формы, выполняющие соответствующие функции при разных глагольных сериях.

Иной принцип связи с синтаксическими падежами демонстрирует Тр. Как и другие семантические падежи, Тр имеет связь с падежами субъекта и объекта, но эта связь осуществляется не через глагольные категории, а непосредственно, поскольку Тр выступает как определяющее по отношению к определяемому, стоящему в одном из падежей: *čevs tas-s* (ДВ пр) *sadyegrželo-d* (Тр) 'поднимает бокал как тост' → *čevs tas-s* (ДВ пр), *rogrc sadyegrželo-s* (ДВ пр) 'поднимает бокал как тост'. Таким образом, Тр занимает особое место и по отношению к семантическим, и синтаксическим падежам. Он более всего свободен в системе, не объединяясь в категориальный бинომ ни с одной из глагольных категорий. Тр как бы высвобождается для использования в других фрагментах системы и, действительно, Тр играет огромную роль в словообразовании (см. ниже).

Связь семантических падежей между собой отчетливо выявляется при проекции их на синтагматику, т. е. при анализе того, какому падежу уступает место в предложении семантический падеж, переходя в потенциальный актанта (т. е. в падеж субъекта или объекта).

Здесь действуют следующие правила: 1) Тв, переходя в падеж субъекта или прямого объекта, допускает присоединение к глаголу Р со значением принадлежности; 2) Тв, переходя в ДВ косв, также вызывает присоединение Р; 3) Р, трансформируясь в ДВ косв, допускает присоединение Тв со значением орудия или инструмента действия; 4) М, трансформируясь в ДВ косв, разрешает присоединение Тв орудийного. Итак, каждый из семантических падежей, переходя в синтаксический падеж, не допускает появления вновь самого себя в идентичной функции. Наиболее свободен в этом отношении Тв (его допускает Р и М); М как новый распространитель предложения не допускается ни одним из семантических падежей.

Определим теперь место связи каждой из единиц в схеме 2.

1. Тр — связан с субъектно-объектной серией непосредственно, от глагольных категорий отделен, от других семантических падежей в данной системе изолирован, объединяется с ними на словообразовательном уровне.

2. Тв — связан с субъектно-объектной серией через ДВ косв, как и другие семантические падежи (Р, М), и, кроме того, в отличие от Р и М, связан с падежами субъекта и прямого объекта. Это объясняется тем, что Тв образует два категориальных бинома:

Тв — залог и Тв — каузативность. В двойной связанности Тв находит воплощение его сложная семантика, наличие как семы активности, так и семы каузативности.

3. Р — связан с субъектно-объектной серией через ДВ косв, Р имеет связь только с одной глагольной категорией (версией) в отличие от Тв (залог, каузативность) и М (ситуация, направление и ориентация). Подобно Тр, Р имеет по сравнению с другими падежами меньшее количество связей и так же, как Тр, активно используется как средство словообразования.

4. М включается в две глагольно-именные суперкатегории: М — ситуация (отсюда связь с субъектно-объектной серией через ДВ косв) и М — направление и ориентация. Благодаря такой двойной связи М оказывается как бы «переходным мостиком» между локативной и субъектно-объектной сериями. Здесь, как и в случае с Тв, реализуется сложная семантика падежа. В значении М можно выделить два главных компонента: указание на местоположение одного предмета относительно другого в статике, без выражения направления (отсюда категория М — ситуация) и то же значение, данное в динамике, т. е. с указанием направления.

5. Если теперь охарактеризовать отношение падежей субъектно-объектной серии к семантическим падежам, то необходимо подчеркнуть следующие моменты: прямую связь падежа субъекта и объекта с Тр и Тв, связь с остальными семантическими падежами, а также и с Тв через ДВ косв. ДВ косв выступает как связующее звено в субъектно-объектной серии с другими фрагментами системы, подобно М в локативной серии. Связь субъектно-объектной серии с семантическими падежами осуществляется через действие одной глагольной категории: ДВ косв — версия — Р, падеж субъекта — залог — Тв и т. д. Связь субъектно-объектной и локативной серии более опосредствованная. Здесь имеет место цепочка: ДВ косв — ситуация — М — направление-ориентация — локативы (Отпр, Дост), крайние члены которой связаны отношением транзитивности.

6. Ориентируясь на функции глагольных категорий в общей системе, можно разделить их на внутрисерийные (действующие внутри одной падежной серии — все словоизменительные, а также направление и ориентация) и межсерийные (действующие между падежными сериями — каузативность, версия, ситуация). Основным связующим звеном между синтаксическими и семантическими падежами выступают межсерийные, т. е. словообразовательные категории.

Категория залога занимает промежуточное положение, в отличие от словоизменительных категорий она связана с семантическим падежом (Тв), в отличие от словообразовательных категорий связана с падежами прямого объекта и субъекта.

Данные группировки глагольных категорий проявились только при их исследовании во взаимосвязи с падежами. Они индуци-

рованы особенностями падежной системы грузинского языка. Тут имеет место прямая и обратная связь. Глагольные категории влияют на падежи и «классифицируют» их, с другой стороны, падежи влияют на глагольные категории и, в свою очередь, тоже «классифицируют» их. Глубокие взаимосвязи между падежами проходят через глагольные категории. Отношения же между глагольными категориями устанавливаются через падежи.

Принцип изоморфизма находит в схеме 2 двойное воплощение, отражая двойной изоморфизм грузинской генерализованной глагольно-именной системы; с одной стороны, это изоморфизм единиц верхнего и нижнего рядов (глагольные категории — падежи) и их внутренних отношений и, с другой — изоморфизм единиц, образующих правую и левую части схемы (субъектно-объектная — локативная серия).

Изоморфизм первого рода находит отражение в следующих фактах: 1) связь падежей промежуточной зоны (Тв, Р) с глагольными категориями (каузативность, версия), также являющимися промежуточными в том отношении, что эти категории не взаимодействуют ни с субъектно-объектной серией, ни с локативной; 2) наличие функционально идентичных единиц категории залога и ДВ косв, служащих для связи падежей промежуточной зоны с синтаксическими падежами; таким образом, связь между семантическими и синтаксическими падежами проходит через две точки, одна из которых находится среди категорий глагола, а другая — в падежном ряду; 3) наличие в глагольном ряду категории ситуации, связывающей пространственные глагольные категории с остальными, а в падежном — функционально идентичного категории ситуации местного падежа, соединяющего локативные падежи (Отпр, Дост) с остальными.

Изоморфизм второго рода находит отражение в одинаковости семантической структуры субъектно-объектной и локативной серий (см. выше характеристику двух серий по признакам Якобсона), в качественно идентичной связи между синтаксическими падежами и словоизменительными категориями, с одной стороны, и категорией направления и ориентации и локативными падежами — с другой, и, наконец, в сходстве функций ДВ косв и М (ДВ осуществляет связь синтаксических падежей с промежуточной зоной, а М связывает с той же зоной локативные падежи).

Действие генерализованной глагольно-именной системы, представленной на схеме 2, не ограничивается грамматическим уровнем. Семантические падежи, а из синтаксических — ДВ вступают в связь со словообразовательным уровнем языка, принимая активное участие в образовании прилагательных и наречий.

В заключение мы хотели бы вернуться к вопросу о взаимодействии именных и глагольных категорий. Пример грузинского языка, где эта связь выражена эксплицитно, приводит к предположению, что в типологическом плане в ряде случаев экономнее сравнивать не изолированные категории имени и глагола, а распределение

значений в глагольно-именном взаимодействии. Намечаются следующие возможности: 1) глагольные и именные категории существуют раздельно, не пересекаясь между собой. По-видимому, таково было положение в индоевропейском языке, в котором, как указывает Мейе, «каждое слово имеет ту форму, какой требует смысл, а не форму, зависящую от другого слова в предложении»¹⁷; 2) глагольные и именные категории тесно связаны между собой, передают одно и то же значение и в предложении находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Именно этот предельный случай представлен категориальным биномом грузинского языка; 3) славянские языки занимают, очевидно, промежуточное положение между двумя названными типами. Спорадически здесь появляется и связь временного значения с падежной формой (*он был поэт — он был поэтом*), и единство глагольного и падежного значений (*он обюрократился — он стал бюрократом*). Точно так же при порождении славянского предложения необходимо иметь при каждом глаголе информацию о классах управления. Однако по своей поверхностной структуре славянские языки отчетливо противостоят грузинскому типу. Полное освобождение падежных значений от значений, приписываемых глаголу, отмечено в обоих языках лишь при образовании наречия. В рамках теории, развиваемой в настоящей статье, превращение в наречие вообще может быть описано как освобождение от принципа теснейшей связи имени и глагола в глубинной структуре предложения.

¹⁷ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 362.

ДВУХКОМПОНЕНТНЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ АППОЗИТИВНОГО ТИПА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В данной статье рассматриваются словосочетания, состоящие из двух существительных, соединенных с помощью так называемой аппозитивной синтаксической связи, и сложные слова, состоящие из основ двух существительных без соединительной морфемы. Вначале анализируется материал современного русского литературного языка, а затем привлекаются данные болгарского, польского и чешского языков¹. Аппозицией обычно называют подчинительную связь, осуществляющуюся путем согласования определяемого и определяющего существительных в падеже (для языков, имеющих падежную систему) и числе. Например, *девушка-партизанка, сотрудник-энтузиаст, дуб-великан, завод-автомат, осетин-извозчик, месяц март, река Москва, император Наполеон* и пр. Иными словами, аппозиция имеет место в случае так называемого приложения.

От таких словосочетаний следует отличать сочетания двух существительных со связью именного примыкания, где нет согласования ни в числе, ни в падеже (точнее, такое согласование не обязательно). Имеются в виду словосочетания с именами собственными — названиями газет, журналов, научных и литературных произведений, организаций, предприятий, станций, пароходов и вообще со всякими собственно названиями, пишущимися обычно (но не обязательно) в кавычках. Определяющее существительное в них остается в форме именительного падежа независимо от падежной формы определяемого; число определяющего также не зависит от числа определяемого. Например, *Он работает на фабрике «Красный Октябрь», Я читаю журнал «Нева», Мы подъезжаем к станции Москва, Пойдемте в кинотеатр «Баррикады», Мы описываем связь «аппозиция»* и пр. Правда, в современном просторечье намечается тенденция не склонять имя собственное и в таких словосочетаниях, как, например, *Он переплыл реку Волга*. Однако это пока отклонение от литературной нормы². Что касается таких

¹ Источниками материала послужили толковые словари и грамматики соответствующих языков, отдельные специальные исследования и иногда — сведения, полученные от информантов-лингвистов.

² См. об этом: Л. Б. Жукович. Лексико-грамматические особенности словосочетаний с собственным именем. «Труды Иркутского гос. ун-та»,

случаев, как *Москва-река*, где имя собственное иногда (в просторечье) не склоняется, и *Угрюм-река* и др., где оно никогда не склоняется, о них речь будет идти отдельно ниже.

Связь именное примыкание имеет место также в сочетаниях существительного с так называемым кратным именительным, т. е. с двумя или более существительными в именительном падеже, например, *система человек—машина*, *партия Петросян—Спаский* и пр., а также в сочетаниях существительного с именительным падежом количественного числительного, например, *цифра пять*, *дом 14*, *космонавт-2*, *обувь-69* и пр.³

При анализе двухкомпонентных субстантивных образований сразу же возникает проблема отличия словосочетания от сложного слова. Что такое *бал-маскарад*, *диван-кровать*, *жар-птица*, *Москва-река*, *альфа-лучи*, *дизель-мотор*, *вагон-рефрижератор*, *кафе-кондитерская*, *фабрика-кухня*, *самолет-истребитель*, *курсант-отличник*, *марксизм-ленинизм*, *кофе мокко*, *злойка-тоска*, *хлеб-соль* и пр.? Словосочетание или сложное слово, состоящее из основ двух существительных без соединительной морфемы? Этому вопросу посвящена достаточно большая литература, в которой высказываются далеко не одинаковые мнения⁴.

т. 65, вып. 4, 1969, стр. 129—144; А. В. Суперанская. Склонение собственных имен в современном русском языке. Сб.: «Орфография собственных имен». М., 1965, стр. 131—142.

³ Н. А. Янко-Триницкая. «Проблема номер один». (Числительное в роли несогласованного определения). Сб.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 304—310; Она же. Кратный именительный в функции определения. Сб.: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966, стр. 174—185; Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966, стр. 95—123; Ю. И. Костенко. Образование названий с числовым определителем в русском языке. «Исследования по русскому языку». Днепропетровск, 1970.

⁴ См., например: И. Г. Галенко. О некоторых особенностях составных слов. «Вопросы русского языкознания». Львов, 1960, кн. 4; А. И. Мельникова. Однословные приложения и переход сочетаний с приложениями в сложные слова. — РЯШ, 1959, № 1; М. И. Привалова. Сложные слова или словосочетания? «Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике». «Уч. зап. Лен. гос. ун-та», серия филол. наук, № 243, вып. 42, ч. II, 1958; Т. А. Бертагаев. Об основных типах аппозитивных сочетаний в русском языке. «Уч. зап. МОПИ», 1955, т. 32, вып. 2; М. Г. Ованова. Неособобленные приложения в современном русском языке. — РЯШ, 1957, № 2; С. С. Вартапетова. О грамматической форме устойчивых сочетаний, построенных по типу сочетаний с приложением, в современном русском языке. «Материалы Научной конференции Аз. пед. ин-та языков». Баку, 1966; Она же. Устойчивые словосочетания аппозитивного типа в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1968; Н. Я. Сердобинцев. К вопросу о приложении в современном русском языке. Сб.: «Очерки по русскому языку и стилистике». Саратов, 1967; В. М. Глухих. Заметки о сложных составных именах существительных. — РЯШ, 1969, № 6; А. И. Молотков. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? — ВЯ, 1960, № 6; Е. И. Мельникова. Несклоняемые прилагательные в русском языке. «Slavia», гоф. XXIII, seš. 4. Praha, 1954; K. Kostov. Zur Entstehung und Anwen-

Представляется, что никакие другие критерии, кроме формального, для различения словосочетания и сложного слова не продуктивны. Так, например, нередко предлагаемый признак идиоматичности, как определяющий сложное слово, в отличие от признака неидиоматичности, как определяющего словосочетание, не может быть признан критерием для их разграничения, потому что не только сложные слова, но и словосочетания могут быть идиоматичными, например, *железная дорога*, *зеленый змей* и пр. То же относится к признаку смысловой цельности, который, конечно, присущ сложному слову в гораздо большей степени, чем словосочетанию, однако он выступает в слове не сам по себе, а является следствием его цельнооформленности. Цельнооформленность и является основным критерием разграничения сложного слова и словосочетания⁵. В сложном слове оба его компонента оформлены единой формой, например, *длиннобород-ый*—*длиннобород-ые*, а в словосочетании имеется самостоятельное грамматическое оформление для каждого компонента, например, *длинн-ая бород-а*—*длинн-ые бород-ы*. В нашем случае словосочетаний с аппозитивной связью и сложных слов, состоящих из основ двух существительных, цельнооформленность выражается в неизменяемости по падежам и числам 1-го компонента анализируемого образования, например, *Летит жар-птица* и *Любуюсь жар-птицей*, а отсутствие цельнооформленности, или раздельнооформленности — в изменяемости по падежам и числам 1-го компонента, например, *Открылась фабрика-кухня* и *Обедаем на фабрике-кухне*.

Обычно различают фонетическую, морфологическую и синтаксическую цельнооформленности. Фонетическая цельнооформленность трактуется как отсутствие равномерного ударения на каждом компоненте, т. е. наличие лишь одного ударения или одного обобщающего и второго второстепенного ударения, а также отсут-

дung einer substantivischen Fügung in den balkanslavischen Sprachen. «Die Welt der Slaven», Jahrgang XIII, Heft 2, 1968; Ю. Б а л т о в а. За границата между сложна дума и словосъчетание. «Български език», год. XXI, кн. 2—3, 1971.

⁵ Этот критерий разграничения сложного слова и словосочетания, а также сам термин цельнооформленность предложен А. И. Смирницким. См.: А. И. С м и р н и ц к и й. К вопросу о слове (Проблема отдельности слова). Сб.: «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 197; О н ж е. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 33—35; А. И. С м и р н и ц к и й и О. С. А х м а н о в а. Образования типа *stone wall*, *speech sound* в английском языке. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. II. М., 1952, стр. 99—102. В настоящее время этот критерий повсеместно принят. См., например: О. С. А х м а н о в а. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц. «Труды Ин-та языкознания», т. IV. М., 1954, стр. 51—73; С. Д. А ш у р о в а. Об отношении цельнооформленности к порядку компонентов наименований типа «палатка», «изба-читальня». «Уч. зап. Мос. гос. пед. ин-та», № 423. М., 1971, стр. 61—66; Л. А. Ш е л я х о в с к а я. Структурно-морфологические типы сложных существительных в современном русском языке. «Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та иностр. языков», т. II, вып. 2. Алма-Ата, 1957, стр. 6.

ствие паузы между компонентами, например, *ковыль-трава*. Однако, как известно, имеются несомненные сложные слова с двумя равномерными ударениями, например, *англо-русский*, *плащ-палатка*. Следовательно, акцентуация не дает достаточных оснований для признания того или иного образования словосочетанием или сложным словом. Синтаксическая цельнооформленность понимается как невозможность изменения порядка компонентов, например, в сложных словах *водовоз* или *жар-птица*. Действительно, в отличие от этого во многих словосочетаниях возможна перестановка компонентов, например, *зеленый дуб* и *дуб зеленый*, *сотрудник-энтузиаст* и *энтузиаст-сотрудник*. Однако это справедливо далеко не для всех словосочетаний. В идиоматических словосочетаниях типа *зеленый змий*, а также и в неидиоматических типа *журнал «Нева»*, *сержант Петров* перестановка компонентов в высшей степени затруднительна. В некоторых словосочетаниях возможна вставка дополнительного определения между компонентами: *воротник-косой шарфик*, *шкафчик-книжная полка*, *шляпа-русский картуз*, *стул-детская коляска* и др. Но это наблюдается лишь в небольшой группе словосочетаний⁶. Поэтому представляется, что синтаксическая цельнооформленность не позволяет точно разграничивать словосочетания и сложные слова. Морфологическая же цельнооформленность / раздельнооформленность — постоянный и достаточный критерий.

Что касается орфографических признаков — написание с дефисом или без него, то они не могут приниматься в расчет уже потому, что орфография в данном случае крайне непоследовательна во всех славянских языках.

Итак, в качестве основного признака классификации двухкомпонентных образований, являющихся либо сложными словами, либо аппозитивными словосочетаниями, мы принимаем морфологическую цельнооформленность / раздельнооформленность, или неизменяемость 1-го компонента по падежам и числам. Этот признак может принимать три значения: 1) 1-й компонент склоняется, 2) 1-й компонент не склоняется, 3) 1-й компонент иногда склоняется; иногда — не склоняется. Соответственно анализируемые образования классифицируются на: 1) аппозитивные словосочетания, 2) сложные слова и 3) образования, промежуточные между аппозитивными словосочетаниями и сложными словами.

Русский язык

Аппозитивные словосочетания.

Примеры: *отличник-курсант*, *доброволец-разведчик*, *охотник-комсомолец*, *студент-турист*, *мальчик-поводырь*, *солдат-земляк*,

⁶ С. Д. Ашурова. К вопросу о наименованиях типа «плащ-палатка» и типа «изба-читальня». «Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та», № 423. М., 1971.

купец-толстосум, народ-хозяин, природа-мать, город-герой, старуха-библиотекарь, жена-крошка, лиса-клязница, река-труженица, сторож-женщина, женщина-врач, гувернер-немец, юношанивх, дерево яблоня, птица коршун, месяц март, заяц-беляк, язык-основа, врач-косметолог, языковед-славист, самолет-истребитель, ракета-носитель, кирпич-сырец, станок-автомат, кафе-закусочная, изба-читальня, фабрика-кухня, школа-магазин, музей-квартира, школа-интернат, фильм-опера, выставка-продажа, концерт-загадка, сестра-хозяйка, шапка-ушанка, майка-безрукавка, ангел-хранитель, змий-искуситель, скатерть-самобранка, сапоги-скороходы, шапка-невидимка, ковер-самолет, конек-горбунок, баба-яга, дед-мороз, сержант Петров, королевство Италия, река Волга, матушка-Волга, река Москва, слесарь Вася, ключница Акулина, Борис Кравчук, Волга-река, Волга-матушка, Одесса-мама, Вася-слесарь, Акулина-ключница, Аника-воин, Роджер-бельчонок, Кравчук Борис.

Как видно из приведенных примеров, среди аппозитивных словосочетаний есть синтаксически свободные, устойчивые и фразеологически связанные. Семантические и логические отношения между их компонентами бывают разными, например, определяющий компонент может обозначать уточнение (*художник-баталист, самолет-истребитель*), характеристику (*купец-толстосум, люди-самоучки*), сравнение (*улица-змея, рак-отшельник*) и пр. Все различия такого рода не имеют прямого отношения к грамматической природе исследуемых образований и потому в дальнейшем во внимание не принимаются.

Анализ собранного материала показывает, что типичным для аппозитивных словосочетаний является расположение определяемого компонента на первом месте. В сравнительно редких случаях наблюдается инверсия — определяемый компонент стоит на втором месте. Например, *гусь-помещик, бродяга-ветер, старец-море, волшебница-весна, красавица-зорька, злодейка-жена, злодейка-тоска, оболтус-муж, паинька-мальчик, чудака-человек, душа-человек, дрянь-человек, март месяц*. Иногда порядок компонентов как будто произвольный, и некоторые исследователи пишут, что в ряде аппозитивных словосочетаний компоненты могут меняться местами без изменения смысла словосочетания в целом, например, *школа-магазин* и *магазин-школа, музей-квартира* и *квартира-музей, доброволец-разведчик* и *разведчик-доброволец, энтузиаст-сотрудник* и *сотрудник-энтузиаст*. Представляется, что это не так. В подобных случаях в качестве определяемого воспринимается существительное, стоящее на первом месте. При изменении порядка компонентов несколько меняется и значение всего словосочетания. Так, *школа-магазин* — это школа, которая является магазином, но которая могла быть также интернатом, семилеткой и пр. (ср. *школа-интернат, школа-семилетка*), в то время как *магазин-школа* — это магазин, который является школой, но который мог быть так называемым автоматом (ср. *магазин-автомат*).

В словосочетаниях, состоящих из нарицательного и собственного или двух собственных имен существительных, определяемым также является первый по порядку компонент. См. выше: *слесарь Вася* и *Вася-слесарь*, *Аника-воин*, *река Волга* и *Волга-река*, *Одесса-мама*, *Борис Кравчук* и *Кравчук Борис*. В *слесарь Вася* имя собственное служит определением к существительному нарицательному, конкретизирует его (*слесарь Вася* в отличие от *слесарь Федя* и пр.); в *Вася-слесарь* нарицательное существительное определяет имя *Вася* (здесь сообщается, что Вася является слесарем, а не плотником, токарем и пр.). Во втором случае, т. е. при положении имени собственного на первом месте, происходит более тесное объединение компонентов словосочетания; первый компонент получает более сильное, обобщающее, ударение, а второй — ослабленное. Такие словосочетания имеют тенденцию сближаться со сложными словами, а иногда и переходят в сложные слова ⁷.

От аппозитивных словосочетаний, основанных, как указывалось, на подчинительной связи, следует отличать сочетания из двух существительных с устойчивым порядком равноправных компонентов, соединенных сочинительной связью. Эти словосочетания внешне сходны с аппозитивными, но таковыми не являются. Обычно их называют парными. Среди них выделяются суммирующие сочетания: *хлеб-соль*, *пиво-воды*, *груши-яблоки*, *гуси-лебеди*, *кошки-мышки*, *отец-мать*, *брат-сестра*, *дочки-матери*, *руки-ноги*, *поллец-кормилец*, *марксизм-ленинизм*, *вейсманизм-морганизм* и др.; антонимичные сочетания: *купля-продажа*, *приход-расход*, *экспорт-импорт*, *друг-враг*, *любовь-ненависть*, *бог-человек* и др.; синонимичные или тавтологические сочетания: *друзья-товарищи*, *друг-приятель*, *капиталист-буржуй*, *правда-истина*, *ум-разум*, *путь-дорога*, *море-океан*, *грусть-тоска*, *пень-колода*, *вор-разбойник*, *смерд-дым* и др. ⁸, а также так называемые рифмовки (полностью или частично бессмысленные сочетания): *кишки-мишки*, *шурь-мурь*, *фигли-мигли*, *фокус-покус* и пр. Относительно последних следует сказать, что это особые образования, требующие отдельного рассмотрения. Остальные сочиненные сочетания, состоящие из двух существительных, или часть их некоторые лингвисты относят к сложным словам ⁹, что представляется неверным, ибо они не удовлетворяют критерию цельнооформленности.

В русском языке имеются словосочетания, в которых 2-й компонент неизменяем и выражен словом иноязычного происхождения, например, *стиль модерн*, *брюки гольф*, *юбка клеш*, *чулки кап-*

⁷ Этот случай довольно подробно разбирает Фр. Копечный, анализируя чешские словосочетания *město. Praha* и *Praha město*. Fr. K o p e ч н ы́. *Základy české skladby*. Praha, 1962, стр. 194—195.

⁸ А. Г. Х р о л е н к о. Замкнутые бинарные сочинительные единства в русском языке. «Уч. зап. Курского гос. пед. ин-та», 1969, вып. 56. Научно-практические очерки по русскому языку, вып. 3. Курск, 1969.

⁹ И. Г. Г а л е н к о. Указ. соч.; А. И. М е л ь н и к о в а. Указ. соч.; М. И. П р и в а л о в а. Указ. соч.

рон, рубашка апаш, юбка плиссе, туфли беж, цвет хаки, язык хауса, народ эрзя, капуста кольраби, театр-буфф, часы пик, каюта люкс, кофе мокко, пальто реглан и др. Представляется, что такие неизменяемые слова иноязычного происхождения являются в современном русском языке существительными¹⁰, а их сочетания с другими существительными — словосочетаниями со связью именного примыкания типа журнал «Нева», связь «аппозиция», в которых согласования компонентов в падеже и числе нет. Второй, несклоняемый, компонент можно рассматривать как собственно название, а его неизменяемость позволяет считать, что согласования с 1-м компонентом нет.

Несклоняемость существительного, вообще говоря, не препятствует ему входить в разные типы словосочетаний (*зимнее пальто* — атрибутивное словосочетание, *прискакал кенгуру* — предикативное словосочетание)¹¹. Поэтому возможно и другое толкование словосочетаний, в которых 2-й компонент неизменяем и выражен словом иноязычного происхождения. Можно предположить, что они являются аппозитивными словосочетаниями с согласованием компонентов в падеже и числе, хотя из-за несклоняемости 2-го компонента это согласование не выражено положительными флексиями.

Второму толкованию противоречит тот факт, что некоторые из слов иноязычного происхождения, выступающие в качестве вторых компонентов словосочетаний типа *стиль модерн, брюки клеш, капуста кольраби, народ эрзя* и др., употребляясь вне этих словосочетаний, склоняются (*клеш, капрон, люкс, реглан* и др.). Вообще значительная часть рассматриваемых слов иноязычного происхождения по своему фонетическому облику отличается от несомненных несклоняемых существительных (последние обычно оканчиваются на гласную, например, *пальто, кофе, кенгуру*; на согласную оканчиваются только некоторые существительные, обозначающие лиц женского пола, например, *мадам, Элен*). Среди рассматриваемых же иноязычных по происхождению слов довольно много оканчивающихся на согласную (*реглан, апаш, пик, люкс, беж* и др.). В русском языке слова с таким фонетическим обликом обычно склоняются. Поэтому можно предположить, что их неизменяемость в составе данных словосочетаний вызвана исключительно

¹⁰ А. И. М о л о т к о в. Указ. соч., стр. 69. Некоторые лингвисты относят эти неизменяемые слова либо часть их к прилагательным. Е. И. М е л ь н и к о в. Указ. соч., стр. 562—567; И. П. М у ч н и к. Неизменяемые существительные, их место в системе склонения и тенденция развития в современном русском литературном языке. Сб.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964, стр. 180; М. В. П а н о в. Об аналитических прилагательных. Сб.: «Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского». М., 1971.

¹¹ См., например, о согласовании в роде и числе с несклоняемым существительным статью: Е. С. С к о б л и к о в а. Роль грамматических и смысловых факторов в оформлении подчиненного слова при согласовании в роде и числе. «Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та», 1967, вып. 52.

синтаксическими условиями функционирования, именно употреблением в качестве определяющего компонента в словосочетаниях со связью именного примыкания, где они должны оставаться в форме именительного падежа единственного числа независимо от падежа и числа определяемого существительного.

В русском языке имеются словосочетания со связью именного примыкания, в которых оба компонента неизменяемы, например, *кофе мокко, пальто беж*. Согласно принципу цельнооформленности, если 1-й компонент не изменяется, мы имеем сложное слово. Существительные *кофе* и *пальто*, однако, не склоняются вообще, а не только в составе данных сочетаний. Следовательно, они являются самостоятельно оформленными (нулевой флексией) существительными, а не основами существительных. То же относится и к 1-м компонентам аппозитивных словосочетаний, выраженным вообще несклоняемыми существительными, например, *кафе: кафе-столовая, кафе-закусочная, кафе-молочная, кафе-кондитерская, кафе-мороженое, кафе-автомат, кафе-ресторан*. Ср. с 1-м компонентом сложного слова; например, *томат-пюре*, который в составе данного образования не склоняется, но, выступая как самостоятельное слово, принадлежит к числу склоняемых существительных.

Аппозитивные словосочетания принадлежат к разным лексическим слоям и употребляются в разных стилях речи. Ср., например, народно-поэтические *скатерть-самобранка, конек-горбунок, девица-красавица*; научно-терминологические *язык-источник, самолет-амфибия, инженер-металлург*; обиходно-номенклатурные *сахар-рафинад, майка-безрукавка*; газетно-публицистические *мать-героиня, буржуа-монархист*; нейтрально-литературные *мальчик-поводырь, жена-крошка* и др.

Синтаксически свободные аппозитивные словосочетания нейтрально-литературного стиля весьма продуктивны в современном русском языке. Устойчивые терминологические (технические и научные) и номенклатурные сочетания также принадлежат к активно растущей группе лексики¹².

Сложные слова.

Примеры: *царь-колокол, царь-пушка, царь-девица, царь-дерево, царь-трава, жар-птица, меч-рыба, молот-рыба, еж-рыба, ковыль-трава, плакун-трава, разрыв-трава, свет-трава, трясина-трава, сон-трава, рай-дерево, без-(или биз-)дерево, иван-чай, пай-мальчик, бой-баба, ухо-парень, огонь-девка, огонь-парень, огонь-человек, козырь-девка, чудо-птица, чудо-богатырь, чудо-ребенок,*

¹² Некоторые авторы объясняют это обстоятельство возросшим стремлением к точности обозначения предметов, явлений и т. д. С. С. В а р т а п е т о в а. Процесс разложения, связанный с аппозитивными составными наименованиями в современном русском языке. «Уч. зап. МОПИ», т. 278, вып. 17, 1970.

чудо-землянка и пр., горе-рыболов, горе-хозяйственник, горе-марксист, горе-критик, горе-стратег и др., свет-батюшка, свет-дубравушка и пр., плащ-палатка, шеф-повар, бал-маскарад, крем-сода, штаб-квартира, штабс-капитан, капитан-исправник, капитан-лейтенант, генерал-лейтенант, генерал-директор, флигель-адъютант, камер-музыкант, блок-схема, блок-механизм, блок-трансформатор и др., альфа-лучи, бета-частицы, гамма-железо и др., электрон-секунда, ампер-секунда, ватт-секунда, тонна-километр, киловатт-час, грамм-молекула, килограмм-сила и др., вакуум-насос, дизель-мотор, крекинг-процесс и др., томат-река, Тула-уголь, Караганда-уголь, Грузия-фильм и др., Угрюм-река, Дунай-река, Ильмень-озеро, Кум-озеро, Серг-озеро, Киш-озеро и др., Иван-город, Китай-город, Горюн-камень, Спас-камень и некоторые другие.

В сложных словах, в отличие от аппозитивных словосочетаний, определяемый компонент расположен на втором месте. Исключение представляют, пожалуй, только сложные слова, 1-й компонент которых является основой имени собственного, например, *Угрюм-река*, *Ильмень-озеро*, *Москва-уголь*. Здесь нарицательное существительное выступает в роли пояснения к имени собственному (ср. сказанное о словосочетаниях *Вася-слесарь*, *Волга-река*). Известную роль при этом играет появление обобщающего ударения на основе имени собственного. В сложных словах с определяемым компонентом на втором месте обобщающее ударение обычно привязано ко второму месту (ср.: *жар-птица*, *блок-схѐма*, *генерал-дирѐктор* и *Угрюм-река*, *Горю́н-камень*). Впрочем, вопрос об обобщающем и второстепенном ударениях и об их месте в сложном слове нельзя пока считать исчерпывающе изученным и ясным.

Образования, промежуточные между аппозитивными словосочетаниями и сложными словами.

Примеры: *Москва-река*, *член-корреспондент*, *матч-реванш*¹³, *вагон-ресторан*, *вагон-рефрижератор*, *салон-вагон*, *диван-кровать*, *кресло-кровать*, *шкаф-секретер*, *стол-шкаф*, *платье-костюм* и др.

Колебание в склонении 1-го компонента этих образований может быть связано с различиями стилей речи. Норма русского литературного языка требует, чтобы склонялись оба компонента, например, *Он был членом-корреспондентом Немецкой академии искусств*, *Мы катались по Москве-реке*¹⁴; в просторечье же и в профессиональных говорах 1-й компонент часто не склоняется, например, *Я сижу на диван-кроватьи*, *Купите отделку к платье-костюму*, *С конвейера сошло 500 вагон-рефрижераторов*.

В случае, когда 1-й компонент склоняется, он воспринимается как определяемый, и данное образование смыкается с аппозитив-

¹³ С. С. В а р т а п е т о в а. Об образованиях матч-реванш и матч-турнир. — РЯШ, 1971, № 3.

¹⁴ С. И. О ж е г о в. Склоняется ли Москва-река? Вопросы культуры речи, вып. 1. М., 1955, стр. 222—224.

ными словосочетаниями. Когда же 1-й компонент не склоняется, он оказывается определяющим, и все образование уподобляется сложному слову.

Замечено, что в связи с колебаниями в склонении 1-го компонента субстантивных образований типа *диван-кровать*, *платье-костюм*, *матч-реваниш* и др. носители русского языка избегают употреблять их в косвенных падежах. В случае же настоятельной необходимости в косвенном падеже нередко разрушают сочетание, заменяя его одним из компонентов. Например, вместо *кресло-кровать* в форме творительного падежа может быть сказано «*этим креслом*» или «*креслом, которое называется кресло-кровать*» и пр.

Исследователи отмечают, что преобладание именительного падежа характерно не только для промежуточных образований, но и для аппозитивных словосочетаний. Обычно пишут, что основным падежом приложения является именительный. М. И. Привалова¹⁵, например, подсчитала, что из 744 аппозитивных словосочетаний в ее материале 520 имели форму именительного падежа единственного числа, 594 — форму именительного падежа либо единственного, либо множественного числа, 104 — форму косвенных падежей единственного числа и 150 — форму косвенных падежей либо единственного, либо множественного числа.

Возможно другое объяснение колебания в склонении 1-го компонента. Можно считать, что это не переход словосочетания в сложное слово, а проявление вариантности словосочетания. Согласно такому толкованию, *член-корреспондент*, *матч-реваниш*, *диван-кровать* и др. существуют в двух вариантах — в полном и сокращенном. Сокращение флексии в косвенных падежах аппозитивных словосочетаний является результатом общей тенденции русского языка сокращать флексии в многокомпонентных образованиях, например, в склонении сложного числительного (*пятьсот шестьдесят три*), в склонении имен и отчеств (*Иван Иванович*) и пр. Сокращения во всех этих случаях вызваны стремлением сохранить ритмическую структуру многокомпонентного образования. В случае, если 1-й компонент оканчивается на согласный, прибавление гласной флексии в косвенных падежах меняет ритмическую структуру, так как к нему добавляется еще один слог: *Иван Иванович* — *Ивана Ивановича*; если же 1-й компонент оканчивается на гласную, сокращения обычно не происходит, ибо тогда в косвенных падежах ритмическая структура не меняется: *Вера Иванна* — *Веры Иванны*.

Можно сказать, что несмотря на указанное противодействие литературной нормы, тенденция развития русского языка — увеличение числа субстантивных образований с колебаниями в склонении 1-го компонента, а также увеличение числа сложных слов, возникающих из таких образований.

¹⁵ М. И. Привалова. Указ. соч.

Какие факторы способствуют превращению аппозитивных словосочетаний в сложные слова? Как уже отмечалось исследователями¹⁶, это:

1. Принадлежность компонентов к разным лексико-грамматическим родам и отсюда разнотипность падежных окончаний. В результате стремления преодолеть эту разнотипность 1-й компонент перестает склоняться, например, *плащ-палатка*, *Дунай-река*. Наоборот, однородовость и однотипность окончаний компонентов не способствует утрате склонения 1-м компонентом. Ср. сложное слово *Дунай-река*, компоненты которого принадлежат к разным родам, и раздельнооформленное словосочетание *Волга-река*, а также переходное образование *Москва-река*, оба компонента которых принадлежат к существительным женского рода. Можно предположить, что разнородовые *диван-кровать*, *кресло-кровать*, *платье-костюм* и др. по причине неудобства в склонении либо превратятся в сложные слова, либо выйдут из употребления.

2. Принадлежность 1-го компонента к существительным среднего рода с окончанием в им. п. ед. ч. *-о(-е)*. Такое существительное могло терять склонение, так как окончание *-о(-е)* омонимично соединительным морфемам *-о-*, *-е-* в сложных словах. Ср.: *чудо-птица*, *горе-критик* и *тепловоз*.

Иногда соединительная морфема *-о-* проникает в сложные слова рассматриваемого типа, исконно ее не имевшие. Таким образом, наряду с *грамм-молекула*, *тонна-километр* появляются *граммо-молекула*, *тоннокилометр*. В просторечье даже возникло *ракето-носитель*, вместо словосочетания *ракета-носитель*.

3. Восприятие 1-го компонента как иноязычного элемента, а всего образования — как построенного по модели английских и немецких сложносоставных слов, например, *дизель-мотор*, *блок-механизм*, *альфа-лучи*, *томат-пюре*. При этом существительные *дизель*, *блок*, *альфа*, *томат*, употребляемые самостоятельно, нормально склоняются. Это относится к довольно большому числу заимствованных или калькированных научно-технических терминов и номенклатурных названий.

4. Затемнение лексического значения одного из компонентов, например, *трын-трава*, *без-(биз-)дерево*.

5. Длительное и частое совместное употребление, например, *царь-колокол*, *жар-птица*, *Москва-река*. При этом характерна повторяемость одинаковых вторых компонентов *-река*, *-озеро*, *-город*, *-трава*, *-дерево*, *-рыба* и первых компонентов *царь-*, *чудо-*, *горе-*. Такая повторяемость способствует созданию устойчивой словообразовательной модели.

Первые компоненты сложных слов *горе-* и *чудо-* претерпели изменение лексического содержания и приобрели оценочное значение,

¹⁶ И. Г. Галенко. Указ. соч.; А. И. Мельникова. Указ. соч.; С. Д. Ашурова. К вопросу о наименованиях типа «плащ-палатка» и типа «изба-читальня».

приближаясь в некоторой мере к словообразовательным оценочным префиксам. Сложные слова с *горе-* и *чудо-* в качестве 1-го компонента весьма продуктивны в общественно-публицистическом стиле современного русского языка.

Так же, как аппозитивные словосочетания, сложные слова и промежуточные образования характеризуются разной степенью идиоматичности, ср. например, *царь-колокол* и *вакуум-насос*. Семантические и логические отношения между их компонентами бывают разными, например, род — вид (*ковыль-трава*, *меч-рыба*), характеристика и сравнение (*свет-батюшка*, *огонь-девка*, *чудо-богатырь*) и пр.

Они могут быть различно охарактеризованы по принадлежности к лексическим разрядам и стилям речи. Это — научные и технические термины (*блок-система*, *килограмм-сила*, *вольт-ампер*, *гамма-счетчик*), обиходно-номенклатурные названия (*плащ-палатка*, *крем-сода*, *диван-кровать*, *салон-вагон*), слова народно-поэтической стихии (*жар-птица*, *царь-пушка*), эмоционально окрашенные разговорно-просторечные слова (*ухо-парень*, *kozyрь-девка*). Слова терминологического и номенклатурного характера, особенно составленные из заимствованных основ и являющиеся часто переводами или кальками иностранных терминов, продуктивны в современном русском языке, особенно в самое последнее время. Остальные группы сложных слов данного типа, кроме слов с 1-м компонентом *горе-* и *чудо-*, немногочисленны и почти не пополняются. Некоторые из сложных слов фольклорного происхождения вообще фактически перестали быть живыми словами русского языка, например, *без-(биз-)дерево*, *рай-дерево*.

Болгарский язык

В нем имеются и аппозитивные словосочетания и сложные слова рассматриваемого типа. Но поскольку, в отличие от русского языка, в грамматической системе болгарского существительного категория падежа практически разрушена и имеется категория определенности/неопределенности (выражаемая членными и нечленными формами), раздельнооформленность словосочетаний и цельнооформленность сложных слов выражается иначе, чем в русском языке¹⁷. Аппозитивные словосочетания характеризуются согласованием компонентов в числе, например, *писател-реалист* и *писатели-реалисти*, *вагон-хладилник* и *вагоны-хладилници*, *самолет-изтребител* и *самолети-изтребители*, и наличием членной формы только у 1-го, определяемого компонента, например, *писателят-реалист* и *писателите-реалисти*, *вагонът-хладилник* и *вагоните-хладилници*.

Исключение представляют словосочетания, состоящие из имени собственного и имени нарицательного, например, *Петър овчарят*, *Калуда циганката*. Здесь артикль прибавляется ко 2-му, опреде-

¹⁷ Ю. Балтова. Указ. соч.

ляющему, компоненту, очевидно, в силу того, что имя собственное не может иметь членной формы. О порядке компонентов в таких словосочетаниях будет сказано ниже.

Сложные же слова характеризуются отсутствием форм числа и определенности (членной формы) у 1-го компонента; в этом состоит несклоняемость 1-го компонента, например, *генерал-полковник* и *генерал-полковници*, *генерал-полковникът*; *помощник-командир* и *помощник-командири*, *помощник-командирът*. Имеются также словообразовательные признаки цельнооформленности сложных слов и раздельнооформленности словосочетаний. Например, при образовании соотносительных существительных женского рода в сложных словах суффикс прибавляется ко 2-му компоненту: *помощник-аптекарь* и *помощник-аптекаря*, *стажант-лекар* и *стажант-лекарка*; в словосочетаниях же суффикс женского рода присоединяется к 1-му компоненту или к обоим: *писател-историк* и *писателка-историк* или *писателка-историчка*¹⁸.

Аппозитивные словосочетания.

Примеры: *работник-стахановец*, *параход-влекач*, *вагон-хладилник*, *работник-зидар*, *писател-историк*, *писател-реалист*, *кораб-придружител*, *жена адвокат*, *учител-пензионер*, *бригадир-новатор*, *град-герой*, *герой-патриот*, *изтребител-бомбардировач*, *поет-партизан*, *художник-маринист*, *служителка-жена*, *кафе-сладкарница*, *къща-музей*, *турчин-разбойник*, *цар-баща*, *дъб великан*, *дърво яблина*, *паун-пиле*, *войник-пешак*, *хора-пътници*, *мечка-стръвничка*, *вешди-пиявици*, *очи-череша*, *вълшебница пролет*, *планина човек*, *дявол девойка*, *генерал Заимов*, *отец Игнатий*, *дядо Цоно*, *ковачът Йордан*, *река Дунав*, *град София*, *Петър овчарят*, *Максим рибаря*, *Калуда циганката*, *Езоп роб*, *Катон старец*, *Петър Крайненецът*, *Плевен-град*, *София-град*, *Будимград*.

О порядке расположения компонентов в аппозитивных словосочетаниях можно сказать почти то же, что было сказано по этому поводу в разделе о русском языке. В подавляющем большинстве случаев определяемый компонент стоит на первом месте. Исключения немногочисленны, например, *вълшебница пролет*, *планина човек*, *дявол девойка*. В словосочетаниях с именем собственным, например, *Плевен-град*, *Петър Крайненецът*, *Катон старец*, *Езоп роб* и др. определяемым является 1-й компонент, хотя он выражен именем собственным. Ср. сказанное о подобных словосочетаниях в русском языке.

В отличие от русского языка, в болгарском очень мало словосочетаний со связью именного примыкания, в которых 2-м компонентом является существительное иноязычного происхождения, например, *кафе-меланж* (кофе с молоком). Русским словосочета-

¹⁸ Е. А. Захаревич. Признаци на неделимост на думите от типа *помощник-аптекарь*. «Български език», год. XVII, кн. 4, 1967, стр. 352.

ниям *цвет беж, стиль модерн* и др. соответствуют болгарские атрибутивные сочетания существительного с прилагательным *бежов цвят, модерен стил*.

В современном болгарском языке имеются сочетания из двух существительных или существительного и количественного числительного, соединенных с помощью связи именного примыкания типа русск. *встреча де Голль—Аденауэр, космонавт—2*, например, *система човек—машина, маршрут София—Варна, число три, Балкан—2* (кинокамера), *стругарска машина—72* и др.

Существуют также сочиненные сочетания с равноправными компонентами, не являющиеся аппозитивными, например, тавтологические, бытующие в произведениях фольклора (*овчарче-чобанче, вир-вода, шекер-шербет*); суммирующие типа *марксизъм-ленинизъм*, антонимичные типа *експорт-импорт*.

Как свидетельствуют грамматики, словари и некоторые специальные исследования¹⁹, в последнее время количество аппозитивных словосочетаний всех видов, в том числе терминологических и газетно-публицистических, в болгарском языке увеличилось и продолжает увеличиваться не без известного влияния русского языка.

Сложные слова

Примеры: *генерал-полковник(-ът), помощник-командир(-ът), помощник-аптекарь(-ят), помощник-капитан, помощник-машинист министър-председател(-ят), член-кореспондент(-ът), кандидат-учител(-ят), кандидат-член(-ът), секретар-бирник(-ът), стажант-лекар(-ят), съдия-испълнител(-я), хотел-ресторант(-а), заместник-председател(-ят), бисер-сълзи, бисер-зъби, чемшир-порти, самур-калпак, мермер-дувар, мермер-плоча, отбор-юнаци, отбор-моци*.

Так же, как в русском языке, определяемый компонент в большинстве сложных слов стоит на втором месте.

Некоторые сложные слова, встречающиеся в произведениях фольклора, например, *бисер-сълзи, чемшир-порти*, представляют собой устойчивые образования, в которых не только 1-й компонент не изменяется, но и 2-й компонент застыл в форме множественного числа. Изменить его на единственное грамматически допустимо, например, *бисер-сълза, чемшир-порта*, но практически в форме единственного числа эти сложные слова не употребляются. Аналогично этому некоторые аппозитивные словосочетания фольклорного происхождения, например, *очи-череша, вежди-пиявици*, употребляются исключительно в форме множественного числа. Но в отличие от цельнооформленных сложных слов (*бисер-сълзи*), эти словосочетания раздельнооформлены (*очи-череша*).

Образований, промежуточных между аппозитивными словосочетаниями и сложными словами, в болгарском языке нет.

¹⁹ См., например: Ю. Балтова, Указ. соч., стр. 203.

Поскольку польское существительное обладает теми же грамматическими категориями, что и русское, раздельноформленность аппозитивных словосочетаний и цельноформленность сложных слов выражаются в польском языке так же, как в русском.

Аппозитивные словосочетания

Примеры: *poeta-astronom, król-bohater, uczeń-fantasta, inwalida-ślepiec, tłumacz-artyleryzysta, ksiądz-grafoman, amator-cierpliwiec, miasto-gigant, płot-staruszek, gniew-zwycięzca, kobieta-demon, człowiek-lis, matka-potwór, szorm-skandal, kwiaty-mumie, słowo-bat, bóg-zwierze, ziemia-matka, ptak-poeta, baba jaga, Pan Bóg, Bóg Ojciec, sąsiad mężczyzna, brat lekarz, mąż przyjaciel, zegar-stoper, artysta malarz, lingwista-fonolog, poeta-satyryk, poeta-improwizator, szef-organizator, balon-sonda, fryzjer-katolik, staruszek-bibliotekarz, matka-natura, rodzicielka-chemia, siostra-wiosna, szatawila-księżyc, ksiądz Piotr, wieś Baby, rzeka Wisła, miasto Kraków, Adam Mickiewicz, Kraków-miasto, Kraków-powiat, Mickiewicz Adam.*

Как видно из приведенных примеров, в подавляющем большинстве случаев определяемый компонент стоит в словосочетании на первом месте. Исключения немногочисленны, например, *matka-natura, rodzicielka-chemia, siostra-wiosna, szatawila-księżyc*.

Относительно порядка компонентов в словосочетаниях с именами собственными типа *miasto Kraków* и *Kraków-miasto*, *Adam Mickiewicz* и *Mickiewicz Adam* можно сказать то же, что было сказано о подобных русских словосочетаниях. Различие состоит в том, что нам неизвестны в польском случаи перехода таких словосочетаний в сложные слова: в *Kraków-miasto, Kraków-powiat* и пр. 1-й компонент не теряет склонения. Ср. рус. *Ильмень-озеро* и *Москва-река*.

На периферии литературного польского языка (в профессиональных говорах и в просторечье, особенно в варшавском аргоне) можно наблюдать очень небольшое количество словосочетаний со 2-м компонентом — несклоняемым словом иноязычного происхождения. Например, *sukienka beige* (или *beż*), *drzewo mango, barwa indygo, kolor fraise, as pik, włosy blond, dziewczyna fest*²⁰.

Для литературного польского языка такие словосочетания не характерны. Вместо них часто встречаются атрибутивные словосочетания со склоняемым прилагательным типа *sukienka beżowa, as pikowy, as treflowy*. Некоторые несклоняемые слова могут стоять также и перед определяемым существительным, например, *fest baba, blond włosy*. В русском языке несклоняемое слово этого типа никогда не предшествует определяемому существительному (**модерн стиль* или **беж туфли* невозможно). Это — основная при-

²⁰ A. Siczkowski. *Struktura słowotwórcza przymiotników czeskich i polskich*. Wrocław, 1957, стр. 21—22.

чина отнесения данных слов в русском языке к существительным. Поскольку в польском языке, в отличие от русского, позиция прилагательного после существительного вполне нормальна, постпозиция слов типа *beż, indygo* и др. не может служить доказательством того, что они не принадлежат к прилагательным. В то же время этот синтаксический признак не может считаться указанием того, что они не принадлежат к существительным, так как польскому языку известны словосочетания из двух существительных. Отсюда можно заключить, что в польском языке несклоняемые заимствованные слова колеблются между существительными и прилагательными, образуя то словосочетания, состоящие из двух существительных, соединенных связью именного примыкания, например, *barwa indygo* — подобно русск. *туфли беж*, то атрибутивные словосочетания, состоящие из прилагательного и существительного, например, *blond włosy* — подобно чешск. *blond vlasy* ²¹.

В польском языке имеются также сочиненные сочетания с равноправием компонентов. Например, суммирующие *marksizm-leninizm, ręka-noga, Piotr-Paweł, dziadek-babka, ojciec-matka, góra-dół, miód-wino*; тавтологические *krąg-koto, szabla-miecz, śmieszek-wesołek, dukaty-czerwieniece, łada-młódka, trawa-lęg*; рифмовки *esy-floresy, trele-morele, obiecanka-cacanka* и др.

Относительно аппозитивных словосочетаний в польском языке следует сказать, что они менее частотны, чем в русском. Постпозитивные необособленные приложения вообще не очень характерны для польского языка, они распространяются в нем под влиянием других языков, например, русского ²².

Сложные слова

Сложных слов аппозитивного типа в польском языке чрезвычайно мало, например, *Herod-baba*. В отличие от русского и болгарского, польский язык не имеет сложных слов даже фольклорного происхождения, таких, как русск. *жар-птица*, болг. *бисер-съли*.

Промежуточных образований между аппозитивными словосочетаниями и сложными словами в польском языке нет.

²¹ Некоторые грамматисты считают такие несклоняемые слова субстантивно-адвербиальными формами. См., например: А. Si e c z k o w s k i. Указ. соч., стр. 21—22.

²² Ср. со сказанным о сравнительной распространенности однословных приложений в русском и других славянских языках в статье: N. Nilso n. Une type d'expression métaphorique dans la poésie moderne russe. «Scando-Slavica», t. III. Copenhagen, 1957, стр. 88, а также о языке Ю. Тувима в кн.: R. Si n i e l n i k o f f. Ze studiów nad językiem Juliana Tuwima. Wrocław — Warszawa—Kraków, 1968, стр. 91.

Чешский язык

В отношении аппозитивных словосочетаний и сложных слов чешский язык стоит ближе всего к польскому.

Аппозитивные словосочетания

Примеры: *člověk-klid'as, člověk-perla, člověk-anděl, pes poběhlík, ptáček-zpěváček, myška-hryzka, nádraží-včelín, čapka rádiovka, pták orel, pták ohnivák, pán farář, pán učitel, soudruh předseda, dobrák člověk, nestyda chlap, chudák muž, mizera chlap, pašák ředitel, nebožka matka, kníže Boleslav II, krejčí Novák, rychtář Syka, strýc Jan, země Morava, město Praha, řeka Vltava, hora Říp, Praha město, Novák krejčí, Havlíček novinář, Neruda dramatik, Benedikt papež.*

В большинстве аппозитивных словосочетаний определяемый компонент занимает первое место. В сравнительно редких случаях наблюдается инвертированный порядок компонентов, например, *dobrák člověk, nestyda chlap, chudák muž, mizera chlap, nebožka matka, Pašák ředitel*. Точно так же как в русском, и в польском языках встречаются словосочетания, состоящие из имени нарицательного и имени собственного, в которых имя собственное стоит на первом месте и является определяемым, например, *Praha město, Novák krejčí, Havlíček novinář, Neruda dramatik*²³.

В чешском языке нет субстантивных словосочетаний, в которых 2-м компонентом является несклоняемое заимствованное существительное. Небольшое количество несклоняемых слов в чешском языке (в основном в профессиональных говорах и в просторечье) скорее всего должно быть признано прилагательными. На это указывает их синтаксическое функционирование — они всегда могут занимать позицию только перед определяемым существительным, например, *fajn ženská, blond vlasy, běž šaty, nóbl dáma, elektrik světřík* и некоторые другие²⁴. К некоторым из этих несклоняемых слов существуют парные склоняемые прилагательные, например, *fajnový, běžový*. Отсутствие субстантивных словосочетаний с именным примыканием, в которых 2-й компонент выражен существительным иноязычного происхождения, отличает чешский язык от русского и польского.

Имеются также сочиненные сочетания, например, суммирующие *marxismus-leninismus, ruka noga, hory doly*; антонимичные *hlava nehlava, blato neblato, pán nepán, kmotr nekmotr*; рифмовки *klíky háky, láry fáry, třesky plesky*.

Ни сложных слов, ни промежуточных образований в чешском языке нет.

Таким образом, на основе изложенного можно сделать следующие выводы:

²³ Как уже указывалось, этот случай довольно подробно разбирает Фр. Коpecный. См.: Фр. Корецкий. Указ. соч., стр. 194—195.

²⁴ A. S i e c z k o w s k i. Указ. соч., стр. 21—22.

1. Двухкомпонентные субстантивные образования в русском, болгарском, польском и чешском языках делятся на сочинительные сочетания, словосочетания со связью именного примыкания, аппозитивные словосочетания и сложные слова, состоящие из основ двух существительных без соединительной морфемы. Различаются словосочетания и сложные слова по признаку цельнооформленности/раздельнооформленности. В русском языке имеются также образования, промежуточные между аппозитивными словосочетаниями и сложными словами.

2. Аппозитивные и другие рассмотренные здесь словосочетания и сложные слова аппозитивного типа характерны преимущественно для русского языка. В других славянских языках они сравнительно мало распространены, но в последнее время их число увеличивается ²⁵.

²⁵ Приношу благодарность Г. К. Венедиктову за критические замечания, способствовавшие улучшению статьи.

К ОПИСАНИЮ СИСТЕМЫ ДЕРИВАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ (ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА)

Предметом настоящей статьи является рассмотрение некоторых вопросов, относящихся к семантической стороне словообразования. В исследовании ставилась задача выработать методы описания системы словообразовательных значений.

Исследование производилось на следующем материале: было взято 1000 русских и 500 польских глаголов, связанных отношением производности соответственно с русскими и польскими именами. Русские глаголы были отобраны из следующих источников: 1) С. И. О ж е г о в. Словарь русского языка, изд. 4; 2) Грамматика русского языка, т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953; 3) В. В. В и н о г р а д о в. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947; 4) Н. С. А в и л о в а. Слова интернационального происхождения в русском языке нового времени. М., 1967; 5) Р. В. Б а х т у р и н а. Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом # / и-ть. В сб.: «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966; 6) В. П. Д а н и л е н к о. О словообразовании глаголов на *-ничать* в русском языке советского периода. В сб.: «Развитие современного русского языка» М., 1963; 7) И. С. У л у х а н о в. Глаголы на *-еть* в современном русском языке. В сб.: «Развитие словообразования современного русского языка». М., 1966.

При отборе глаголов, подлежащих семантической классификации, мы поступали следующим образом: 1) не брали глаголы, если имена, связанные с ними отношением производности, содержали такие деривативные морфы, как *-ни-* (*-ени-*), *-ти-*, *-тел-*, *-льн-* и т. п. Иными словами, мы не рассматривали те пары *глагол — имя*, когда направление производности явно идет от глагола к имени (например, *учить* → *учение* или *читать* → *читатель*); 2) не брали приставочные глаголы. Исключения допускались в двух случаях: а) если приставочный глагол был связан отношением производности с бесприставочным именем. Например, *короткий* — *у-коротить* (*о-коротить*, *под-коротить*, *пере-коротить* и т. п.); *глубокий* — *углубить*; *узкий* — *с-узить* (*об-узить*); *тождество* — *отождествить*; *заглавие* — *озаглавить*. В этом случае одно имя могло быть связано отношением производности с целым рядом глаголов с одним корнем, но разными приставками. В том случае, когда не было бесприставочного варианта глагола (например, **коротить*), выбирался любой приставочный глагол; б) если приставочный глагол включал приставку *обез-/обес-*, которая и выражала семантическое деривативное значение, а суффикс только оформлял глагольную основу, образуя ее от именной (т. е. выполнял структуральную функцию, по терминологии В. Дорошевского), и выражал грамматическое значение залога. Суффикс *-и-* указывает, что отнятие чего-либо, лишение чего-либо происходит у объекта действия (например, *обез-вод-и-ть*, *обес-кислород-и-ть*, *обес-смерт-и-ть* и т. п.), а суффикс *-е-* указывает, что отнятие чего-либо, лишение чего-либо происходит у субъекта действия (например, *обес-памят-е-ть*, *обес-смысл-е-ть*, *обез-ум-е-ть* и т. п.);

3) не брали возвратные глаголы. Исключения допускались в следующих случаях: а) когда глагол без морфа *-ся* не употребляется, например, *ветвиться*, *кручиниться*, *суетиться*, *резвиться*, *гордиться* и т. п.; б) в образованиях от прилагательных, главным образом обозначающих цвета, например, *белеться*, *зеленеться*.

В остальных случаях мы не учитывали возвратные формы глаголов, считая их словоизменительными формами соответствующих невозвратных коррелятов и в качестве таковых не подлежащих рассмотрению в словообразовании.

Список польских глаголов был получен путем, во-первых, переводов соответствующих русских глаголов и, во-вторых, из книги Р. Гжегорчиковой *Czasowniki odmienne we współczesnym języku polskim*. Warszawa, 1969.

Перед нами была поставлена задача: установление типов смысловых связей между словами, находящимися в отношении семантической производности. К началу исследования считаем установленным: 1) наличие формальной производности между словами. Для утверждения о наличии формальной производности достаточно одинаковой основы А и различия на один деривативный морф с учетом морфологических альтернатив; 2) наличие семантической производности, которое устанавливается с помощью метода трансформаций, предложенного З. М. Волоцкой¹; 3) результат членения слов на составляющие морфы.

Для целей настоящего исследования было несущественно, берется письменный или устный вариант языка. Поэтому был выбран тот усредненный вариант, который обычно используется в грамматиках.

Предлагается определять типы смысловых связей между производными и производящими с помощью метода подстановок или перифраз, считая перифразу выражением элементарного смысла или элементарного деривативного семантического признака. Процедура состояла в применении к производным словам перифраз поочередно из заданного списка. В зависимости от применимости или неприменимости перифразы делался вывод о наличии или отсутствии данной смысловой связи между производными и производящими словами. Считалось, что к началу процедуры известны: 1) список производных по форме слов, которые мы умели членить на основу и деривативный морф; 2) список перифраз. Сущность каждой перифразы состоит в том, что производное по форме слово заменяется на словосочетание, содержащее производящее слово и некоторое другое слово или сочетание слов, имеющее по возможности то же значение, которое в производном слове имел деривативный морф. Например, в русском *учитель* → *тот, кто учит*, *выключатель* → *то, чем выключают*, *красильня* → *там, где красят*, *краснеть* → *становиться красным*, *белить* → *делать белым* и др. и в польском *stuchacz* → *ten, kto słucha, słuchanie* → *to że ktoś słucha*, *śmiałość* → *bycie śmiałym*, *równina* → *to, co jest równe*, *śmiałek* → *ten, kto jest śmiały*, *świadczyć* → *być*

¹ З. М. В о л о ц к а я. Установление отношения производности между словами (опыт применения трансформационного метода). — ВЯ, 1963, № 3.

świadkiem, proszkować → *czynić żeby coś stało się proszkiem, plotkować* → *robić plotki* и др.

К производным словам одного и того же словообразовательного строения применяются поочередно все перифразы, заданные для слов данного словообразовательного строения. Под словами одного словообразовательного строения понимаются слова, принадлежащие к одному и тому же морфологическому классу и образованные от основ одного и того же морфологического класса². Производные слова одного словообразовательного строения распределяются по разным деривативным классам в зависимости от того, какой набор перифраз к ним применим³.

Приведем некоторые примеры.

1. Если взять русские перифразы⁴ *тот, кто; то, что; то, чем* (табл. 1) и польские *ten, kto, to, co, to, czym* (табл. 2) и применять их последовательно к отглагольным именам существительным, то получим следующую классификацию:

Т а б л и ц а 1

Отглагольные существительные	<i>тот, кто</i>	<i>то, что</i>	<i>то, чем</i>
<i>воспитатель</i>	+		
<i>вычислитель</i>	+	+	
<i>выключатель</i>			+
<i>выпрямитель</i>		+	
<i>подъемник</i>		+	+

² Причем «словообразовательное строение» не есть абсолютная характеристика данного глагола, оно зависит от того, в паре с каким именем данный глагол связан отношением производности, или, что то же самое, от различного членения данного глагола. Так, если мы возьмем глагол *покровительствовать* и соотнесем его с именем *покровительство*, то его словообразовательным строением будет *S + -ова-* (*покровительств-ова*), а когда этот глагол соотнесем с именем *покровитель*, то его словообразовательным строением будет *S + суффикс-ствова* (*покровитель-ствова*). Другой пример: если мы возьмем глагол *высокомерничать*, и соотнесем его с *высокомерный*, то его словообразовательным строением будет *A + -ича-* (*высокомернича*), а если с именем существительным *высокомерие*, то его строением будет *S +* и */# -нича* (*высокомер [и /#] -нича*).

³ Конечно, выбор перифраз и заключение о применимости той или иной перифразы к производному слову является субъективным и в ряде случаев спорным. Но нам не кажется, что это может быть упреком методу в целом, поскольку субъективность может быть уменьшена путем постановки лингвистических экспериментов со статистической обработкой результатов эксперимента.

⁴ Здесь будем называть перифразы теми словами, которые являются заместителями деривативного морфа.

Таблица 2

Отглагольные существительные	<i>ten, kto</i>	<i>to, co</i>	<i>to, czym</i>
<i>stuchacz</i>	+		
<i>pływak</i>	+	+	
<i>szkodnik</i>	+	+	
<i>czepak</i>		+	+
<i>wyłącznik</i>			+

2. Если взять такой набор перифраз, как русские *детеныш*, *маленький*, *большой*, *хороший*, *плохой* и польские *młode mały*, *duży*, *ładny*, *lichy*, и применять их к производным существительным, образованным от существительных, то получится следующая классификация (табл. 3, 4):

Таблица 3

Существительные, образованные от существительных	<i>детеныш</i>	<i>маленький</i>	<i>большой</i>	<i>хороший</i>	<i>плохой</i>
<i>котенок</i>	+	+			
<i>домик</i>		+		+	
<i>домище</i>			+		
<i>домишко</i>					+

Таблица 4

Существительные, образованные от существительных	<i>młode</i>	<i>mały</i>	<i>duży</i>	<i>ładny</i>	<i>lichy</i>
<i>kotek</i>	+	+			
<i>domek</i>		+		+	
<i>domisko</i>			+		+

Описание смысловых связей между производными отыменными глаголами и производящими существительными проводилось на

двух уровнях⁵: глубинном (абстрактном) и поверхностном (конкретно-языковом). На глубинном уровне выделялись элементарные смыслы (параметры) или элементарные деривативные семантические признаки, которые обозначались абстрактными символами. Нас интересовали не все элементарные семантические признаки (параметры), описывающие семантику производного отыменного глагола, а лишь деривативные семантические признаки, описывающие словообразовательную структуру значений производного глагола, т. е. те значения, которые вносятся в производный глагол деривативным морфом плюс самим фактом соединения этого морфа с производящей основой.

Каждому элементарному семантическому деривативному признаку на поверхностном уровне соответствует набор языковых выражений (подстановок или перифраз, заменяющих производный глагол словосочетанием, содержащим производящее имя и слова-заменители деривативного морфа, среди которых обязательно присутствует глагол). Выбор конкретного глагола в перифразе определяется лексическим значением производящего имени. Так, при вербализации элементарного семантического признака, обозначаемого символом *oper*, при производящем имени *атака* в перифразе производного по форме глагола *атаковать* будет употреблен глагол *производить*, при имени *вред* — глагол *причинять* или *наносить*, при имени *копия* — глагол *снимать*, при имени *план* — глагол *составлять*.

Среди набора конкретных перифраз, вербализирующих один и тот же семантический признак, выбирается одна базисная перифраза, которая выступает в качестве наименования всего набора. Применимость любой перифразы из набора приписывается производному глаголу как применимость базисной. В каждом языке количество базисных перифраз соответствует количеству выделенных элементарных смыслов. Если нами было выделено 12 элементарных смыслов для описания смысловых связей производного отыменного глагола и производящего имени, то в каждом конкретном языке им соответствует по 12 базисных перифраз. Базисная перифраза (см. табл. 5), как это мы видели на примере русского и польского языков, специфична для каждого естественного языка. Символ семантического признака одинаков для различных языков.

В табл. 5 приводится соотношение элементарных семантических признаков (элементарных смыслов), базисных перифраз,

О семантических параметрах, а также глубинном и поверхностном уровнях описания семантики см.: А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. К построению действующей модели «смысл—текст». «Машинный перевод и прикладная лингвистика». М., 1969, вып. II; А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей, «НТИ», 1968, № 11; Ю. Д. Апресян. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1969, вып. 1.

Номер семант. признака	Символ элементарного семант. признака	Набор конкретных перифраз	Наименование набора перифраз или базисные перифразы	Примеры
1	func.	<p>функционировать как S^o (nom.) быть S^o (instr.) выполнять работу S^o (gen.) поступать как S^o (nom.) проявляться как S^o (nom.) и др.</p> <p>funkcjonować w charakterze S^o (gen.) и др.</p> <p>być S^o (instr.) postępować jak S^o (nom.) и др.</p>	<p>функционировать как S^o (nom.)</p> <p>funkcjonować w charakterze S^o (gen.)</p>	<p>слесарничать → быть слесарем или выполнять работу слесаря</p> <p>szejfować → funkcjonować w charakterze szejfa</p> <p>tchórzycь → być tchórzem</p>
2	trans.	<p>превращать в S^o (gen.) изменять, делая таким, как S^o (nom.) и др.</p> <p>przeobrażać w S^o (acc.) и др.</p>	<p>превращать в S^o (gen.)</p> <p>przeobrażać w S^o (acc.)</p>	<p>калечить → превращать в калеку</p> <p>proszkować → przeobrażać w proszek</p> <p>krystalizować → przeobrażać w kryształ</p>
3	oper.	<p>делать S^o (acc.) производить S^o (acc.) создавать S^o (acc.) и др.</p> <p>robić S^o (acc.) wytwarzać S^o (gen.) dokonywać S^o (gen.) produkować S^o (gen.) и др.</p>	<p>делать S^o (acc.)</p> <p>robić S^o (acc.)</p>	<p>конспектировать → делать конспект</p> <p>plotkować → robić plotki</p>
4	hab.	<p>иметь S^o (acc.) обязать S^o (instr.) находится в состоянии S^o (gen.) и др.</p>	<p>иметь S^o (acc.)</p>	<p>скорбеть → иметь скорбь, грипповать → находиться в состоянии гриппа, враждовать → иметь вражду</p>

Таблица 5 (продолжение)

Номер семант. признака	Символ элементарного семант. признака	Номер конкретных перифраз	Наименование набора перифраз или базисные перифразы	Примеры
4	hab.	mieć S ^o (acc.) posiadać S ^o (acc.) być w stanie S ^o (gen.) и др.	mieć S ^o (acc.)	<i>halucynować</i> → <i>mieć halucynację</i> <i>wędrować</i> → <i>być w stanie wędrowania</i>
5	plus.	давать S ^o (acc.) снабжать S ^o (instr.) предоставлять S ^o (acc.) вызывать S ^o (acc.) и др. dawać S ^o (acc.) wydawać S ^o (acc.) oddawać do dyspozycji S ^o (acc.) zaopatrywać w S ^o (acc.) dostarczać S ^o (gen.) opatrzywać S ^o (acc.) и др.	давать S ^o (acc.) dawać S ^o (acc.)	<i>кредитовать</i> → → <i>предоставлять кредит</i> , <i>премировать</i> → <i>давать премию</i> , <i>финансировать</i> → → <i>снабжать финансами</i> <i>atestować</i> → <i>dawać atestat</i>
6	aplik.	применять S ^o (acc.) использовать S ^o (acc.) и др. aplikować S ^o (acc.) wykorzystać S ^o (acc.) zastosować S ^o (acc.) и др.	применять S ^o (acc.) aplikować S ^o (acc.)	<i>контролировать</i> → → <i>применять контроль</i> <i>boikotować</i> → <i>aplikować bojkot</i> <i>teroryzować</i> → → <i>zastosować terror</i>
7	kaus.	вызывать S ^o (acc.) делать так, чтобы было S ^o (acc.) возбуждать S ^o (acc.) создавать ситуацию S ^o (acc.) spowodować S ^o (acc.) wywoływać S ^o (acc.) robić tak, żeby stało się S ^o (acc.) и др.	вызывать S ^o (acc.) spowodować S ^o (acc.)	<i>ссорить</i> → <i>вызывать ссору</i> , <i>мирить</i> → <i>делать так, чтобы был мир</i> <i>straszyć</i> → <i>spowodować (wywoływać) strach</i>

Таблица 5 (окончание)

Номер семант. признака	Символ элементарного семант. признака	Номер конкретных перифраз	Наименование набора перифраз или базисные перифразы	Примеры
8	labor.	обрабатывать S° (instr.) воздействовать S° (instr.) окислять S° (instr.) и др. obrabiać S° (instr.) opracowywać S° (instr.) poddawać obrobie S° (instr.) oddziaływać S° (instr.) и др.	обрабатывать S° (instr.) obrabiać S° (instr.)	<i>хлорировать</i> → → <i>обрабатывать хлором</i> <i>krachmalic</i> → <i>obrabiać krachmalem</i>
9	minus.	лишать S° (gen.). отнимать S° (acc.). pozbawiać S° (gen.) odbierać S° (acc.) и др.	лишать S° (gen.) pozbawiać (gen.) S° (acc.)	<i>обезводить</i> → <i>лишить воды</i> , <i>обесчестить</i> → <i>отнять честь</i> <i>wyłudnić</i> → <i>pozbawiać ludzi</i>
10	esse.	быть A° (instr.), казаться A° (instr.) и др. обладать признаком A° (instr.) być A° (instr.) и др.	быть A° (instr.) być A° (instr.)	<i>белеться</i> → <i>казаться белым</i> <i>жеманничать</i> → → <i>быть жеманным</i> <i>chytryć</i> → <i>być chytrym</i>
11	trans 1	делать A° (instr.). robić A° (instr.) и др.	делать A° (instr.) robić A° (instr.)	<i>белить</i> → <i>делать белым</i> <i>чистить</i> → <i>делать чистым</i> <i>czyścić</i> → <i>robić czystym</i>
12	trans 2	делать себя A° (instr.) становиться A° (instr.) и др. robić siebie A° (instr.) stawać się A° (instr.) и др.	становиться A° (instr.) stawać się A° (instr.)	<i>стареть</i> → <i>становиться старым</i> <i>краснеть</i> → <i>становиться красным</i> <i>twardnieć</i> → <i>stawać się twardym</i>

Примечание. Различие между trans, trans 1 и trans 2 следующее: trans — это превращение лица или предмета, обозначаемого объектом или субъектом предложения, в имя, обозначаемое S°; trans 1 — наделение объекта признаком A°; trans 2 — наделение субъекта признаком A°.

наборов конкретных перифраз и примеров из русского и польского языков.

Конкретные и базисные перифразы записываются в виде схемы словосочетания, в котором производящая основа представлена в виде символа морфологического класса S° или A°; при символе указывается падеж производящего слова в перефразированном словосочетании.

Каждый элементарный семантический деривативный признак описывает один из аспектов смысловой связи между производным глаголом и производящим именем, а сумма всех выделенных признаков по предположению может описывать все возможные смысловые связи, возникающие между производными глаголами и производящими именами. Каждый конкретный производный глагол связан со своим производящим именем не всеми выделенными, а частью или одним признаком. Деривативное значение производного глагола складывается из различных комбинаций наборов элементарных смыслов. Такой подход к описанию семантических значений (выделение элементарных смыслов и описания значения целого слова комбинацией различных наборов этих смыслов) содержится в современных работах по семантике, в компонентном анализе. Идея представления значений в терминах дискретных элементов была высказана еще Э. Сэпиром и Л. Ельмслевом.

Методика компонентного анализа была нами применена к описанию деривативных значений производных отыменных глаголов.

Применение 12 наборов перифраз (представленных базисными перифразами) к 1000 русским глаголам дало разбиение этих глаголов на 27 деривативных классов и к 500 польским дало разбиение польских глаголов на 23 деривативных класса.

Считаем, что в один деривативный класс входят глаголы с тождественным деривативным значением или выражающие одну и ту же дериватему. Таким образом, под дериватемой понимали одинаковую комбинацию элементарных семантических деривативных признаков или элементарных смыслов.

Ниже приводится сводная таблица (табл. 6) деривативных классов с указанием характеристики каждого класса (цепочек плюсов и минусов, показывающих применимость базисных перифраз) и примеров из русского и польского языков.

Как показывает материал русского и польского языков, с одной стороны, большинство деривативных классов включают глаголы, оформляемые разными деривативными морфами, с другой стороны, одни и те же деривативные морфы оформляют глаголы, принадлежащие к разным деривативным классам. Ср. в этом отношении деривативный класс № 1, определяемый перифразой *функционировать как кто*, в состав которого входят глаголы, оформляемые морфами *-а-* (*бездельни[к/ч]-а-ть*), *-е-* (*вдов-е-ть*), *-и-* (*балагур-и-ть*), *-ова-* (*вор-ова-ть*), *-урова-* (*паразит-урова-ть*),

Таблица 6

Названия базисных перифраз

Номер Дефинитного класса	Функционировать как S° (nom).	Преобразовать S° (acc).	Лгать S° (acc).	Иметь S° (acc).	Лавать S° (acc).	Применять S° (acc).	Вызывать S° (acc).	Обрабатывать S° (instr).	Липать S° (gen).	Быть A° (instr).	Каузировать A° (instr).	Становиться A° (instr.) или S° (instr.)	Примеры из русского и польского языков
1	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	слесар-и-ть, вор-ова-ть, паразит-ирова-ть, шеф-ствова-ть
2	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	атаман-и-сь, жунак-ова-сь, дожд-и-ть, метель-и-ть, визир-и-ть-ся
3	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	+	тгоз-и-сь
4	+	+	+	—	—	—	—	—	—	+	—	—	толп-и-ть-ся
5	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	код-ирова-ть, канон-изирова-ть
6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	krystal-izowa-ć
7	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	кале [к ч]-и-ть, урод-ова-ть, артистократ-изирова-ть
8	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	етеру-ова-сь
9	+	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	конспект-ирова-ть
10	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	вагукад-ова-сь, рломб-ова-сь
11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	элопот-а-ть, суем-и-ть-ся, вражд-ова-ть
12	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	каргус-и-сь, авантю-ова-сь
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	жертва-ова-ть, аргумент-ирова-ть
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	gwagani-owa-ć, sugnat-izowa-ć
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	скор-бе-ть, груст-и-ть, кручин-и-ть-ся,
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	гор-ова-ть, любовит-ств-ова-ть,
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	сымлат-изирова-ть, ненавист-нича-ть
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	пружжи-и-ть, пудас-ирова-ть
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	maja [k cz]-y-ć, sprężyć-ова-сь
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	бойком-ирова-ть
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	promieci-owa-ть
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	amnesti-onowa-ć, terror-izowa-ć
...	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	патент-ова-ть.

44	ирон[и/ #]-иэирова-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
45	интерес-ова-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
46	олиф-и-ть, цилин-ова-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	хор-ирова-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	lakier-ова-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	утю[э/ж]-и-ть, фильтр-ова-ть, зонд-ирова-ть,	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
18	bato[g/ʒ]-y-ć, pit-ова-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19	телеграф-ирова-ть, telefon-ова-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	норм-ирова-ть, систем-атизирова-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	schemat-узова-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	сор-и-ть, глину-ева-ть, kurz-y-ć, karb-ова-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	печал-и-ть, прессо[э/ж]-и-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
22	złosc-i-ć, stra[ch/sz]-y-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	обес-год-и-ть, обес-слав-е-ть, wyludn-ie-ć, uniesmierteln-i-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23	глуп-и-ть, зруб-и-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	лучкав-и-ть, жеманн-ича-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	cho[r/rz]-e-ć, chyt[r/rz]-y-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	piłn-ова-ć, lip[k/#]-nq-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
25	бел-е-ть, зелен-е-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
26	креп[к/ч]-а-ть, худ-е-ть, жок[р/#]-ну-ть, сог-ну-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	szczyt-e-ć, ciemn-ie-ć, bled-nq-ć, tward-nie-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	стар-и-ть, индивидуал[ы/ #]-иэирова-ть,	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
27	popuszc[ы/ #]-изова-ть	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	biel-i-ć, prost-ова-ć, konkret[n/#]-uzo-ва-ć	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечания: 1. В квадратные скобки заключается морфологическая альтернатива, происходящая в конце основы при присоединении к данной основе деривативного морфа. 2. Из таблицы можно видеть несоответствие классификации по деривативным классам в русском и польском языках, например, деривативный класс № 25 [характеризуется применимостью перифраз — «быть А° (instr.)» и «становиться А° (instr.)»] выделяется в русском языке, но не выделяется в польском; аналогично можно сказать о деривативных классах № 45 и 23.

-ствова- (*шеф-ствова-ть*), -нича- (*столяр-нича-ть*), и деривативный класс № 9, определяемый перифразой *иметь (испытывать) что*, в состав которого входят глаголы оформляемые морфами -а- (*ску[к/ч]-а-ть*), -е- (*скорб-е-ть*), -и- (*груст-и-ть*), -ова- (*торжество-ова-ть*), -ирова- (*галлюцин [аци/ш]-ирова-ть*), -кича- (*ненавист-нича-ть*). Таким образом, относительно глаголов, связанных отношением производности с именами существительными и прилагательными, можно утверждать, что на их распределение по деривативным классам суффикс оказывает минимальное воздействие. Можно считать, что для большинства деривативных глагольных классов определяющим является семантика имени, связанного с данным глаголом отношением производности. Так, деривативный класс № 1 объединяет глаголы, связанные отношением производности с существительными, обозначающими лица, например, *адвокат, актер, атаман, балагур* и др. Деривативный класс № 9 объединяет глаголы, связанные отношением производности с именами, обозначающими внутренние душевные состояния человека, например, *гнев, горе, грусть, кручина, малодушие, ненависть, скорбь, торжество, тоска, хандра* и др. Деривативный класс № 16 объединяет глаголы, связанные отношением производности с именами, обозначающими вещества, например, *азот, бетон, гипс, золото, озон, олифа, серебро, спирт, хлор, цемент, цинк* и др. Деривативный класс № 17 объединяет глаголы, связанные отношением производности с именами, обозначающими орудия, инструменты, например, *аркан, бурав, зонд, пила, сверло, утюг* и др. Таким образом, для большинства деривативных глагольных классов определяющей является семантика имени, связанного с данным глаголом отношением производности. Однако могут быть случаи, когда разные деривативные классы различаются синтаксическими функциями производного глагола. Например, деривативные классы № 9 и № 21 включают глаголы, связанные производностью с именами, обозначающими душевные состояния человека, но в класс № 9 входят непереходные глаголы (например, *гневаться, горевать, скорбеть, тосковать* и др.), а в класс № 21 — переходные (например, *гневить, печалить, страшить, тревожить* и др.). Деривативные классы № 26 и № 27 также различаются признаком переходности и непереходности производного глагола. Разные глаголы, входящие в деривативные классы № 26 и № 27, могут быть связаны производностью с одним и тем же именем прилагательным, например, *веселеть* (класс № 26) и *веселить* (класс № 27) с прилагательным *веселый*, *худеть* и *худить* — с прилагательным *худой*; аналогично *молодеть* и *молодить* — с *молодой*, *стареть* и *старить* — со *старый* и т. п. Деривативный класс № 22 занимает особое положение, это связано со спецификой перифразы *лишать чего*, поскольку лишать можно как конкретных предметов, так и веществ (*воды, кислорода, азота*), и абстрактных понятий (*надежды, силы, памяти*, и т. п.).

Таким образом, в статье исследовалась методика описания деривативных значений. Рассматривались возможности использования с этой целью метода перифраз и методов компонентного анализа. Каждая конкретная перифраза рассматривалась как выражение элементарного смысла или элементарного семантического признака. Набор перифраз, выражающих один и тот же элементарный смысл, получал наименование или базисную перифразу. Различные комбинации базисных перифраз, вербализирующих элементарные смыслы, образуют дериватему или деривативное семантическое значение производного слова. Две дериватемы считаются тождественными, если они описываются при помощи одной и той же комбинации семантических деривативных признаков, что проявляется в применимости одинаковых базисных перифраз. Две дериватемы считаются семантически близкими, если в их описание входит одна или несколько общих базисных перифраз, что свидетельствует о наличии общего элементарного смысла.

О ДВУХ ПРАСЛАВЯНСКИХ ТЕРМИНАХ ИЗ ОБЛАСТИ ДРЕВНЕГО ПРАВА В СВЯЗИ С ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ СООТВЕТСТВИЯМИ

Язык права, как известно, особенно устойчиво сохраняет архаическую терминологию и фразеологию (не говоря о синтаксисе). В связи с этим внимание лингвистов в последнее время все чаще обращается к исследованию правовых терминов¹. Их анализ, помимо выводов, представляющих собственно лингвистическую ценность, дает возможность связать языковые элементы с социально-правовыми установлениями, в о - п е р в ы х, и эти последние с совокупностью мифологических представлений, по крайней мере в том их аспекте, который ориентирован на установление набора «прецедентов» (всего того, что совершалось при творении мира и данного коллектива и о чем можно сказать: *в первый раз* . . .), в о - в т о р ы х.

Славянская правовая терминология и фразеология, представленная достаточным количеством древних юридических текстов (ср. «Закон Судный людем», «Русскую Правду», Статуты Казимира Великого, хорватско-далматинские законодательства типа Винодольского, Кркского или Полицкого статутов, «Жилинскую Книгу» и под.), в указанном выше отношении исследована пока весьма мало и поверхностно, несмотря на то, что в ряде исследований древних славянских юридических текстов сравнительного характера уже выявлено довольно большое количество слов и связанных с ним фразеологических сочетаний, которые, несомненно, следует отнести не только к раннеславянскому, но и к п р а с л а в я н с к о м у праву. Более того, многое из этой сферы обнаруживает столь ясные параллели к древнейшим индоевропейским правовым и законодательным текстам типа хеттских законов, законов Ману или Нарады, законов XII таблиц и под., что нет оснований сомневаться в значении славянских данных и для реконструкции некоторых существенных норм и обычаев, определявших жизнь древнего и н д о е в р о п е й с к о г о общества (сюда

¹ См.: É. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indoeuropéennes. 2. Pouvoir, droit, religion. Paris, 1969; G. Watkins. Studies in Indo-European Legal Language, Institutions and Mythology. — «Indo-European and Indo-Europeans». Edited by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia. 1970, стр. 321—354; Myth and Law among the Indo-Europeans. Edited by Jaan Puhvel. Berkeley—Los Angeles—London, 1970 и др.

же следует отнести и сведения о социальной структуре коллектива в древнейших индоевропейских традициях).

Настоящая статья продолжает предыдущие разыскания (ср. праслав. **rota*, **rezь* — **rezy*, **mirь*, **jatiti*, **domosěd-*, **jedinomgъ-*, **ŭb-* + **dějati* и т. д.) и предполагает ряд продолжений, которые см. в другом месте.

1. Праславянское **vьrvь* и его продолжения

Это слово встречается уже в Зографском, Маринском, Ассеманиевом Евангелиях (также и в Остромировом) и в Супрасльской рукописи (не говоря о церковнославянских памятниках других изводов, относящихся к более позднему времени) в соответствии с греч. *σχολίουν*, ср. *сѣткарь* *ѣко* *внч* *отъ* *крѣки*. Ио.2.15. Зогр., Мар., Асс., Остр. (*ѣх* *сѣлюиѡв*); *поселѣша* *принести* *трѣстие* ... и *крѣкиѡ* *обавѣзше* *сѣтагнѣти*. Супр.270.7 (*сѣлюиѡ*)². Этимологически *крѣка* связывают со славянскими соответствиями — русск. *вервь*, *веревка*, укр. *верьовка*, болг. *врѣв*, макед. *врв*, с.-хорв. *врѣца*, словен. *vřv* (*vřb*, *vřvca*, *vřvica*), ст.-чешск. *vrv*, а из других индоевропейских языков — с лит. *virvė*, лтш. *vīrve*, прусск. *wirbe*³; другие сопоставления (др.-греч. *Ἐρβω*, *Ἐρβήρ*, др.-инд. *varatrā*, лат. *urvum* и т. д.) или слишком далеки и поэтому малоинтересны, или вовсе несостоятельны. Существенно, что все перечисленные слова восходят в конечном счете к и.-е. **uer-*, лучше всего отраженному в лит. *vėrti* 'нанизывать', 'вдевать (нить)', 'продергивать', лтш. *vėrt*.

Далее начинаются неясности, причем даже в таких, по сути дела, прозрачных фактах, как связь слова *вервь* в указанном значении с *вервью* (*веревкой*), правовым термином, обозначающим общину и/или территориальную единицу. До сих пор нередко попытки порознь объяснять этимологию этих слов, и даже для М. Фасмера их взаимная связь не является очевидной, несмотря на то, что в таких основоположных памятниках старого славянского права, как «Русская Правда» или «Полицкий Статут», представлены все те значения слова *вервь* (*врѣв*, *врв*), которые скрепляют воедино два крайних варианта значения — «*cātena*» и «*commūne*»⁴. Поэтому следует еще раз остановиться на связи этих двух значений, подтверждаемой собственно славянскими данными, фактами лингвистической типологии и, наконец, внеязыковыми реалиями. Из следующих далее наблюдений вытекает новое объяснение этимологии ряда слов того же семантического

² См.: *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae.* 5 Praha, 1962, стр. 223; L. S a d n i k, R. A i t z e t m ü l l e r. *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten.* Heidelberg, 1955, стр. 154 (к этимологии № 117).

³ Ср.: М. Ф а с м е р. *Этимологический словарь русского языка*, т. I. М., 1964, стр. 294—295.

⁴ См.: Е. Ф. К а р с к и й. *Русская Правда*. Л., 1930, стр. 93.

круга, а также расширение и углубление совокупности данных, относящихся к истории слова **vьrvь* и его соответствий внутри славянских и — шире — индоевропейских языков.

В «Русской Правде» отмечено и конкретное значение слова *вервь* (ср.: *Аже кто подотнетъ вервь в перевѣстѣ, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кунѣ*. Пространная редакция, 74)⁵ и более общее, связанное с обозначением определенной социальной организации, ср.: *Аже будетъ рощена земля или знамение, им же ловлено, или стѣть, то по верви искати татя ли платити продажу*. Там же. 63⁶ или *Аже кто оубиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то в иревную (а) платити, въ чьей же верви голова лежить то 80 гривенѣ*. Там же. 3⁷ и т. д. Уже исходя из этих и подобных им примеров, специалисты высказывали мысль, что между двумя крайними значениями слова *вервь* существовало посредствующее звено — *вервь* в значении участка земли, отмеренного веревкой. Такое предположение подтверждается типологическими параллелями, ср. название некоторых судебных округов в Англии *rape* (от древней судебной общины), в Голландии *reep* при *rêp*, *râp* 'веревка'⁸, ср. совр. англ. *rare* как обозначение одного из подразделений графства Сэссекс при *rope* 'веревка', 'мера длины' (ср. *rap* 'моток пряжи длиной около 120 ярдов') и т. п., *to rope* 'связывать', 'соединять'; или лат. *linea* 'нить, шнурок' и 'граница, предел' и — через выражения типа *locorum extremae lineae* — обозначения участка, ограниченного данными пределами; или особенно др.-евр. *gəbāl*: 1) веревка, шнур (Ис. Нав. 2, 15; Эсф. 1, 6), 2) группа, сонм (1 Царств 10, 5), 3) жребий, удел (Пс. 104/105, 11), 4) межевой шнур, мера длины (Зах. 2, 5), 5) граница, полоса, область (Второзак. 3, 13, 14)⁹ и др. (о некоторых из них см. ниже). В свете этих параллелей с большим вниманием следует отнестись и к славянским фактам, подобным теме *верви* в «Полицком Статуте» (весьма архаичном в своих истоках) в связи с вопросом о делении, измерении. Ср.: *а е гаи, тои се има дилити овакою и по ови путь: наипрво ако би се знала врвь и дио како гре од племеньщине меу селом, по мири и по врви од башине, тада не би триби инога ни инака дилениа изискавати од гаевъ, него по правои врви и по мири од главъ и подворницъ и племеньщине, како годирь гре врвь од башине, тако има и гаѣа дио поити. Ну ли (с)е не зна ни се море знати врвь меу собом од*

⁵ См.: М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения «Русской Правды». М., 1953, стр. 104; Правда Русская. II. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1947, стр. 579 (статья 80).

⁶ Правда Русская II, стр. 549 (статья 70).

⁷ Там же, II, стр. 255 (статья 3).

⁸ См.: К. В г u n n e r. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl., Bd. 1, стр. 197.

⁹ В связи с др.-рус. *вервь* на эти факты обращено внимание в кн.: Г. М. Барц. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910.

племеньщине, како се находи где е веће диониковъ у селу, томуи се има овако дилити гаи... Законъ од дилениа гаѣи али kota(ра) меу собом. 59а (101—102)¹⁰ и особенно четко: ... да ако е з братѣом ближном али даоном али врвном, тада не море бити при(у)стоино нигдарь, него се море вазда меу братѣом врвном ервь въ поати и примирити, гди се кому криво види, и свака се правда вдигнути, ча е о племеньщину ка е врвѣта. Од племеньщинь. 62 (114), где темы верви как изменительного шнура, верной племеньщины и членов верви («вервных» братьев) сочетаются друг с другом.

Примечание: Сам же процесс измерения веревкой в случае нарушения *status quo* или возникновения каких-либо неясностей весьма древен; имея в виду последующие рассуждения, уместно привести один архаичный пример из мифолого-юридической сферы. Речь идет о шумерской надписи правителя Лагаша Энтемны на глиняном конусе (XXV—XXIV вв. до н. э.):

En-líl lugal kur-kur-ra ab-ba diġir-ré-ne-ke₄ inim-gi-na-né-ta *Enġir-su* *Sará-bé ki-e-ne-sur Me-silim lugal Kišik^k-ke₄ inim* *Sataran-na-ta èš-gán^u bé-ra ki-ba na-bí-rù UŠ ensí Ubme^k-ki₄ nam-inim-ma diri(g)-diri(g)-šè e-ak na-rù-a-bé i-pu(d₂)* *eden Lagašak^k-šè i-gin* *Nin-ġir-su ur-saġ* *En-líl-lá-ke₄ inim-si-sá-né-ta Ubme^k-da dam-ġa-ra e-da-ak...*

(Бог) Энлиля, господин (всех) стран, предок богов, по своему верному решению для Нингирсу (=бога города Лагаша) и Шары (=бога города Уммы) территории размежевал; Месилим, господин (города) Киша, по решению (божества) Сатаран землемерную веревку (там) протянул (разрядка моя. — В. Т.), на этом месте камень водрузил; Уш (?) правитель (города) Уммы, сверх договора поступил: водруженный камень этот разбил, в степь (т. е. на территорию государства) Лагаша пошел; (бог) Нингирсу, витязь (бога) Энлиля, по своему справедливому решению с Уммой войну сделал...¹¹

Сходные ситуации не раз зафиксированы в старых русских текстах, ср.: *Аже дубъ подотнетъ знаменьныи или межъныи, то 12 гривенъ продаже.* «Русская Правда». Простр. ред. 66 или: *И велѣлъ есмь учинити между промежь Юрьевымъ монастыремъ и Пантелѣевымъ монастыремъ: по излогу в ервь Мячиномъ на горки¹² и особенно: А завод: от рики мимо могилы тритчат(ь) сажон в пашню в Старску; да от верхиние могилы сверху до логом на камен(ь), а от камни во враг, изо врага лугом подле Старскую пашню, по кои мѣста покос исхол, да нанизу от рики в пашню тритчат(ь) сажон в ервь. А хто на сию землю наступит, и аз с тимъ сужусь на страшномъ суди перед Спасом¹³.*

Ритуальная функция измерения и установления границ в результате его границ отражена в основных обрядах самых разных традиций. Достаточно напомнить такие примеры, как обряд измерения *mahāvedī* и *agnikṣetra* при ашвамедхе¹⁴; определение центра в «сангхе четырех сторон

¹⁰ См.: V. Jagić. *Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium*, P. I. vol. IV. Zagreb, 1890 (старое издание: V. Mešić. — *Arhiv za povjestnicu jugoslavensku*. Knj. V. Zagreb, 1890); Б. Д. Греков. *Полища. Опыт. изучения общественных отношений в Полище XV—XVII вв. М., 1951* (текст и перевод).

¹¹ См.: И. М. Дьяконов. *Языки Древней Передней Азии*. М., 1967, стр. 429—430 (далее рассказывается о повторном размежевании, проведении рва в качестве границы, водружении камня и т. д.).

¹² См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, № 79.

¹³ См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI века. Т. I. М., 1952, № 71.

¹⁴ См.: P.-E. Dumont. *L'Ášvamedha*. Paris, 1927, стр. 72—73 и сл.

света»¹⁵; ритуальное посвящение поля в древнем Египте или сходные церемонии в древнем Китае; определение священного центра и границ города в этрусской и римской традициях¹⁶ и т. п.

В старорусском праве существовала практика волостных разрубов, производившихся «по земле» — «по веревкам», раскладка волостным миром денежных сумм «по веревкам» и т. д.¹⁷. Крзка в значении межевого шнура употреблена в передаче греч. *σπαρτίον* в отрывке из Иова 38,5 в Паремейнике Григоровича: где (вместо кто) пол(о)жи мѣры. еи лице. кѣси. ли кто положи крзка на иен (scil. земля) τίς ὁ ἐπαγαγὼν σπαρτίον ἐπ' αὐτῆς.

В связи с вервью как особой формой организации находится название членов верви, ср.: *Ако ли би тко убио ближнега али зрнога за цића племеницине... да томуи убоици не има бити ти дво... Полицкий Статут 36с (49—50); ...ну ли е меу братом али ином дружином врвитком тер би хотио чинити коловаю... тада не може му тои бити самому...* Там же. 80а (170—171). Названия *врвни*, *врвић* (ср.: *врвник* 'родственник'¹⁸), встречающиеся в старых сербских и хорватских текстах, показательны в том отношении, что, во-первых, через них *вервь* (= община) связывается с *веревкой*¹⁹ (ср. типологически сходные отношения между ст.-слав. и др.-рус. *жжика*, *ужжика*, *ужжикъ* 'родственник' и ст.-слав. *жже* 'цепь, оковы', др.-рус. *ужжикъ* 'веревка' или между франц. *lignée* 'потомство, поколение', ср. *ligne*, *ligne paternelle* для обозначения родословной, отцовской линии, и лат. *linea* 'нить, шнурок' и т. п.), и во-вторых, позволяет привлечь к анализу важные факты других языков, не использовавшиеся до сих пор в этой связи и остававшиеся без этимологии внутри собственной языковой традиции. Речь идет прежде всего об анатолийских данных. В клинописном хеттском известно слово *ḫaḫ-ulan-* (видимо, среднего рода) со значением 'семья', 'потомство' (КВО IV 10 II 24, в чередовании с идеограммой NUMUN. Там

¹⁵ Е. С. Семёка. История буддизма на Цейлоне. М., 1969, стр. 85.

¹⁶ См. миф о божественном происхождении практики измерения полей у этрусков. Ср. латинские понятия *mundus, cardo, decumanus, regio* и т. д.

¹⁷ См.: Судебник XV—XVI веков. М.—Л., 1952 (указатели). Ср. также арханг. *веревка*, поземельная мера, 1850 квадратных сажен, орловск. *веревка*, полкопны хлеба или 26 снопов, *вервие*, шнур для измерения у каменщиков, плотников, землемеров, *вервовать*, *веровить*, мерять землю *веревкой* и т. п. (см.: Даль, т. 1, стр. 439).

¹⁸ К словообразованию ср. русск. *верви́к*, *верви́к* 'веревка' идущая по кромке рыбных сетей, подвора и т. д., болг. *вървеник* 'китена-черга, китеник', словен. *vrvnica, vrvenica* (?) и др.

¹⁹ Среди историков эту связь особо подчеркивали: М. Ф. Владимирский - Буданов. Обзор истории русского права. Изд. 5. Киев, 1907, стр. 79; Он же. Рец.: Блюменфельд. О формах землевладения. «Университетские Известия». Киев, 1885; А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938, стр. 165, не говоря уже о С. М. Соловьеве. Ср. также: V. Mažugačić. Prinosi sa hrvatski pravno-povijestni gjeđnik, 1878, стр. 1613—1614 и др.

же. I 11), ср. Gen. Sg. *qarruḫalanaš* (KUB XXI 37 I 13), Dat.—Loc. Sg. *qarruḫalani* (KBO IV 10 II 24), а также *qarruḫalanant-* (общий род) 'потомок отпрыск'²⁰. В лувийском засвидетельствовано слово *warwalaḫi-* 'семья', 'зародыш', 'потомство'²¹. Что касается звуковой стороны этих слов, то, учитывая, что и.-е. **r* регулярно отражается в виде хеттск. *ar* (ср. хеттск. *parḫu-*; др.-инд. *brhant-*, хеттск. *ešḫar*; др.-инд. *asṛk-* и др.), хетто-лув. *ḫarḫ-* точно соответствует балт. *virv-* и ст.-слав. *кръкѣ*, др.-рус. *въръвь* и т. д., и, следовательно, все они восходят к нулевой ступени корня **uer-* с расширением **-u-*. Правда, принимая во внимание, что и.-е. **or* также отражено в хеттском, как *ar*, можно предполагать, что хетто-лув. *ḫarḫ-* продолжает и.-е. **uorḫ-* (т. е. ступень *-o-* того же корня). В таком случае хеттск. *ḫarḫalan-* и лув. *warwalaḫi-* следует сопоставить с такими русскими диалектными формами, как *вѣрѣвина* 'веревка', 'сапожная дратва', *ворѣвий*, *ворѣвенный* 'веревочный', 'пеньковый', 'витой' (ср. *ворѣвенные вѣжки*), *ворѣвь* 'веревочный товар' и т. п. (см.: Даль I, стр. 595), до сих пор казавшимися исключением²². Хетто-лувийский суффикс *-(a)la-* в данном случае мог бы, видимо, рассматриваться как средство отглагольного словообразования²³ и быть непосредственно сопоставленным с тем же суффиксом в славянских словах того же корня, ср. болг. *върволица* «редица живи същества или други предмети, които се движат, вървят едни след други», *върволяк* «множество, което непрекъснато се движи, върви; върволица»²⁴, диал. *върволик*; макед. *врволица* 'вереница, процессия, шествие; толпа, множество людей' (ср. *врволица*, *врволега* и под.)²⁵; к связи этих славянских слов с соответствующим глаголом (болг. *вървя*, макед. *врви*, словен. *vrvéti*) ср. их словарные определения или контексты типа: *Напред вървеше бяла върволица волове и*

²⁰ См.: J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter. Heidelberg, 1952, стр. 247; ср. также: F. Sommer. Hethitisches, II. Leipzig, 1922, стр. 58; A. Götzе, E. Sturtevant. The Hittite Ritual of Tunnawi. New Haven, 1938, стр. 71, 116.

²¹ См.: É. Lagasse. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959, стр. 108; ср. еще: Н. G. Güterbock. «Orientalia», vol. XXV, 1933, стр. 125 и сл.

²² Другие варианты того же корня, но без *-r* (**uōr-*, **ūr-* и под.) разобраны Фриском; ср. особенно **ōra*, *ōrahiān*, др.-зап.-сев. *ōrr* и т. п. Н. Frisk. Griechische Wortprobleme. «Kleine Schriften». Göteborg, 1966, стр. 381—387.

²³ См. об этом суффиксе: Н. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden, 1963; Lieferung 2, II. Wortbildung des Hethitischen, стр. 171—173 с литературой вопроса, ср. *warpan (n)ala-* 'ритуально вымытый' к основе на *-na-* от глагола *warp-* 'мыть' и др.

²⁴ См.: Речник на съвременния български книжовен език. Свезка втора. София, 1955, стр. 165; ср.: Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. Български тълковен речник. София, 1955, стр. 85.

²⁵ См.: Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. I. (А.—Н) Скопје, 1961; Македонско-русский словарь. Составили Д. Толковски и В. М. Иллич-Свитыч, под ред. Н. И. Толстого. М., 1963, стр. 64.

зад тях нещо огромно и черно (Иовков)²⁶, не говоря о старых фразеологизмах типа *ходити по верви* (ср. словен. *po vrvi hoditi* или *vrvohodec* и т. п.), *искати по верви* и соответствующих им выражениях из дегенерированных обрядов, сохранившихся в детских играх (ср. великорусскую игру «веревочка», когда участники, держащиеся за веревку, образуют круг; тот, кто водит, ходит по кругу, по веревке и ищет спрятанный предмет)²⁷.

Есть некоторые основания думать, что и в балтийских языках засвидетельствованы факты, так или иначе сходные с указанными случаями в анатолийских и южнославянских языках. Суффикс *-l-* (с деталями, отличающимися от вышеприведенных примеров) присутствует в балтийских языках в словах того же корня (но с другим значением, о котором см. ниже), ср. лтш. *virvulis* 'болтун' (?), *vervelis* 'тот, кто быстро и пёсно говорит' (ср. и *vervele*), *vervelēt* 'быстро и неясно говорить', 'много говорить', *varvulis* 'бормотун', 'запутанно говорящий человек', *varvuļāt* 'неясно, запутанно говорить' (кстати, последние два примера отражают полную ступень *-o-* корня, ср. русск. *воровина* и, возможно, хетто-лувийское слово, а три примера, предшествующие им, — полную ступень *-e-*)²⁸, из литовских примеров ср. *varvalas*, *varvalius* 'сопляк' (при *varvas* 'капля', *varvėti* 'капать', 'течь', 'сочиться', *varvinti* каузатив от *varvėti*), *varvulys* 'сосулька', 'сталактит', *virvuliuoti* 'струиться' и др. (ср. ступень *-o-* корня в большей части примеров). Связь со словом, обозначающим веревку, обнаруживается в наличии в приведенных примерах сегмента *virv-* или его апофонических вариантов (ср. лит. *virvė*, лтш. *virve*). Что касается семантики латышских слов, то ее объяснение следует, видимо, искать в промежуточном значении «суматошного, нерегулярного, запутанного движения» (из «движение», «ходьба», «шествие»), поскольку «идти» (по веревке) предполагает участие непременно ряда субъектов (по крайней мере, в принципе); затем идея суматохи, неразберихи и далее шума, галдежа и т. п. была перенесена в семантический круг, связанный с говорением, произнесением, речью, чему, конечно, способствовала звуковая структура элемента *varv-*, *verv-*, *virv-* (аналогичная звукоподражательным словам с не-

²⁶ Разумеется, справедлива та точка зрения, согласно которой болг. *вървя* 'итти' и (*на*)*вървя* 'нанизывать (на веревку)' этимологически связаны друг с другом и с *върѣ* 'веревка', см.: В. Георгиев. Въпроси на българската етимология. София, 1958, стр. 32 (ср. семантическую параллель болг. *нижа* и *ниже се* 'двига се, вървя един след друг; точа се'); R. Ve r n a r d. Le vocabulaire du dialecte de Razlog. — «Балканско езиковедие», III, 2. София, 1962, стр. 79—80 (аналогичные отношения в парах *въжѣ: навѣжувам се, повѣжувам се; кърда, корденица: кърдя се, накърдвам /се/* и др.); Български етимологичен речник. Съставили В. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Занмов, С. Илчев, Свезка III. София, 1964, стр. 209.

²⁷ Ср. ритуальную игру в веревочку, распространенную среди жителей острова Пасхи (Ф. Мезьер).

²⁸ K. Mü l e n b a c h s, J. E n d z e l i n s. Latviešu valodas vārdnīca XLII, burtnīca. Rīgā, 1931, стр. 481, 543; XLIII, burtnīca. Rīgā, 1932, стр. 619.

полным удвоением). Все промежуточные стадии значений хорошо представлены не только в латышском, но и в ряде славянских языков, ср. с.-хорв. *vъвети, vъвьети* 'кипеть', 'толпиться', 'путаться' и вместе с тем 'шуметь', 'бурлить', *vъва* 'давка', 'суতোка', 'суматоха', но и 'шум', 'гам', 'галдеж', словен. *vrvétí* 'кипеть', 'толпиться' (ср. *vrváti*), *vrvež* 'суматоха', 'суета', 'толкотня' (ср., видимо, скрещенную с *vréti* 'кипеть', форму *vrvati* 'кипеть', 'бить ключом', 'клокотать' и т. п.)²⁹. Из семантических параллелей в словах другого корня ср. хотя бы польск. *kotłować się* 'кипеть', 'бурлить', 'шуметь' при *kotłować* 'много говорить', которое прямо подводит к аналогичному значению в латышских словах, или нем. *sprudeln* 'бить ключом', 'клокотать' и 'быстро говорить'. В уже приведенных латышских словах также можно обнаружить серию значений, лежащих между идеей движения и бормотания, запутанной речи, ср. *vervelīgs* в значении «торопливый», «поспешный», «стремительный», *vervelis* в значении «подвижный, беспокойный человек», *vervelēt* в значении «суетиться под ногами» (= *tiņaties pa kājam*), «беспорядочно тесниться», *vervele* в значении «бесформенной массы»³⁰ и т. п. Связь значений литовских слов с идеей движения относительно проста, ср. балтийский и славянский корень **tek-* — 'идти', 'двигаться', 'достигать' и 'течь', 'струиться' и использование его в гидронимии. Неудивительно, что в названиях вод широко используется и корень **virv-* и его варианты (ср.: лит. *Virvyčia, Virvytė, Verveklis, Varvalio ežeras*, русск. *Вережка, Воровка* и др.)³¹. Таким образом, и балтийские языки позволяют включить новые факты, ценные в силу разнооб-

²⁹ Возможно, что нечто похожее следует предполагать и для лтш. *viruļūdt* при *vift*; ср. словен. *vrváti* (*vloncu vrvra voda, potoček vrvra iz zemlje* и т. д.). Из иранских фактов ср. шугн., рушан., хуфск. *warvén: warvént* 'кипятить'. И. И. З а р у б и н. Шугнанские тексты и словарь. М.—Л., 1960, стр. 255; В. С. С о к о л о в а. Рушанские и хуфские тексты и словарь. М.—Л., 1959, стр. 275; сарык. *warvon, warvond* 'кипятить' см.: Т. Н. П а х а л и н а. Сарыкольско-русский словарь. М., 1971, стр. 195; язгул. *warvd-, wirv-* 'кипятить' см.: Д. И. Э д е л ь м а н. Язгулямско-русский словарь. М., 1971, стр. 289, и др.

³⁰ Ср. болг. *въролица, макед. въролица, укр. веревка* 'толпа людей, животных' (*веревка курей*) и т. д. с подчеркиванием идеи множества, смешения составных элементов; другой аспект развития — в оформлении круга значений, связанных с идеей переслоенности, нерегулярности, неровности, сучковатости и т. д.; ср. лтш. *vervelis, verveļains* и др.

³¹ В связи с такого рода названиями интересно обратить внимание на традиции, в которых в качестве демиурга выступает Космический Ткач, вытканый землю и все, что находится на ней. Ср.: *yad idam sarvam apsvotaṁ ca protaṁ ca, kasmin nu khalvāpa otāśca protāś ceti* («Брихадараньяка-Упанишада» III, 6, 1) 'всё здесь выткано вдоль и поперек на воде; на чем же выткана вдоль и поперек вода?' (*ā +vā-* и *pra +vā-*; ср. аналогичный оттенок «туда и сюда» в глаголах движения типа болг. *върва, с.-хорв. въвети* и т. д., откуда «беспорядочное движение», «толчея», «суматоха»), ср.: «Чхандогья-Упанишада» II, 11, 2. Возможно, что прототип болгарского фразеологизма *върви ми като по вода* имеет прямое отношение к рассматриваемому вопросу. Ср. также у Гете:

разия и новизны фонетических вариантов и семантических расхождений, в исследуемую тему³².

Сходство анатолийских слов со славянскими (и балтийскими), вероятно, продолжается в тех примерах, где в исходе основы выступает *-i-*, ср. лув. *warwali-* при *крякь*, лит. *virvė*, лтш. *virve* (**virvi-*) или, учитывая суффикс с элементом *-l-*, болг. *върволица*, макед. *врволица* (**vrvalikā*) и др.³³

Несомненно, что основным препятствием для сближения хеттского и лувийского слова со славянскими и балтийскими (принимая во внимание идентичность их формы) было расхождение в значениях. Тем не менее, эти разошедшиеся значения («веревка» и «семя», «потомство») легко могут быть сведены к единому источнику. Уже наличие значения «община» (как объединение людей по некоему принципу) в слове *вервь* и особенно слова типа с.-хорв. *врвни*, *врвник* со значением 'член общины, рода, родственник' позволяют в пределах фактов славянских языков приблизиться к установлению тождества: «родственники» — «поколение», «потомство» и т. п. Типологические параллели, число которых очень велико, помогают окончательно решить вопрос о связи этих двух семантических элементов. Вот лишь некоторые из примеров.

Основное значение др.-инд. *sūtra-* 'нить', 'шнур'; основа *sū-* связывается с *sīvyati* 'шьет' (ср. слав. *šiti*, лит. *siūti*, лат. *suō*,

In Lebensfluten, im Tatensturm
Wall' ich auf und ab,
Webe hin und her!
Geburt und Grab,
Ein ewiges Meer,
Ein wechselnd Weben,
Ein glühend Leben,
So schaff' ich am sausenden Webstuhl der Zeit
Und wirke der Gottheit lebendiges Kleid (Faust I).

³² Здесь не место останавливаться на других случаях существительных новообразований в развитии значения этого корня, но один из них все-таки стоит отметить. Речь идет о макед. *врв* 'верх', 'вершина', 'кончик', 'острие' которое можно объяснить не только влиянием слов типа *врх*, *вршка* и под., но и внутренним развитием из *врв* 'веревка' и *врви* 'идти', ср. готск. *hairban* 'ходить', др.-сев. *hverfa*, др.-в.-нем. *hvērjan*, *wērbān*; др.-сакс. *hwērbān*; с тем же кругом значений при нем *Wirbel*, где, наряду со значениями «кругооборот», «вихрь» отмечено и «темя», «макушка», «верхушка» (ср. также «баранная дробь» — к латышским примерам). В шаманских культурах в ерва — средство достижения космического в ерха, крайнего предел Вселенной (ср. мистическую традицию *мысленной верви*, цепи, последовательным восхождением по которой можно достигнуть состояния в ысше: мудрости, просветления; ср. любопытные совпадения в македонском *врв* в значении «высшая ступень», «кульминация», *на врв* 'на самом верху земли *врв* 'одерживать верх' при сходных выражениях в ряде более архаичных культур, где выступает космическая вервь).

³³ Суффикс *-ant* в хеттск. *varṣalanant-*, вероятно, играет такую же роль, как в *tuzziyant-* 'войско' (при *tuzzi*), *udneṣant* 'страна' (при *udne*) и т. д., т. е. передает идею собирательности (ср. *врволица* и под.).

готск. *siujan* и т. д. с тем же значением)³⁴; к словообразованию ср. лат. *sūtor* 'швед'. Вместе с тем в древнеиндийском известен корень *sū-* 'рождать' (ср. *sūte*, *sāute*, *sūyate*, *savati*), также имеющий соответствия в авестийском (*hunāmi*) и других языках (ср. названия сына от этого корня). Цель заключается в том, чтобы показать, что **sū-* 'рождать' и **sū-(*sīū-)* 'пить' восходят к одному источнику³⁵. В семантическом отношении важно установить связь между обозначением «нити», «веревки», «шнура», «цепи», с одной стороны, и обозначением «потомства», «семени» и т. п. (как результата процесса рождения), с другой. Одним из примеров, обнаруживающих эту связь, следует считать др.-инд. *tāntu-* 'нить', 'основа ткани' (ср. др.-ирл. *tēt*, кимр. *tant* 'струна' < **tntā*), *tantī* 'веревка', 'канат', *tāntra-* 'основа ткани' (ср. перс. *tār* 'нить', 'выход пряжи' < **taṣra-*, пушту *tōr* 'сеть' и т. д.), *tanikā* 'шнур' при др.-инд. *tāna-* 'потомство', 'дети' (ср. RV. 39, 7; 645, 2; 774, 2), *tānaya-* с характерным набором значений: 1) *fortdauernd, sich lange erhaltend; das Geschlecht fortpflanzend*; 2) *Sohn*; 3) *Fortpflanzung des Geschlechts*; 4) *Nachkommenschaft, Kinder und Kindeskind*³⁶. . .; *tānas* 'потомство' (RV. 424, 4), *tānā* 'побег', 'отпрыск', 'дитя' (RV. 259, 1; 261, 9). И та и другая группа слов, несомненно, связана с глаголом *tan-* 'тянуть', 'натягивать', 'продолжать', 'простирает'³⁷; характерно наличие технических значений у соответствий этого глагола в других языках, ср. перс. *tanād* 'прядет', 'вращает', лат. *tendō* 'натягивать', 'напяливать' и т. д. (ср. **sū-* 'пить'); вместе с тем производное от этого глагола существительное *tati-* 'масса', 'толпа', 'церемония' и т. д. (из **tnti-*) обнаруживает тот же круг значений («совокупность», «множество»), который уже указывался в связи со славянскими соответствиями слова *вервь* и его производными.

Другой пример — рус. *ткань*, *уток* 'поперечные нити ткани, пересекающиеся с продольными' и другие слова того же корня и с тем же кругом значений, засвидетельствованные в самых разных славянских языках (от корня **tʔk- < *tuk-*), при этимологически необъясненных и до сих пор считавшихся изолированными индоиранских словах: др.-инд. *tokā-* 'потомство', 'дети' (десятки раз встречается в RV), ср. производные от него *tokāvat-* 'связанный с потомством', *tókman-* 'молодой знак' (RV 888, 8), *tokā-sāti-* 'достижение потомства' (RV. 851, 9; 459, 6); *tuc* 'дети', 'потомство'

³⁴ Важно, что наряду и.-е. **sīū-* с тем же значением выступал и корень **sū-*.

³⁵ Ср. одно из значений др.-инд. *sūtra-*, важное для объединения понятий *веревка* и *вервь* 'община' «das Durchlaufende, Alles Zusammenhaltende, -Regelnde», см.: O. Böhtlingk, A. Roth. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung, 7. Teil, SPb., 1889, стр. 178.

³⁶ H. Grassmann. Wörterbuch zum Rig-Veda. Wiesbaden, 1955, стр. 518.

³⁷ К сочетанию семантических множителей «веревка» и «тянуть» см. словен. *po vrvi potegniti*, которое может восходить к весьма древнему источнику.

(RV. 489, 9; 638, 18; 647, 14)³⁸; авест. *taohman-* 'семя', 'зародыш', др.-перс. *tautā* 'семя', 'род', 'зародыш', хот.-сакс. *ttiman-* 'семя', согд.-будд. *tytu*, согд.-христ. *ḥtytu* 'семя', 'потомство' и т. д.³⁹ Очевидно, что и индоиранские примеры восходят к корню **tuk-* 'соединять' ('стыкать', 'соткать'), 'спивать' (ср. **sū-*); след этого корня, помимо указанных слов, обнаруживается, видимо, в др.-инд. *tvāk (tvác)* 'кожа'⁴⁰. Представление творения, порождения как процесса тканья, прядения и т. п. было отмечено выше.

Еще один пример — др.-инд. *yogyā-* 'веревка', *yóktra-* id.; *yukti-* 'соединение', 'связь', *yóga-*, *yójana-* 'упряжка' и т. д. при др.-инд. *yugá-* 'род', 'поколение' (все от *yuj-* 'запрягать', 'сопрягать', 'соединять', 'связывать'); к семантической эволюции слов этого корня ср. такие образования, как др.-инд. *saṃ-yuj-* 'связанный дружбой', лат. *con-ixx* 'супруг', 'супруга', готск. *ga-juka* 'сотоварищ', др.-греч. *σώζωξ* 'сотоварищ'; 'супруг', 'супруга'.

Такое же отношение обнаруживается между до сих пор не объясненным лат. *catēna* 'цепь', 'оковы', 'непрерывный ряд' и его производными *catēnātio* 'связь', 'сцепление', *catēnātus*, *catēnārius* и др.⁴¹, с одной стороны, и лат. *catulus* 'детеныш' (ср. также значение «род кандалов»), умбр. *katel* (acc. sg. *katlu* id.), возможно, ирл. *catt* как обозначение маленьких животных, с другой стороны. В другом месте⁴² была предпринята попытка объяснить итальянские слова, связав их со слав. **kotiti* 'рожать' ('катить') и далее с др.-греч. *κατα*, хеттск. *katta(n)* и под.; при этом была высказана мысль о том, что *a* в древнегреческом и хеттском словах не восходят к *n*, как продолжают утверждать некоторые специалисты. В настоящее время в пользу высказанных соображений можно привести еще ряд фактов, из которых наиболее существенны два — предлагаемая здесь этимология лат. *catēna* и сопоставление недавно обнаруженного галльского собственного имени *Caticnos* с др.-греч. *κατίγγητος*, *κασιγγητος* 'брат' (**kati-* + *gn-*/**gen-*) 'рождать'⁴³,

³⁸ Характерно постоянное соединение производных от *tuk (tok-)* и *tan-* со сходными значениями в Ригведе.

³⁹ См.: M. Maughogher. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1956, Bd. 1, стр. 508, 527.

⁴⁰ В свою очередь, с *tvāk* справедливо сближают хеттск. *ṭekkas* 'тело', 'особа', 'сам'; семантическая параллель — др.-инд. *tanu-* (от *tan-*, см. выше) в значении «тело», «особа», «сам».

⁴¹ Ср.: A. Ernout, A. Meillet. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1951, т. 1, стр. 187: «Sans étymologie. Emprunt (étrusque)?». Нужно думать, что сюда же относится и лат. *caterva* 'толпа', 'полчища', умбр. *kateram*, *caterahamo* и под. (ил. **kat-er-*, ср. *ácervus* 'куча', 'толпа'), см. в другом месте. К семантическому переходу ср. болг. *върволица*.

⁴² В. Н. Топоров. О праславянском **kot-*. — ВСЯ, 1962, стр. 172—176.

⁴³ Об этих словах см.: Chr.-J. G u o n v a r c ' h. «Ogam», 1962, 14, стр. 461—462 и особенно: J. P i n a u l t. Notes sur le vocabulaire gaulois. — «Ogam», 1963, т. 15, стр. 388—390; P. C h a n t r a i n e. Note sur l'emploi homérique de *κασιγγητος*. — BSL, 1960, т. 15, стр. 27—31; M. L e j e u n e. Hittite *kati* — grec *κασι*. — BSL, 1960, т. 55, стр. 20.—26.

подробнее об этом см. в другой работе автора⁴⁴. Примеры такого рода широко известны и в неиндоевропейских традициях⁴⁵.

Для понимания семантического соотношения между др.-рус. *вервь*, с.-хорв. *vrв* 'община', *врвник* и хеттск. *varṣalan-*, лув. *war-walaji-* 'семя', 'зародыш', 'потомство' полезно напомнить об отношении лат. *gens* 'род', 'родовая община', 'клан' (и далее 'племя', 'народ', 'область' и т. д.), *genus* 'род' ('племя', 'народ' и т. д.) и лат. *germen* 'плод', 'зародыш', 'побег', 'потомство', происшедшем из **genmen*, т. е. от имени, образованного от глагола *geno*, ср. *gigno* 'рожать' (ср. др.-инд. *jānman*)⁴⁶.

Количество семантических параллелей к указанной связи значений легко может быть увеличено, но для доказательства основного тезиса этой заметки дальнейшее приведение примеров, по сути дела, не нужно. Остаются, однако, детали, которые здесь могут быть лишь указаны в связи с дальнейшими задачами, возникающими при исследовании слов, связанных с праслав. **ьvrvь* и тем, что за ним стоит.

Одной из таких задач могло бы быть установление более полного состава лексической семьи и.-е. **uer-*, продолжатели которого в отдельных языках еще удерживают некоторые из рассмотренных выше значений. При этом внимание следовало бы обращать не на относительно простые случаи появления исследуемого корня без расширения *-v-* (типа *верев*⁴⁷, *вереница*, *верига*, укр. *верѣта* 'толпа', *верѣнка* 'ряд', лит. *vorà* 'вереница', лтш. *vėriēns* 'нить', *vėrens*, алб. *vark*, *vargu* 'ряд', 'гирлянда', ср. тох. В. *warke* 'гирлянда', тох. А. *wrok* 'бисер' и т. п.), а на такие малоисследованные примеры со сходным значением и во многих отношениях близкой фонологической структурой, как, например, индоиранские слова с корнем **barb-*, **brb-*; ср. хот.-сакс. *bīra* 'веревка', согд.-будд. *brβ-*, на основании употребления которого, кажется, можно восстановить более старый иранский корень **barb* со значением «вести»⁴⁸ (ср. хождение и вождение по веревке); обращает на себя внимание форма с суффиксом *-nt* — *brβ'nt* в связи со сходной хеттской формой *varṣalanant-*; наконец, вед. *brbad-uktham* (RV. 652, 10) в отрывке, где об Индре говорится, как о «ведущем

⁴⁴ Ср. представление о *catēna aurea* в культурах шаманского континента.

⁴⁵ Ср. др.-тюркск. *uruq* 'веревка', *uruγ* 'род', 'поколение', 'родственник' (тувин. «дитя», «дочь»; *ury* 'сын' и т. д.). См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 439.

⁴⁶ Сходные значения «отпрыск», «потомок» отмечены и у лат. *gens*, *genus*.

⁴⁷ Ср. это слово для обозначения участка леса. См.: Словарь современного русского говора (д. Деулино Рязанской области). М., 1969, стр. 78 и др.

⁴⁸ Н. W. Bailey. Arya. — BSOAS, vol. 23. 1960, стр. 24—26. В самих буддийских согдийских текстах выделяется два значения: 1) *rtu prw brβ'nt APZYn prw d̄rymh ZKw' ny' γyrd̄ γr'm'y' 'st* «and by *brβ'nt* and by falsehood takes the riches of others for his own». SCE 273, где согд. *brβ'nt* соответствует кит. *k'uang* 'вводит в ошибку', 2) *c'wn "br'γs'kde "brβ s'r γršt* «draws with the **ābarβα-* of lust». Vimalakīrti-nirdeśasūtra, 155, где для **br'rb* предполагается значение «leading thing».

uktham»⁴⁹, дает основание восстановить форму с нулевой огласовкой корня и в индоиранском (ср. анатолийские и балтославянские факты); не исключено, что *bṛbūkat pūrīṣam* (RV. 853, 23) могло обозначать нечто вроде *пустых* облаков, т. е. нечто шероховатое, переслоенное, вервеобразное, ср. тот же круг значений в лтш. *vervelis, verveļains* (связанных с *virve*)⁵⁰; последнее, на что в данной связи следует обратить внимание — собственное имя *Bṛbū* (RV. 486, 31 и 486, 32), по-видимому, относящееся сюда же⁵¹. В связи с индоиранскими фактами, может быть, придется осторожнее отнестись к прусск. *wirbe*, в котором всегда склонны были видеть описку (вместо **wirwe*) и даже к семье ст.-слав. *кѣба* (іѣа Клоц.), др.-русск. *вѣрба*, с.-хорв. *вѣба*, лит. *viřbas*, лтш. *virbs*, др.-греч. *ῥάβδος* и т. д. и еще далее к балтийским лексемам типа *birb-, barb-, burb-* (и их славянским соответствиям, ср. с.-хорв. и словен. *brbotati* и под.). И дело, разумеется, не в том, чтобы возвести все перечисленные слова к одному источнику; важнее определить их вклад в семантическую и звуковую эволюцию рассматриваемой семьи слов и определить, насколько в этих, здесь не рассматриваемых примерах, отразилось влияние слов, родственных рус. *вервь*.

Другая задача, вытекающая из лингвистического анализа данных слов, могла бы иметь отношение к решению до сих пор дискуссионного вопроса о том, чем же все-таки была славянская *вервь* — задругой, большой семьей (родственный принцип), как думал С. В. Юшков, или же крестьянской общиной, подобной марке, как утверждал Б. Д. Греков⁵². Пока с уверенностью можно сказать, что *вервь* (и относящиеся сюда слова), если судить исключительно по языковым фактам, имела прямое отношение к фиксации родственно-генетического принципа, но могла обозначать и чисто территориальную единицу (возможно, что такое понимание *верви* возникло позднее). Тем не менее, этимология и семантика славянских слов, обозначающих *вервь*, едва ли компетентны в решении чисто исторических и социально-правовых вопросов раннеславянской эпохи.

⁴⁹ Н. W. Bailey. Указ. соч.

⁵⁰ В связи с иранскими фактами (значение «вести» в согд.-будд. *βrβ-*) характерно наличие *anīpā dvā. . . vahatah* «они двое. . . приводят сюда» в указанном отрывке из Ригvedы.

⁵¹ *Bṛbū*, которому поются хвалы как щедрому дарителю, высоко вознесен над *Raṇi* и уподоблен *з а р о с л я м*, *ч а щ е* на Гагге; он — поэт, а по более поздним источникам — божественный *п л о т н и к*; *д е м и у р г*, иначе говоря, эти характеристики вполне соответствовали бы Космическому Ткачу или шаману, по *в е р е в к е* достигающему неба и спускающемуся на землю.

⁵² См.: С. В. Ю ш к о в. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; Б. Д. Г р е к о в. Полица. . . стр. 66 и сл.; О н ж е. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М.—Л., 1946. Большею частью других специалистов так или иначе тяготеют к одной из указанных точек зрения.

И, наконец, последняя задача связана с предысторией концепций, в основе которых лежит представление о *верви*. Несомненно, что архетипом многих из рассмотренных выше представлений была идея космической в е р е в к и или ц е п и, соединяющей Небо и Землю и позволяющей установить связь между ними⁵³. Эта идея полно и широко отражена в архаичных культурах шаманского круга, в древних космологиях и остаточно в более сильно эволюционировавших традициях (в ритуалах, детских играх, фольклоре). Космическая веревка или цепь является эквивалентом мирового дерева и выполняет те же самые функции. Как правило, она соединяет три космические зоны — Небо, Землю и Преисподнюю, чему соответствуют весьма распространенные описания путешествий по веревке или цепи, совершаемых шаманами (ср. евразийский комплекс) или героями сказок⁵⁴. С вертикальным движением по веревке вверх (а это наиболее ценный вид движения) связано увеличение физических и духовных потенций, очищение и просветление и, в конце концов, приобретение бессмертия, преодоление времени (см. мотив:

⁵³ M. Eliade. *Spiritual Thread, Sūtrātman, Catena aurea*. «Festgabe für Hermann Lömmel». Wiesbaden, 1960, стр. 47—56.

⁵⁴ Ср., например, в сказках Афанасьева мотив спуска на веревке с неба на землю (№ 420, 423), поднимания из преисподней на землю (№ 130, 175, 176, 390, 435, 436, 437) и др.; особый мотив — разрыв веревки, он представлен в самых разных традициях Старого и Нового Света. Исключительно интересный вариант содержится в рассказе (сказке), записанном К. И. Ходовой от ее отца, в котором одновременно выступают и дерево, и веревка, и звезда, и предки. Вот этот рассказ:

«Когда я был мальчишкой, ездили мы с тятенькой по селам торговать дегтем. Бывало, приедем в село или в деревню, тятенька как закричит: „Дегтю! дегтю!“, так и бегут к нам со всех сторон бабы, мальчишки, мужики, кто с ведрами, кто с лагушками.

Едем мы из одного села в другое, вдруг лошадь и остановилась. Тятенька посмотрел, а она на две части перерублена. Это он топор под седелку положил, лошадь ступает, топор тюкает, и перерубил лошадь пополам. Что делать? Вырубил он березовый сук и соткнул обе половины. Едем дальше, вдруг лошадь опять остановилась. А это из сучка выросла береза, до неба доросла и за звезду зацепилась, лошадь и ни с места. Тятенька мне говорит: „Полезай, отцепляй!“. Я и полез, долез до самой звезды, только туда голову засунул, а там покойные дедушка и бабушка, увидели меня, обрадовались, руками машут, зовут к себе: „Иди к нам, вгучек, погости, мы тебе жомков дадим“. Погостил я у них, надо обратно спускаться. А в это время береза от звезды отцепилась, лошадь вперед ушла. Что делать? Собрали дедушка и бабушка все свои саваны, простыни, связали все вместе, померял я — не хватает до земли. Тогда стал в своей рубахе блох ловить, из шкурок в е р е в к у вить. Свил веревку, спускаюсь, а до земли опять немного не хватает. Прыгать высоко, держусь за веревку, раскачиваюсь. А тут поднялся ветер, стало меня на веревке качать, то качнет — в Казань, то качнет — в Рязань, качало-качало, веревка и оборвалась. Упал я в болото, в тину по самое горло, не ушибся, да только никак выбраться не могу. Смотрю — волк пьет из болота. Я его хватить за хвост, волк испугался, как рванется — вытащил меня на сухое место. Побежал я тятеньку догонять».

Автор считает своим долгом выразить К. И. Ходовой благодарность и за текст этого рассказа, и за живое внимание к теме этой статьи.

«вязания, плетения времени» в шаманских представлениях, связанных с космической веревкой). Это восхождение по веревке может мыслиться и прямо и в переносном смысле. Завершение пути по веревке на Небо означает достижение высшего состояния (ср. ниже о макед. *врв*) и высшего знания, ибо знание в е р в и, н и т и есть знание всего, что есть в мире⁵⁵. Перебирание четок, молитва, медитация — не что иное, как средство для подъема по мысленной нити⁵⁶. Из аналогий между космической веревкой, нитью и мировым деревом, важных с точки зрения описанного выше, стóит указать на один древнеегипетский текст, в котором сказано: «... Он ведет человечество по всем путям..., дающий рождение всему, что есть, заставляющий жить всё, что существует. Он вдывает дыхание в каждый нос... Его жена — 'I \dot{z} ht (плодородная земля), он делает ее беременной: его семя — древо жизни, его действие — зерно...»⁵⁷. Здесь существенно подчеркнуть тождество семени и древа жизни в связи с тем, что эквивалентная древу жизни *вервь* находит языковое соответствие в хеттск. *warwala-* и лув. *warwala/i-*, обозначающих именно «семя», «зародыш», «потомство»⁵⁸. Другая параллель связана с тем, что космическая вервь, как и мировое дерево, может моделировать не только вертикальную, но и горизонтальную структуру мира, о чем уже писалось в другом месте. Один из наиболее известных мотивов «мировое дерево и камень» находит точную параллель в мотиве космической верви и камня. Малайский шаман во время камлания держит в руках нити, которые ведут к небесному богу Бонсу, и камешки от небесного свода⁵⁹; место, где космическая вервь достигает Земли, нередко отмечается камнем. Лучшим соответствием

⁵⁵ Ср.: «Знаешь ли ты, Капья, ту нить, которой связаны и этот мир, и тот мир, и все существа?.. Поистине, Капья, кто знает эту нить..., тот знает Брахмана, тот знает миры, тот знает богов, тот знает веды, тот знает существ, тот знает Атмана, тот знает всё». Брихадараньяка—Упанишада. III, 7.1. К космогонической роли нити ср.: *nāvyaṁ-nāvyaṁ tāntum ā tanvate/divī samudrē antāḥ kavāyaḥ suditāyaḥ*. RV. 159, 4. «Они тянут новую нить к небу из океана, блистающие *кави*. О нити в связи с жертвоприношением см.: Б. Л. Огибенин. Структура мифологических текстов «Ригведы». М., 1968, стр. 59 и др. Ср.: Агни — жертва — нить. RV. 142, 1; 194, 6; 883, 2; 895, 7; 955, 5; 956, 7 и др.

⁵⁶ Отсюда объясняется тот поучительный факт, что разные способы вознесения кодируются сходными элементами. Ср. хеттск. *išḫamina-* 'шнур' при *išḫamai-* 'песнь' (ср. др.-инд. *sāman*); др.-инд. *brāhmaṇ* 'молитва' и 'ритуальное сооружение' (ср. *brahmān* как название жреца), аранта *tjurunga-* 'пест' и 'песня' и под.

⁵⁷ A. G. Gardiner. Hymns to Amon from a Leiden Papyrus. — AZ, Bd. 42, 1905, стр. 39.

⁵⁸ Не менее интересная параллель — *вдувание дыхания* в указанном фрагменте при идентичности дыхания, мировых ветров и космической верви в древнеиндийской традиции (ср. AV. XI, 4, 15), см.: M. Eliade. Указ. соч., стр. 49.

⁵⁹ См.: J. Evans. Papers on the Ethnology and Archaeology of the Malay Peninsula. Cambridge, 1927, стр. 20; M. Eliade. Указ. соч., стр. 47.

этому мотиву применительно к горизонтальной плоскости служит уже отмечавшийся шумерский мотив установления камня там, где кончается измерительный шнур, и — более опосредствованно — игра в *веревочку* и *камешки* (см. выше). В этом контексте удастся понять и происхождение *верви* как родового или территориального института, и соответствующую фразеологию, уже изменившую свой старый смысл, но сохранившую в значительной степени форму (ср.: *ходити по верви*, *водити по верви* и т. п.), и сохранение таких значений, как «семья», «потомство» в анатолийских языках, и ряд других важных деталей. А из всего этого и возникают предпосылки для реконструкции индоевропейской мифологемы о космической верви, хотя путь от русск. *верви* до этой мифологемы далек и сложен.

2. Праславянское **věno*, *věnitī*

Эти два архаичных слова уже в старославянских текстах встречаются довольно редко. Для *кѣнѣти* отмечены следующие контексты: не двѣтъ ли птици пѣназоу кѣнѣте *с*. Матф. 10, 29, Зогр. (в соответствии с греч. *πολεῖται*); кѣнѣмѣ естѣ. Мар. Асс. (при *цѣнѣмѣ* *юстѣ*. Остр.); не патѣ ли патѣца. кѣнѣтѣ *с* пѣназе ма д'кѣма. Лука 12, 6, Зогр., Мар., Асс. (*πολοῦνται*; при *цѣнѣтѣ* *с*. Остр.)⁶⁰; существует еще несколько примеров (см. их ниже) из более поздних церковнославянских памятников⁶¹. В собственно старославянских текстах слово *кѣно* не отмечено, зато оно встречается позже в соответствии с греч. *φερνή*, как и производные от *кѣно* — *кѣноканѣ* (*φερνής*), *кѣнодакѣца* (*φερνίζων*)⁶².

Об этимологии этих слов писалось много, причем предлагались два решения. Одно из них сводится к сопоставлению *кѣно* и его славянских соответствий (ср. др.-рус. *вѣно*, укр. *віно*, чеш. *věno*, польск. *wiano*, в.-луж. *wěno*) с др.-греч. *ἔδνον* (из **ǵédnon* < **ǵednom*), гомер. *ἔδνα* 'брачные дары' (жениха родителям невесты); 'подарки родителей невесте', 'приданое'⁶³ и германскими словами — англосакс. *weotuma*, *wituma*, *witma*, др.-фриз. *wetma*, *witma* 'вено', 'цена' (за невесту), бург. *wittemo*, др.-в.-нем. *widomo*, *widemo* 'приданое', ср.-в.-нем. *wideme*, *widem*, нем. *Wittum* и т. д.⁶⁴, что в ко-

⁶⁰ См.: Slovník jazyka staroslovenského, 7, 1963, стр. 376.

⁶¹ См. их в кн.: F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862, стр. 121.

⁶² Там же, стр. 121.

⁶³ Ср. также *ἔδνωω*, гомер. *ἔδνωω* 'снабжать приданым', т. е. 'выдавать замуж' (*θύγατρα* Гомер, *θύγατρας* Феокрит); 'одарить брачными дарами', т. е. 'брать в жены' (*γυναῖκα*. Anthologia Palatina, произведенные от *ἔδνον*, *ἔεδνον*, а также *ἔδνωτής*, гомер, *ἔεδνωτής* как обозначение тестя (т. е. дающего приданое, выдающего замуж) уже у Гомера, *ἀν-ἄεδνος*, *ἀνέεδνος* 'выдаваемая замуж без выкупа' (*θύγάτηρ*, Гомер) и др.

⁶⁴ Ср.: WP I, стр. 256; F. Kluge — A. Götz. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin—Leipzig, 1943, стр. 695; из прарерм. **wetman-*

нечном счете предполагает и.е. **uedh-* в специальном значении «брать замуж», «жениться», отразившееся в индоиранском, балтославянском и кельтском⁶⁵. При этом сопоставлении в слав. *věno* предполагается остаток гетероклитического склонения (при учете авест. **vad-ar-* «union sexuelle», ср. *vadairyu* < **vadarya-*)⁶⁶. Многие специалисты отдают предпочтение именно этому решению⁶⁷.

Другое решение основано на сопоставлении слав. *věno* с др.-инд. *vasná-* «цена» (ср. *vasnayati* «торгуется», *vásnya-* «продажный», «покупной»), др.-греч. *ῥῶνος* «цена», «плата» (ср. «покупка» — *ῥῶσιον*. Гомер)⁶⁸; арм. *gin* «цена (покупки)» (ср. *gnem*); лат. *vēnum* «продажа» (ср. *vēnumdo*=*venundo*=*vendo*, *vēnum-eo* и др.); хеттск. *uššanija-* (*uš-niia-*) «продавать»⁶⁹ при *uš-*, *ušniia-* «покупать», «обменивать»⁷⁰, «приобретать» (ср. еще осет.-дигор. *ijjā*, осет.-пронск. *ijjā*, *ijoge* «продажа» и предполагает и.е. **uēsno-*/**uōsno-*. Это объяснение предпочитается первому рядом этимологов⁷¹.

Тем не менее, оставаясь в границах обычно приводимых в этой связи фактов, отдать окончательное предпочтение одному из этих решений достаточно трудно; существует и в том и в другом объяснении немало сложностей (иногда весьма тонких), остающихся чаще всего в тени. Цель заметки — в указании этих сложностей

⁶⁵ Ср. др.-инд. *vadhū*, авест. *vaōū-* «жена», «женщина» (ср. *vādayeiti*, др.-ирл. *fedid* «ведет»); лит. *vėsti*, лтш. *vest* «жениться» (и реже «выходить замуж»), лтш. *vestene* «невеста» (ср. *vedėkla*, *vedene* II); др.-русск. *водити жену*; кимр. *dyweddio* «женюсь» и т. д.

⁶⁶ E. Benveniste. Origines de la formation des noms en indo-européen. Paris, 1935, стр. 14.

⁶⁷ Ср.: С. Uhlenbeck. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899, стр. 279; KWAi. s. v. *vasna-*; А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914, т. 1, стр. 108; WP I, стр. 256; Ё. Воисасқ. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1923 (s. v. *ῥῶνον*); V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 561; О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства. М., 1959, стр. 144 и др.

⁶⁸ Ср. *ῥῶνῆ*, эол. *ῥῶνα* (**Roṣnā*) «купля», «покупка», но и «сумма» (покупки), «стоимость» (ср. *τῶν ῥῶνῆν τῆν ῥῶνῆν παρέχειν τρισμυρίας δραχμῶν* (Лисий) «отпустить на покупку оружия сумму в тридцать тысяч драхм», *ῥῶνεσθαι* «покупать», «приобретать» и др.; см.: H. G. Liddell, R. Scott. A Greek-English Lexicon, vol. II. London, 1948, 1923 (s. v. *ῥῶνον*).

⁶⁹ Ср.: *arha usšanija-* «anderswohin verkaufen», *parā usšanija-* «zum Verkaufe ausbieten»; см.: J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch, стр. 235—236, 248; E. S. Turner. A Comparative Grammar of the Hittite Language. Philadelphia, 1933, стр. 9, 109, 142; Он же. — JAOS, vol. 54, стр. 376; ср. также: H. W. Bailey. Adversaria indoiranica. — BSOAS, vol. 19, 1957, стр. 57.

⁷⁰ К этому значению ср. характерную замену *κῆνιτι* на *μῆνιτι* в цитированном выше отрывке (Лука 12,6) в Остромировом Евангелии (к теме *don et échange* см. работы М. Мосса, К. Леви-Стросса и Э. Бенвениста и др.

⁷¹ Ср.: R. Trautmann. Baltisch-slawisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 350; А. Врѣскнег. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, стр. 610—611; М. Фасмер. Этимологический словарь. . .), т. I, стр. 291 и др. Ср.: Maughofer. — KWAi, Lief., 20, 1968, стр. 177.

и в приведении дополнительных аргументов, усиливающих вторую точку зрения на этимологию этих слов.

Сложности начинаются с самого начала. Явно или тайно *кѣно* всегда связывают с *кѣниги*, рассматриваемым как отыменный глагол (ср. др.-греч. *ἔδνον* — *ἔδνωω*); в этой связи безразличны такие контексты, как *кѣномъ да ю кѣнига соѣт жентѣ*. Исход. 22, 16. Кормч., Михан. и др. Исходя из сопоставления *кѣно* — *ἔδνον*, слав. *вѣно* следовало бы приписать в качестве исходного значения — «выкуп за невесту», «вено»⁷². В таком случае несколько странно, что в производном глаголе *кѣниги* основное значение — «продавать» (ср.: *не два ли оуто врабыта на ссарии вѣнима юста*. Матф. X, 29. Четвероеванг. 1144 г., 21 об.⁷³) и «ценить», «оценить», а не «давать приданое», «брать в жены» и т. д., как в случае др.-греч. *ἔδνωω*. Значения «продавать», «ценить» подтверждаются хорошо известными случаями замены *кѣниги* (в тех же текстах, относящихся, однако, к более позднему времени) глаголами *цѣниги* (*ца*) и *продати* (*ца*)⁷⁴, а также сохранением именно этих значений в реликтовых примерах из македонских говоров (при том, что вообще в южнославянских языках это слово не сохранилось); ср. *Яз з вена; Царката мома бѣркаша да я вени*⁷⁵. Наконец, в самом слове *вѣно*, особенно в старых текстах, наряду со значениями «выкуп (за невесту)» и «приданое», еще сохраняются следы значения «дар» и «плата» (вообще), ср. др.-рус. *Подвигодавѣць великыи твѣрдаго вѣна*. Мин. Пут. (XI в.), 48 и др.⁷⁶, русск. диал. *вѣно* в значении «выводное», «окуп», «выкуп» (который платят общине или помещику); «деньги на стол» и т. д.⁷⁷, в.-луж. *вѣно* в значении «цена» и др.; то же самое можно сказать и о глаголе **vĕnovati*, непосредственно связанном с *вѣно*; ср. дальнейшее развитие его в чешском *vĕnovati* 'подарить', 'посвятить' и др. (и связанных с ним старочешских примерах). Если же первоначальное значение слав. **vĕniti* было связано с куплей-

⁷² Или «приданое», что в данном случае несущественно, поскольку и в том и в другом значении сохраняется связь с *vedh-* 'жениться'.

⁷³ См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. М., 1958, стр. 486.

⁷⁴ См. об этих заменах: V. J a g i ć. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр. 335; А. С. Лъвов. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966, стр. 218—220.

⁷⁵ См.: К. Мирчев. Един мним западнославянизъм в старобългарските паметници, — «Slavia Occidentalis», т. XII, 1933, стр. 135; ср. *Нанкуи янувам конют яз и одам*. См.: Л. Милетич. Из живота на българите в Солунско, «Македонски Преглед». Год. VIII, кн. 1, 1932, стр. 86; о болг. диал. *вѣно* см. Бълг. етимол. речник. Свезка II, 1963, стр. 134.

⁷⁶ См.: И. И. Срезневский. Указ. соч., т. 1, стр. 487.

⁷⁷ См.: В. И. Даль, т. I, стр. 813. Ср. также: СРНГ, вып. 4, 1969, стр. 114: *Вѣно, Приданое; Вѣнница, Невеста с приданым*. Любопытно южно-сиб. *вѣно*, по форме совпадающее с *вѣно* 'приданое', а по значению с *вен* (Там же, стр. 114), *венец, венюк*. Ср. также у этой группы слов такие значения, как 'головной девичий убор', 'свадебный девичий убор', 'венчание', 'супружеская пара', 'семья' и под., что могло привести к созданию дополнительных предпосылок к сближению этой группы слов и *вено*.

продажей и оценкой стоимости, то отделение его от др.-греч. ὠνεόμαι 'приобретать', 'покупать'⁷⁸, 'откупаться деньгами' и т. п. и связанных с ним слов в других языках, по крайней мере, нецелесообразно. Обращают на себя внимание (если говорить о связи *vēniti* с ὠνεόμαι и т. п.) два факта. Первый — предпочтительное употребление этого глагола в среднем залоге; об ὠνεόμαι говорить нечего, поскольку словарная форма слова представлена именно в среднем залоге; старославянские и более поздние церковнославянские примеры кнѣиги *ѡ* были уже указаны выше. Второй — употребление глагола «давать» (и. -е. **dō*-) при словах отыменного характера, связанных с рассматриваемыми лексемами; ср. др.-русск. *отдати ... вѣно; дать и фараосъ въ вѣно; вдасть же за вѣно...; и вдасть Казимиръ за вѣно лодии ѿ. сотъ; и вѣно ея дасть ей ...* и т. д.⁷⁹, а также многочисленные примеры из других славянских языков⁸⁰ при др.-греч. ἀτὰρ υἱὸς Ἰησοῦς ὦνον ἔδωκε (Илиада XXI, 41.); ὁ δ' ἄξιον ὦνον ἔδωκε (Одиссея XV, 388 и под.); лат. *dare (aliquem) vēnūt* (Тацит), *vēnūt do, vēnūt-do, vendo* и др.-инд. *vasnāt dadati*⁸¹. Эти примеры поучительны в том отношении, что дают возможность восстановить индоевропейский фразеологизм, состоящий из двух технических терминов. Наконец, нельзя пройти мимо сходства в структуре некоторых словообразовательных типов, ср. чешск. *věnný, věnní* при вед. *vásnyā-* (RV. 860, 3), др.-греч. ὠνός (прилагательные) и т. п. или кнѣиги, хеттск. *uššaniia-*, др.-греч. ὠνεόμαι, др.-инд. *vasnayati* (глаголы с и. -е. *-ie-/*-io-) и др. Эти соображения снова приводят к соблазну этимологического сопоставления кнѣиги с указанными словами других индоевропейских языков и, конечно, с лат. глаголом *vēnīre* 'продаваться', состав которого — *vēnūt eo* — дает основание видеть в кнѣиги результат старого сложения или его свертывания [подобно др.-рус. *потѣ*

⁷⁸ В частности, «покупать за большие деньги», ср., у Геродота ὠνεόμαι χρημάτων μεγάλων, ср. также ὠνεόμαι τίνας τι и τίς τι в значении «приобретать что-либо ценой чего-либо» (Еврипид, Аристотель, Плутарх); ὠνεόμαι τὴν αὐτοῦ ψυχὴν (Лисий) «давать выкуп за свою жизнь» и т. д.

⁷⁹ Примеры см.: И. И. Срезневский. Указ. соч., т. 1, стр. 487.

⁸⁰ Ср. чешск.: *Tobě osud dal však jiné věno* (Neruda); *Starši (dcera) byla již vdána s věnot padesáti zlatých* (Jireček) и др., не говоря о примерах из старочешских памятников.

⁸¹ Те же отношения в свернутом виде содержатся в большом числе разноязычных примеров типа русск. *продажа* (значение то же, что в *вѣн-* и под., и элемент *-дажа* из **dadiā*, от глагола **dati*) или тох. В *pīto* 'продажа' (от *pā(i) + ai-* 'давать'), о последнем см.: В. Сор. «Slavistična Revija» (Linguistica), 1956, т. 9, стр. 51 и сл. О связи «дать» — «взять», «продать» — «купить» и т. д. (ср. нем. *kaufen — verkaufen* или др.-греч. δαυείζω — δαυείζομαι) см.; É. Benveniste. *Don et échange dans le vocabulaire indo-européen*. В кн.: «Problèmes de linguistique générale» (Paris, 1966, стр. 315 и сл.). К соотношению **dā-* и **p(a)rā-dā-* (хот.-сакс. *parāth* из **paradadāti*, осет. *radtun, -in* < **frā-d/a/da-* и под.) см.: H. W. Bailey. *Indo-Iranica II*. — BSOAS, vol. 13, 1949, стр. 126; J. Gershevitch. *Ancient Survivals in Ossetic*. — BSOAS, vol. 14, 1952, стр. 494.

ими (чаще *ими потѣ*) — *потити*; учитывая, что *кнѣти* также сочеталось с локативом, не исключена и реконструкция **ženě iti* (наряду с **ženě jęti, po-jęti*, ср. *potѣ nouiti*) при **ženiti* и под.]. Таким образом, пара *кнѣти* — лат. *vēnīre* также может быть старым индоевропейским клише [ср. сочетание др.-инд. *vaspa-* с глаголом со значением 'идти', RV. IV, 24, 9 или др.-греч. ἐξ ὠνιον ἐλθεῖν (Феогнид) и т. д. при ц.-слав. *ими за вѣно(мь)*]. Основная сложность в принятии этого сопоставления в том, что древнеиндийские, древнегреческие, латинские и хеттские формы предполагают элемент *-s-*, тогда как слав. *vēniti*, как считают, не могло его иметь. Таким образом, праслав. **uēn-* противостоит и.-е. **uě/ōsn-*. Не беря на себя окончательное решение этой задачи, автор считает, что стоит обратить внимание на ряд деталей. Лат. *vēnum* реконструируется в виде **uěsno-* исключительно на основании внешнего сравнения. Гипноз формы с *-s-* настолько велик, что даже марруцинское *venalinam* в *eituam venalinam* 'resuniam venaliciam' склонны объяснять непременно заимствованием из латинского только на том основании, что в марруцинском *-sn-* не дало бы *-n-*⁸². Точно так же арм. *gin* вполне может быть объяснено из **uēno-*⁸³. Разумеется, сказанное здесь не следует толковать как попытку постулировать форму и.-е. **uěn-* в качестве дублета к **uě/ōsn-*, а только как указание на возможность видеть в некоторых из привлекаемых в этой связи формах индоевропейских языков несколько отличные варианты или намеки на существование фонетически и семантически сходных образований⁸⁴. Вместе с тем было бы слишком категоричным утверждением, что слав. **vēn-* полностью исключает прототип с *-s-*. Поскольку существуют славянские факты, свидетельствующие об упрощении группы *-sn-* в середине слова в *-n-* [пусть в несколько иных условиях, а именно после согласных⁸⁵, — ср. **luna* при прусск. *lauxnos*, пренест. *losna* (из **louk-s-nā*), авест. *raoxšna* и т. д.;

⁸² См.: WP I, стр. 314; O. W a l d e. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. 1905, 2. Aufl., стр. 818.

⁸³ Ср.: Н. Р e d e r s e n. — KZ, Bd. 39, стр. 414.

⁸⁴ В частности, достойно внимания исследование др.-инд. *vanóti, vanutē* (8-й класс), *vánati, -te* (1-й класс) и *vanāti* (6-й класс), в ряде своих существенных значений совпадающего со слав. **vēnovati*, не говоря уж о словообразовательной характеристике. В другом месте будет сделана попытка подробнее обосновать связь и.-е. **uēn-*, **uēn-* (Рок. 1146) с разбираемыми здесь словами. Особенно характерны в этой связи такие слова, как др.-ирл. *fine* (из **venīā*) 'родство', 'сродственники', 'семья' и под. (ср. вышеуказанные примеры из русских диалектов), лат. *venus* и *venerāri*, хеттск. *uēn-*, 'futueere' и германские слова того же корня. В этом случае сюда следует отнести и ст.-слав. *оунити, оун'ин, оунъи* (ср. древнеиндийские соответствия, которые могут оказаться фиксацией того же корня, что и в *кно*, но с иной ступенью корневого вокализма).

⁸⁵ Если соотнесение слав. *kuna* с хеттск. *kušan-* верно (см. V. M a s h e k. Hit-tito-Slavica. «Archiv Orientální», vol. 17, 1951, стр. 135), то возникает вопрос о *-sn-* > *-n-* в интервокальном положении.

ст.-слав. *у҃рѣнѣ* при др.-инд. *kṛṣṇá-*, прусск. *kirsna-* и др.], полностью исключать возможность *-sn- > -n-* нельзя, особенно учитывая некоторые внефонетические обстоятельства (например, важность различения *věn-* и *vesna* и т. п.). Во всяком случае, новые факты ориентируют скорее в направлении более широкого подхода. Соотношение хеттск. *ṽaši : uššaniija* помогает выделить элемент *-n-* и восстановить глагольный корень **ṽaš-*, хотя ранее приходилось иметь дело с **ṽešn-/ṽošn-*. Более углубленная трактовка таких элементов в глаголе, как *-n-* и *-s-*, выявление их значений и установление известной связи между ними (включая случаи их склеивания в формах на *-nūs-* в тохарском или *-nešk-, -nušk-* в хеттском, ср. некоторые близкие по характеру древнеиндийские факты чередования и сочетания этих элементов)⁸⁶ также способствуют разрушению представления о полной окостенелости форм, восходящих к и.-е. **ṽešn-/ṽošn-*⁸⁷. Кстати говоря, и при выведении слав. **věno* из **ṽedno-* нет полной уверенности в том, что *-dn-* повсюду должно было упроститься в *-n-* (особенно показательны в этом отношении западнославянские примеры — польск. *wiano*, чешск. *věno*, в.-луж. *věno*) фонетическим путем. Исчезновение *-d-* в предполагаемом **ṽedno-* при условии отчетливой связи с **voditi* 'жениться' и т. п. (ср.: *водимая жена* и т. д.), конечно, требует объяснений (ср. сохранение *-dn-* в глаголах: польск. *więdnąć* в.-луж. *wjadnuć*, чешск. *vadnouti*, словацк. *vädnuť* и под.)⁸⁸.

Подводя итог; можно сформулировать следующую альтернативу. Если *věno* и *věniti* генетически связаны (что весьма правдоподобно), то *věniti* оказывается, видимо, более информативной формой, чем *věno*, и обнаруживает (по своей форме, значению, вхождению в фразеологизмы и т. д.) связи с приводившимися древнеиндийскими, древнегреческими, латинскими, хеттскими и армянскими формами; в таком случае специализация значения в *věno* — факт относительно позднего развития, определяемого прежде всего притяжением форм от глагола **vesti, *voditi* 'жениться'. Если же *věno* и *věniti* генетически не были связаны друг с другом (что крайне маловероятно), то сопоставление *věno* с *ēdнов* и т. д. продолжало бы сохранять свою ценность, а отношение производности *věno : věniti*, действи-

⁸⁶ Ср. при известной близости (семантической и звуковой) др.-инд. *vasna-* и *van-(vā-)* такие основы, как *vāns-, vaniṣ-, vanuṣ-* (:vasn-).

⁸⁷ Видимо, можно пойти еще дальше и предположить и.-е. **ṽeš-s-n-* на основании тох. *was-, wās-, ws-* 'давать', относительно которого удалось прийти к выводу, что *-s-* является здесь архаичным суффиксом (ср. форму *wawu* и под.). См.: W. K r a u s e. Westtocharische Grammatik. 1. Das Verbum. Heidelberg, 1952, стр. 185—186. О связи этой группы фактов с объяснением слав. *věno* см.: В. В. Иванов. Общинеоэвропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). М., 1965, стр. 169—170.

⁸⁸ Заслуживают внимания соображения в пользу **ṽed(h)-s-no- > věno*; см. Ю. В. Откупщикова. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, стр. 243—244; однако при этом подходе остаются неясными связи с *věniti* и ряд деталей семантического развития, что не позволяет считать предложение Ю. В. Откупщикова реабилитацией указанной этимологии.

тельное для славянских языков, сложилось бы лишь позднее (выведение **věniti* из **vědniti* кажется, однако, сомнительным). Какое бы решение ни было выбрано, заслуживают внимания проблемы лингвистической географии: очевидные формы с -s-, т. е. **uě/ǫsn-*, известны только на южной периферии индоевропейской области, и в этом смысле слав. **věniti* (если оно из формы с -s-) было бы исключением; вместе с тем нельзя забывать, что, при любой этимологии, для *věno* и *věniti* в балтийских языках пока не найдено соответствий⁸⁹.

Корректирующее дополнение.

Автор статьи с удовлетворением отмечает, что сходное направление мыслей в отношении этимологического объяснения слав. **věno*, **věniti* содержалось в докладе О. Н. Трубачева, сделанном им в декабре 1972 г. См.: О. Н. Трубачев. Несколько древних латинско-славянских параллелей. — «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря). Предварительные материалы». М., 1972, стр. 83.

⁸⁹ Любопытно, что и балтийские названия платы за невесту (ст.-лит. **krienas*, род. п. ед. ч. *krieno*, лтш. *kriens*, *krienis*, лит. *krattis*) соотносимы с глаголом со значением «покупать»; ср. др.-инд. *kri-ñāti*, др.-рус. *крьноути*, др.-греч. *πρίαμαι*, что можно рассматривать как аргумент в пользу связи *věniti* с **uěsn-*.

ИЗ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ

1. Тохарское *A päl(t)sk-*, *B pālsk-*, *pālsk-* 'думать'
и буддийская доктрина функций сердца

Существующее объяснение этимологии этого слова [из и.-е. **bhel-* 'светить', 'блестеть', ср. др.-инд. *bhāla-* 'сияние', 'блеск', *sam-bhālayati* 'он смотрит', др.-греч. *παμφάλλω* 'осматриваю', *φάλλος*: *λευκός* (Гесихий), «видеть» → «думать»]¹ едва ли может считаться удовлетворительным, поскольку оно игнорирует широкий контекст мифопоэтических и — позже — буддийских психологических представлений и понятий, в котором только и могли формироваться семантические основания слов, подобных рассматриваемым. Вместе с тем в этой этимологии, как и во многих других, отразилась установка исследователей на выбор ближайшего решения (*p-* из **bh-*, а не *p-* из **p-*).

Тохарские тексты содержат большое количество различных форм от данного глагола, а также целый ряд именных образований того же корня.

Важнейшие словообразовательные типы представлены в тохарских диалектах следующим образом:

1. Глагол тох. *A päl(t)sk-*², тох. *B pālsk-*. В тох. В этот глагол

¹ См.: E. Smith. «Tocharisch», die neuentdeckte indogermanische Sprache Mittelasien. «Skifter udgivne af Videnskabs—Selskabet». Christiania, 1910, II, N 5, стр. 12, 14; A. J. van W i n d e k e n s. Lexique étymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1941, стр. 85, 97; P. P o u c h a. Tocharica. — AOr. 2, 1930, стр. 324; О н ж е. Institutiones Linguae Tocharicae. Praha. I. Thesaurus Linguae Tocharicae Dialecti A. Praha, 1955, стр. 178; ср. также: J. P o k o r n y. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 2. Lief., стр. 119, 156 (с двумя вопросительными знаками.)

² Коллекцию примеров для тох. А см.: E. Sieg, W. Siegling, W. S c h u l z e. Tocharische Grammatik. Göttingen, 1931, стр. 502 (далее — SSS); G. S. L a n e. Vocabulary to the Tocharian Punyavantajātaka. «Supplement to JAOS», N 8, 1948, стр. 23; P. P o u c h a. . . , стр. 176—178, 205 [исчерпывающий перечень примеров из «Tocharische Sprachreste» Зига и Зиглинга (Berlin—Leipzig, 1921)]; для тох. В: S. L é v i. Fragments de textes koutchéens. Paris, 1933, стр. 136; E. S i e g, W. S i e g l i n g. Tocharische Sprachreste. Sprache B. Heft 1. Die Udānān-kāra—Fragmente. Göttingen, 1949, стр. 136—137, 140; W. K r a u s e. Westtocharische Grammatik. I. Das Verbum. Heidelberg, 1952, стр. 261 (далее — Krause). Относительно вставного *t* см.: SSS; A. J. van W i n d e k e n s. De Indo-Europese bestandsdeelen in de Tocharische declinatie. Leuven, 1940, § 143; H. P e d e r s e n. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. Kopenhagen, 1941, стр. 250 и др.

принадлежит к VI классу презентных основ на *-nā*³, по классификации Краузе. Тох. А *päl(t)sk-* относится к VII B классу классификации, данной в SSS; этот тип характеризуется носовым инфиксом, стоящим перед корневым *-k*⁴. Таким образом, при тох. B *pälskanat* (2 Sg. Praes. act.) в тох. А. засвидетельствовано *pältsänkäs* (та же форма).

2. Именные образования, построенные на указанной глагольной основе, довольно многочисленны. В первую очередь сюда относятся тох. А *pältsäk* и тох. В *palsko* 'мысль', 'размышление'. Оба слова среднего рода, но склонение их различно. С помощью суффикса, образующего абстрактные существительные и присоединенного к герундивному *-ly-(-ll-)* в полной форме, построены тох. А *päl-skälune*, тох. В *palskalyñe* (тох. В *palskalñe*, а также *palskañe* представляют краткую форму суффикса)⁵. В тохарском А неоднократно встречаются не совсем обычное *nomen actionis plyaskem*⁶ и производное от него прилагательное *plyaskemši* (120a 2), не имеющие прямых соответствий в тохарских В текстах. Зато только последние знают оригинальное *nomen agentis pälskauca*, построенное на претеритном причастии⁷. Прилагательные представлены в тохарских диалектах рядом форм указанного корня: тох. А *pälskaši*, тох. В *palskošše*; тох. А *pälskasu*, тох. В *palskossu*; тох. А *pältskum*⁸; тох. В *palskalñešše*. Кроме того, *pälsk-* входит в состав ряда сложных слов: тох. А *pälska-päše* 'охраняющий мысль', *pälskes-äsāwesune-ši-svabhāwum*, видимо, не совсем удачный перевод др.-инд. *cittaudāryalakṣaṇa* и, прежде всего, тох. В *ompalskoññe* (=др.-инд. *dhyāna, samādhi*)⁹. Причастные инфинитивные и абсолютные образования еще более расширяют круг словопроизводительных возможностей этого корня. Почти все эти образования предполагают глагольную основу *pälsk-/palsk-* и поэтому не могут прибавить ничего существенного для анализа структуры этой основы; из них можно извлечь лишь некоторые данные, касающиеся

³ Этому типу презенса в тох. А соответствуют два класса (VI *-na-* и VII *-nā-*), которые, видимо, некогда были и в тох. В, но впоследствии слились воедино. См.: W. Krause. Указ. соч., стр. 71.

⁴ Направляется сравнение с тох. В VII классом (носовой инфикс), по которому изменяются глаголы на *-k* (единственное исключение *pärs-* 'окропить' — *präntsām*, но есть и *parsnän*, VI класс). Характерно, что и некоторые другие тохарские В глаголы VII класса могут идти и по VI классу (см. *kätk-* 'переходить', VII *kättankäm*, но и VI *kätkanam*; *nätk-* 'поддерживать', VII *nättankäm*, но и VI *natkanam*). См.: Krause, стр. 75—76. Однако, разумеется, не может быть и речи об отождествлении тох. В VII и тох. А VIIb классов (тох. А VIIb класс, как правило, атематический). О тох. А VIIb классе см.: K. Schneider. Beiträge zur tocharische Wortkunde und Grammatik, — IF, Bd 58. 1941, стр. 45—50.

⁵ См.: W. Krause. Указ. соч., стр. 261, а также 39—41.

⁶ См.: P. Poucha. Thesaurus. . ., стр. 205. В отрывке 355 а 4 ошибочно указано *ploskem*, вместо правильного *plyaskem*.

⁷ См.: W. Krause. Указ. соч., стр. 44—45.

⁸ О суффиксе см.: SSS, стр. 18.

⁹ Ср. также тох. В прилагательное *ompalskošše*. Udānastotra 4 b1. См.: S. Lévi. Указ. соч., стр. 133.

распределения словообразовательных элементов в тохарском, а также известное подтверждение и без того очевидного факта, что в *pälsk-/palsk-* группа *-sk-* лишена какого-либо значения (ср. *palskoṣṣe*, где *-ṣṣ-* из *-sk-*, и др.). Единственный случай, когда именное образование исходит не из основы *pälsk-/palsk-*, представлен тох. А *ply-askem*, *plyaskemṣi*, которые нельзя объяснить только на тохарской почве, даже если учесть тох. В конъюнктивные формы (ср. *plaskau*, *plāskam*). Зато при анализе значений именные образования могут, кажется, дать ряд важных намеков и помочь определить на основании каких принципов в *pälsk-/palsk-* развилось то значение, которое отмечено в тохарских текстах. К сожалению, никто из писавших об этимологии этого слова не попытался учесть или просто объяснить значения тох. А *pältsäk* и тох. В. *palsko*. А без этого семантическая часть этимологии *pälsk-/palsk-* оказывается особенно уязвимым местом.

Значение тохарского глагола и производных от него имен устанавливается довольно легко благодаря целому ряду обстоятельств. Во-первых, значение слова понятно в тех тохарских текстах, которые являются переводными (разумеется, если сохранился оригинал). Так, тохарские *pälsk-/pältsk-/palsk-* регулярно передают санскритские *dhyā-*, *vitark-*; *palsko*—*citta*, *cetas*, *manas*, *viññāna*. В фрагментах «Уданапанкары» 27b 6 встречается: [/// [s.] *palskonts-astarñeś*, (13 начальных слогов пропущено) в соответствии с древнеиндийским (*eṣo hi mārgo nāsty anyo*) *darśanasya viśuddhaye*. Udāpālañkāra XII, 11, т. е. *palskontse* передает санскритское *darśanasya* (Gen. sg. от *darśana-*). Тох. В *palskalñe* передается не только через *vitarka*, но и через *saṃkalpa*; тох. В *ompalskoññe* — через *dhyāna*, *saṃādhi*. Примерно такой же круг соответствий встречается во всех случаях, где слова с корнем *pälsk-/palsk-* находятся в переведенных с санскрита отрывках¹⁰.

Во-вторых, сам контекст помогает иногда определить значение слова или, по крайней мере, он настолько суживает и ограничивает возможность различных интерпретаций этого слова, что становится ясной отнесенность *pälsk-/palsk-* к кругу понятий, обозначающих духовную деятельность. Такие случаи представлены, например, в ряде сложных слов, составным элементом которых является *pälsk-/palsk-*. Ср., между прочим, тох. А 384 а 5 — б 1, где буддийский термин *cittaudāryalakṣaṇa* объяснен с помощью сложного слова *pälskes-āsāwesune-ṣi-svabhāwum*. Ср. еще тох. А *āriñc-pältsäk* 164 а 4; 168 б 6; 340 а 5, представляющие собой *dvandva* со значением 'cor (et) cogitatio (ratio)'; ср. любопытную фразу 317 б 6:

¹⁰ В издании «Уданапанкары» указано, что *palsko* в одном случае (5 б 8) передает др.-инд. *manorāmat*, ср. стр. 137. Однако это утверждение неточно; поскольку в соответствии с др.-инд. *tathā manorāmatam bimbam tvayā yad abhimarditam* 'такова картина, возбуждающая дух (мысль), которая тобой оцичена', находим только: *taiknesa cwi pa* [l. o.] — — —, после чего текст обрывается. Понятно, что в недошедшей до нас части находилось слово, соответствующее др.-инд. (*mano*)*ramat*.

kucc ašši wram pältsänkāṣ āriñcā 'что же он думает в сердце (сердцем) об (этой) вещи' при 340 а 5: *ka ciṣṣ ašši āriñc*¹¹ *pältsäk* 'откуда же (идет) твое сердце — мысль'¹¹.

Не менее показательны случаи, когда в синонимическом ряду встречается тох. *A pältsäk*, тох. *B palsko*. Кроме уже указанного *āriñc*¹² *pältsäk*, в тохарских текстах нередко отмечены тох. *B maim palsko*, тох. *A mnu pältsäk*; тох. *B ime palsko*, тох. *A ime pältsäk*. Вот некоторые примеры: ... *lwāsa cwi maim palskone s[kwa]ññentra*. *Udānāl*, 11 б 5 'животные чувствуют себя хорошо в их мыслях и чувствах'¹²; *nakaṃ ṣamāññeṣṣe maim, palskw ālyaucetra*. *Ibid.*, 27 а 5 'она (sc. вражда) уничтожит монашеские мысли и чувства'; *eneñkaṣ, raspārtau cwi maim, palskw attsaik*. *Ibid.* 41 а 2 'вовнутрь повернувши их мысли и чувства всем'; тох. *A: mnu pältskūṣ ṣātar skamat pratimāntu kotnaṃ ṣkaṃ* 232 б 7 'и решение всегда отделяет гибкую мысль от размышления'¹³; — *pmeṃ*¹⁴ *pal(sk)o[ta]la s[ṣ]a m [št w]āra y[m]entse śmo [ñña]m*. *Udānāl*, 10 б 8 'из формы несет он дух к четырем местам сознания'; ср. тох. *A* 100 а 6, 229 б 7 и др. (ср. нередкие сопоставления «мысль» — «слово» в тохарских фразах: *N* 2 б 4, Δ75 и др.).

Эти и многие другие примеры наглядно показывают, что корень *pälsk-/palsk-* в тохарском языке был связан с понятиями, обозначающими мышление. Особенно последовательно отражаются эти понятия в значениях глагола *pältsk, pälsk (palsk)* 'думать', 'мыслить', 'размышлять'¹⁵. Однако именные образования, прежде всего *palsko, pältsäk*, обладают гораздо более широким кругом значений, причем некоторые из них едва ли могут быть непосредственно выведены из значений соответствующего глагола, ср.: 'дух', 'душа', 'нрав', 'настроение', 'представление', 'мнение', 'созерцание', 'понятие', и даже 'сердце'. Особенно многочисленны примеры, в которых *palsko, pältsäk* выступают в значении 'дух', 'душа'. Только в «Уданаланкаре» отмечено свыше 20 случаев такого рода; немало их и в других текстах тохарских языков (ср., например, 2 б 5, 3 б 2, 5 а 5, 5 а 7, 7 а 4, 7 б 1, 8 б 1,

¹¹ См.: E. S i e g. Übersetzungen aus dem Tocharischen II. Aus dem Nachlass herausgegeben von Werner Thomas. Berlin, 1952, стр. 37: «O Herr, woher [kommt] wohl dein Gedanke. . .» с объяснением в сноске 10: Wörtl. «Herz [und] Denken».

¹² Здесь, как и в ряде случаев в дальнейшем, слова, обозначающие 'мысль' и 'чувство', стоят в ед. числе.

¹³ Ср. *tu śla varas—wawikw ätsekk, mnu p al t s k a ṣ.*, 231 а 3.

¹⁴ Вероятно, *rupmeṃ*.

¹⁵ E. L é v i (Указ. соч., стр. 136) указывает значение «намечаться» (avoir l'intention) на основании очень испорченной строки в «Кармавибханге» 4 а 4, где он переводит *päls(k)o(rs)* как «intentionnellement». По-особому переводит Зиг тох. *A* фразу: *wrasaṃpenu cam peke pälkoräs yneṣ pälskam yāmus trāñki(ñc) hai wāṣpā* «Auch die Leute diese Malerei gesehen habend leibhaftig, verwundert sagen: ach wahrlich». См.: E. S i e g. Das Märchen von dem Mechaniker und dem Maler in tocharischer Fassung. «Ostasiatische Zeitschrift», Bd. 8, Hf. 1/4, 1920, стр. 366.

8 в 4, 9 в 3, 9 в 8, и др., М 3 в 2¹⁶, А 2 в 5—6¹⁷ и др.; тох. А А 67 в 1, 77 в 5 и т. д. Нельзя сказать, что в указанных местах понимание *palsko*, *pältsäk* как 'мысль' полностью исключается, однако значения 'дух', 'душа' все-таки более убедительны, что, между прочим, нашло свое отражение в переводах Зига и Зиглинга (*Geist*) и Филлиоза и Куврера (*èsprit*). Еще более интересен фрагмент 15 а 8 (=17 в 2) из «Уданаланкары», где Зиг переводит рассматриваемое слово как «Herz».

Анализ контекстов, в которых выступают в тохарском *palsk/pälsk*- и их производные, исключает предположение об отсутствии влияния со стороны буддийских санскритских текстов. Более того, в этом случае, как и в целом ряде других, тохарская культурно-языковая традиция, включившись в сферу влияния буддийской культуры и языков, на которых были написаны буддийские первоисточники, усвоила большое количество схем и мотивировок, причем некоторые из них могли в ней самой отсутствовать или не быть актуальными.

В буддийской же традиции учение о сердце как вместилище не только души, но и разума, мысли и разных видов мыслительных способностей пользовалось особым вниманием, откуда распространенное понимание сердца как *cit*, *bodhi-citta* или даже прямые уравнивания типа *hadayan ti cittam* 'сердце — это мысль' (ср. «*Āthāsalinī*» 140 или *cittassa vatthu* и *hadaya—vatthu* в «Дхаммасангани» и множество других подобных свидетельств). Буддийские тексты постоянно обращаются к утверждению, что мысль (скт. *citta*, тибетск. *sems*) имеет своим жилищем, домом сердце (скт. *hṛdaya*, тибетск. *sems khañ*)¹⁸. Разумеется, что следы такого понимания можно обнаружить уже в Ведах, ср. [*Agni-*] *antāh samudrē hṛdy antār āyuṣi*. RV IV, 58, 11 или: ... *hṛdā paśyanti manasā vipascītaḥ*... RV X, 177, 1 и т. п.¹⁹ Еще больше сходных примеров обнаруживается в Упанишадах, хотя следует подчеркнуть, что только в буддийских текстах, если говорить об индийской традиции, сложилась законченная и вполне оригинальная концепция. Понятно, что сказанное не исключает наличия сходных представлений в других ареалах (ср., например, древнеегипетское клише типа «Птах подумал в своем сердце» и под.).

Основное внешнее проявление деятельности сердца — его биение, пульсация. Сравнение лат. *cor palpitat* (*cordis palpitatio*), с др.-греч. *καρδία πάλλει* удостоверяет архаичность этого представ-

¹⁶ См.: J. Fillioz a t. Fragments de textes koutchéens de médecine et de magie. Paris, 1948, стр. 94, 128.

¹⁷ См.: W. Couvreur. L'étymologie du Tocharien. «Revue belge», t.21, 1942, стр. 18.

¹⁸ См.: D. S. Ruegg. La théorie du tathātagarbhā et du gotra. Paris, 1969, стр. 502; J. Gonda. The Vision of the Vedic Poets. La Haye, 1963, стр. 276—288; S. Dasgupta. History of Indian Philosophy. Vol. II. Cambridge, 1932, стр. 340—344 и др.

¹⁹ Ср.: RV I, 65, 1; I, 67, 2; VI, 9, 6; VII, 76, 4 и др.

ления и его языковой формы в индоевропейской традиции²⁰. Любопытно, что у орфиков (в отличие от Гомера) сердце понимается как мыслительное начало (frg. 210); Афина Паллада произошла из сердца Зевса; она же подняла сердце Диониса, за что получила имя Паллады, от *πάλλειν* 'сотрясать (сердце)'; сам же Дионис трактовался как мировой разум именно потому, что у него сохранилось нетронутым сердце.

Та же основа просвечивает в образах и формах языков, входящих в круг шаманских культур. Ср. такой характерный пример, как обозначение в шаманском языке азиатских эскимосов сердца с помощью разных образований от слова *tigalak* 'биение пульса' при *umat* в обычном профаническом языке²¹.

На основании примеров такого рода, как и тех, где название сердца не участвует (ср. лат. *cogito* 'мыслю', 'думаю' из **co-agito*, где *agito* 'толкаю', 'привожу в движение', или чешск. *vtipiti se* 'понять', 'догадаться' при *tep* 'пульс', *tepati* 'бить', 'ударять'²² и под.), можно с правдоподобием предположить, что и тох. *palsk-* / *pālsk-* формировалось по тому же принципу. В этом случае ему соответствовали бы многообразные продолжения и.-е. **pel-* / **p^hl-*, в частности с расширениями *-s-*, *-sk-*, *-k-* и под. Среди них особое значение имеет лат. *pulsus* 'пульс', 'биение пульса' (ср. *pulsus venarum*), 'удар', 'толчок', 'впечатление'; *pulsare* 'ударять', 'бить', 'сильно стучать'²³, являющееся интенсивным образованием от глагола *pello* 'бить', 'сотрясать', 'приводить в движение' и т. п. и предполагающее **pel-s-*. Лат. *pulsare* обнаруживает значения, связанные с отрицательными эмоциями — 'потрясать', 'угнетать', 'тревожить', 'волновать', 'оскорблять' и вообще 'производить некий психический эффект' (=впечатление²⁴). Славянские продолжения этого типа **pel-s(k)-* / **pol(s)k-* используются, как правило, для обозначения эмоций, связанных со страхом; ср. русск. *поблх*, *перепоблх*, *полошйтъ*²⁵, укр. *поблх* 'страх', *пблх* 'ужас', блр.

²⁰ В конечном счете сюда же следует отнести лит. *širdiės plakimas* 'биение сердца' или *širdis plāka* 'сердце бьется', русск. *сердце полошится*, *плескание сердца* (из мистической фразеологии) и под., ср. также понятие *низведения разума в сердце*. Нечего и говорить о романских продолжениях. Ср. франц. *cœur + palpiter* (ср. *Ton faible cœur palpitant sous ta main*, E. Pagny. *La Frayeur*; *Mon cœur ému palpite avec vitesse*, E. E. Pagny. *Réflexion amoureuse* и т. п.); итал. *cuore + palpitare*, исп. *corazón + palpitar*, порт. *coração + palpitar* (ср. *palpite* 'сердцебиение') и т. д.

²¹ См.: В. Г. Тан-Богораз. Древнейшие элементы в языке азиатских эскимосов. «Академия наук — Н. Я. Марру». Л., 1935, стр. 364, Ср. также: Y. H. Toivonen. Spuren primitiver Seelenvorstellungen in der Sprache. — FUF, XXVII, 1941 и другие работы.

²² Ср.: A. Vaillant. — RESL, t. 11, 1931, стр. 204.

²³ Ср. употребление *pulsare* в связи с *pectus* 'грудь', 'душа', 'сердце', 'ум' (ср. *toto pectore cogitare*).

²⁴ Ср. *animus afficitur pulsibus*, если говорить о соответствующем имени.

²⁵ В конечном счете и *поблх*, так или иначе связанное с *плоский* (< **plosk-*), и т. п.

пблoх 'испуг', пaлбoхaцъ 'пугать', русск.-цсл. плaxъ 'страх', плaшити; болг. плax 'страх', 'пугливый', плaшa, с.-хорв. плaшити 'пугать' (ср. плax 'быстрый', 'резкий'), словен. plāh, plāha 'робкий', plāšiti 'пугать'; чеш. plašiti 'пугать', чеш., слвц. plachý 'робкий', польск. ploszyć 'распугивать', ptochy 'пугливый', в.-луж. ptošić, н.-луж. ptošys. Реконструируемая праславянская форма, вероятно, перекликается с др.-греч. πάλλω 'потрясаю', 'ударяю', ряд грамматических форм которого предполагает сигматические образования, ср. πῆλαι (*palsai), πάλο (*palsto). Характерные употребления этого глагола позволяют заполнить некоторые недостающие звенья между тохарскими и славянскими фактами. Ср. πέπαλται μοι φίλον κειαρ 'сердце мое затрепетало' (Эсхил); στήθεσι πάλλεται ἤτορ ('учащенно') бьется сердце в груди' (Гомер)²⁶; πάλλεσθαι δείματι 'дрожать от страха' (Гомеровские гимны), δείματι πάλλον 'дрожа от страха' (Софокл) и т. п.²⁷

Весьма симптоматично, что отрицательные эмоции, связанные, в частности, с продолжениями и.-е. *pel-s(k)- / *pol-s(k)-, локализируются в сердце, о чем, помимо ряда других фактов, свидетельствуют и языковые данные. Ср. вед. heda 'гнев', 'злость', hedati 'сердиться' от hrd 'сердце'; хетт. kartimmiatt- 'гнев', kartimmi-ani = (TUKU.TUKU-nu) 'разгневать', kartimmi- и т. д. (см.: Friedrich. HW, стр. 103)²⁸; русск. серди́ться (ср.: в сердцах)²⁹, укр. з серця, серця додати и под.) и т. д. — все от индоевропейского корня, обозначающего 'сердце'. Сюда же следует присоединить фразеологию, известную из ряда языков, в которой название сердца соединяется со значением страха, гнева, тоски и под., ср.: лат. ... cor tuum timiditas territet (Pac. 292); ... facinus magnum timido cordi credere (Ps. 576); cor metu mortuomst (Cas. 622) и т. п.³⁰. Вместе с тем заслуживает внимания тох. А. empele, тох. В empelye 'ужасный', где усиление em- (ср. pārkare: em-parkre 'длинный' и т. д.) присоединено к корню pel- (ср. pal-sk-)³¹. Разу-

²⁶ Ср. также у Гомера; ἐνὶ στήθεσι φίλον κῆρ τεύρει 'в груди щемит сердце'. См. также X, 461: παλλομένη κραδίη и т. п. (Pape I, стр. 452).

²⁷ В свете этих примеров и целого ряда других фактов нет никаких оснований принимать предлагаемое некоторыми исследователями семантическое развитие: ('двигаться') 'бегство' → 'страх'. См.: S. O n d r u š. «Jazykovedný časopis», 10, 1959, стр. 12 и сл.

²⁸ См. об этом: A. K a m m e n h u b e r. Die hethitischen Vorstellung von Seele und Leib, Herz und Leibesinnerem, Kopf und Person. — ZA NF, Bd 22 (56), 1964, стр. 204 и сл.

²⁹ Ср. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанской области). М., 1969, стр. 509—510.

³⁰ См. подробнее: H. R e i s. Die Vorstellung von geistig-seelischen Vorgängen und ihrer körperlichen Lokalisation im Altlatein. Eine Untersuchung mit besonderer Rücksicht auf der Gebrauch der bezüglichen Substantive (animus—anima—cor—pectus—mens—ingenium—indoles). «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft». Beiheft E. München, 1962, I, стр. 137 и сл.

³¹ A. J. van W i n d e k e n s. Sur quelques mots tokhariens provenant de langues asiatiques indo-européennes et non-indo-européennes. «Orbis», t. 13, 1964, стр. 591 (сравнение с морд. pele, манс. pal-, pil- 'страх', 'ужас' должно быть переинтерпретировано).

меется, что с сердцем и с продолжениями и.-е. **pel-s(k)*- могут быть связаны и положительные эмоции — радость, любовь и т. п. Ср., с одной стороны, лат. *cordibus vivis laetantes*. Enn. Ann. 367 и сл. (см.: Н. Reis. Указ. соч., стр. 140) и, с другой стороны, ст.-русск. *плѣскати(ся)* 'радоваться', 'рукоплескаться'³² при значении 'бить', 'ударять', 'хлопать' в других славянских языках, ср. лит. *plėškėti, plaskuoti*, лтш. *plekšēt, plakšēt* (ср. тох. *plyasket* от *palsk-*).

Интересно, что тохарское название сердца *āriñc* (**ar-ent*) соотносимо с глаголом *ar-* 'производить', сочетающимся со словами, обозначающими гнев (*rāskār*) и т. п. (ненависть, любовь и др.). Отсюда — гипотетическое уравнение — *ar-* + *rāskār:āriñc* = *pel-sk-* + *k'rd-*: *palsko*, из которого следует, что и для тохарских языков возможна реконструкция сочетания глагола **pel-sk-* со словом, обозначающим сердце, подтверждаемая реально засвидетельствованными отражениями этого сочетания в др.-греч. *καρδία πάλλει*, лат. *cordis palpitatio*, укр. *серце (у мене тільки) по л о х — по л о х*³³ и т. д. Можно полагать, что наличие таких двух факторов, как продолжение и.-е. **pel-s(k)*- + **k'rd-* (или другого какого-нибудь названия сердца), для обозначения деятельности сердца, и представление о нахождении мысли в сердце и обусловили употребление тох. *palsk-* / *pālsk-* как обозначение мышления, думания и *palsko, pāltsāk* как обозначение результата этого действия. Сама идея связи биения, пульсации, трепетания с мыслью, лежащая в основе внутренней формы тохарских слов, неоднократно оживала в поэтическом творчестве [ср. дальнейшие образы *трепещущей мысли* (в частности, в буддийских текстах)³⁴ или тютчевское *И роищет мыслящий тростник*, возможно, связанное с паскалевским образом].

Исследования последних лет убедительно показывают, что в древности для индоевропейской традиции в целом было характерно не вполне дифференцированное употребление понятий *душа, намерение, мысль, ум, рассудок, страх, гнев* и т. п.; что эти продукты человеческого мышления или эмоций, в том числе и мысль, приурочивались к внутренним органам, к середине (ср. *сердце, φρήν* и под.)³⁵. При этом *φρήν* трепещет (ср. *τρομέουσι φρένα*, они

³² Ср.: *Отроча же смѣяшеса и плескаше*. Изборник XIII в.; и *начаша Ефиопи плескати, а бѣлоризъци поблѣдѣша*. Пролог сент. XIII в. См.: И. И. Срезневский. Материалы. . . т. 2, СПб., 1895, стр. 961—962.

³³ См.: Гринченко, III, стр. 288. Ср. блр. *палахліва сэрца*, русск. диал. *полоханье сердца* и под.

³⁴ Ср. *phandanam sapalam cittam*. . . Dhammap. III, 33; *pariphandati 'dam cittam*. Ibid., III, 34. Ср. образ «невспокоенной мысли» (III, 39) и т. п.

³⁵ См.: R. В. Onians. The Origins of European Thought about the Body, the Mind, the Soul, the World, Time, and Fate. New Interpretations of Greek, Roman and Kindred Evidence also of Some Basic Jewish and Christian Beliefs. Cambridge, 1951 (2-nd ed. 1954). Одно из интересных наблюдений, сделанных в этой книге, состоит в том, что мышление, думание представлялось как *говoreние* (в сердце, сердцем). Это наблюдение подтверждается исследователями детской психологии, с одной стороны (ср.:

трепещут душой', т. е. содрогаются от страха. Гомер) и $\theta\upsilon\rho\acute{o}s$, всегда помещаемый в *френе*, двигается, пульсирует, дрожит. Характерно сочетание элемента $\phi\rho\epsilon\nu$ - с глагольным элементом $\pi\lambda\eta\kappa$ - **plē-k* : **pel-k*-), ср. $\phi\rho\epsilon\nu\text{-}\pi\lambda\acute{\eta}\xi$, $\phi\rho\epsilon\nu\acute{o}\text{-}\pi\lambda\eta\kappa\tau\omicron>s$ 'пораженный безумием', $\phi\rho\epsilon\nu\text{-}\pi\lambda\eta\gamma\acute{\eta}s$ 'сводящий с ума' и т. п. При учете всех этих данных оказывается, что буддийская традиция оригинальна прежде всего в том отношении, что за *palsk- / pālsk-* закрепились значения, связанные именно с мышлением, т. е. те, которые относятся к наиболее рациональным и абстрактным понятиям; сами же предпосылки к такому направлению развития лежали в недрах индоевропейского мифопоэтического мира представлений и образов³⁶. То же можно сказать и о многих других традициях, в которых за обозначениями таких отвлеченных понятий, как мышление, еще видна старая основа³⁷:

*Geschrieben steht: Im Anfang war der Sinn.
Bedenke wohl die erste Zeile,
Das deine Feder sich nicht übereile!
Ist es der Sinn, der alles wirkt und schafft?
Es sollte stehn: Im Anfang war die Kraft!*
(Faust I, 1229—1233).

2. Тохарское *kektseñe*: литовское *kaktenà*

Тох. В *kektseñe*, как и соответствующее ему тох. А *kaṣaṇi*, означает 'тело' (ср. *kaṣaṇi śla niṣpal* 359, 14 при скт.

W. S t e r n. Psychology of Early Childhood. London, 1924, и др.), и древними текстами, с другой: ср. хеттские «Selbstgespräch», разговоры со своей или перед своей душой, например: *PANI ZI=US memiškiuṣan daiš* 'он начал говорить со своей душой' или *nu-za DISTAR-iš ZI-ni EGIR-pa memiškizzi* «Иштар снова говорит со своей душой». См.: А. К а м м е н h u b e r. Указ. соч., стр. 169 и сл. Другой любопытный в данной связи оборот: *D Kumarbiš-za ḫattatar ZI-ni pian (=piran) daškišzi*. Ullikummi I. Табл. 1, 5 «Kumarbi nahm sich W e i s h e i t vor seinen S i n n». Там же, 193—194 (ср. о локализации знания в душе, *ištanza(na)*. - ZI, ZI-ant *NAPISU*).

³⁶ Вместе с тем нельзя не принимать во внимание и возможных различий в пределах всей индоевропейской традиции. Характерно, например, что «бессердечный» для древних греков и римлян означало прежде всего 'глупый' (т. е. 'лишенный ума'), тогда как для русских 'жестокый', 'лишенный сочувствия' и т. п.

³⁷ Легко заметить, что и.-е. **pel-* с разными расширениями и без них широко используется при образовании слов со значением 'гореть', 'пылать', 'освещать' (ср. праслав. **polēti*, **paliti*, **plamen-*, **pepel-* и под.), ср. также: J. O t r e b s k i. Aus der Geschichte der litauischē Sprache. — L. Posn., V, 1955. Известно также, что такого рода образы часто ложатся в основу развития отвлеченных понятий, связанных с *ratio*, см.: E. P e n t i l ā. A Sense—Development of Verbs Denoting Emission of Light. «Neuphilologische Mitteilungen», LIX, 1958, стр. 161—171. В этой связи любопытные семантические параллели доставляют хеттские тексты, описывающие «просветление рассудка»: *ZI-aš lalukkima*. См.: А. К а м м е н h u b e r. Указ. соч., стр. 195.

śarīraṃ saparirgrahaṃ и т. п.). Этимологически эти слова обычно сопоставляют с др.-инд. *kākṣā* 'подмышка', лат. *coxa* 'бедро' и т. д.³⁸, хотя Х. Педерсен почти полвека назад предложил более тонкую этимологию, учитывающую словообразовательный тип слова³⁹. По мнению Педерсена, тох. В *kektseñe* сопоставимо с ирл. *cucht* 'внешний вид', 'цвет', др.-сев. *hōttr* 'манера'; в *kektseñe* предполагается суффикс *-tjen* (**kok-tjen-*), ближайшие аналогии которому обнаруживаются в итало-кельтских языках. С другой стороны, в рамках известных общих связей лит. *kaktà* 'лоб' (*kaktas* 'выступ', лит. *kakts*, *kakta* 'угол, образуемый двумя плоскостями', и т. п.) было поставлено О. Н. Трубачевым⁴⁰ в соответствие с согд. *čakt/čkt* 'лоб', пехлев. *čakāt*, перс. *čakād* 'темя', 'верхушка',⁴¹ др.-инд. *kakāṭikā* 'часть лобной кости',⁴² причем в качестве архаичного значения было предположено именно 'лоб'. Последнее предположение едва ли обязательно, поскольку все, что известно об исторической семантике такого рода слов (лоб, колено, подбородок, затылок и другие части тела, объединенные признаком «выступать за пределы...», «выдаваться» и т. д.), говорит, скорее, в пользу противоположного решения. Однако здесь не удастся говорить о более глубоких связях тохарских слов. Достаточно только указать на правдоподобность этимологического объяснения их в плане сравнения со словами с приведенным только что значением, время от времени оживляемым в исторически засвидетельствованных словах и фразеологических сочетаниях. Ср. тох. А *kārme kapšiñño* 315 а 7 'cum corpore erecto' при таких значениях у лит. *kaktà*, как 'столб', 'колонна' и т. д.⁴³

Цели этой заметки иные. Во-первых, здесь предлагается сближение тох. В *kektseñe* и тох. А *kapšaṇi* с лит. *kaktà*. Фонетически сближение безукоризненно. С точки зрения возможных семантических филиаций также нет сколько-нибудь существенных сложностей. Развитие типа «выдаваться» → «часть тела» (лоб, тело, колено, затылок, голова и т. д.) → «человек»⁴⁴ принадлежит к числу многократно засвидетельствованных (о чем см.: С. D. В u s k. A. Dictionary of Selected Synonyms... s. vv.). В этом смысле и *kektseñe* и *kaktà* вполне сводимы к единому семантическому источнику, развитие которого могло дать результаты, аналогичные продолжениям и-е. **kel-/k^hl-*, ср. **čelo-* : **člověkъ*, **čelověkъ* при

³⁸ См.: P. R o u s h a. Thesaurus... стр. 51—52 и др.

³⁹ См.: H. P e d e r s e n. Le groupement des dialects indo-européens. Copenhague, 1925, § 19.

⁴⁰ См.: О. Н. Т р у б а ч е в. Три литовских этимологии. — L. P o s n. VIII, 1960, стр. 236—237.

⁴¹ Ср. арм. *čakat* 'лоб', иранское заимствование.

⁴² Отнесение к этому ряду древнеиндийского слова спорно, ср. *krkāṭa-* 'шейный позвонок', 'затылок' и под.

⁴³ См.: LKŽ, V, 1959, стр. 97.

⁴⁴ Ср., в частности, хетт. *ḫaršan(a?)* «Kopf» и «Person» и другие подобные метонимические обозначения человека или хот.-сакск. *tāra* 'лоб', согд. *t'r* 'верхушка' из и-е. *(s)ter- 'простирается' (ср. арг. лоб).

лит. *kėlti*, лтш. *ceĭt*. Наконец, в словообразовательном отношении *kektseñe*, *kapšaĩi* предполагают исходную форму слова **kakt-en-*, совпадающую с лит. *kakt-enà*, *kākt-ena* 'вершина холма', 'часть плема, прикрывающая лоб'⁴⁵; ср. также *kakt-inė* 'лоб', 'верхняя часть печного проема'⁴⁶ и т. д.

3. Из кельтско-балтийских параллелей

1. Кельтск. **kan-tlo-*, ирл. *cétal*: лит. *kañklės*

2. Галльск. *Belsa*: лит.-ятв. *Bil̃sas*

Для лит. *kañklės* (см. LKŽ, V, стр. 214—215), обозначающего вид музыкального струнного инструмента, естественным образом постулируется праформа **kan-tl-*, корень которой соотносится с лат. *canere* 'петь', др.-ирл. *canim* 'пою', гот. *hana* 'петух' и под.⁴⁷ И то и другое, очевидно, не подлежит сомнению. Однако до сих пор не были указаны более близкие параллели этому литовскому слову, что отчасти дало основание некоторым специалистам предполагать, что балтийское слово заимствовано из финск. *kantele*.

Ближайшим и совершенно точным соответствием лит. *kañklės* нужно считать др.-ирл. *cétal* 'пенья' (из **cēddl*, **cēdl* < **kantlon*)⁴⁸, валл. *cathl*, брет. *kentel* 'песня', 'урок', соотносимые с соответствующими глаголами — др.-ирл. *canid* (ср. перф. *cechain*, прет. пасс. *cēt* < **kanto-*), валл. *canu*, брет. *kana*, которые вместе с лат. *canere* (*cecini*, *cantus*) и умбр. *kanetu* 'саниту' образуют общий западно-индоевропейский лексический фонд⁴⁹. К указанной группе имен в кельтских языках следует присоединить галльск. *cantalon* (ср. брет. *kentel*)⁵⁰ и весьма любопытное галльское название «месяца пенья» из Календаря Колиньи — CANTLOS (nom. sg.), CANTLI (gen. sg.)⁵¹. В последнем случае речь идет о месяце,

⁴⁵ См.: LKŽ, V, 1959, стр. 97.

⁴⁶ См.: LKŽ, V, 1959, стр. 99.

⁴⁷ См.: E. Fraenkel. LEW, Bd. I. Heidelberg, 1962, стр. 215.

⁴⁸ Об этом слове и соответствующем глаголе см.: R. Thurneysen. A Grammar of Old Irish. Dublin, 1947, стр. 71, 75, 127, 462. Ср. также: W. Stokes. Urkeltischer Sprachschatz. Göttingen, 1894, стр. 69 (**kentlo-n*).

⁴⁹ C. Marstrand. A West-Indo-European Correspondence of Vocabulary. — NTS, Bd 7, 1934, стр. 335 и сл.

⁵⁰ См. теперь Chr.-J. Guyonvarc'h. Gaulois *cantalon* 'chant' ou 'pilier?'; irlandais *cétal*, gallois *cathl*, breton *kentel* 'chant', 'leçon'. «Ogam», t. 14, 1959, стр. 288—293. Неосновательна попытка Хааса приписать кельтск. **kantlo-* значение 'собака'. См.: O. Haas. — ZiceltPh, Bd. 23, стр. 296—301; ср. также: «Ogam», 13, 1961, стр. 469.

⁵¹ См.: J. Pinault. Notes sur le vocabulaire Gaulois. 1. Les noms des mois du Calendrier de Coligny. «Ogam», t. 14, 1962, стр. 153; ср. полемику с Мак Нейлом о приурочении этого месяца. О самом Календаре Колиньи в связи с лингвистическими вопросами см.: F. Le Roux. Le Calendrier Gaulois de Coligny (Ain) et la fête irlandaise de Samain (*Samonios). «Ogam», t. 9, 1957, стр. 337—342; Chr.-J. Guyonvarc'h: Notes d'étymologie et de lexicographie gauloises et celtique. IX. «Ogam», t. 13, 1961, стр. 474—477 и др.

в котором совершались торжественные ритуальные песнопения, обращенные к богам. Тем самым появляется возможность видеть в этом слове еще один существенный элемент архаической жреческой лексики. Не случайна и дискуссия о значении галльск. *cantalon* 'песня' или 'столп'. Достаточно напомнить, что именно в жреческих или шаманских культурах название религиозной песни и шеста, столпа, дерева и т. п., соединяющих землю с небом, с богами, кодируется часто одним и тем же комплексом (ср. аранта *tjurunga* 'шест' и 'песнь' и т. п. — в другом месте). Наконец, к тому же кругу источников следует отнести и кельтское собственное имя *Kentel*⁵², которому — и это не исключено — может соответствовать прусск. *Cantele* (1348 г.), *Cantil* (1344 г.), *Kyntil* (1357 г.)⁵³, хотя здесь, конечно, нет и не было суффикса *-tl-*. Характерно, что и для литовской традиции восстанавливается ритуальная роль *kañklės*, соответствующих певцов — музыкантов (*kañklininkas*), и их деятельности (*kankliūoti*, *kañklinti*). Наконец, следует подчеркнуть, что наличие такой кельтско-литовской параллели расширяет наши представления об ареале, в котором имели хождение некоторые культурные архаизмы индоевропейской эпохи.

Лит. *Bilsas*, название озера (Leipalingis), в последние годы и по разным поводам привлекало внимание исследователей⁵⁴.

Из языковых параллелей надежнее всего оказалось сравнение с русск. *белесый*. В данном случае не имеет особого значения проблема языковой принадлежности **bils-* в пределах балтийской области. Однако нельзя забывать того, что существует лит. *Bils-kalniņš*⁵⁵ и особенно того, что **bils-*, как правильно подчеркивал Б. Савукина, неотделимо — в том, что касается корня — от других апофонических вариантов *bal-|bāl-|bel-|bēl-|bil-*, выражающих своим значением идею белого, светлого⁵⁶. Некоторые из этих вариантов имеют расширение *-s-*, ср. лит. *Bālsė*, *Bālsis*. *Bālsis*, *Bālsys* и под.⁵⁷

⁵² См.: P. Q u e n t e l. Le nom propre *Kentel*. «Ogam», t. 6, 1954, стр. 72—73.

⁵³ См.: R. T r a u t m a n n. Die altpreußischen Personennamen. Göttingen, 1925, стр. 42, 45.

⁵⁴ См.: Я. О т р е м б с к и й. Язык ятвягов. — ВСЯ, V, 1961, стр. 4—6; Он же. O badaniach nad nazwami wodnymi i miejscowymi na obszarze Litwy. «I Międzynarodowa slawistyczna konferencja onomastyczna. Księga referatów». Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, стр. 58 (ятвяжское происхождение этого гидронима); Б. С а в у к и н а с. К проблеме западно-балтийского субстрата в юго-западной Литве. «Baltistica», I (2), 1966, стр. 166 (против гипотезы Я. Отрембского); О. Н. Т р у б а ч е в. Этимология. М., 1963, стр. 286 (к связи польск. *Betz* с *bilsas*); Он же. Из опыта исследования гидронимов Украины. «Baltistica», IV (1), 1968, стр. 50 (к связи **Betz-*, с иллир. **bulz-*, **buls-*); Он же. Етимологічні спостереження. . . — «Мовознавство». 1971, № 6, стр. 5.

⁵⁵ См.: J. E n d z e l i n s. Latvijas PSR vietvārdi. I (1). Rīgā, 1956, стр. 110.

⁵⁶ Отсюда — естественный переход к значению 'болого' (или 'поле') и т. п.

⁵⁷ См.: Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas. Vilnius, 1963, стр. 13, 16, 18.

Из параллелей в других индоевропейских языках опять наиболее близкими являются кельтские. Речь идет о гальск. *belsa* 'campus' ('поле'), в котором используется та же семантическая мотивировка, что и в лит. *laūkas* 'поле' (из 'белый', 'светлый'; др.-греч. φαλός 'λευκός. Гесихий)⁵⁸. Ср. Virgil. gramm. 4 p. 20, 20—22H: *Bellum autem nonnisi in belsa, hoc est in campo agitur. Belsa enim ob hoc dicitur, quia belsa plurima quae sunt gramina profert*; ср. также *Belsa villa* (= совр. *Beauce*, *Chartres* и *Châteaudun*, к югу от Лауры)⁵⁹; *Belsinum*, *Belson-ancum*, *Belisa*, *Belsus*, *Belsa* и под.⁶⁰ Характерен галльский эпитет Минервы — *Belisama*⁶¹ в сопоставлении с эпитетом Марса — *Leucetius*, *Loucetius*. Если принять во внимание интерпретацию формы *Belisama* как суперлативной, то связь *Bel(i)s-* с **Bel-*, отраженным в теофорном имени *Belenos*⁶² (ср. лит. *balà*, чеш. *blána*; гот. *bala* и т. д.), оказывается актуальной; ср. балт. *bil-*: *bil-s-*, *bel-*: *bel-s-*; *bal-*: *bal-s-*, где *-s-*, как и в русск. *белесый*, используется как показатель ослабления степени (наличия данного качества).

Можно думать, что к кельтским и балтийским фактам приближаются и некоторые иллирийские данные. Таково, видимо, иллир. *Balissae* (... *ex Pan/nonia/sup-eriores/natus ad aquas Balizas* CIL VI, 3297; *Aquis Balissis*. Itin. Ant., 265, 7), восходящее к **balissa* и соотносящееся с асигматической формой, представленной иллир. Βαλλαιός (**bel-*) или Βάλλα⁶³. Еще ближе к кельтским и балтийским формам иллир. *Bilisa*⁶⁴ (CIL III, 6010, 248), сравниваемое с мессап. *bili(v)a* (CIM 56, 129, 117, 76, 181) и *bilihi* (113, 149; 'дочь?'). Наконец, есть некоторые основания объединить оба решения О. Н. Трубачева, предлагавшие им в связи с польск. *Betza*. Учитывая литовские гидронимы *Bélgis* (**Bels-gi-s*) и *Bilzgis* (**Bils-gi-s*), см. Liet. uņiņ ir ežerņ vardynas, стр. 16 и 18⁶⁵,

⁵⁸ См.: V. Bertoldi. *Gaulois belsa 'campus' = lituanien laūkas 'champ'*. BSL, t. 30, 1930, стр. 170—173.

⁵⁹ Ср. Fortunati vita Germani, 49, 136; *Per Belsam*.

⁶⁰ См.: A. Holder. *Altceltischer Sprachschatz*. Bd. 1, 1961, стр. 396.

⁶¹ См.: Chr. - J. Guyonvarc'h. *Études sur le vocabulaire Gaulois*. «Ogam», t. 14, 1962, стр. 161—167 (I. Le Théonyme Gaulois BELISAMA «la très brillante»). Ср. также: G. Dottin. *La langue gauloise*. Paris, 1920, стр. 149—150; F. Lot. «Revue Celtique», t. 45, 1928, стр. 317; A. Holder. Указ. соч., I, стр. 386; III, стр. 834.

⁶² См.: J. Gouvest. *Le culte de Belenos en Provence occidentale et en Gaule*. — «Ogam», t. 6, 1954, стр. 257—262. Ср. ирл. *Beltene* 'огонь Бела', название праздника 1-го Мая, связанного с возжиганием огня в честь Бела, см: «Archiv für celtische Lexikographie», Bd. II/1, стр. 196.

⁶³ См.: A. Maueг. *Die Sprache der alten Illirier*. Bd. 1, Zagreb, 1957, стр. 74.

⁶⁴ Там же, стр. 86.

⁶⁵ О словообразовательных элементах с *-g-* см.: P. Skardžius. *Lietuvių kalbos žodžių daryba*. Vilnius, 1943, стр. 102 и сл.; A. Vanagas. *Lietuvos TSR hidronimų daryba*. Vilnius, 1970, стр. 72, 106, 145, 168, 192, 203. Ср. также лит. *Bilžiū kaimas* (LATS, стр. 646), лтш. *Belžas pļava*, *Belze pļava* (J. Endzelīns. *Latv. vietv.* I, 1, стр. 97) и под.

и подобные им факты варьирования **Bils-*: **Bilž-*; **Bels-*: **Belž-*, можно думать, что и польск. *Belz*, как и иллир. *Bulsinius* [*in monte Bulsinio*. Tab. Peut.; *Monte Buls (inio)*. Rav. IV, 16 (211, 16)] и его продолжение с.-хорв. *Būžanin* (из **Bълž-*), относятся к той же группе, что и балто-кельтские аналогии⁶⁶, но отражают особый вариант развития **Bls-*: **Błz-* (> **Buls-*: **Bulz-*). Если это так, то балто-кельтская изоглосса должна быть (хотя бы отчасти) дополнена иллирийскими данными.

4. Древнеиндийское *pra-bhūṣ-*: праславянское* *pro-byš-*

Праславянское слово с основой **pro-byš-* восстанавливается на основании некоторых разрозненных фактов. Лишь ст.-чеш. *probyšúcný* достаточно точно продолжает праславянскую форму. Однако нет оснований сомневаться в ней ввиду многочисленных славянских примеров, где *pro-* сочетается с глаголом *byti*, с одной стороны, и таких сигматических типов, как кашуб. *b^uušńi* 'гордый', 'надменный' (*Barzo b^uušńi pgn*; *Źon je barzo b^uušńi na sw^oje ślaxăctw^o*), *b^uušńe*, *b^uušnosć* (*Ślaxăck^o b^uušnosć*)⁶⁷; русск. *бушевать* 'бурно расти' (*Ботва бушует*, о помидорах)⁶⁸, *бўхнуть* 'набухать', 'полнеть', 'наливаться', 'увеличиваться в объеме', 'крепнуть' и под. [ср. *бухлб*, *бўхна*, *бўхня*, *бухбн(н)ый*, *бухбня*, *бўхря*, *бўхряк*, *бухтень*, *бухтёр*, *бухтёря*, *бухтуть* и т. д.]⁶⁹, словен. *būhniti*, то же, чеш. *nabouchaný* 'дородный' и т. п.⁷⁰, с другой стороны.

Др.-инд. *pra-bhūṣ-* четырежды встречается в Ригведе; ср. *prabhūṣataḥ* I, 159, 1; *prabhūṣan* III, 55, 1; *prabhūṣataḥ* IX, 29, 1; *prabhūṣāni* X, 132, 1. Тот факт, что это слово встречается исключительно в начале гимнов, объясняется отмеченностью (в положительном плане) его значения и, в свою очередь, объясняет его использование в качестве знака, указывающего на дальнейшее обращение к богам с просьбой о процветании, увеличении благ, усилении и т. п.

Недавно было показано (после долгой дискуссии), что *pra-bhūṣ-* и другие формы, образуемые приставками с *bhūṣ-*, являются переходным глаголом и значение 'усиливать', 'укреплять' приложимо ко всем случаям его употребления⁷¹. Вместе с тем окончательно

⁶⁶ Ср. лит. *Bulzas* (Latv. vietv., стр. 143), может быть, лит. *Bulz-geniškių kaimas* (LATS, стр. 654) и др.

⁶⁷ См. F. L o g e n t z. Pomoranisches Wörterbuch. Bd. I. Berlin, 1958, стр. 77.

⁶⁸ См. СРНГ, вып. 3. Л., 1968, стр. 331. Сюда же, конечно, и *бушевать* 'шуметь', 'скандалить', т. е. 'проявлять буйн у ю, бурную силу' (отрицательный аспект), польск. *buszować* и под.

⁶⁹ См. СРНГ, вып. 3, стр. 320—327.

⁷⁰ Ср. далее ср.-в.-нем. *būs* 'надутость', 'вздутие', нем. *Vausch* 'опухоль', 'утолщение'.

⁷¹ J. C. W r i g h t. Vedic *bhūṣ-*, Iranian *būṣ-*, *bauṣ-*. — BSOAS, vol. 25, 1962, стр. 287—299; ср. также: J. G o n d a. The Meaning of Vedic *bhūṣati*. Wageningen, 1939; О н ж е. — «Lingua», vol. 6, 1957, стр. 299; О н ж е. Four Studies in the Language of the Veda. Amsterdam, 1959, стр. 71 и сл.;

определилась морфологическая роль *-s-* в отношении *bhū-: bhū-ṣ-*, находящем аналогии в ст.-слав. *вѣщати*: *вѣщатиѣ* (*вѣщатиѣ*, причастие будущего времени)⁷². Для непереходного употребления *bhū-ṣ-* и *pra-bhū-ṣ-* устанавливается значение 'расти', 'процветать'.

Таким образом, оказывается, что сопоставляемые ведийские и славянские факты не только в точности соответствуют друг другу, но и взаимно проясняют некоторые важные детали. Так, славянские примеры с несомненностью сохраняют старое отношение: 'расти', — 'усиливать', которое применительно к ведийскому материалу было реконструировано лишь в результате сложных экзегетических разысканий. Ведийские примеры, напротив, ясно рисуют морфологическое соотношение между сигматической и асигматической основами глагола *bhū-*, стершееся в славянских словах.

Вместе с тем это надежное ведийско-славянское совпадение позволяет с уверенностью интерпретировать как индоевропейский архаизм и другие разрозненные остатки такого рода. Ср. лат. *prō-sum* (*pro-fui*, *prō-fūtūrus*) 'быть полезным', 'способствовать' 'укреплять'⁷³; др.-греч. *προ-φύω* 'рождаться ранее' (ср. *προ-φύσων*)⁷⁴, иран. **fra- + būṣ / bauṣ-*, реконструируемое на основании авест. *fra + bū-*, с одной стороны, и *ābaušna-* (или *ābūšana*), *būšti*⁷⁵ (ср. русск. диал. *бухтя*, *бухтень* с близкими значениями), с другой стороны. Следовательно, есть все основания говорить об и.-е. **pro-bhū-s-* с богатыми мифопоэтическими ассоциациями.

P. Thieme. Untersuchungen zur Wortkunde und Auslegung des Rigveda. Halle, 1949, стр. 24 и сл.; M. Maughofer. KEWAi, Lief. 15, 1961, стр. 515—516 и др.

⁷² Ср.: *възвѣстоую тебѣ вѣщатиѣ*. Даниил VIII, 19 (τὰ ἐσόμενα) и под.

⁷³ Особенно показательно отношение лат. *prō-fūturus*: чеш. *proby-šitný* с одним и тем же значением.

⁷⁴ Любопытные переключки со значениями, отмеченными в славянских примерах, обнаруживаются в др.-греч. *φύω*, ср. 'расти'; 'взрачиваться', 'падмеваться'; *φύσσω* 'дуть', 'ныть', 'надувать', 'гордиться', 'чваниться'; ср. также: *φύσσιμα*, *φύσιν*, *φύσσητον*, *φύσσητον*, *adj.* от *φύσσω*; ср. *бухт-ить* и под.; *φύσσητῆριον* (= **φύσσητῆριον*) 'сопелька', 'дудка'; ср. *бухтеря* при *бухтерить* 'говорить неправду', *бухта* 'лгун', *бухтит*, *бухтеть*, *бушевать* в значениях, связанных с производным звуком.

⁷⁵ Ср.: *ai āsūnē rafnō hyām aojōnghvat/hyat ā b ū š t i š vasasē xšadrahjū dyā* «And I would be strong support for the righteous, I would obtain the strengthening of the Ruler-at-will». См.: J. C. Wright. Указ. соч., стр. 298. Там же реконструкция **hadya- ābaušna* (?) в качестве имени отца Аршака (Sa. 4—7. AΘIYABUŠN); ср. также авест. *pouru. baoxšna*, где *baoxšna* 'еда', 'корм', *k*buj-*'кормить', ср. *bū(š)*.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СООТНОШЕНИЕМ СЛОВЕСНЫХ АКЦЕНТОВ И ФРАЗОВОЙ МЕЛОДИКИ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение

Основной задачей было понять механизм распределения в речи тех или иных вариантов фразовой интонации сербского языка и — в соответствии с этим — соотношение фразовой интонации и интонации слова, а еще более точно — модификацию во фразе четырех сербских словесных акцентов.

Необходимо заметить, что только ориентация на русского читателя дает основания для публикации настоящих результатов столь подробно (еще и в комбинации со сведениями о чужих исследованиях¹ и данными историко-библиографическими)², так как хорошо известно, что по этому вопросу до сих пор ломаются копыя специалистами—сербистами³.

С реализацией фразовой интонации в сербском языке прежде всего связаны проблемы типологического характера. Для всех славянских языков выделяется несколько видов фразовой интонации как восходящей (антикаденции, полукаденции), так и нисходящей интонации (каденции)⁴. Впервые эти типы были описаны в общем виде О. Броком⁵, и с тех пор по существу не рассматривались в типологическом плане.

¹ Данная работа была выполнена в 1968—1969 гг. За это время на русском языке были опубликованы следующие работы по этой проблематике: Р. В. Булатова. Новые исследования по сербохорватской акцентологии. «Сов. славяноведение», 1971, № 6; В. Г. Скляренко. Рецензия на: I. Lehište, P. Ivić. Accent in Serbo-croatian. Ann. Arbor, 1963; «Исследования по сербохорватскому языку». М., 1972; Т. М. Николаева. Соотношение словесной и фразовой мелодики в сербском языке. «Памяти Виктора Владимировича Вишгорова». М., 1971; Т. М. Николаева. Соотношение фразовой и словесной просодии. Некоторые аспекты проблемы. «Зборник за filologiju i lingvistiku». XIV, 1971; Я. Сантен. О фонетической и фонологической природе ударения в сербохорватском языке. «Сов. славяноведение», 1971, № 4.

² Эти сведения приводятся в недавно вышедшей монографии: Th. F. Mager, L. Matejka. Word accent in Modern Serbo-Croatian. (Pennsylvania), 1971.

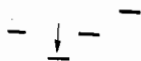
³ См. работы П. Ивича и И. Лехисте последних лет.

⁴ Важно уточнить, что речь идет не о функциональных, а о предфункциональных сущностях.

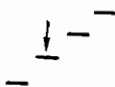
⁵ О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.

Резюмируя данные разных авторов, а также данные эксперимента, можно говорить о следующих трех типах восходящей мелодики:

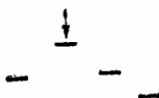
I. Ударный слог находится на самом низком уровне:

II. Ударный слог расположен между предударным и заударным⁶.

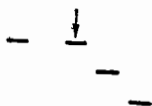

III. Ударный слог расположен на самой высокой позиции, после него начинается спад:

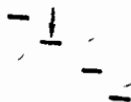

Также выделяется три вида конечной нисходящей мелодики.

I. Падение тона начинается с ударного слога:

II. Ударный слог расположен между предударным и заударным:

III. Ударный слог расположен ниже предударного, заударный расположен на том же уровне (или несколько выше):

Дополнительная оппозиция, накладываемая на все перечисленные типы, — вопрос о том, как осуществляется движение тона в слогах, — резко или постепенно, незначительно (/или—).

⁶ При этом, как будет видно в дальнейшем, возможны различные модификации положения заударных слогов.

На тип движения оказывают влияние позиции ударного слога (абсолютное начало, абсолютный конец, наличие/отсутствие предударных или заударных).

Разные комбинации всех этих условий создают внешне пеструю картину интонационных типов.

Перечисленные выше типы интонаций известны всем славянским языкам. Однако наиболее характерным в каждом языке бывает тот или иной тип (так, для чешского языка более типична восходящая интонация с абсолютно низким положением ударного слога, для украинского — с средним положением, для русского языка — с высоким положением ударных; для польского языка типично резкое движение тона в заударных слогах, для русского — в ударном и т. д.)⁷. Но при этом ни один тип не является настолько количественно преобладающим, чтобы остальные можно было бы считать случайными.

Основная лингвистическая задача типологического изучения просодии, таким образом, состоит в том, чтобы выяснить, чем объясняется это разнообразие типов. Ответ может быть двойкий: 1) фонетикой (т. е. фонетическими условиями дистрибуции), 2) функцией (т. е. смыслом или грамматикой).

Большинство авторов просто констатирует наличие этих типов, не говоря о причинах их различия⁸. Для русского языка наиболее подробно разные сферы употребления каденций и антикаденций разобраны Е. А. Брызгуновой, однако и она отмечает свободное варьирование ряда моделей, называя их стилистическими вариантами⁹.

Однако распределение в речи носителей одного и того же языка указанных фразовых каденций может быть связано и с типом просодий слова — носителя фразового ударения.

Впервые такая мысль о принципах распределения (и возникновении типов славянских интонаций) была высказана И. Манкен именно в связи с сербским языком, в котором также представлены все эти типы¹⁰. И. Манкен связывает каждый тип с тем, какой именно из четырех возможных новоштокавских словесных акцентов реализуется в слове — носителе фразового ударения. Таким

⁷ Напомним, что речь идет сейчас только о мелодике. Специфика живой речи данного языка создается еще разными сочетаниями мелодических вариантов с вариантами интенсивности и длительности.

⁸ О. Б р о к. Указ. соч. См., например: Fr. D a n e š. Intonace a věta ve spisovné češtině. Praha, 1957; W. J a s s e m. Akcent języka polskiego. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962; H- W. W o d a r z. Satzphonetik des Westlächischen. Köln, 1963; J. E. B u n i n g. C. H. v a n S c h o o n e v e l d. The sentence intonation of contemporary standard Russian as a syntactic structure. - s-Gravenhage, 1960.

⁹ Е. А. Б р ы з г у н о в а. Интонация и смысл предложения. «Русский язык за рубежом», 1967, № 1. — См. более ранние публикации: О н а ж е. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963; О н а ж е. Материалы по курсу «Фонетика и интонация русской речи». М., 1965.

¹⁰ I. M a h n k e n. Studien zur serbokroatischen Satzmelodie. «Opera slavica», Bd. III. Göttingen, 1964.

образом, просодия предложения непосредственно связывается с просодией слова.

Нет необходимости доказывать, какие огромные и интересные возможности открывает этот подход для изучения славянской просодии в целом. Поэтому крайне важно, хотя бы в общих чертах, убедиться в справедливости гипотезы Манкен еще на группе примеров.

Непосредственно с этим связана и другая сторона той же проблемы — как модифицируются словесные акценты под воздействием фразовой мелодики. Для этого, в свою очередь, необходимо знать, как они манифестируются в нейтральном состоянии, как проявляются на просодическом уровне по всем параметрам. По этим вопросам существует огромное число исследований.

Вкратце речь идет о следующем: известно четыре вида словесных ударений в современном сербском литературном (новоштокавском) языке¹¹: долгий нисходящий (∩); краткий нисходящий (∖∖), долгий восходящий (/), краткий восходящий (∖) ¹². Эти различия реализуются в ударных слогах. На выбор акцента оказывает воздействие и место ударного слога: нисходящие акценты могут быть только в первом слоге от начала, восходящие не могут быть в конечном слоге¹³. Таким образом, например, для односложного, двусложного, трех- и четырехсложного слова представляются следующие акцентные возможности (табл. 1).

Таким образом, выбор восх./нисх. существел для первого слога неодносложных слов.

Какие же концепции о сущности этих четырех акцентов можно выделить в настоящее время?

I. Первый комплекс вопросов связан с проблемой сферы реализации акцента, а именно — реализуется ли он в одном или в нескольких слогах. Существуют следующие точки зрения: 1) все четыре акцента различаются только в ударных слогах¹⁴; 2) акценты реализуются не только в ударных, но и в последующих

¹¹ Здесь и в дальнейшем мы сознательно отвлекаемся от данных общеславянской и сербохорватской исторической акцентологии и современных сербохорватских диалектов.

¹² Т. е. реализуются одновременно два противопоставления — тона и длины; именно так — как двусистемную — описывает сербскую акцентуацию Д. Трэджер (G. L. T r a g e r. Serbocroatian accents and quantities. «Language», 1940, vol. 16, N 1).

¹³ Это означает, что сербский язык отмечает только ударные, внутри них реализуются различия по тону, однако эти различия существуют и в кратких, и в долгих, т. е. это ни *solution grècque*, ни *solution chinoise* (см. об этом: R. J a k o b s o n. Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie. — TCLP, IV, 1931). Указанные особенности дали полные основания П. Гарду считать сербский язык уникальным в этом смысле (P. G a r d e. Fonctions des oppositions tonales dans les langues slaves du sud. — BSLP, t. 61, fasc. 1).

¹⁴ Это так называемая «классическая» точка зрения; ее эволюцию см. в работе: К-Н. P o l l o k. Zur Geschichte der Erforschung des serbokroatischen Akzentsystems. «Die Welt der Slaven», Jg. 11, Hf. 3, 1957.

Акцентные возможности слова в сербском языке

Вид слова	Слоги — от начала			
	1	2	3	4
Четырехсложное слово	восх.	восх.	восх.	∅
Трехсложное слово	или	восх.	∅	
Двусложное слово	нисх.	∅		
Односложное слово	нисх.			

словах, т. е. они двусложны ¹⁵; 3) нисходящие акценты односложны (в ударных слогах), восходящие двусложны ¹⁶.

II. Второй круг вопросов связан с отношением мелодики и интенсивности при реализации акцентов: 1) считалось, что нисходящие акценты выражаются интенсивностью, а восходящие — тоном. Таким образом, \curvearrowright и \curvearrowleft — экспираторные акценты ¹⁷. Тогда подлинные акценты — это восходящие, а нисходящие есть показатели отсутствия тона (Tonlösigkeit), это — пограничные сигналы ¹⁸; 2) по противоположной точке зрения — только нисходящие акценты и существуют, а восходящие — это предударные слоги слов с нисходящим акцентом, ставшие ударными благодаря новоштокавскому сдвигу. Движение тона осталось тем же ¹⁹ (в истории языка нисходящие акценты первичны, примарны, восходящие вторичны, секундарны); 3) специфику нисходящих акцентов видели и в том, что долгий нисходящий акцент отличается не только экспираторностью, но и двувершинностью (\curvearrowright — динамическая линия этого акцента), в особенности в словах с контракцией (Cб → Соо — 'соль') ²⁰.

¹⁵ L. Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorvatischen Accents. «Mémoires de l'Académie impériale», VII série, t. XXI, 5. SPb., 1876.

¹⁶ P. Ivić. Srpskohrvatski akcenti i istina, «Delo», g. XII, 1967, hr. 2.

¹⁷ W. Appel. Gestaltstudien A. Untersuchungen über den Akzent in der serbokroatischen Sprache. «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1950, Bd. 1.

¹⁸ Эта точка зрения излагается Н. С. Трубецким (Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960). Также см.: A. V. Isačenko. Zur phonologischen Deutung der Akzentverschiebung in slavischen Sprachen. — TCLP, VIII, 1939.

¹⁹ В конечном итоге эта теория, как мы постараемся показать далее, также восходит к Л. Мазингу. См.: P. Gardé. Указ. соч.

²⁰ Впервые это высказал на основе собственных экспериментальных данных Р. Готье (R. Gauthiot. Étude sur les intonations serbes. «Mémoires de la société de linguistique de Paris». Paris, 1900).

III. Существенны концептуальные различия и по отношению к роли фразовой мелодики. При этом высказаны четыре несовпадающие теории:

1) в литературном языке мелодика фразы не влияет на слово, так как «линия фразы и линия слова совпадают». Противоречия их есть лишь в диалектах ²¹; 2) фразовая интонация реализуется лишь в конечной части слова; начальная не меняется (для сохранения лексического единства) ²²; 3) фразовая мелодика очень сильно подчиняет себе словесный акцент, вплоть до полной его ассимиляции ²³; 4) фразовая мелодика подчиняет словесную, но при этом акценты выступают в своих вариантах, не сливаясь друг с другом ²⁴.

IV. Есть и такая точка зрения, что в настоящее время различаются лишь долгие акценты, а краткие — (\ \и\) почти совпали ²⁵.

Более подробно все эти точки зрения будут рассматриваться в соответствующих разделах. Экспериментальные данные представлены по тем параметрам, которые были признаны специфическими для данного языка. — Это: 1) мелодика, 2) интенсивность, 3) соотношение мелодики и интенсивности, 4) длительность (ударных, безударных — долгих и кратких), изменение длительности в зависимости от позиции во фразе.

В нашей работе не будет рассматриваться вопрос о смысловой, функциональной стороне фразовой интонации. Это определяет и отказ от обсуждения данных по ряду конкретных акустических параметров. Так, в частности, бессмысленно сообщать данные о различной величине пауз на границе между синтагмами, так как паузы показывают синтактико-смысловые отношения и от языка не зависят [в любом языке отношения следствие/результат будут переданы большей паузой, чем у синтагм, связанных отношениями дополнительности («что»), определительности («который» и т. п.)]. Точно такую же функцию, передавая распределение важного/неважного во всем предложении, несет темп речи ²⁶. Впрочем, возможно, что сербы говорят медленнее, чем русские или поляки, но для того, чтобы говорить об этом с достоверностью, необходим очень большой материал (не менее сотни дикторов разного пола и возраста).

²¹ A. B e l i ć. L'accent de la phrase et l'accent du mot. — TCLP, IV, 1931, стр. 184.

²² P. I v i ć. Die Hierarchie der prosodischen Phänomene in serbokroatischen Sprachraum. «Phonetica», vol. 3, 1959, № 1.

²³ B. M i l e t i ć. O srbo-chrvatských intonacích v nařeči stokavském. Praha, 1926; J. C h l u m s k ý. La mélodie des voyelles accentuées en tchéque avec une mention d'état en serbe et en allemand. «Slavia», 1925—1926 г. IV, стр. 16.

²⁴ I. M a h n k e n. Указ. соч.

²⁵ I. L e h i s t e. Some acoustic correlates of accent in Serbocroatian. «Michigan slavic materials», 1963, № 4.

²⁶ Определение этих указателей см.: Т. М. Н и к о л а е в а. О соотношении сегментных указателей текста и суперсегментных языковых средств. — ВЯ, 1968, № 6.

Всего было прочитано 60 предложений, каждое из которых читалось тремя дикторами-сербами. Все три диктора отчетливо ощущали себя носителями литературного (новоштокавского) произношения. Два из них — преподаватели сербской фонетики, третий — профессор филологии в Белградском университете. С целью дополнительного контроля было произведено прослушивание «друг друга»; задача этого прослушивания — ликвидировать примеры с неудачным (по разным причинам) чтением. Отобранные таким образом всеми примеры были сняты на осциллографическую пленку, которая и явилась основным объектом анализа²⁷.

Примеры были переведены на сербский язык самими информантами. Каждый пример представлял собой сложное предложение, состоящее из двух частей — главного и придаточного предложений²⁸. Например: *Он је отпутовао због тога што обвењема посла; Ја читам, а он пише; Да би кћи могла да иде у школу, ми смо се населили у граду; Њему се учинило као да нас завија; Она је прећутала, и то је био прекор; Вредело је да уђе, сви су се умирили; Прође мало времена, и сан га савлада; Он је отпутовао да добије посао; Мада је већ мрак, ја ипак одлазим; Снажно су га ударили кад је ушао.* Именно такие двуэлементные сложные предложения были выбраны в соответствии с определением и пониманием интонымы, которая, по нашему представлению, реализуется именно как синтаксическая единица, т. е. при передаче смысловых отношений между сегментными звуковыми группами — синтагмами. В сложных предложениях такого типа членение на синтагмы обычно бывает уже задано. Преобразования, произведенные над предложениями с чисто синтаксическими целями (перестановка элементов, например: *Мада је већ мрак, ја ипак одлазим* → *Ја ипак одлазим, мада је већ мрак*; опущение союза — *Ја читам, а он пише* → *Ја читам, он пише*), оказались в данном случае удачными для анализа внешне фонетической стороны, а именно благодаря таким перестановкам — трансформациям, мы имели возможность наблюдать одно и то же слово в разных мелодических ситуациях, но при сохранении того же лексического окружения. Например, слово *м р а к* или *г р а д у* появлялось в абсолютном конце фразы, в неконечной синтагме при восходящей мелодике, в неконечной синтагме при нисходящей мелодике; слово *о н* появлялось то в абсолютном начале, то «под прикрытием» союза и т. д.²⁹

²⁷ Технические вопросы обработки осциллограммы см.: Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения в славянских языках. М., 1969.

²⁸ Или двух частей сложносочиненного предложения.

²⁹ Сходная методика применялась Б. Милетичем (см.: В. Милетич. Указ. соч.).

Мелодика

В настоящей работе, как указывалось выше, рассматривались только связные тексты — предложения. Несомненным методическим просчетом явилось то, что не рассматривались отдельно все анализируемые слова, произнесенные вне контекста. Этот дефект эксперимента был обусловлен первоначальным синтактико-грамматическим подходом к интонации, при котором (в соответствии с установкой) анализ отдельных слов был излишним.

Для описания мелодики вся фраза (синтагма) разделялась на две части: часть фразы (или синтагмы), передающая фразовое или синтагматическое ударение, и часть мелодики до фразового перелома, на каденцию и участок до нее³⁰. Внутри каденции (см. выше) различаются: предударная часть — ударный слог-носитель ударения и заударные слоги. В части предкаденционной различаются начало и середина синтагмы. Различаются также конечная и неконечная синтагмы.

В соответствии с различными подходами, о которых говорилось выше, тип мелодического движения в слогах-носителях сербских акцентов рассматривается в двух планах: 1) движение в самом этом слоге; 2) высотное положение данного слога по отношению к окружающим слогам.

Остановимся на первом пункте.

Выделялось четыре типа движения мелодики в слоге: 1) восходящее, 2) нисходящее, 3) ровное (обозначалось —) и 4) сложное. Сложное движение — это движение многопереломное, которое нельзя назвать ни восходящим, ни нисходящим. Пример сложного движения см. на рис. 1 (долговосходящий акцент в слове *олуја* в фразе *почела је олуја* в произношении дикторов РВ и ВВ).

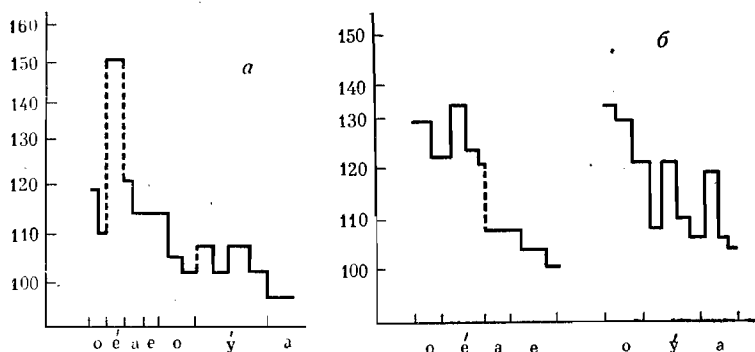

Рис. 1. Сложное движение в слоге с акцентом / слова *олуја* из синтагмы *Почела је олуја* при нисходящей мелодике

a — диктор ВВ; *б* — Диктор РВ

³⁰ Слово «каденция» употребляется далее в обобщенном значении, включая и полукаденцию.

Для четырех типов движения фиксировались следующие возможности/ответы: 1) является ли данный слог носителем фразового ударения — нет (+/-); 2) где он находится — в конечной синтагме или неконечной (К/Н); 3) является ли фразовая мелодика в данном месте восходящей или нисходящей (В или Н); 4) где расположен данный слог — в начале, середине или в конце синтагмы (Н, С, К); 5) каков диапазон движения тона в слогe — в *гц*.

Таким образом, как бы заполнялась некоторая анкета-вопросник, что давало возможность анализировать материал с раз-

Таблица 2

Позиционные изменения слова *Он* в синтагме. Акцент.

Слово	Конечная/ неконечная синтагма	Тип мелодики в синтагме	Фразовое ударение/ нет	Место в синтагме			Тип движения тона	Диапазон движения в <i>гц</i>
				Н	К	С		
он	К	В	—	—	—	+	восх.	50
он	К	Н	—	—	—	+	сложный	15
он	К	Н	—	+	—	—	сложный	15
он	К	Н	—	—	—	+	нисх.	8
он	Н	В	—	+	—	—	восх.	10
он	Н	В	—	+	—	—	восх.	35
он	К	Н	—	+	—	—	нисх.	25
он	К	В	—	+	—	—	нисх.	15
он	К	Н	—	—	+	—	сложный	7
он	К	В	—	+	—	—	нисх.	15
он	К	В	—	+	—	—	восх.	37
он	К	В	—	—	—	+	восх.	30

ных точек зрения. Благодаря указанным выше перестановкам частей предложения, одно и то же слово попадало в разные позиции внутри фразы, что давало возможность проследить изменение акцента для одной и той же лексемы. Так, например, фиксировалось изменение слова *Он* (табл. 2, Диктор РВ).

Как видно из приведенного фрагмента со словом *Он*, движение тона в пределах одного и того же слова с одним и тем же акцентом бывает (внутри фразы) крайне разнообразным. Покажем в табличной форме все полученные данные по движению тона в пределах ударного слога (табл. 3—14).

Таблицы показывают общее число примеров с каждым типом акцента, из них — число случаев с восходящим, нисходящим, нулевым и сложным типом движения тона. Эти же данные приводятся отдельно для ударных слогов-носителей фразового ударения. Эти же данные подсчитываются при различении типа фразовой мелодики — восходящей и нисходящей (тоже по отдельности для слов в потоке речи и слов под фразовым ударением). Такой тройной подсчет помогает выделить роль фразового ударения, роль фразовой мелодики и общую тенденцию в целом.

Табл. 5 и 6 показывают движение тона при восходящей и нисходящей мелодиках (в этих — и аналогичных таблицах — верхняя строка при каждом акценте показывает число случаев при восходящей мелодике, нижняя — при нисходящей).

Очевидно, что данные первых двух таблиц, взятых для каждого диктора (а каждый диктор представлен в четырех таблицах) суммируются из данных двух последующих таблиц, где движение тона рассматривается в соответствии с мелодикой фразы.

Т а б л и ц а 3

Средние показатели движения тона в слогах под ударением. Диктор ВВ

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нулевой	сложный
⤴	53	21	24	1	7
∥	79	24	44	9	2
/	49	17	19	2	11
∖	53	21	26	4	2

Т а б л и ц а 4

Движение тона в словах под фразовым ударением. Диктор ВВ

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нулевой	сложный
⤴	14	4	10	—	—
∥	22	3	15	3	1
/	34	5	18	1	10
∖	30	8	19	2	1

Таблица 5

Показатели движения тона
в слогах при восходящей
и нисходящей мелодике в потоке речи
(не под фразовым ударением).
Диктор ВВ

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нуле- вой	слож- ный
C	29	17	7	—	5
	10	—	7	1	2
=	35	21	10	3	1
	22	—	19	3	—
/	14	12	—	1	1
	1	—	1	—	—
\	12	6	4	1	1
	11	3	7	1	—

Таблица 7

Средние показатели движения тона
в слогах под ударением. Диктор АП

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нуле- вой	слож- ный
C	58	13	23	—	22
=	86	19	52	2	13
/	55	20	11	1	23
\	56	22	20	—	14

Таблица 6

Движение тона в словах под
фразовым ударением при восходящей
и нисходящей мелодике.
Диктор ВВ

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нуле- вой	слож- ный
C	4	4	—	—	—
	10	—	10	—	—
=	6	3	2	1	—
	16	—	13	2	1
/	6	5	—	—	1
	28	—	18	1	9
\	10	8	—	1	1
	20	—	19	1	—

Таблица 8

Движение тона в словах под
фразовым ударением. Диктор АП

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нуле- вой	слож- ный
C	15	2	10	—	3
=	25	5	16	1	3
/	38	12	9	—	17
\	29	11	12	—	6

Таблица 9

Средние показатели движения тона
в слогах при восходящей
и нисходящей мелодике в потоке речи.
Диктор АП

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нуле- вой	слож- ный
◡	23	9	4	—	10
	20	2	9	—	9
∥	16	8	5	—	3
	45	6	31	1	7
/	14	8	1	—	5
	3	—	1	1	1
\	13	4	3	—	6
	14	7	5	—	2

Таблица 11

Средние показатели движения тона
в слогах под ударением. Диктор РВ

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нуле- вой	слож- ный
◡	58	20	24	2	12
∥	83	36	39	2	6
/	48	21	19	—	8
\	51	23	22	2	4

Таблица 10

Движение тона в словах под
фразовым ударением при восходящей
и нисходящей мелодике.
Диктор АП

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нуле- вой	слож- ный
◡	2	2	—	—	—
	13	—	10	—	3
∥	9	5	2	1	1
	16	—	14	—	2
/	13	8	—	—	5
	25	—	9	—	12
\	14	10	2	—	2
	15	1	10	—	4

Таблица 12

Движение тона в словах под
фразовым ударением. Диктор РВ

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нуле- вой	слож- ный
◡	14	4	8	2	—
∥	26	9	14	1	2
/	34	12	15	—	7
\	28	13	12	2	1

Таблица 13

Показатели движения тона
в слогах при восходящей
и нисходящей мелодике в потоке
речи. Диктор РВ

Акцент	Общее число слу- чаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нуле- вой	слож- ный
C	18	11	5	—	2
	26	5	11	—	10
=	14	9	3	—	2
	43	18 [*]	22	1	2
/	11	9	1	—	1
	3	—	3	—	—
\	13	8	4	—	1
	10	2	6	—	2

Таблица 14

Движение тона в словах под
фразовым ударением при восходящей
и нисходящей мелодике.
Диктор РВ

Акцент	Общее число слу- чаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нуле- вой	слож- ный
C	4	4	—	—	—
	10	—	8	2	—
=	10	8	—	—	2
	16	1	14	1	—
/	14	10	2	—	2
	20	2	13	—	5
\	18	10	5	2	1
	10	3	7	—	—

Рассмотрим обобщенные данные для всех трех дикторов (табл. 15 и 16).

Из приведенных таблиц можно сделать следующие выводы: движение фразовой мелодики подчиняет себе словесную мелодику.

Однако это подчинение не абсолютно. Приблизительно треть случаев сохраняет мелодику, противоположную фразовой. При этом обращает на себя внимание тот факт, что и в тех случаях, когда мелодика «соответствует» акценту (например, мелодика нисходящая и акцент тоже нисходящий), находятся случаи противоречия мелодики и акцента³¹.

³¹ Таким образом, неоспорно утверждение, что нисходящие акценты полностью соответствуют фразовой мелодике повествовательного предложения (W. A r r e l. Указ. соч., стр. 63).

Таблица 15

Обобщенные данные для всех дикторов по движению тона в потоке речи при восходящей и нисходящей мелодике

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нулевой	сложный
◌	70	37	16	—	17
	56	7	27	1	21
//	65	38	18	3	6
	110	24	72	5	9
/	39	29	2	1	7
	7	—	5	1	1
\	38	18	11	1	8
	35	12	18	1	4

Таблица 16

Обобщенные данные для всех дикторов по движению тона в словах под фразовым ударением при восходящей и нисходящей мелодике

Акцент	Общее число случаев	Тип движения тона в слогах			
		восх.	нисх.	нулевой	сложный
◌	10	10	—	—	—
	33	—	28	2	3
//	25	16	4	2	3
	48	1	41	3	3
/	33	22	2	—	9
	73	6	40	1	26
\	42	28	7	3	4
	45	4	36	1	4

На рис. 2 показана полная ассимиляция акцентов ◌ и // в одной фразе — *Мада је већ мрак, ја ипак одлазим*; 2) кроме того, очевидно по данным слов в потоке речи, что утверждение о том, что все // в потоке речи имеют тенденцию быть равнотонными³², не всегда точно, хотя число случаев в графе «нулевое движение» у них самое большое.

Существенным критерием оказался абсолютный подсчет движения тона в *гц*, так, ◌ и // при восходящей мелодике изменялись меньше, чем / и \, и наоборот. Особенно ярко эта значимость абсолютного высотного интервала проявилась при понижающейся фразовой мелодике, наложенной на долгий восходящий акцент (/). Рис. 3 показывает незначительность движения в ударном слоге слова *граду*.

³² R. Gauthiot. Указ. соч., стр. 337.

Таким образом, фразовая мелодика оказывается сильным фактором. Напомним, что некоторым образом словесные акценты оказываются в неравном положении, так как нисходящие акценты не могут быть не на первом слоге, а восходящие не могут быть на последнем³³. Й. Хлумский был одним из лингвистов, ранее других осознавших роль фразовой интонации. Так, он повторил опыт Р. Экблома, меняя «настроение» и силу высказывания,

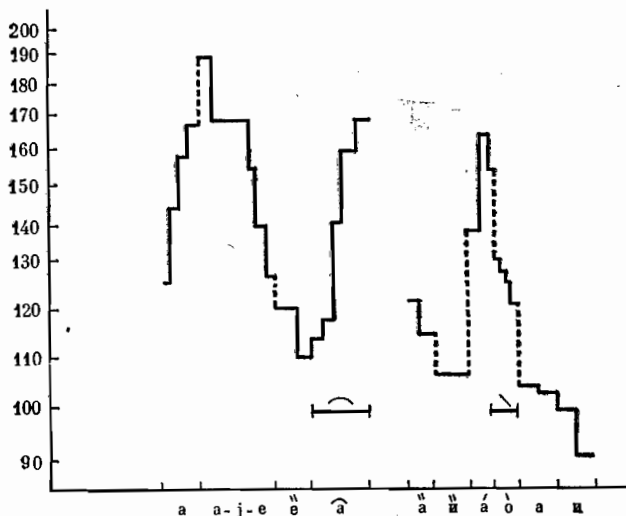

Рис. 2. Ассимиляция (○) в слове *мрак* при восходящей мелодике и ассимиляция \ в слове *одлазим* при нисходящей мелодике во фразе *Мада је већ мрак, ја ипак одлазим* (Диктор ВВ)

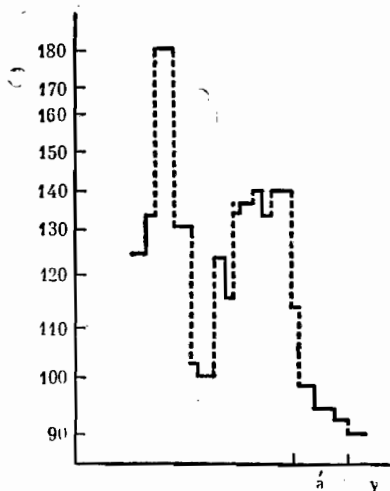

Рис. 3. Незначительное движение тона в слоге с / слова *граду* (Диктор ВВ)

³³ См. об этом: К.-Н. P o l l o k. Der neustokavische Akzent und die Struktur der Melodiegestalt der Rede. Göttingen, 1964, стр. 41.

и показал легкость преобразования словесного акцента в «древний вид»³⁴ в соответствии с обшемелодической установкой. Именно незнание того факта, что под логическим ударением всякое слово приобретает подчеркнутый (повышенный) характер, заставило Р. Экблома сделать слишком категорический вывод о том, что краткий нисходящий акцент при подчеркивании, становится восходящим, воспроизводя, таким образом, прежнее ударение — старый акут³⁵.

Некоторая наивность свойственна при решении вопроса об эмфазе в сербском языке и О. Броку³⁶. Отвлекаясь от литературного языка, приведем крайне интересное замечание М. Павловича о том, что в говорах с ослабленным ощущением словесного акцента именно фразовой интонации и порядку слов принадлежит роль ведущего фактора в выборе акцента³⁷.

Выше рассматривались две обобщенные таблицы (15 и 16) слова в потоке речи и слова под фразовым ударением. Совершенно очевидно, судя по данным этих таблиц, что фразовая мелодика не распространяется диффузно по всей фразе или синтагме, а локализуется — если отвлечься от эмфазы — в зоне последнего ударного слога, являющейся переломным местом, где и происходит мощное воздействие на акцент слова³⁸.

Факт этот — роль последнего ударного слова в функционировании фразового ударения — описан многократно и для многих языков³⁹.

Однако для фразовой каденции существенно также движение тона в предупредных и особенно заударных слогах. Эта важность движения заударной части неодинакова для разных языков, что определяется длительностью ударного слога, который «успевает» или не успевает выполнить мелодическую фигуру. Для сербского языка, очевидно, движение заударных слогов более

³⁴ J. Chlumský. Указ. соч.; R. Ekblom. Zur cechischen und Serbischen Akzentuation. «Slavia», 1924—1925, г. III.

³⁵ R. Ekblom. Указ. соч.

³⁶ О. Брок пишет о связи эмфазы и типа словесного акцента. При / эмфаза выражается удлинением, при \ — экспирацией; при «экспираторных» нисходящих — редупликацией — *vřlo—vřl* (О. Брок. Указ. соч., стр. 195).

³⁷ Так, в говоре возможно (Janjevo): *golěma je sōba* и *sōba je golěma*; *doněja slāmu* и *slāmu je doněja* (М. Павлович. Intonation des Satzes und Wortakzent. «Die Welt der Slaven», 1966, Jg. XI, Hf. 4.

³⁸ См. об этом еще: Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 248.

³⁹ M. Schubiger. Notes on the intonation of coordinate sentence and syntactic groups. «English studies», 1953, vol. XXXIV, № 6; L. Hultzen. Grammatical intonation. «Daniel Jones papers contributed on the occasion of his 80-th birthday». London, 1964. A. V. Isačenkо — Н.-J. Schädlich. Untersuchungen über deutsche Satzintonation. Berlin, 1964; Л. В. Златоустова. О фонологических функциях фразовых акцентов. «Тезисы конференции по структурной лингвистике, посвященной базисным проблемам фонологии». М., 1963; М. В. Гордина, И. С. Быстров. Признаки синтаксического членения во вьетнамском языке. «Уч. зап. ЛГУ», 1961, вып. 15, № 305.

существенно, чем для русского, что и дало, как видно, П. Ивичу основания для утверждения о существенности именно конца слова для реализации фразовой мелодики⁴⁰. Итак, в рамках отдельного слога фразовая мелодика оказывает влияние на тип словесного акцента. По нашим данным, не наблюдалось совпадения кратких акцентов. Однако, как это ни парадоксально, наибольшее влияние оказывалось на длинные акценты, как представляется, по причинам, о которых будет сказано ниже.

Сопоставим полученные нами и другими авторами данные. Наиболее детально этот вопрос разработан Б. Милетичем и К. Х. Поллоком⁴¹.

Данные Милетича нами оформлены (у него они представлены как мелодические кривые) в виде таблицы (табл. 17).

Таблица 17

Данные Б. Милетича

Акцент	Общее число	Тип движения тона			
		восх.	нисх.	нулевой	сложный
C	5	—	—	—	5
	4	—	2	—	2
=	4	—	2	—	2
	7	—	2	—	5
/	2	2	—	—	—
	2	2	—	—	—
\	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—

Несмотря на тезис Б. Милетича о сильном влиянии мелодики фразы, данные его как будто бы свидетельствуют о сохранении

⁴⁰ P. Ivić. Die Hierarchie der prosodischen Phänomene in...

⁴¹ B. Miletić. Uticaj rečenicke melodije na intonaciju reči. «Zbornik u čast A. Belića». Beograd, 1937; K.-H. Pollok. Der neustokavische Akzent...

словесного акцента. Однако мелодические кривые, приводимые Б. Милетичем, обнаруживают резкое различие в абсолютном движении тона (скажем/для *реке*, под восх. интонацией и \ — под нисходящей).

Соотношению акцента и фразовой мелодики посвящает значительный по объему раздел своей монографии и К. Х. Поллок. Однако приводимые им данные по существу несопоставимы с «традиционными», так как автор принадлежит к «Геттингенской школе» изучения интонации⁴². Согласно основной концепции этой школы, предложение представляет собой сложную иерархическую совокупность дуг-парабол, принадлежность к одной параболе определяется синтактико-смысловыми отношениями, причем элементы одной параболы могут разделяться другими словами — нечто вроде т. н. «прерывных морфем». (Разумеется, это изложение крайне упрощенно). Более непосредственные отсылки есть в других разделах его книги, где указывается общее число случаев восходящей — нисходящей мелодики для каждого акцента. К. Х. Поллок выделяет две сильные позиции — начало и конец предложения. Восходящие акценты и долгий нисходящий подчиняются фразовой интонации, краткий нисходящий занимает совершенно особую позицию (об этом будет сказано ниже).

Все сказанное выше относилось к движению тона в пределах одного ударного слога. Однако относительно сербского языка и реализации его словесных акцентов существен анализ оригинального (по отношению к другим языкам) мнения о двусложности (а не односложности!) сербских словесных акцентов. Теория эта обычно связывается с именем Л. Мазинга⁴³. (Эта огорка обусловлена некоторыми критическими замечаниями по поводу приоритета в теории двусложности, появившимися вскоре после публикации диссертации Л. Мазинга⁴⁴).

Л. Мазинг выделяет два основных типа акцентных форм: 1) двусложный (Zweisyblbenaccent); 2) односложный (Einsyblbenaccent).

Односложный (падающий) может быть на любом слоге (Мазинг обозначал его как долгонисходящий и долгий слог, следующий за ударным восходящим, т. е. как носитель примарного нисходящего акцента). Двусложный не может быть на последнем слоге. В односложных акцентах происходит падение тона с высокой

⁴² См. работы этого направления: I. M a h n k e n. Die Struktur der Zeitgestalt des Redegebildes. Göttingen, 1962; I. M a h n k e n. Formenelemente des Sprechrhythmus. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1953, Bd. 7, Hf. 5—6; M. B r a u n. Beobachtungen zur russischen Sprachmelodie. «Festgabe für P. Diels. Münchener Beiträge zur Slavikunde». München, 1953.

⁴³ L. M a s i n g. Указ. соч., стр. 58.

⁴⁴ T. M a r e t i ć. O njekim pojavima kvantiteta i akcenta u jeziku hrvatskom ili srpskom. «Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti». Zagreb, 1883, kn. LXVII. Т. Маретич приписывает открытие двусложности акцентов Дж. Даничичу.

точки (а в долгих слогах — иногда и подъем на эту точку) в пределах одного слога, в двусложных — в ударном слоге подъем, а понижение на втором слоге.

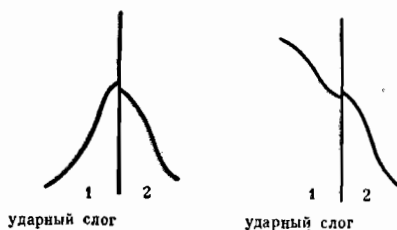
При этом возможны разные комбинации долготы и краткости в ударных и заударных слогах. Л. Мазинг приравнивает краткий слог к одной мере, долгий — к двум мерам.

Однако по мере чтения книги становится ясным, что Мазинг имел в виду не столько двусложность, сколько двуэлементность мелодических фигур (повышение — понижение), которые могут по-разному осуществляться в слове.

Второй слог двусложного акцента, по Мазингу, повторяет фигуру односложного, нисходящего акцента, но только в ослабленном в мелодическом и силовом отношении виде. Таким образом, нисходящий акцент первичен, а восходящий представлен подступом к нисходящему плюс нисходящий. Завершающая таблица Л. Мазинга показывает движение этой фигуры по слову в зависимости от места нисходящего акцента (т. е. отождествляет нисходящий акцент и заударную долготу).

Более поздние исследования во многом подтвердили тезис о двусложности восходящих акцентов.

Л. Мазинг различал две мелодические фигуры:

Однако если ввести понятие нулевого слога, то можно говорить об одной фигуре — первой. Во второй восходящая часть приходится на нулевой предударный слог (речь идет о современных нисходящих акцентах, располагающихся на первом слоге). В потоке речи слова сливаются, и этот нулевой слог перед нисходящим акцентом реализуется. Поэтому для правильного различения акцентов важно знать позицию данного ударного слога по отношению к окружающим его слогам. Этот критерий дает новую группировку акцентных слогов. Так, слоги с разным внутренним движением тона могут иметь одно и то же высотное распределение. Например:

Таблица 18

Вид мелодических фигур для слов в потоке речи при восходящей и нисходящей мелодике. Диктор ВВ

Акцент	Общее число случаев	Вид мелодической фигуры			
		ВНВ	НВН	ВНН	НВВ
◡	29	8	11	—	10
	10	2	—	8	—
//	35	16	12	1	6
	22	2	4	16	—
/	7	—	1	—	6
	8	—	7	1	—
\	12	7	2	—	3
	10	—	6	4	—

Таблица 19

Вид мелодических фигур для слов под фразовым ударением при восходящей и нисходящей мелодике. Диктор ВВ

Акцент	Общее число случаев	Вид мелодической фигуры			
		ВНВ	НВН	ВНН	НВВ
◡	4	—	3	—	1
	10	—	1	9	—
//	6	3	2	—	1
	16	—	6	9	1
/	6	—	5	—	1
	28	15	6	7	—
\	10	1	4	—	5
	20	14	3	3	—

Были составлены для трех дикторов таблицы числового распределения мелодических фигур для слогов с разным типом акцента (табл. 18—23). При этом в связи с общей задачей учитывалась роль фразовой мелодики. Таблицы составлялись для слов в потоке речи и (отдельно) для слов под фразовым ударением.

Всего выделялось четыре типа распределения трех слогов — предупредного, ударного, заударного. Эти типы обозначались посредством сокращений В, т. е. «выше», и Н — «ниже» (по отношению к ударному слогу). Ударный слог обозначался через отношение к предшествующему слогу. Это — ВНВ, НВН, НВВ, ВНН.

При этом необходимо отметить, что эти мелодические фигуры могут располагаться как на общем восходящем, так и общем нисходящем движении тона. Например, НВН может выглядеть как

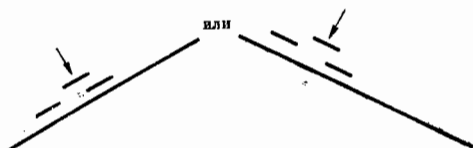

Таблица 20

Вид мелодических фигур для слов
в потоке речи при восходящей
и нисходящей мелодике. Диктор АП

Акцент	Общее число слу- чаев	Вид мелодической фигуры			
		ВНВ	НВН	ВНН	НВВ
C	23	5	5	—	13
	20	2	3	15	—
=	16	3	4	—	9
	45	2	3	40	—
/	14	3	1	—	10
	3	1	2	—	—
\	13	5	—	—	8
	14	6	5	3	—

Таблица 22

Вид мелодических фигур для слов
в потоке речи при восходящей
и нисходящей мелодике. Диктор РВ

Акцент	Общее число слу- чаев	Вид мелодической фигуры			
		ВНВ	НВН	ВНН	НВВ
C	18	—	13	—	5
	26	1	4	21	—
=	14	—	10	—	4
	43	2	11	30	—
/	11	1	1	—	9
	3	1	2	—	—
\	13	—	1	1	11
	10	4	3	3	—

Таблица 21

Вид мелодических фигур для слов под
фразовым ударением при восходящей
и нисходящей мелодике. Диктор АП

Акцент	Общее число слу- чаев	Вид мелодической фигуры			
		ВНВ	НВН	ВНН	НВВ
C	2	—	1	—	1
	13	3	4	6	—
=	9	1	3	—	5
	16	1	9	6	—
/	13	—	7	—	6
	25	11	9	5	—
\	14	2	—	—	12
	15	5	5	5	—

Таблица 23

Вид мелодических фигур для слов
под фразовым ударением при
восходящей и нисходящей мелодике.
Диктор РВ

Акцент	Общее число слу- чаев	Вид мелодической фигуры			
		ВНВ	НВН	ВНН	НВВ
C	3	—	1	—	2
	9	1	3	5	—
=	10	—	7	—	3
	16	—	5	—	11
/	14	1	4	—	9
	20	12	3	5	—
\	18	2	4	—	12
	10	2	3	4	1

Как и для предыдущего подсчета, суммируем результаты всех трех дикторов, различая слова в потоке речи и слова под фразовым ударением (табл. 24—25).

Таблица 24

Обобщенные данные по виду мелодических фигур для слов в потоке речи при восходящей и нисходящей мелодике

Акцент	Общее число случаев	Вид мелодической фигуры			
		ВНВ	НВН	ВНН	НВВ
○	70	13	29	—	28
	56	5	7	44	—
∥	65	19	26	1	19
	110	6	18	86	—
/	32	4	3	—	25
	14	2	11	1	—
\	38	12	2	—	22
	34	10	14	10	—

Таблица 25

Обобщенные данные по виду мелодических фигур для слов под фразовым ударением при восходящей и нисходящей мелодике

Акцент	Общее число случаев	Вид мелодической фигуры			
		ВНВ	НВН	ВНН	НВВ
○	9	—	5	—	4
	32	4	8	20	—
∥	25	4	12	—	9
	48	1	20	26	1
/	33	1	16	—	16
	73	38	18	17	—
\	42	5	8	—	29
	45	21	11	12	—

Итак, какие типы характерны для каждого акцента? Перечисляем по степени убывания.

- I. ○ в потоке речи, восх. мелодика — НВН, НВВ, ВНВ;
 фразовое ударение, » » — НВН, НВВ;
 в потоке речи, нисх. мелодика — ВНН, НВН, ВНВ;
 фразовое ударение, » » — ВНН, НВН, ВНВ;
- II. ∥ в потоке речи, восх. мелодика — НВН, НВВ, ВНВ;
 под фразовым ударением, » » — НВН, НВВ, ВНВ;
 в потоке речи, нисх. мелодика — ВНН, НВН, ВНВ;
 под фразовым ударением, » » — ВНН, НВН, ВНВ;
- III. / в потоке речи, восх. мелодика — НВВ, ВНВ, НВН;
 под фразовым ударением, » » — НВВ, НВН, ВНВ;
 в потоке речи, нисх. мелодика — НВН, ВНВ;
 под фразовым ударением, » » — ВНВ, НВН, ВНВ;

IV. \	в потоке речи, под фразовым ударением,	восх. мелодика	— НВВ, ВНВ, НВН;
	в потоке речи, под фразовым ударением	» » нисх. мелодика	— НВВ, НВН, ВНВ; — НВН, ВНВ, ВВВ; — ВНВ, ВНН, НВН.

Из полученных факторов можно сделать следующие выводы: 1) для каждого ряда представлены только три мелодические фигуры. При восходящей мелодике не встречается фигура ВНН, при нисходящей — НВВ. Это не случайно, так как первая фигура представляет понижающийся тип движения, а вторая — повышающийся, т. е. очевидно их соответственное противоречие типу фразовой мелодики — восходящей и нисходящей; 2) полностью совпадают данные у \curvearrowright и \searrow , с одной стороны, и у \swarrow и \searrow — с другой; 3) данные слов в потоке речи совпадают с данными слов под фразовым ударением; 4) а — для обоих нисходящих акцентов наиболее характерны следующие фигуры: при восходящей фразовой мелодике — НВН, при нисходящей фразовой мелодике — ВНН, т. е. это означает, что слог, следующий за ударным, при обоих фразовых мелодиках располагается н и ж е у д а р н о г о; б — для обоих восходящих акцентов наиболее характерны следующие фигуры: при восходящей фразовой мелодике — НВВ, при нисходящей — ВНВ, т. е. это значит, что слог, следующий за ударным, при обоих фразовых мелодиках располагается в ы ш е у д а р н о г о.

Таким образом, гипотеза о двусложности акцентов как бы подтверждается; 5) для всех акцентов при обоих мелодиках представлена общая фигура НВН (т. е. это не что иное, как мелодическое выделение ударного слога); 6) сказанное выше относится лишь к наиболее характерному, количественно далеко не абсолютному явлению.

Как видно по табличным данным, распределение фигур более разнообразно и пестро.

Как выглядят эти фигуры, видно на рис. 4, где показаны в произношении разных дикторов (при нисходящей фразовой мелодике) фигуры НВН и ВНВ.

На приводимых рисунках, действительно, очень наглядно сходство мелодического рисунка у второго слога восходящего акцента и ударного слога при нисходящем акценте.

Особое место занимает акцент \searrow , который, обладая даже нулевым движением, обязательно (более, чем \curvearrowright) выдается из мелодического потока. Это дало основания К. Х. Поллоку называть его как бы «торчащим» (Stosston)⁴⁵. Этот тип движения сохраняется и при различии движения в самом слоге, которое может быть ровным, восходящим или нисходящим⁴⁶ (см. рис. 5, пока-

⁴⁵ В сербской традиции он называется «острым» (ostar).

⁴⁶ Т. е. существенна его реализация на фоне других слогов.

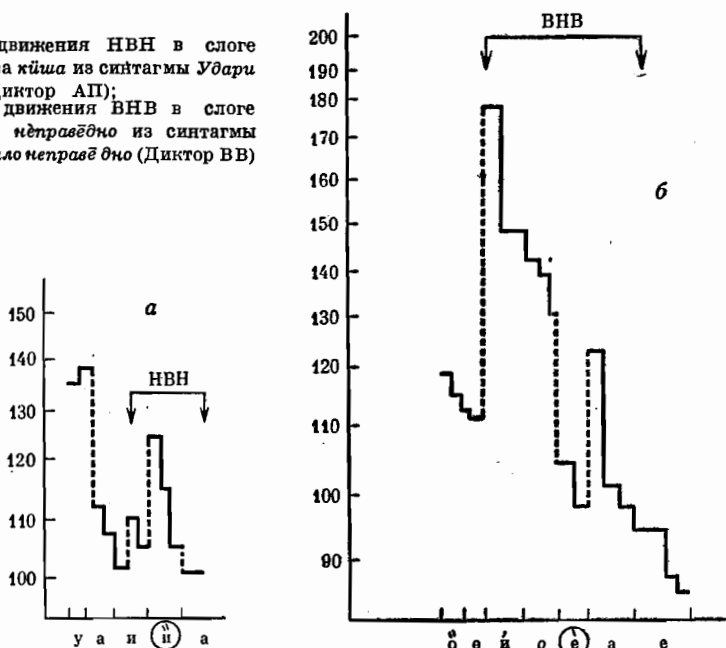
зываются характерный вид \\\ в потоке речи). При этом падение тона может происходить и на следующем слове, т. е. и эта фигура становится двусложной ⁴⁷.

Все сказанное об акценте \\\ относится и к долгому нисходящему акценту \smile , но вследствие временной протяженности его мелодическая фигура раскладывается на больший участок движения тона и тем самым больше подчиняется фразовой мелодике. Акцент \\\, осуществляющийся за краткий промежуток времени, кажется на графике более ярким (недаром его называли јаки 'яркий').

Для восходящих акцентов при нисходящей мелодике фразы приведенные выше табличные данные показывают почти равное число ВНВ (заударный слог выше) и НВН (заударный слог ниже). Это справедливо для такого описания, которое фиксирует движение тона лишь в непосредственно заударном слове. Однако как падение тона в словах с нисходящими акцентами может осуществляться не в ударном, а в следующем, заударном слове, так и восхождение тона в словах с восходящими акцентами может осуществляться не в непосредственно заударном, а во втором заударном слове ⁴⁸ (см. рис. 6), т. е. тип НВН превращается в НВНВ. Таким

Рис. 4.

а — тип движения НВН в слове с \\\ слова *кѣша* из синтагмы *Удари кѣша* (Диктор АП);
б — тип движения ВНВ в слове с \ слова *неправѣдно* из синтагмы *што је било неправѣдно* (Диктор ВВ)

⁴⁷ I. Lehiste — P. Ivić. Accent in Serbocroatian. «Michigan Slavic materials», 1963, N 4, стр. 131—132.

⁴⁸ Об этом же пишут I. Lehiste — P. Ivić. Указ. соч.

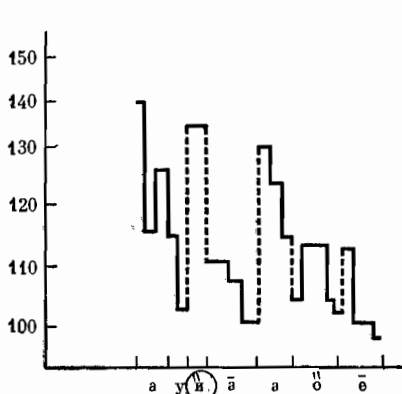

Рис. 5. Высокое положение слога с \ \ в потоке речи. Слово *пак* из синтагмы *Ja ћu upak da odem* (Диктор АП)

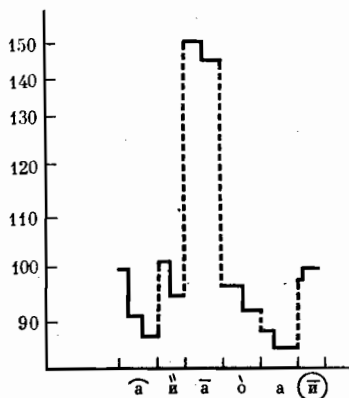
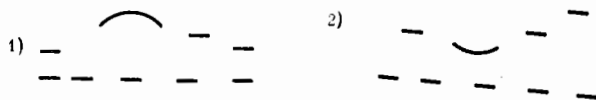

Рис. 6. Подъем тона во втором заударном слоге слова *одлазим* из синтагмы *Ja upak odlazim* при нисходящей мелодике (Диктор АП)

образом, речь идет, собственно говоря, о наличии в сербском языке некоторой сложной мелодической фигуры, реализующейся при ударном слоге. Для осуществления этой фигуры требуется определенное время. Разная длительность звуков и темп речи, возможно, и определяют разное послоговое распределение этой фигуры⁴⁹.

Последний вопрос, связанный с анализом мелодики, — вопрос о фразовых каденциях. О. Брок в своей книге мало уделяет внимания сербским каденциям в отличие от других славянских языков. Он выделяет (весьма схематично) два вида восходящей каденции — с абсолютно высоким и абсолютно низким положением ударного слога

и один тип нисходящей каденции — с низким положением ударного слога.

⁴⁹ Эта гипотеза связана более с временем как параметром, чем с распределением по слогам и числом слогов. Наличие такой фигуры связывается и с промежуточным состоянием, когда было как бы двусложное ударение (*ndgā, rǔkǎ*). См., например: N. van Wijk. Zur Geschichte der serbokroatischen Polytonie. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XVI, Hf. 3—4. Именно о времени говорится в указанной работе И. Лехисте — П. Ивича ($\curvearrowright = \cup + \cup$). Быть может, имеет смысл иногда рассматривать «ударную» мелодическую фигуру не как точно делящуюся на число слогов «без остатка».

Как уже говорилось, наиболее подробно вопрос о типах сербской фразовой мелодики разработала И. Манкен. Она выделяет следующие типы неконечной синтагмы⁵⁰: 1) ударный слог в е - д е т к в е р ш и н е. Заударные слоги остаются примерно на том же уровне. Тип реализуется при акцентах / и \; 2) ударный слог о б р а з у е т в е р ш и н у. Заударные слоги располагаются ниже. Тип реализуется при акцентах ∩ и \ \; 3) ударный слог показывает резкий подъем, но располагается м е ж д у п р е д - ударным и заударным; 4) ударный слог занимает с а м о е н и з - к о е положение, но подъем начинается с него.

И. Манкен отмечает также разные (два) типа нейтральной каденции.

Они различаются по виду акцента в слове. При ∩ и \ \ самое сильное падение тона происходит в ударном слоге, заударные располагаются на том же уровне. При / и \ заударные продолжают тип движения ударного.

Типы фразовых каденций в наших таблицах отражены в данных о распределении мелодических фигур в словах под фразовым ударением. По этим данным, наблюдается очень приблизительное соответствие гипотезе И. Манкен⁵¹, однако число отклонений крайне велико.

Говоря о типах фразовых каденций, необходимо упомянуть один своеобразный, именно сербский алломорф восходящей фразовой каденции, не наблюдавшийся в анализированных ранее славянских языках. Речь идет о следующем явлении. В современном русском языке все более преобладающим становится такой тип восходящей мелодики, когда релевантным является лишь движение тона в ударном слоге, а заударные слоги резко понижаются. В комбинации с качественной и количественной модификацией заударных слогов (т. н. «редукцией») это придает характерное звучание современной русской речи. Этот тип мелодического движения, видимо, новый. Так, Е. А. Брызгунова фиксирует, что этот тип характерен для речи молодого поколения и для разговорной речи в целом, а для речи старой интеллигенции он заменяется типом с промежуточным положением ударного слога⁵²; этот тип как наиболее нейтральный представлен во всех славянских языках. В работе «Интонация сложного предложения в славянских языках» тип с падающими заударными условно называется «русским». В настоящее время он представлен, судя по экспериментальным исследованиям, и в других славянских языках⁵³, хотя еще О. Брок его совсем не отмечает. Для сербского

⁵⁰ I. M a h n k e n. Studien zur serbokroatischen Satzmelodie, стр. 72—90.

⁵¹ Там же.

⁵² Е. А. Б р ы з г у н о в а. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963, стр. 195.

⁵³ W. J a s s e m. Указ. соч., стр. 24—69; M. R o m p o r t l. Melodie (tonový průběh) otázky zjistovací v hovorové střední češtině, «Listy filologické», 1951, г. 75, N 5—6.

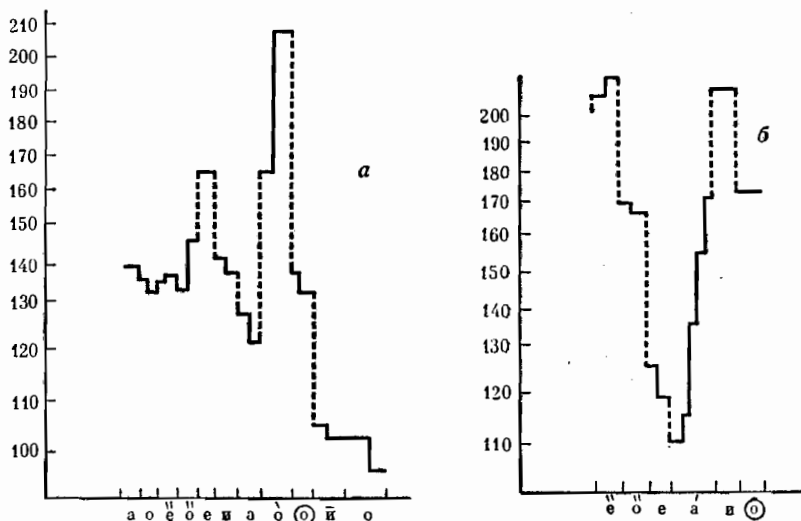

Рис. 7.

а — падение тона в синтагме *Кад смо већ почели да говоримо* в первом заударном слоге фразового ударения при восходящей мелодике (Диктор РВ);

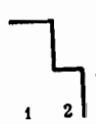
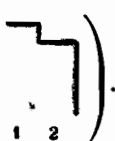
б — падение тона в синтагме *Тех што се смрачило* во втором заударном слоге фразового ударения при восходящей мелодике (Диктор ВВ)

языка И. Манкен связывает его с нисходящими словесными акцентами. В наших примерах такое чтение осуществлялось и в случаях с восходящими акцентами. Однако при этом и реализуется тот особый сербский тип восходящей каденции, когда понижение начинается не со следующего за ударным слога, а через слог и более. Это объясняется тем, что при восходящих словесных акцентах восходящее движение распространяется на следующий слог. Рис. 7 а показывает «русский тип» при восходящем акценте в чистом виде, рис. 7 б — сербскую модификацию этого типа. В целом этот тип движения тона (условно «русский») в наших сербских примерах был представлен очень широко⁵⁴. Для более точных данных необходимо, однако, учитывать, что слова, находящиеся под фразовым ударением, имеют разное число слогов. Проще говоря, если представлено односложное слово под нисходящим акцентом или двусложное под восходящим, то нельзя говорить о том, какой тип каденции представлен, так как диагностические «хвосты» как бы отрезаны.

⁵⁴ См. также данные: R. G. de Bruy. Some observations of the Serbo-Croatian musical accents in connected speech. «Study of sounds», 1961, IX; Он же. «The pitch of Serbo-Croatian word accents in statements and questions. «The Slavonic and East European review», vol. XXXVII, 1960, N 91.

Интенсивность

Различное отношение словесных акцентов к динамическому выделению также является одной из общеизвестных особенностей сербского языка. Основной тезис — в том, что нисходящие акценты экспираторны, восходящие — музыкальны⁵⁵. Конкретно это выражается в том, что интенсивность первого слога при нисходящих акцентах гораздо больше интенсивности второго слога; при восходящих акцентах гораздо меньше различаются интен-

сивности ударного и заударного слогов (при \curvearrowright и $\backslash\backslash$ — , при $/$ и \backslash —).

Наиболее эффектно этот тезис подтверждается в работе Дж. Костица, специально посвященной данной проблеме⁵⁶. Дж. Костиц рассматривал интенсивность слогов в двусложных словах, отличающихся только акцентом (*йгра — йгра, сндси — сндси, кдса — кдса* и т. д.). Сначала сопоставлялись данные по первому слогу, затем — по второму. В результате получились схемы, показанные выше.

Данный вопрос имеет две разные стороны. Первая — проблема относительно большего разрыва по интенсивности между первым и вторым слогом при нисходящих акцентах. Как представляется, это явление имеет отношение не к сербскому языку, а к физиологии просодических явлений⁵⁷. Так, доказано, что интенсивность сама по себе (точнее, предоставленная сама себе) имеет тенденцию понижаться к концу речевой единицы. Однако мелодика этих речевых единиц воздействует на интенсивность, подчиняя ее себе (более подробное углубление в эту тему приводит к сфере функционирования голосовых связок и повышению/понижению субглоттального давления). Мелодика, при восходящем движении тона, как бы «тащит» за собой динамическую структуру. Так, в частности, в работе «Интонация предложения в славянских языках» автор отчетливо обнаружил, что при нисхо-

⁵⁵ См., например: R. Ekblom. Beiträge zur Phonetik der serbischen Sprache. «Le monde orientale», 1917; G. L. Trager. Указ. соч.; W. Appel. Указ. соч.; B. Miletić. O srbo-chrvatskích intonacích. . .

⁵⁶ Дж. Костиц. О ячении нагласка двусложных речи под (\curvearrowright) и (\backslash) акцентом. «Јужнословенски филолог», XVIII, кн. 1—4, 1949—1950.

⁵⁷ См. об этом: D. L. Bolinger. Intonation as a universal. «Proceedings of the IX-th International congress of linguists». The Hague, 1964; Ph. Lieberman. Intonation, perception and language. Cambridge, Mass., 1967.

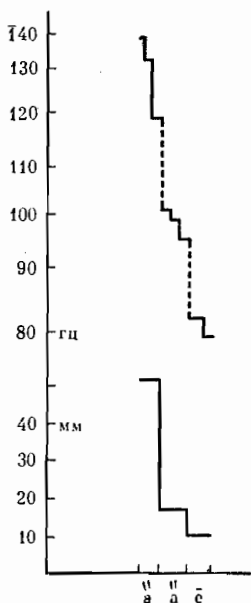
дядей мелодике движение интенсивности было резко нисходящим, при восходящей — слабо нисходящим⁵⁸. Некоторые неясные случаи несовпадения этих двух движений объясняются еще одним обстоятельством: гласные не равны по своим динамическим возможностям; одни могут сильно увеличивать интенсивность, устремляясь за мелодикой, другие — нет, т. е. они разногромки⁵⁹. Именно этот факт (разногромкость гласных) послужил основой для гипотезы Н. Водарца об экспираторном характере польского ударения⁶⁰ (то, что заударный гласный может иметь интенсивность больше ударного, часто объясняется именно этими внутренними возможностями гласных).

Таким образом, соотносительная величина интенсивности ударного и заударных слогов при разных словесных акцентах сербского языка есть производное от движения мелодики, явления первичного⁶¹.

Вторая проблема, связанная с экспираторностью акцентов, — вопрос об абсолютном различии п е р в ы х слогов при разных акцентах.

В нашей работе изолированные слова не рассматривались. Рис. 8 показывает, как сильно могут отличаться по интенсивности в реальной речи слова с одним и тем же акцентом (*pās lājē*). Поэтому и не рассматривались интенсивности всех слов в потоке речи. Вопрос об экспираторности словесных акцентов решался на базе фразового и синтагматического ударений, где гласный обычно бывает выделен. Таким образом, соединялись три типа данных: 1) тип акцента, 2) отмеченность/неотмеченность ударного слога синтагмы⁶², 3) тип мелодики синтагмы (см. табл. 26—28).

Рис. 8. Разная интенсивность во фразе у слов с одним и тем же акцентом (Диктор ВВ). *Pās lājē*. Верхняя линия показывает мелодику

⁵⁸ Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения. . .

⁵⁹ См. для русского языка: Н. И. Ж и н к и н. Восприятие ударения в словах русского языка. «Изв. АИИ РСФСР», 1954, вып. 54.

⁶⁰ H.-W. W o d a r z. Ist der polnische Akzent melodisch? «Phonetica», 1964, vol. 6, № 1—3.

⁶¹ Именно так и понимал различие акцентов П. И в и ч (P. Ivić. Srpskohrvatski akcenti. . .), а также ж.-Н. P o l l o k (Der neustokavische Akzent und die Struktur. . ., стр. 129); См. также: С. Т. H o d g e. Serbocroatian stress and pitch. «General linguistics», 1958, vol. III, N 2.

⁶² Т. е. его выделенность силовыми средствами.

Таблица 26

Акцентная отмеченность ударных слогов. Диктор ВВ

Мелодика	Число отмеченных случаев				Число неотмеченных случаев			
	∩	≡	/	\	∩	≡	/	\
Восходящая	2	6	6	5	2	—	—	5
Нисходящая	—	5	2	3	10	11	22	17

Таблица 27

Акцентная отмеченность ударных слогов. Диктор АП

Мелодика	Число отмеченных случаев				Число неотмеченных случаев			
	∩	≡	/	\	∩	≡	/	\
Восходящая	1	5	8	6	1	4	5	8
Нисходящая	6	9	8	6	7	7	17	9

Таблица 28

Акцентная отмеченность ударных слогов. Диктор РВ

Мелодика	Число отмеченных случаев				Число неотмеченных случаев			
	∩	≡	/	\	∩	≡	/	\
Восходящая	3	3	10	11	1	7	4	7
Нисходящая	3	6	7	1	7	10	13	9

Суммируем полученные результаты (табл. 29).

Таблица 29

Акцентная отмеченность ударных слогов. Обобщенные данные

Мелодика	Число отмеченных случаев				Число неотмеченных случаев			
	∩	≡	/	\	∩	≡	/	\
Восходящая	6	14	24	22	4	11	9	20
Нисходящая	9	20	17	10	24	28	52	35

I. Всего отмеченных акцентов:

для \cap и $\backslash\backslash$ — 49, для $/$ и \backslash — 73.

Неотмеченных акцентов:

для \cap и $\backslash\backslash$ — 67, для $/$ и \backslash — 116.

II. При восходящей мелодике всего отмеченных акцентов — 66, неотмеченных — 44.

При нисходящей мелодике отмеченных случаев 56, неотмеченных — 139.

III. При восходящей мелодике: у нисходящих акцентов отмеченных случаев 20, неотмеченных — 15; у восходящих акцентов отмеченных случаев 46, неотмеченных — 29.

При нисходящей мелодике: у нисходящих акцентов отмеченных случаев 28, неотмеченных — 52, у восходящих акцентов отмеченных случаев 27, неотмеченных — 87.

Таким образом, можно по этим результатам сказать следующее: 1) среди слов с нисходящими акцентами динамически отмеченных случаев больше, но это превышение незначительно; 2) при восходящей мелодике отмеченных акцентов больше, чем при нисходящей.

Следующий этап — это определение совпадения движения мелодики и движения интенсивности. Этот подсчет также проводился с учетом различия акцентов, но, так сказать, с «обратным знаком» — большее число несовпадений должно свидетельствовать о динамической самостоятельности акцента. Результаты подсчетов приводятся в табл. 30—32.

Таблица 30

Совпадение движения мелодики и интенсивности. Диктор ВВ

Мелодика	Число совпадений				Число несовпадений			
	\cap	$\backslash\backslash$	$/$	\backslash	\cap	$\backslash\backslash$	$/$	\backslash
Восходящая	1	3	1	4	3	3	5	6
Нисходящая	10	15	23	9	—	1	1	11

Таблица 31

Совпадение движения мелодики и интенсивности. Диктор АП

Мелодика	Число совпадений				Число несовпадений			
	\cap	$\backslash\backslash$	$/$	\backslash	\cap	$\backslash\backslash$	$/$	\backslash
Восходящая	1	4	11	14	1	5	2	—
Нисходящая	8	11	16	10	5	5	9	5

Совпадение движения мелодики и интенсивности. Диктор РВ

Мелодика	Число совпадений				Число несовпадений			
	∩	≡	/	\	∩	≡	/	\
Восходящая	2	5	11	15	2	5	3	3
Нисходящая	10	15	18	7	—	1	2	3

Суммируем полученные результаты (табл. 33)

Таблица 33

Совпадение движения мелодики и интенсивности. Обобщенные данные

Мелодика	Число совпадений				Число несовпадений			
	∩	≡	/	\	∩	≡	/	\
Восходящая	4	12	23	33	6	13	10	9
Нисходящая	28	41	57	26	5	7	12	19

Итак, подведем итоги данной группе таблиц:

I. При нисходящих акцентах число совпадений — 85, число несовпадений — 31; при восходящих акцентах число совпадений — 139, число несовпадений — 50.

II. При восходящей мелодике число совпадений — 72, несовпадений — 38; при нисходящей мелодике число совпадений — 152, число несовпадений — 43.

III. При восходящей мелодике: у нисходящих акцентов число совпадений — 161, число несовпадений — 19; у восходящих акцентов число совпадений — 56, несовпадений — 19; при нисходящей мелодике: у нисходящих акцентов число совпадений — 69, несовпадений — 12; у восходящих акцентов число совпадений — 83, несовпадений — 31.

Из этого делаем выводы:

1) при нисходящей мелодике больше совпадений движений тона с динамическим движением, чем при восходящей (это, очевидно, объясняется упоминавшимися выше физиологическими причинами); 2) у нисходящих акцентов больше (относительно!) несовпадений, чем у восходящих.

Таким образом, некоторая выделенность нисходящих акцентов экспираторными средствами отмечается и при другом подходе, но в очень низких количественных показателях.

Особым вопросом, связанным с экспираторно-динамической стороной воплощения сербских акцентов, является вопрос о т. н. двувершинности долгого нисходящего акцента, т. е. гипотеза, что динамическая кривая слога-носителя акцента имеет вид не ,

а или . Эта гипотеза, как говорилось вначале, восходит к Р. Готью, видевшему причину двувершинности в генетической сложности таких слогов. Впоследствии двувершинность стали находить в слогах с разными акцентами и основным источником ее стали считать количественную (временную) протяженность слога⁶³.

В нашей работе мы также рассматривали число случаев с двувершинным динамическим движением. Покажем полученные данные в табл. 34—37.

Таблица 34

Число случаев с двувершинным динамическим движением в ударных и безударных слогах. Диктор ВВ.

Мелодика	Число случаев двувершинности					
	∩	≡	/	\	долгий б/у	краткий б/у
Восходящая	5	—	7	—	1	2
Нисходящая	1	—	2	—	1	—

Таблица 35

Число случаев с двувершинным динамическим движением в ударных и безударных слогах. Диктор АП

Мелодика	Число случаев двувершинности					
	∩	≡	/	\	долгий б/у	краткий б/у
Восходящая	5	5	9	—	3	4
Нисходящая	2	—	1	—	—	—

Таким образом, очевидно следующее: 1) двувершинность присуща всем типам слогов; 2) двувершинность реализуется главным образом при восходящей мелодике — причиной этого можно

⁶³ К. Х. Поллок приводит специальную таблицу двувершинности по разным типам словесных акцентов в абсолютных числах и в процентах, но только в изолированно произнесенных словах, т. е. без учета мелодики.

Число случаев с двувершинным динамическим движением
в ударных и безударных слогах. Диктор РВ

Мелодика	Число случаев двувершинности					
	∩	∥	/	\	долгий б/у	краткий б/у
Восходящая	14	10	9	5	2	3
Нисходящая	1	1	2	2	2	2

Таблица 37

Число случаев с двувершинным динамическим движением
в ударных и безударных слогах. Обобщенные данные

Мелодика	Число случаев двувершинности					
	∩	∥	/	\	долгий б/у	краткий б/у
Восходящая	24	15	25	5	6	9
Нисходящая	4	1	5	2	3	2

считать ту же физиологию речеговорения; 3) для ударных слогов двувершинность характерна особенно в том случае, когда они долгие.

Сложность взаимоотношений мелодики и интенсивности скажется и в неясности распределения принципов компенсации и параллелизма при совпадении и несовпадении этих двух параметров⁶⁴. Так, в одних и тех же по лексическому составу примерах может быть и почти полное их повторение по рисунку (рис. 9 а) и полное несовпадение (почти зеркальное) мелодики и интенсивности (см. рис. 9 б и 9 в).

Длительность

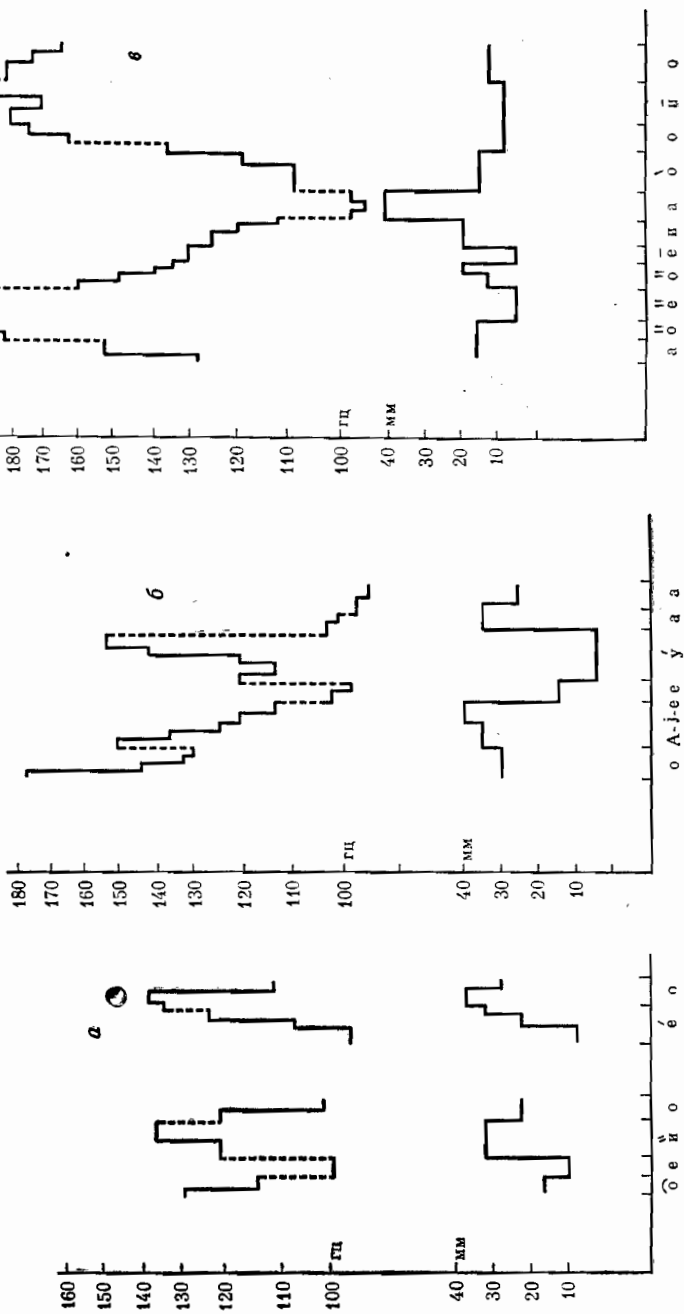
Применительно к сербскому языку интерес к данным длительности объясняется двумя разными аспектами.

Первый аспект — определение абсолютной и относительной длительности долгих (∩, /) и кратких (\\, \) словесных акцентов, когда важно: 1) есть ли противопоставление долгих кратким; 2) какова соотносительная длительность всех четырех акцентов и существует ли она в нормативном плане.

⁶⁴ См. об этом: Т. М. Н и к о л а е в а. Интонация сложного предложения. . . , стр. 249—253.

Рис. 9.

а — совпадение мелодики и интенсивности в синтагме *То је био прехор* (Диктор РВ);
 б — несовпадение мелодики и интенсивности в синтагме *Она је припутала* (Диктор АП);
 в — несовпадение мелодики и интенсивности в синтагме *Кад мо већ почели да гово-
 римо...* (Диктор АП)

Связан с этим и вопрос о так называемых долгих заударных⁶⁵.

Второй аспект — определение длительной или, точнее, ритмически-временной организации речи как показателя национально-языкового своеобразия. Напомним, что во «Введении» мы выделили три национально-речевых параметра: 1) движение мелодики, 2) интенсивность, 3) длительность.

Под длительностью имеется в виду свойственное данному языку относительное распределение временных значимостей звуков. «Количественные характеристики являются не менее значительными для типологического описания языков, чем, например, описание звукового и фонемного составов, грамматического строя и т. д.»⁶⁶

Эта длительность звуков сложным образом соотносится с ритмической организацией синтагм, т. е. с распределением длительности звуков относительно ударения, а более широко — с т. н. «временной организацией синтагмы»⁶⁷.

Организация ритмической структуры и ее инвариантность (с учетом обязательных позиционных изменений) для русского языка разработана Л. В. Златоустовой⁶⁸.

Ритмическая организация синтагмы не эквивалентна темпу ее произнесения — явлению смысловому, относящемуся к «грамматике просодии» и отмечающему противопоставление более важного менее важному в пределах одного высказывания (которое в принципе может состоять из нескольких предложений). Однако, как показали наши исследования других языков, синтагмы разных языков по-разному «поддаются» темпу; полярными в этом отношении были русский и чешский языки. Отрезок речи русского слова, скажем, при требовании передать пояснение мог произноситься очень быстро, гораздо быстрее среднего (например, 80—90 мсек → 50—60 мсек для звука); конечно, необходимо помнить, что при любом увеличении/уменьшении темпа внутренняя временная организация синтагмы ритмической структуры сохраняется.

В чешских фразах при соответственном изменении смысловой нагрузки фразы темп изменялся незначительно не только отно-

⁶⁵ Так, Й. Попович связывает все возможные для сербского языка долготы (два типа ударных, предударные и заударные) в пучки возможных комбинаций и выделяет 7 таких пучков (J. P o p o v i ć. Zur heutigerserbokroatischen Vokalquantität. «Wiener Slavistisches Jahrbuch», 1955, Bd. 4.) Наиболее консервативным, по Поповичу, оказывается именно изучаемое нами литературное произношение, что он объясняет географическим положением центра, наиболее удаленного от иноязычных (не знающих долготы) влияний.

⁶⁶ К. Б о л л а. К вопросу о соотношении длительности гласных и фонетической структуры слова. «Studia slavica», 1968, 14, № 1—4.

⁶⁷ «Речь, артикуляция и восприятие». М.—Л., 1965, стр. 85. Данному вопросу посвящена специальная экспериментальная глава («Организация временной программы синтагмы», стр. 78—122).

⁶⁸ Л. В. З л а т о у с т о в а. Фонетические единицы русской речи. Автореф. докт. дисс. М., 1970.

сительно, но и абсолютно, причем был близким у разных дикторов, что наводило на мысль о некоторой музыкальной «заданности» чешской речи. Причину этого различия, очевидно, можно предполагать в релевантности временной проработки заударных слогов в чешском языке и относительной вариативности их временной редукции — в русском.

Исследование длительности сербских гласных велось в следующих направлениях: 1) подсчитывалась длительность ударных гласных для разных типов акцента. При этом различалось фразовое и нефразовое ударение (с целью проверки силы воздействия фразовой просодии на словесную); 2) подсчитывалась длительность гласных в предударном слоге (отдельно — в слоге перед фразовым ударением); 3) подсчитывалась длительность заударных слогов (при этом выделялась для отдельного подсчета позиция абсолютного конца)⁶⁹; 4) подсчитывалась величина заударных долгих.

Сначала приводим данные для ударных гласных (все длительности приводятся в мсек). См. табл. 38—40.

Т а б л и ц а 38

Длительность ударных гласных. Диктор ВВ

Тип гласного	Под фразовым ударением				В потоке речи			
	∪	∥	/	\	∪	∥	/	\
А	151	87	148	88	177	83	—	90
О	175	106	138	82	97	55	103	61
У	105	60	115	73	100	70	—	71
Е	—	81	121	60	98	66	90	52
И	123	54	126	56	82	62	108	67

Приводим данные по долгим гласным (табл. 41)⁷⁰.

Посмотрим данные заударных гласных (табл. 42).

Табл. 43 показывает длительность предударных гласных.

Проанализировав показатели длительности, мы можем сделать следующие выводы: 1) по данным наших трех дикторов, различаются последовательно две группы акцентов — долгие (∪ и /) и краткие (∥ и \). Четырехэлементной иерархии выделить не удалось; 2) фразовое ударение видоизменяет словесное, увели-

⁶⁹ Почти универсальной считается регулярность предпаузального продления гласного, расположенного в конце речевого отрезка (см. об этом: Дж. Гейтенби. Эластичные слова. «Исследования речи. Труды Хаскинской лаборатории». Новосибирск, 1967).

⁷⁰ Незначительное число данных позволило расположить долгие гласные по четырем акцентам.

Длительность ударных гласных. Диктор АП

Тип гласного	Под фразовым ударением				В потоке речи			
	∪	∥	/	\	∪	∥	/	\
А	176	111	157	91	119	95,5	—	92
О	190	92	161	10,6	118	75,5	102	88
У	172	83	146	108	112	93	—	69
Е	—	95	116	99	100	83	108	69,5
И	155	88	157	72	72,6	56	98	87

Т а б л и ц а 40

Длительность ударных гласных. Диктор РВ

Тип гласного	Под фразовым ударением				В потоке речи			
	∪	∥	/	\	∪	∥	/	\
А	158	76	178	84	154	104	—	90
О	174	90	179,5	97	98,6	79,5	162	77,6
У	209	96	156,6	83,4	142	79,5	—	60
Е	112	83	106	78	—	77	115	67,6
И	139	77	145	83	97	68,5	77	58,6

Т а б л и ц а 41

Длительность долгих безударных гласных

Тип гласного	Диктор ВВ	Диктор АП	Диктор РВ
А	66	116	78
О	72	108	110
У	—	—	—
Е	72,6	89	72
И	76	71	64

чивая его длительность. В первую очередь это относится к долгим акцентам; 3) в абсолютном конце гласные продлены, что соответствует данным других славянских языков; 4) перед словами-носителями фразового ударения регулярное продление предударных имеет место только у диктора РВ ⁷¹; 5) долгие гласные

⁷¹ Л. В. Златоустава отмечает для русского языка удлинение и первого предударного в конце фразы (а также продление ударного и абсолютного ко-

Длительность кратких заударных гласных

Тип гласного	Диктор ВВ		Диктор АП		Диктор РВ	
	абс. конец	в потоке речи	абс. конец	в потоке речи	абс. конец	в потоке речи
А	66	65	102	79	115	76
О	72	54	71	54	94	72
У	72	64	103	51	75	59
Е	70	51	113	47	105	58
И	67	50	77	58	92	60

Т а б л и ц а 43

Длительность предударных гласных

Тип гласного	Диктор ВВ		Диктор АП		Диктор РВ	
	перед фразовым ударением	не перед фразовым ударением	перед фразовым ударением	не перед фразовым ударением	перед фразовым ударением	не перед фразовым ударением
А	80	65	99	65	112	71
О	64	69	76	71	90	61
У	65	76	67	41	77	62
Е	57	48	50	52	65	48
И	44	62	40	57	46	45

у всех дикторов длительнее заударных и предударных, но не длительнее гласных в позиции абсолютного конца; б) намечавшееся для других языков последовательное противопоставление двух групп гласных — длительных (а, о, у) и кратких (е, и) — выдерживается, по приведенным данным, только для предударных гласных ⁷².

Как согласуются наши данные с данными других авторов?

В. Аппель ⁷³ определял следующие временные ряды: 1) (195 мсек); 2) / (187 мсек); 3) \ (108 мсек); 4) \\ (96 мсек); 5) — (240 мсек);

нечного, т. е. ритмическая структура деформируется за счет удлинения конца слова).

⁷² К. Болла отмечает то же соответствие для русского языка: гласные верхнего подъема короче гласных неверхнего подъема (т. е. а > о, е). В пределах одного подъема передние гласные короче непередних (о > е, ы > и). К. Б о л л а. К вопросу о соотношении длительности гласных. . . , стр. 76.

⁷³ W. A p p e l. Указ. соч., стр. 56. Нам важно относительное соотношение величин. Абсолютная же большая их продленность объясняется произнесением изолированных слов.

6) безударные гласные в ауслaute (107 мсек.); 7) безударные гласные в потоке речи, в инлауте (71 мсек).

И. Лехисте и П. Ивич⁷⁴ выделяют следующие ряды: 1) \curvearrowright (200 мсек); 2) \diagup (200 мсек и меньше); 3) \diagdown (120—140 мсек) и 4) \diagdown (120—140 мсек и меньше); 5) долгие посттоники после восходящих; 6) долгие посттоники после нисходящих; 7) краткие посттоники.

Долгие посттоники у них значительно короче ударных гласных.

В другой работе⁷⁵ И. Лехисте на первое место ставит длительность \diagup , на последнее — длительность \diagdown .

В работе Х. Р. Поллока на первом месте длительность \diagup , на последнем — длительность \diagdown ⁷⁶.

Таким образом, общим для всех работ является именно деление на две группы — долгие (\curvearrowright и \diagup) и краткие (\diagdown и \diagdown).

Долгие посттоники, очевидно, имеют тенденцию укорачиваться (это вполне соответствует упоминавшейся концепции И. Поповича).

Выводы

Проделанный эксперимент, даже при статистически недостаточном числе фактов, подтверждает реальность и относительную регулярность реализации сербских словесных акцентов.

Однако необходимо отметить, что только многомерность анализа показывает специфику каждого из них, которые, вероятно, и реализуются, и воспринимаются в многоплановой сущности.

Так, внутри мелодики очевидно, что анализ изолированных слогов оказывается недостаточным. Анализ положения ударных слогов по отношению к окружающим добавляет ряд характерных черт, свою лепту вносят и данные интенсивности. Единственным параметром, работающим с абсолютной регулярностью, явилась длительность (большая у долгих, меньшая у кратких, но всегда большая у ударного слога в слове). Именно эта регулярность длительности послужила основой для концепции И. Лехисте — П. Ивича о разившейся длительности предупредного слога как единственном активном факторе т. н. новоштокавского сдвига⁷⁷. Не случайно именно длительность определяется в последнее время как основной фактор, формирующий ударение для ряда славянских языков (в первую очередь русского и украинского⁷⁸). Большая длительность непосредственно предупредного слога, иногда равная длительности ударного, наблюдается также, в частности, в русском языке. Это явление могло фонологизироваться. Таким образом, на фонетическом уровне «сдвиг» состоял лишь

⁷⁴ I. Lehiste — P. Ivić. Указ. соч., стр. 25 и 75.

⁷⁵ I. Lehiste. Some acoustic correlates of accents in Serbocroatian. «Phonetica», 1961, vol. 7, № 2/3.

⁷⁶ K.-H. Pollok. Der neustokavische Akzent...

⁷⁷ I. Lehiste — P. Ivić. Указ. соч., стр. 134.

⁷⁸ См. соответствующую литературу в книге автора «Интонация сложного предложения в славянских языках», стр. 70; 251—252, «Библиография».

в продлении предупредного слога, мелодика которого «прояснилась», сама же мелодическая фигура осталась прежней (см. соответствующие рассуждения в разделе «Мелодика»).

Доминирующая роль длительности сказывается и в том, что фразовая мелодика, по нашим данным, модифицировала наиболее очевидным образом именно долгие слоги. Так как мелодическая фигура фразовой каденции успевала реализоваться целиком на долгом слоге, в случае кратких слогов она раскладывалась на большее число слогов, менее заметно видоизменяя каждый. Не случайно в русском языке развиваются две тенденции: 1) передача ударности длительностью, 2) понижение заударных слогов в восходящей каденции, т. е. при длительном ударном движении в заударных слогах становится нерелевантным.

Именно с длительностью связана и реализация мелодической фигуры — показателя ударения (как мы старались показать, в сербском языке она одна); она может реализоваться в одном, двух и более слогах, что, очевидно, объясняется конкретным звуковым составом слогов, так как все гласные и согласные звуки языка имеют свою соотносительную длительность⁷⁹.

То, что не было выведено иерархической модели длительности для четырех акцентов, объясняется, вероятно, тенденцией языка к устранению избыточности: оппозиции долгий / краткий и оппозиции восходящий / нисходящий тон оказывается достаточно для различения четырех языковых единиц.

Отношения двух видов мелодики (интер- и интраслоговой) и интенсивности более сложны. Как мы показывали, эти три характеристики могут комбинироваться самым различным образом, реализуя то параллельные, то компенсаторные отношения; при этом ударный слог может выделяться как всеми тремя способами, так любыми двумя или одним, либо не отмечаться никак (в последнем случае, очевидно, играет роль психоакустический фактор)⁸⁰.

В разделах «Мелодика» и «Интенсивность» неоднократно говорилось о значимости чисто физиологического аспекта речевой фонации, об универсальности ряда его действий. Именно это и имел в виду Й. Хлумский, когда повышением мускульного напряжения делал чешские гласные похожими на сербские и т. д. Однако, строго говоря, ссылки на физиологическую интерпретацию не есть доказательство, так как не доказано, что сила напряжения не есть языковой фактор — через речевую деятельность язык связан с физиологией голосовых связок и с антропологией: известен факт разного частотного диапазона для языков разной группы.

⁷⁹ К сожалению, нами не был проведен анализ действия акцента на словах с разным числом слогов. Так, И. Лехисте и П. Ивич резко различают двухсложные и трехсложные слова.

⁸⁰ Из последних исследований, показывающих сложность явления, называемого «ударением», см.: С. В. К о д з а с о в, Ю. М. О т р я ш е н к о в. Экспериментальные исследования ударения. «Исследования по речевой информации». М., 1968.

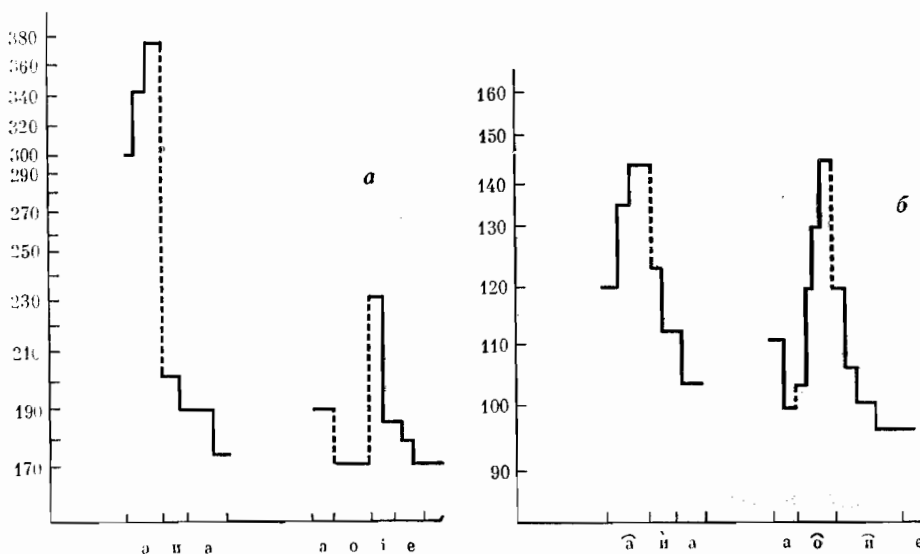

Рис. 10.

а — мелодика польской фразы *Ja czytam, a on pisze* (Диктор АВ);
б — мелодика сербской фразы *Ja читам, а он пише* (Диктор ВВ)

В заключение остановимся на фонологических и предфонологических аспектах сербского звучания. Несомненно, что смысловое функционирование акцентов, их различительная роль поддерживает дифференциацию речи. Однако, если обратиться только к внешней форме просодического воплощения и предложить обратный эксперимент — расставить акценты на графиках или осциллограммах, указав тип и место акцента, то можно предвидеть, что во многих случаях опыт будет неудачным. Это же можно сказать и об эксперименте другого типа — прослушивании сербских фраз лицом, не знающим о существовании четырех акцентов, — в большинстве случаев будут отмечены долгие гласные. И, напротив, сербские слушатели довольно единообразно расставляют свои четыре типа акцентов при прослушивании русских диалектных записей. Для иллюстрации вышесказанного продемонстрируем сходство мелодических структур для фразы *Ja читам, он пише* на сербском и польском примерах (рис. 10). Иллюстрируется положение о том, что фонологические и фонетические данные связаны крайне сложным образом: фиксируется в сознании лишь то, что может быть осмыслено, фонологически значимо, но и нефонологическое может быть столь же регулярно воспроизводимым и существенным — сербские акценты мы различаем потому, что знаем о них, а знаем потому, что они различают смысл (в некотором виде эта проблема соотносится с вопросом о различении системы и нормы и различении анализа и синтеза).

К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИКИ
БАЛКАНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ

Румынские тексты
о персонифицированных днях недели

Последние исследования фольклора в области семантики позволяют прийти к мысли о том, что семантическая система фольклора в целом может быть описана набором едва ли не универсальных «содержательных единиц», «смыслов», «семантем»¹, причем этот набор ограничен и сравнительно невелик, а организация семантических единиц в плане выражения — значима.

С этой точки зрения, жанровая классификация фольклора имеет более глубокое, нежели чисто формальное, значение: каждому жанру соответствует свой список семантем или — более широко — набор семантем в каждом жанре находит специфическое отражение: непосредственно смысловое, композиционное, орнаментальное и т. п. Так, в мифе о творении мира набор соответствующих единиц будет представлен наиболее полно и значимо; в ритуале, воспроизводящем акт творения, семантемы имеют иную, символическую функцию; в сказке они переводятся на уровень более низкого порядка; в загадке, загадках и т. п. они могут сохраняться в виде отдельных, самостоятельных блоков, перенесенных почти механически; наконец, в фольклорных жанрах, для которых фиксированная словесная форма обязательна, — запреты, поверья, приметы и пр. — «смыслы» реконструируются путем достаточно сложных процедур.

Объем и характер семантической информации имплицитно связан с функциональными особенностями разных жанров фольклора: выявив структуру этих связей, можно с большей или меньшей вероятностью установить для каждого жанра правила трансформации исходного набора семантем.

Поскольку в любом, отдельно взятом фольклорном жанре набор семантем отражается не полностью, для исчерпывающего описания семантической системы, очевидно, необходим кросс-жанровый анализ, который позволит реконструировать некий «преджанровый» текст, отражающий глубинный уровень мифологиче-

¹ Здесь не ставится задача терминологического определения семантем — речь идет не более чем о некоторых содержательных инвариантах, которые в данном случае могут быть представлены на уровне мотивов, персонажей и т. п.

ского мышления человека. В данной статье предпринимается попытка такого рода. Объектом анализа избраны женские божества, связанные с днями недели. Предполагается установить семантические, формальные и функциональные характеристики этих персонажей на основании их дистрибуции в разных жанрах фольклора в пределах исключительно румынской традиции. Работа не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей, и не только из-за недоступности ряда материалов, но и потому, что кросс-жанровое описание, как кажется, в принципе должно быть открытым и неограниченным; в каком-то смысле уже выработка процедуры анализа имеет самодовлеющее значение. Выбранная тема нередко освещалась в румынской фольклористической литературе; однако полных описаний в пределах одного жанра и тем более сводных описаний, как будто, не существует.

В семантической системе фольклора *дни недели* могут рассматриваться, по крайней мере, с двух точек зрения: 1) *дни недели* в сопоставлении с определенными божествами соответствующего пантеона; 2) *дни недели* как независимые регламентаторы жизни и деятельности человека во времени. В последнем случае существен сам факт, что каждому дню приписываются определенные правила или запреты, в то время как их конкретное содержание не столь важно. Исходной единицей при этом является *неделя*, которая, с одной стороны, конституирует более крупные временные отрезки, а, с другой стороны, сама разбивается на минимальные единицы, число которых — 7 — очевидно оптимально в заданной модели мира (ср. хотя бы 7 этапов творения мира).

De mult, umblau Zilele pe pământ: se suiau în car la oamenii și dacă le lucrau de ziua lor, le stricau ceva: dădeau carele peste oameni (Pamfile 109) 'Давно бродили Дни по земле: забирались в повозку к людям и если те работали в их день, что-нибудь им портили: опрокидывали повозки на людей'.

Сводка поверий и запретов, относящихся к дням недели в пределах одной традиции, обнаруживает ряд непоследовательностей, которые не могут быть объяснены исключительно особенностями ареального и диахронического развития. Несомненно, что весьма большую роль играет принципиальная необходимость временной классификации, наложения жесткой временной сетки на любой вид деятельности человека. Содержание, объем, характер запрета могут варьироваться, доходя до противоположности; одному и тому же дню могут быть приписаны признаки *благоприятный* и *неблагоприятный*, но временная регламентация остается неизменной. Ср. некоторые примеры: '*Среда и пятница* — проклятые [здесь «несчастливые», «табуированные»] дни' (Șăineu 986); табуированы *понедельник, среда, пятница* (запрещены некоторые виды работ) и *воскресенье* (запрещено работать вообще) (Candrea F. 215—217); 'У арумын считаются табуированными *Вторник,*

Пятница и Суббота' (Ciauşani 324); по поверьям мегленорумын, *'вторник* — плохой, потому что это несчастливый день; *среда* и *пятница* — плохие дни; остаются только *понедельник, четверг* и *суббота*, единственные дни, когда можно работать без страха' (Capidan I, 370). *Luña să'ndemn la lucru. Marţa sara nu-i bună de'ndemnat. Mîercurea-i bună. Şi Gioia, Vinerea pentru lucrările bărbăteşti, da femeile treabă s'o cinstească... Dumineca-i doamna dzilelor, stăpâna săptămînilor* (I. Muşlea CCCLXXV) 'В Понедельник надо работать. Вечер Вторника нехорош для работы. Среда хороша. И Четверг, Пятница для мужских работ, а женщины пусть чтут обычай... Воскресенье — госпожа дней, хозяйка недель'.

«Недельная» (по дням) регламентация охватывает все виды работ: полевые, садовые, огородные, животноводческие², не говоря уже о домашних, специфически женских работах (подробную сводку временных правил см. в работе Muşlea, Bîrlea 413—421). Ср. также роль определенных дней в связи со свадьбой ('свадьба справляется почти без исключения в *четверг*' I. Muşlea 153; 'нехорошо, чтобы обручение совершалось во *вторник, среду* и *пятницу*' Gogovei Cr. № 1895; 'нехорошо, чтобы невеста видела ель в *пятницу* вечером, потому что это очень плохо' Gogovei Cr. № 2245 и др.), с рождением ребенка ('родиться в *воскресенье* — к счастью, в *пятницу* — к несчастью' Gogovei Cr. № 2699; 'в *пятницу* хорошо отлучать ребенка от груди' Gogovei Cr. № 4114; 'первый раз подстригать ребенку волосы можно только в *понедельник, четверг* или *субботу*' Marian, N. 409 и т. д.) и особенно — значение правильного выбора дня в магической практике как одного из условий ее успешного осуществления (см., например, Gogovei D. 90—91): 'заговоры никогда не произносятся в *Воскресенье*. . . Некоторые заговоры произносятся только в постные [нечетные. — Т. С., Т. Ц.] дни: *Понедельник, Среда* и *Пятницу*; . . . заговор от разă (особый вид насекомого) всегда произносится во *Вторник*, а от чесотки — только в ночь со *Вторника* на *Среду* или с *Четверга* на *Пятницу*. В *Субботу*, на заходе солнца, заговаривают оборотней'; см. также особое значение *четверга* для произнесения любовных заговоров (Pora 174) и т. д.

«Привязывание» определенного дня к определенному персонажу (или наоборот) в каком-то смысле также связано с общей тенденцией к временной регламентации, тем более что соответствие *персонаж (божество) / день недели*, при его универсальности (или, во всяком случае весьма частых совпадениях в разных традициях) может представляться немотивированным (*Луна / понедельник, Громовержец / четверг* и т. д.). В данной работе персо-

² См. даже такие детальные указания, как 'приучай быков к плугу только во *вторник, четверг* и *пятницу*, а не в *понедельник, среду* или *субботу*, а то они будут с норовом' Gogovei Cr. № 334; 'огурцы не сажай в землю в *среду* или *пятницу*, потому что они выйдут горькими' Gogovei Cr. № 675 и др. См. также приметы: 'если дождь начался в *четверг*, он длится две недели, если в *субботу* — одну неделю' Gogovei Cr. № 3203 и т. п.

нифицированные дни недели сопоставляются с соответствующими божествами и — более конкретно — соотносятся с предположительно реконструированной индоевропейской мифологемой. Речь идет о мотиве ссоры *Громовержца* с семьей: он низвергает детей (девять сыновей) и затем поражает их (огнем, камнем), возможно, обращая в червей или змей (см.: Топоров 31). При этом *Громовержец* изгоняет с неба на землю жену, которая становится основным отрицательным женским божеством, связанным с женским началом вообще и специально с женскими домашними работами (прежде всего — *прядением*). В славянской мифологической системе этому божеству предположительно соответствует *Мокошь*, в христианском наименовании — *Параскева-Пятница*. Она связана с *черным, ночью, темнотой, водой, влагой*. Ее основные атрибуты — *прялка, веретено, кудель*; ее день — *пятница* (Иванов, Топоров 25—28 и *passim*). (Ср. в русской традиции название ее праздника «*Темная Пятница*»).

В румынском фольклоре отмечены женские³ божества, соответствующие всем дням недели: *Sfinta Luni, Sf. Marți, Sf. Miercuri, Sf. Joi, Sf. Vineri, Sf. Sîmbătă, Sf. Duminică* — *Св. «Понедельница», Св. «Вторница», Св. Среда, Св. «Четвергица», Св. Пятница, Св. Суббота, Св. «Воскресница»*. Особенно часто они встречаются в сказках, где, дублируя друг друга, или в разных сочетаниях, выступают как чудесные помощники героя, информаторы, указывающие ему путь к цели, а также как дарители чудесных предметов. К этому следует прибавить и сюжет АТ 480 («*Frau Holle*»), который, впрочем, отличается и некоторыми особенностями, о чем будет сказано ниже. Среди персонифицированных дней недели преимущественная положительная роль приписывается *Св. Пятнице, «Матушке-Пятнице»,* или *Св. Параскеве*⁴. Трем дням недели — вторнику, четвергу и пятнице соответствуют симметричные злокозненные женские божества, изофункциональные друг другу. Для двух из них есть особые имена — *Марцоля* или *Марць-сяра* (*Marțolea* от *marți* — ‘вторник’, *Marți-seara* — ‘вторник-вечер’) и *Жой-мэрица* (*Joi-mărița*, традиционно возводимая к *Joi-mari* — ‘Великий четверг’, хотя могут быть и иные предположения; у арумын она называется *Джоя-Гоэа*, ср. также иногда встречающийся дакорумынский вариант *Zoița*). *Св. Пятница*, выступающая под этим же именем и в своей злокозненной ипостаси, таким образом, является амбивалентной.

³ Ср., однако: ‘*Среда* — человек, был мужчиной (*om, o fost bărbat*). *Вторник Четверг, Пятница* — женщины’ I. Mușlea CCCLXXIV.

⁴ ‘Святая Пятница’, ‘Матушка-Пятница’ (*Maica-Vineri*) — олицетворение добра и святости. Святой Пятницей называет народ самую Святую из всех своих Святых. Пятница — наиболее священный для него день, связанный с именем языческой богини Веперы, культ которой христиане перенесли на ‘Божью Матерь’ Ispirescu I, 570. См. также: Vologsa, 19, 139, об отождествлении с Божьей Матерью *Св. Думиники* («Воскреслицы»).

Строго говоря, приписать этим персонажам злокозненность как постоянный и имманентный признак, как «свойство характера» нельзя: у них есть одна строго определенная функция, в основе которой лежит временная регламентация: они наказывают за нарушение запрета или невыполнение задач, связанных с некоторыми работами и приуроченных к определенному моменту времени: *Марцоля*. . . бродит в ночь со *вторника* на *среду* по домам и наказывает женщин, которых застаёт за работой'; *Жоймэрица*. . . бродит накануне *Великого Четверга* и наказывает девушек, которые ленятся прядь' Şăineanu D. «*Marțolea*», «*Joi mărița*». *Жоймэрица* — безобразная старуха, жестоко наказывающая девушек, которые к *Великому Четвергу* не спряли всю кудель, или парней, которые не убрали мусор со двора' (Paradima 413, Marian S. II, 267—268). «*Св. Пятница*. . . в сказках появляется, окруженная железом и охраняемая собачкой с железными зубами . . . несоблюдение посвященного ей дня никогда не остается безнаказанным! . . . *Марцоля* — злая волшебница (*đină*), наказывающая женщин и девушек, которые работают во *вторник*. . . ту же роль у румын играет *Джоя*, наказывающая женщин, которые работают в канун ее дня, а у нас — *Жоймэрица*, появляющаяся накануне *Великого Четверга*» (Şăineanu B. 985—986) «*Св. Пятница*. . . не позволяет хозяевам делать в ее день некоторые работы, наказывая их. . . так же, как и *Марць-сяра*» (Pamfile 115). См. также определения круга действий *Жоймэрицы*: она — 'хозяйка очесов и непряденной шерсти' (*stăpînă a cîlților și a lînei netoarse* Muşlea, Bîrlea 201) и особенно 'женщина, посланная Господом как надзирательница за прядением конопля' (*o femeie trimisă de Dumnezeu ca supraveghetoare a torsului cînepii* Muşlea, Bîrlea 201)⁵.

Кроме того, к прядению, к женскому началу имеют отношение и персонажи, не связанные с днями недели (*Мать леса*, *Дочь леса*, *Баба Клоанца* и некоторые другие, о чем будет специально сказано далее).

Все эти персонажи являются стражами, охранительными ицами и определенной группы проецируемых на временную ось установлений, правил, по которым строится модель мира. Они консервативны, поскольку охраняют архаические установления, характеризующие то состояние модели, которое предшествует

⁵ Встречается также и упоминание о *Жоймэрицах* — *Joi mărițele*, которые нападают на спящих женщин, например: «*Жоймэрицы*. . . так называют женщин, про которых говорят, что они бродят в зеленый четверг рано утром и, если наткнутся на спящую женщину, потому что в Молдове обычно во всех домах в это время разводят огонь, наказывают ее тем, что она с этого времени ленива ко всякой работе» D. Cantemir 184; «Женщины, которые. . . засыпают в поле, сначала крестьян то место, где они спят, чтобы не пришли *Жоймэрицы* и не изуродовали их» Şăineanu B. 986; «*Жоймэрицы* — злые духи воздуха» (*duhurile rele ale văzduhului* Cîraşanu 344). Ср. также *şoimărițele* 'шоймэрицы' и *a şoimări — a da boala 'din iele* 'получить болезнь «от волшебниц»' (Gorovei Cr. № 88).

настоящему моменту. Можно предположить, что такое «замедление» регулирует темп изменения модели мира и обеспечивает преемственность ее развития. Охранительницы, очевидно, универсальны для различных фольклорно-мифологических традиций (ср. женские божества мести, хотя бы др.-греч. Эриний и вообще преимущественно архаическую установку именно женских божеств). Их существенная черта заключается в том, что они не классифицируют действия по признаку *хороший / плохой*, т. е. безразличны к оценке, так сказать, абстрактно-этической или эмоциональной. Критерием оценки служит исключительно признак *правильный / неправильный*⁶. Такой критерий обеспечивает контроль над соблюдением входящих в сферу их действия рекомендаций и запретов и гарантирует их корректное выполнение. Особые функции охранительниц определяют структуру связанных с ними текстов и прежде всего сказочных: как правило, это не сказки в узком смысле слова, а описания событий, воспринимаемых рассказчиком и слушателями как актуальные или, во всяком случае, имевшие место в прошлом⁷. Их можно сопоставить с русскими *быличками* (ср. название аналогичных румынских текстов *întimplare* 'присошествие', 'случай'). Специфика этих событий состоит в том, что они непременно являются следствием нарушения запрета. Тема «нарушение запрета» жестким образом определяет однотипность структуры текста.

«Нарушение запрета» в текстах такого рода существенно иное, чем нарушение запрета в собственно сказках. В сказках оно имеет композиционное значение по преимуществу, являясь исходной точкой, необходимой для развития действия. Результатом нарушения запрета в сказках по существу является «ликвидация недостачи», т. е. завершение сказки. Собственная семантика запрета (не выходить из дома, не входить в запертую комнату, не пить из овечьего копытца и под.) отходит на второй план, часто она реконструируется лишь на более глубоком уровне. Здесь же значим прежде всего запрет сам по себе, последствия его нарушения и т. п. Текст ориентирован на определенную, конкретную семантему, а не вообще на абстрактную необходимость соблюдения правил. Поэтому дидактическая функция текстов

⁶ Это характерно вообще для системы фольклора. Ср. по аналогии хотя бы сюжет «Фрау Холле», где награда и наказание распределяются не за добродетель и порок, трудолюбие и лень, а за *п р а в и л ь н ы е и н е п р а в и л ь н ы е* действия (сорвать яблоко, вынуть пирог из печи — *п р а в и л ь н о*, никаких рациональных или эмоциональных оснований эти действия не имеют, во всяком случае, на синхронном уровне).

⁷ См., например, окончание текста о *Марцоле*: «В давние времена еще случилось со старухами такое, поэтому они не пряли во вторник вечером и в пятницу вечером. Ну, а теперь мы больше так не думаем» Todoran СХХII. — Вообще формула «теперь в это больше не верят» может интерпретироваться как своего рода табу, защищающее от несчастья тем, что его сознательно передвигают в другой временной период, несовместимый с тем, в котором находится говорящий.

такого рода более специфична, чем дидактическая функция собственно сказки: если сказка учит общим правилам ориентировки в некоем пространственно-временном континууме (мире), то здесь даются гораздо более конкретные и в связи с этим более категоричные указания, приуроченные к строго определенному временному моменту, иногда с двухстепенной детализацией: не просто *четверг*, *пятница*, но *Великий Четверг*, *Великая Пятница* и т. д. Следствием этого является и гораздо большая точность и подробность описания, далеко не всегда существенная для сказки, но необходимая везде, где речь идет о запретах, правилах и вообще о разного рода регламентациях.

В «текстах запрета» сообщается:

1. **З а п р е т**: в чем он состоит, на что и на кого распространяется, в каких временных и пространственных границах действует (запрет может формулироваться в положительной форме, как приказание — в м. «не пряться в *четверг*» — «спряться всю кудель к *четвергу*» и т. п.).

2. **Н а к а з а н и е** за нарушение запрета.

3. **О х р а н и т е л ь / н и ц а** запрета (кто наказывает за его нарушение).

4. **С п о с о б** избежать наказания за нарушение запрета⁸.

Обычно текст строится по одному из двух композиционных вариантов:

I. Сообщается запрет / приказание. Героиня (для разбираемых текстов, ориентированных на признак *женский*) сознательно или непреднамеренно его нарушает / не выполняет. Является охранительница, чтобы наказать героиню за это. Героине удается / не удается избежать наказания.

II. Героиня совершает некоторые действия (или не совершает некоторых действий). Является охранительница, не известная героине, и угрожает ей. Героиня узнает (догадывается, получает информацию от третьего лица, при этом от женщины, обычно более старой, чем она), что совершенные ею действия запретны или неправильны, а появление охранительницы означает наказание за нарушение запрета. Героине удается / не удается избежать наказания.

Разница вариантов, пожалуй, стилистическая, соответствующая разным способам подаче материала, подлежащего усвоению: I вариант нейтрален, II — более драматизован. Далее приводятся образцы текстов, посвященных *Марцолe*, *Св. Пятнице* и *Джое*⁹.

⁸ В этом смысле тексты такого рода сближаются с поверьями, заговорами и вообще с магической практикой (примеры соответствий см. ниже), где основная цель — нейтрализовать неблагоприятные обстоятельства или даже трансформировать неблагоприятную ситуацию в благоприятную.

⁹ Разбираемый сюжет отмечен Шуллерусом (A. Schullerus 368* «Unhold als alte Frau», 38—39), учтено 8 текстов. Здесь приводятся тексты, не отмеченные Шуллерусом, за исключением «Джои», едва ли не единственного известного текста о «Четвергиче».

1. Марцоля *Marțole* (I Mușlea CCCXXXIII)

Во вторник вечером (*marț sara*) Марцоля пришла под окно дома, где женщины пряли, и попросила впустить ее 'внутрь' (*'n lontru*), чтобы пряхать вместе с ними, потому что она принесла 'семь веретен с куделью' (*șapte fuse'n caier*). Все женщины догадались, что это — Марцоля, и не хотели впускать ее, но одна, глупая, уговорила хозяйку впустить Марцолю.

Войдя в дом, Марцоля в один миг спряла семь веретен 'конопли' (*câneră*) и сказала, что 'до рассвета [пряжу] надо намотать, выварить и отбелить' (*păziți-vă și răstieț ș'apoi până'n dziiă le-om hierbe, le-om fa[ce]jalbe*). Вся пряжа была готова 'к полуночи' (*la mînadză-noapte*). Марцоля приказала поставить на огонь 'горшок' (*oală*). Она задумала, когда вода со щелоком закипит, положить туда 'пряжу' (*torturile*), 'а сверху — хозяйку и кипятить ее, пока она не умрет' (*și pă găzdoaie deasupra și a turna clocotind, ca să moară*).

Женщина догадалась, что 'это — нечистая, Марцоля' (*acea-i necurata, Marțole*), которая пришла наказать ее 'за то, что она пряла в ее вечер' (*pintru ce-o tors în sara ei, Marț sara*). Она убежала из дому и прибежала к 'старухе' (*babă*), узнать, как избавиться от Марцоли. Старуха велела ей бежать 'к концу навеса' (*în capătu turnațului*) и кричать: 'Бегите все, кто видит, на Берег (Склон) Гаралейский, потому что там большой огонь' (*Că să curgeț cine vedeț la Coasta Garaleului, c'acolo ieste foc mare*).

Марцоля убежала туда, потому что 'там были ее дети' (*acolo a fost puii Marțolei*). Женщина вернулась домой и заперла дверь. Разъяренная Марцоля, вернувшись, приказала сите открыть ей дверь. 'Сито спрыгнуло вниз с гвоздя и пошло открывать' (*au sărit sita gios din cun' să meargă să-i descuie*). Одновременно Марцоля приказала 'кипящей воде' (*apa cea hierbinte*) 'обварить хозяйку' (*șă o frige pe găzdoaie*), но забыла, что вода — 'освященная' (*sfințită*), а сама Марцоля — 'нечистая' (*necurată*). Вместо того, чтобы обварить хозяйку, вода обварила Марцолю. Та крикнула хозяйке: 'Спасибо тебе, работу твою я сделала, а ты плеснула мне в лицо кипятком, а ведь я хотела лишить тебя жизни' (*«iț multămăsc, că lucră ți l-am lucrat, apă hierbinte mî-ai dat în față, că și ieu am vrut să-ț iau din ghiiață»*).

Ср. другой текст о Марцоле (Тодоран СХХVI):

К женщине, которая придет во 'вторник вечером' (*marsara*), приходит Марцоля и хочет убить ее, 'потому что это было во вторник вечером' (*pî și-o foz mar sara*). Она просит женщину рассказать ей, что делают из 'конопли' (*cîneră*). Затем женщина рассказывает, как выращивают и обрабатывают коноплю¹⁰. В конце ее рассказа слышалось пение петухов, и Марцоля 'вышла и ушла'

¹⁰ Сначала ее сеют, потом собирают, потом опускают в воду, чтобы размокла, потом вынимают и кладут на солнце, чтобы высохла, и треплют и после этого чешут и после этого делают из нее кудель и надевают на прялку

(*o ieșit și s-o dus*). 'Она больше не могла оставаться, ей больше нельзя было оставаться' (*n-o mai putut să steje, nu i-o fos slobodă să mai steje*).

2. Святая Пятница Sfînta Vineri (Ștefănuță F. № 145)

Женщина 'пряла и шила' (*torșe și cosă*) в канун пятницы, среды и во все дни, кроме воскресенья. В канун пятницы, поздно вечером, когда она пряла, к окну подошла 'женщина, черная лицом и злая' (*o fimei neagră pi obraz și scărghită*) и попросила выпустить ее в дом. Хозяйка вышла ипустила ее в дом, приняв за соседку. Но это была Св. Пятница. Она попросила 'кудель и прялку' (*on caier ș'o furcă*) и стала прясть. Пока женщина пряла 'одну нить' (*on șir*), Св. Пятница успевала выпрясть 'целое веретено' (*on fus*). Кончив прясть, 'она попросила мотовило, чтобы мотать' (*o șerut răsătoriu să răschie*). Кончив мотать, она послала хозяйку к соседке за 'котлом' (*șeaun*), 'чтобы выварить пряжу до рассвета' (*să șerbim tortu pâr la dzîua*). Соседка, догадавшись, что это — Св. Пятница, которая хочет погубить женщину ('если ты начнешь вываривать пряжу, она тебя вскипятит' *ie, dacă te-i apuca di șert, ari să ti clocotească*), учит ее, как спастись. Надо 'ударить [котел] о порог' (*ăl trântești 'n prag*) и закричать: «Что я наделала! Я испортила котел». Тогда Св. Пятница выйдет 'наружу' (*afară*), 'а ты быстро войди в дом, запри дверь и оставь ее [Св. Пятницу] снаружи' (*și s'r laș afară*). Всё в доме (т. е. всю посуду) надо перевернуть вверх дном (досл. 'отверстием, «ртом» вниз' *cu gura 'n gios*), 'и горшок и бутылку и все, чтобы никто не встал выпустить ее' (*și oală, și șip, și tot... să nu să scoali nimi să-i dei drumu*). Женщина так и сделала. Св. Пятница 'бродила под окнами' (*îmbla pi la fești*) и кричала 'Миска,пусти меня, горшок,пусти меня!' (*strachină, dă-ți drumu, oală, dă-ți drumu*). Но они 'не могли подняться'

и потом ее прядут и делают из нее мотки и кипятят и принимаются сматывать на клубки после этого и делают основу и надевают на ткацкий станок и потом после этого ткнут ее и отбеливают, делают ее белой, и потом ее кроют и делают из нее рубашку'. — Этот текст, так называемый «рассказ о конопле» (*povestea cînepii*), почти каноничен (его варианты, как правило, имеют чисто диалектные различия), носит выраженный ритуальный характер и применяется в специальных целях: медицинских — в заговорах от некоторых болезней (Candrea F. 401), как универсальное средство для изгнания представителей чужого, враждебного мира (см. выше, *Марцоля*, особенно *Мать леса*, Pamfile, 210—212; ср. также изгнание 'вампиров' *strigoi* с помощью песни о процессе прядения. Ștefănuță С. 166 и т. д.). Очевидно, это — один из способов, которым в памяти коллектива сохраняются и передаются необходимые для его существования сведения: бытовой текст, относящийся к сфере культуры, по большей части операционный, сакрализуется — он отливается в фиксированную форму, произносится в фиксированных ситуациях, заучивается наизусть (тем самым гарантируя протяженность во времени) и при этом сохраняет свое практическое значение (ср., например, такст И. Крянги «Лен и рубашка», который сам автор считает сказкой, хотя это только описание процесса изготовления полотна и шитья рубашки, построенное в виде диалога между льном и рубашкой, Creangă, II, 60—62). Тем не менее для Крянги этот текст явно был мифологичным, а не бытовым.

(*nu să puté scula*). Св. Пятница сказала, что если бы женщина этого не сделала, она 'выварила бы ее вместе с пряжей в котле' (*să ti șerb cu tortu la on loc*).

3. Св. Пятница Sf. Vineri (Marian S. 295—296)

'Женщина' (*nevastă*) кипятила в пятницу белье. Когда она налила в 'ушат с рубахами' (*in ciubărul cu cămeșile*) 'щелок' (*leșie*), перед ней появилась 'старуха' (*o babă*), которая стояла, 'как огромный камень' (*ca un stan de pétră*) и, молча, смотрела, как та наливает щелок. Женщина в испуге выбежала 'из дома наружу' (*din casă afară*) и затем, по совету соседки, 'вошла во двор' (*a intrat în ogradă*) и стала кричать:

'Наверху на вершине холма,
Холма Галилейского,
Горит сильно какой-то большой огонь
С пламенем до солнца,
Так, что видно во всем свете,
И удивляется весь свет!'

*Sus pe vârful délului,
Délul Galileului,
Arde strașnic un foc mare
Cu para până la sóre,
De se vede 'n lumea largă,
Și se miră lumea 'ntrégă!*

Св. Пятница вышла из дома, сказав, что 'это пламя сжигает ее детей' (*para aceea arde copiii mei*). Женщина, войдя в дом, 'заперла дверь на засов' (*a încuiat ușa cu rețezul*), 'закрыла окна' (*a astupat fereștile*) и перевернула 'всю посуду' (*tóte vasele*) 'вниз ртом' (*cu gura în jos*). Св. Пятница вернулась разгневанная и, увидев, что 'дверь заперта и она не может войти внутрь... стала окликать посуду по имени, чтобы ей открыли дверь' (*ușa e încuiată și nu pôte intră înăuntru... a început a chema vasele pe nume ca acestea să-î deschidă*). 'Масляный светильник' (*orașul*), единственный, оставшийся неперевернутым, прыгнул, чтобы открыть дверь, но споткнулся о порог, упал и разбился. После этого женщина 'увидела на пороге множество крестов' (*a zărit o mulțime de cruci în pragul ușei*) и услышала 'невидимый голос' (*un glas nevădut*): «... плохо бы тебе пришлось, если бы ты всего этого не сделала!» И после этого ничего больше не было слышно и видно.

4. Джоя Ѓога (P. Parahagi № 36)

'Мать' (*mamă*), уходя из дома, приказывает 'дочери' (*feată* — дочь, девушка) 'крепко запереть дверь и не открывать ее никому' (*să ncl'îdi ușa g'ini și s-nu dișcl'îdi a vîrniî*), остерегаясь Джои, которая 'хватает' (*bagă tu mînă*) 'красивых девушек и юношей' (*feati ș-fičóri mișăfi*).

В сумерки (досл. 'когда день смешивается с ночью' *cîndu se amestecă ziua cu noaptea*) 'в дверях' (*ntră uși*) появляется 'оборванная полуголая старуха' (*nă moași dispul'ată ș-cu cărnurli nafoară*, досл. 'с телом наружу') и просит девушку пустить ее пере-

ночевать. Девушка, забыв запрет матери, впускает ее в дом. Увидев, как старуха 'точит зубы' (*și struxeà /Imperf./ dinfil'*), девушка догадывается, что это *Джоя*, и пытается уйти из дома под предлогом, что ей надо попросить у соседней еды. *Джоя* не пускает ее и сама отправляется за едой. Уходя, она оставляет 'возле двери' (*dipi uși*) 'прялку с веретеном' (*furca cu fuslu*), 'мочится из-под передника' [*k'iše* (Perf.) *pri sum poali*] и закрывает дверь, чтобы девушка не убежала (досл. 'не смылась' — *s-nu fivà di le-aspeală feata*). После ухода *Джои* девушка выбрасывает прялку с веретеном 'наружу во двор' (*nafoară tu avlie*), 'окапывает оскверненное [*Джоей*] место' (*sapă-sapă loclu pinginît*), 'заметает сверху метлой' (*urneaști cu mătura pri supră*), 'закрывает дверь на засов' (*ncl'idi ușa di u sfinuseaști*), закутывается с головой в одеяло и ложится 'в постель' (*tu aștirnut*). *Джоя*, вернувшись, тщетно пытается открыть дверь. Она поочередно обращается к прялке, веретену и моче, но те отвечают, что девушка 'выбросила их наружу' (*arcă nafoară*) и они не могут открыть дверь. Наступает время пения петухов, и *Джоя* уходит. Утром девушка открывает дверь и видит 'тело убитого человека' (*nă mîrși di om vătămât*), принесенного *Джоей* на ужин.

'Вот почему нельзя держать двери открытыми, когда мы одни дома' *De-aestă nu prindi s-ținem ușili dișcl'isi, cîndu h'im singurî în casă*.

Ср. однотипный текст о *Матери леса* (*Mama-pădurii*, *Mama-codrului* и т. д.). Вообще ее функции — пугать и похищать детей и молодых девушек, уводить их к себе в лес и съедать или выпивать из них кровь (см., например, *Candrea F. 165—166*). В верованиях она иногда смешивается с *Жоймэрицей* (*Muşlea, Birlea 201*); ряд сюжетов обнаруживает ее связь с прядением, а через это — с охранительницами (героиня, увидев перед собой страшную старуху, думает: 'если это *Мать леса*, то, может быть, она не убьет ее, а спрядет ей кудель' *dacă-i tuma pădurii și poate că n-a otorî-o, ci-i va toarce fuioarele Pop-Reteganul 32*)¹¹; девушки, которых *Мать леса* заманивает к себе, приходят к ней с прялкой и прядут (*Muşlea, Birlea 532*); как и *Джоя*, *Мать леса* обманом приходит к девушке, которая осталась дома одна (*Stăncescu 274*) и т. д.

5. *Мать леса Mamă-pădurii* (Şezătoarea I, 151)

'Девушка' (*o fată*) встречается 'в лесу' (*în pădure*) с *Матерью леса*. Та приглашает ее к себе 'вечером' (*diseară*) 'с прялкой' (*cu furca*) и обещает хорошо угостить. Девушка берет прялку

¹¹ Эта сказка с характерным названием *Toarceți, fete, c-a murit baba Cloanța* 'Прядите, девушки, потому что умерла баба Клоанца' (*A. Schullerus 1405 1**) вводит в круг охранительниц еще один персонаж: *Баба Клоанца*, здесь искусная пряха, которая выполняет за героиню ее работу. В этой же функции могут выступать и *Св. Четвергица*, *Св. Пятница*, *Св. Суббота* (*P. Schullerus № 78*), ср. и другие тексты, отмеченные А. Шуллерусом.

и 'побольше кудели' (*mai multe caiere*) и идет в лес 'ночью' (*noaptea*) к 'землянке' (*bordeiu*) *Матери леса*. *Мать леса* жарит 'на огне' (*pe foc*) 'человеческую руку' (*o mână de om*). Она впускает девушку, а сама идет 'на чердак' (*în pod*) якобы за угощением. 'Мышка' (*un șorecuț*) предупреждает девушку, что *Мать леса* поднялась на чердак 'точить зубы, чтобы съесть ее' (*să-și ascuță dinții și să te mănânce*). Мышка показывает 'отверстие' (*o borbă*), чтобы убежать. Девушка берет 'прялку, веретено и кудель' (*furca, fusul, caierele*), вместе с мышкой входит в отверстие и возвращается домой 'под землей' (*pe sub pământ*), в то время как *Мать леса* идет 'сверху' (*pe deasupra*), чтобы схватить ее. Девушка входит в дом, 'хорошо запирает дверь' (*închide bine ușa*) и 'переворачивает всю утварь в доме ртом вниз' (*răsturnă toate lucrurile din casă cu gura în jos*). *Мать леса* окликает все предметы, но они перевернуты и поэтому не могут ей открыть. Только 'бутылка' (*o sticlă*), которая осталась неперевернутой, спрыгивает 'вниз с полки' (*jos de pe poliță*), но разбивается. Так девушке удается спастись от *Матери леса*.

Основная функция текстов такого рода состоит в том, чтобы с максимальной точностью и подробностью воспроизвести технику «ухода от наказания» после нарушения запрета. Сам запрет может варьироваться (нельзя *прясть, ткать, шить, стирать, вываривать пряжу* и т. п.), инвариантно лишь то, что он касается *женской ручной работы*, которая выполняется в *н у т р и* дома.

Внутреннее, замкнутое пространство дома является защищающим, обеспечивающим безопасность. Поэтому самый простой способ избежать наказания — не пускать охранительницу *внутри* (в «Джое» это стало содержанием запрета). Границей между *домом* и *внешним* пространством, т. е. между *своим* и *чужим* миром, являются *окно* и *дверь*. *Окно* представляет собой, так сказать, средство визуальной связи *внутреннего* и *внешнего* мира и один из способов проникновения *внутри* представителей *чужого* мира (охранительница обычно ходит *под окнами*, смотрит в *окно*, чтобы проверить, не нарушают ли запрет; после этого она просит впустить ее в дом — ср. также «проверочный» начальный диалог типа «Что ты делаешь, прядешь?» — «Пряду» — «Ну, пряди, пряди»). Гарантией безопасности является *закрытая дверь* («если *Марць-сяра* видит, что дверь открыта, она входит; если нет, пытается попасть *внутри* с помощью всяких хитростей» Pamfile 109¹², см. Там же: *Marți-seara după ușa | Culcă-te, mătușă* 'Марць-сяра у дверей | Ложись спать, хозяйка')¹³.

¹² В свою очередь, и охранительницу не впускают *внутри* с помощью хитрости, например, давая ей трудное задание: *spune-i ca rână atunci nui-deschizi ușa, rână nu-ți aduce viziclu tot cu fir de aur* (Pamfile 113) 'скажи ей, что до тех пор не откроешь дверь, пока она не принесет тебе кофту, всю [расшитую] золотой нитью' и т. п.

¹³ Ср. вообще условия входа представителя враждебного мира:

'Ведьма увидела:
Огонь погашен,

*Strigoaica a găsit:
Focul stins,*

Если охранительнице удалось попасть *внутри*, то избавляться от нее, т. е. от наказания, надо с помощью весьма сложной процедуры. Ситуация считается разрешенной, когда восстановлена оппозиция *свой / чужой*: героиня находится *внутри* дома, в *своем*, *защищающем* пространстве, обязательно *закрытом, замкнутом*, а охранительница — *вне* дома, в *чужом, враждебном* пространстве. Поэтому уход героини из дома *вовне* не разрешает ситуацию и не ликвидирует опасность. Героиня и охранительница должны находиться в разных полях (одна *внутри*, другая *снаружи*), поэтому уход из дома и героини и охранительницы также не восстанавливает оппозицию *свой / чужой*, тем более, что охранительница обязательно возвращается. Единственной гарантией безопасности является повторное «невпускание» охранительницы в дом, т. е. исправление совершенной ошибки. Для этого надо восстановить исходную ситуацию (героиня *внутри* дома, охранительница *вне* дома) и на этот раз не впустить ее в дом, т. е. не открыть двери (никаким другим способом охранительница не может проникнуть *внутри*, так же, как и не может открыть *снаружи* дверь, запертую *изнутри*). Здесь как бы дается обратный ход времени, ситуация проигрывается еще раз, но в более медленном темпе (т. е. с большей детализацией), для отработки специальных технических приемов. Общая схема следующая.

1. С помощью ложной информации героиня заставляет охранительницу выйти из дома.

2. Оставшись в доме одна (или вернувшись в дом, если она выходила наружу), героиня запирает дверь и нейтрализует помощников охранительницы.

3. Охранительница возвращается, требует, чтобы ее впустили в дом, бродит вокруг дома и уходит с пением петухов.

При повторении ситуации все действия героини описываются с гораздо большей точностью и подробностью, чем в первый раз. Если в первый раз охранительницу просто «впускают в дом» (открывание двери может и не упоминаться), то во второй раз сообщаются способы запираания двери и дополнительные «усиливающие» приемы: героиня закрывает дверь «хорошо», «как следует», «на засов» *a încuiat ușa cu rețezul* (Marian S. 296); *ncl'idi ușa di u sfinuseaști* (Parahagi 95); закрывать надо не только входную дверь, но и дверцу печки *a închis ușa la ogeac* (Tușescu 61); ср. также сложные магические действия при запираании двери: героиня 'заперла дверь, к двери положила колесо, а к колесу привязала черную корову' *a încuiat ușa, a pus o roată'n ușa și de roată a legat o vacă neagră* (Pamfile 111); 'женщина притащила навоз к двери снаружи, чтобы нельзя было узнать место'

Окно отворено,
Дверь дома открыта,

*Fereastra destupată,
Ușa casei deschisă,*

(Folc. Olt. Заговоры, № 77—79), после чего она беспрепятственно входит в дом и наносит вред его обитателям.

femeea a cărat bălegar la ușa bin afară, ca să nu mai cunoască locul (Tușescu 61) и т. д.

Следующий шаг, после того, как дверь заперта, — перевернуть всю утварь в доме вверх дном, все сдвинуть со своего места (все предметы героини): *le-a strămutat de la culcușul lor, și n'a rămas nimic nemutat din loc* (Pamfile 111)¹⁴. Особое значение при- дается переворачиванию посуды «ртом вниз».

Вообще в румынской традиции посуда персонифицируется, а отдельные ее элементы идентифицируются с частями человеческого тела: «у посуды есть голова (*cap*), расположенная в верхней части, голова кончается губами (*buză*), которые окружают рот (*gură*), иногда удлинённый клювом (*cioc* или *plisc*)... у посуды есть голос (*glas*), если по ней ударить, она отзывается... голова покоится на горле (*gît*), в свою очередь, опирающемся на живот (*pîntece* или *foale*) и т. д. (Stahl 19). Переворачивание посуды «ртом вниз», нарушение оппозиции *верх/низ*, лишает посуду возможности подняться, пойти к двери и открыть ее. Существенно, что посуда, которая принадлежит *внутреннему* пространству дома и потому, казалось бы, помогающая героине, на самом деле является помощником вредителя, впускает его в дом. Здесь обнаруживается связь между оппозициями *внутренний/внешний* и *верх/низ*: для того, чтобы восстановить оппозицию *внутренний/внешний*, надо нарушить оппозицию *верх/низ* (для того, чтобы дверь не открылась, надó перевернуть посуду)¹⁵.

В текстах, посвященных охранительнице, называется много видов посуды: как правило, это сосуды для хранения жидкостей и для стирки, вываривания пряжи. Посуда делится на *не бьющуюся* и *бьющуюся*. *Не бьющаяся* сделана из металла или дерева: это прежде всего различного рода котлы, чаны, корыта и ушаты (*cazan, căldare, hodoroghie, șeaun, ștubeu* и т. д.), в которых охранительница собирается варить хозяйку дома; кроме того, *не бьющиеся* предметы (*sită* — сито, *cofă* — большой деревянный кувшин для воды)¹⁶ открывают охранительнице дверь. *Бьющаяся* посуда, т. е. посуда из глины и стекла (разного рода миски, горшки, бутылки (*ciob, oală, oaiț, sticlă, strachină, șip* и т. д.), пытается помочь охранительнице, но неудачно. Посуда прыгает *сверху вниз* и разбивается, обычно о порог¹⁷ (иногда ее разбивает сама хозяйка: 'хозяйка стояла с палкой и бац! по горшку' *femeia sta cu bățul și poc! în oală* (Pamfile 110).

¹⁴ См. там же дополнительный прием: 'девушка перевесила иконы на стену, выходящую на запад' *icoanele le-a pus la peretele de către asfințit*.

¹⁵ Ср. прием переворачивания посуды в магической практике, например в заговорах от сглаза (Iarník 546), от солнечного удара, где сосуд с кипятком переворачивают на блюдо (Birlea 364), и т. д.

¹⁶ Вверх ногами переворачивают и треножник — *pirostrie*.

¹⁷ Порог в текстах об охранительнице играет особую роль: это своего рода «пик энтропии», поскольку именно здесь решается, сможет ли охранительница войти *внутрь* или нет, т. е. сохранится ли оппозиция *внутренний/внешний* или будет нарушена.

Другой способ избавиться от помощников охранительницы — выкинуть их *наружу*, за пределы дома: см.: «Джоя», где героиня не только выбрасывает *наружу* прялку, веретено и мокрую землю, но и заметает оскверненное место метлой.

Ситуация *героиня—охранительница, героиня—предметы—охранительница* характеризуется признаком амбивалентности: охранительница враждебна героине, но она же выступает как ее помощница (даже *Джоя* выполняет поручение и приносит «еду»), делает за нее всю работу, причем необычайно искусно и со сверхъестественной быстротой¹⁸. Кипящая вода ошпаривает не хозяйку, а самое охранительницу, в то время как посуда, находящаяся *внутри* дома, как уже было сказано, помогает охранительнице.

Запрет, связанный с охранительницами, имеет строгие временные границы: охранительница приходит *вечером* (в сумерки или совсем поздно) и может оставаться, т. е. вредить, только до рассвета, до пения петухов. Поскольку вначале она выступает помощницей героини, она торопится выполнить всю работу как можно раньше (к полуночи, к рассвету), но делает это для того, чтобы у нее осталось время для наказания виновных. Поэтому для избавления от охранительницы можно воспользоваться временной регламентацией: если не впустить ее до рассвета, отвлечь рассказом (рассказ о конопле), который длится до пения петухов, ее злокозненные намерения будут нейтрализованы.

От анализа структуры текстов можно перейти к характеристике охранительниц в более широком плане.

Поскольку все связанные с днями недели охранительницы дублируют друг друга не только функционально, но и по прочим формальным и семантическим характеристикам¹⁹, по крайней мере на первом этапе, их можно рассматривать как единое женское божество, связанное с основной *женской* работой — *прядением* (в широком смысле, начиная от обработки сырья и кончая шитьем).

¹⁸ *Marțoalea... șapte fuse dint'una mână o țipat de odată gata* (Mușlea 221) 'Марцоля... семь веретен спряденных из одной руки сразу бросила готовыми': *da păr torșe ie on șir, Sfânta Vineri torșe on fus* (Ștefănișă F. 151) 'пока пряла она [женщина] одну нить, Святая Пятница пряла целое веретено'; *Marți-seara... pe mică pe ceas dădea caierul gata că fata nici nu dovedea să-i întocmească furca* (Pamfile 111) у Марць-сяры... в один миг вся кудель была готова, а девушка только успела приготовить прялку'. Ср. также мастерство прях, в частности, Бабы Клоанцы в сюжете A. Schuller 1407 1*: *nu se putea destul mira de iuțeala cu care se învîrtește fusul în degetele babei* (Pop-Reteganul 31) [девушка] 'не могла надивиться тому, как быстро крутилось веретено в пальцах старухи'; *baba toarse-n citeva minute tot inul, apoi îl făcu gheme* (Там же 33) 'старуха спряла в несколько минут весь лен, а потом смотала его в клубок' и т. д.

¹⁹ Тем более, что их приуроченность к определенному дню не всегда фиксирована: *вм. Марцоли* может выступать *Св. Среда, Св. Пятница* приходит в четверг и т. п., поскольку «сегодняшний день, по убеждению народа, начинается с вечера предыдущего дня» (Pamfile 115).

Как известно, акт прядения во многих традициях сакрализован в весьма сильной степени, так что его магическая и символическая ипостаси выступают вполне самостоятельно и в каком-то смысле превалируют над непосредственно практической функцией. Женское божество, связанное с пряжей, занимает одно из первых мест в пантеоне, относящиеся к нему ритуальные действия, рекомендации и запреты разработаны особенно детально²⁰. Через мотив «прядение» может быть установлена большая часть универсальных семиотических оппозиций, представляющих в модели мира *женское*. Кроме того, мотив «прядение» обнаруживает достаточно разветвленные мифологические связи с другими мотивами, что в итоге приводит к весьма архаическому уровню (ср. хотя бы неслучайность метафоры *urzirea pămîntului* 'тканье', 'навивание' или 'создание земли').

При многоплановой характеристике охранительницы целесообразно выделить семантические поля, которые можно будет представить как своего рода семантический словарь²¹, интерпретируемый в терминах основных семиотических оппозиций.

Внешность

Внешность охранительницы описывается признаками *женский, старый, черный, злой, безобразный* (последний признак означает принадлежность охранительнице признака *отрицательный*, ее злокозненность, поскольку *безобразный* в фольклоре — это именно *безобразный*, непредставимый, лишенный конкретных черт), к этому же относится и ее определение 'нечистая' *necurată*, т. е. принадлежащая к иному миру. Специально отмечаются ее распущенные *волосы* и большие *зубы*; упоминаются также *глаза* и *пальцы*; отмечается, что она ходит *оборванная* и *полуголая* (отсутствие одежды вообще есть признак ведьмы), см., например:

Св. Пятница — 'старая-старая старуха, с двумя сотнями лет («зим»), за спиной' *o babă bătrînă, bătrînă, cu două sute de ierni în spate* (Rad.-Codin 62); 'старая-старая женщина бродила с клюкой' *o femeie bătrînă, bătrînă umbla* (Imperf.) *cu cârjă* (Tuțescu 62)²²;

²⁰ Ср. описание технологии производства фламандских кружев (XVI—XVII вв.), выглядящее как сложный ритуал: «Фламандские кружева славились своей необыкновенной тонкостью благодаря качеству нитей, изготовлявшихся из льна, который выращивался на полях Брабанта. Нити прялись в сырых, полутемных подвалах специально для того, чтобы кудель оставалась влажной и давала возможность выпрядать эластичную, тонкую, почти невидимую глазу нить. Пряжами были главным образом девушки и даже маленькие девочки, так как для этой работы требовались нежные руки и необычайно тонкое осязание» (Бирюкова 7).

²¹ Т. е. список полнзначных слов с относящейся к ним семантической информацией; о принципах составления такого словаря для фольклора см.: Мелетинский.

²² Ср. также: 'вышла из дому старая женщина, эта была Св. Воскресница' *ieși din casă o muiere bătrînă, era Sfînta-Duminecă* (Pop-Reteganul 183).

'старуха... которая стояла как огромный камень' о *babă... ci sta ca un stan de petră* (Marian S. II 295); 'женщина черная лицом и злая' (досл. 'яростная') о *fimei neagră pi obraz și scârghită* (Ștefănuță F. 151).

Жоймэрица — 'очень безобразная женщина... с распущенными волосами и оскаленными зубами' о *slută de femeie urită... despletită și cu dinții rânjiți* (Ciașanu 230—231); 'высокая как дерево и толстая как бочка... одетая в черное... с зубами большими как плотничьи тесла' *înalță cît un arbore și groasă cît o bute. e îmbrăcată în negru... dinți mari cît teslele dulgherului* (Mușlea, Birlea 201); 'оборванная старуха, с телом наружу... точила себе зубы' *nă moași dispul'ată ș-cu cărnurli nafoară... și struzeă dințil'e* (P. Parahagi 94).

Св. Среда — 'вдова голая и с распущенными волосами' *văduvă goală și despletită* (Mușlea, Birlea 221).

Марцоля, Марць-сяра — 'была женщина, черная, с связанной головой... нечистая' *femeie era, neagră, legată la cap... necurată* (Mușlea 220); 'злая старуха' о *babă răutăcioasă* (Pamfile 109); 'злющая старуха' (досл. 'почерневшая от злости' — *catran* 'деготь') о *babă cătrănit de afurisită* (Pamfile 110).

Ср. также описание трех чудесных прях (P. Schullerus № 78): *Св. Четвергица, Св. Пятница и Св. Суббота* «с громадными безобразными зубами, с громадными косыми глазами»; описание *Бабы Клоанцы* (Pop-Reteganul 31), о которой говорится, что она похожа на *Марцолю*, 'длинная, высохшая, горбатая старуха, с длинными зубами как зубья граблей... оборванная... опирается на палку... у нее искривленные («ссученные»)... пальцы' о *babă lungă, seacă, gheboasă, cu niște dinți lungi ca și colții de greblă... deșirată... răzimată pe o cîrjă... degete... sucite*; внешность трех прях в аналогичном истрорумынском варианте (Popovici 71) 'три тетки... одна без ноги... одна без пальца... одна без губ' *trei țete... urę fără de pičor... urę fără de jăjet... urę fără de usne*.

Признаки *длинные распущенные волосы*, вообще *волосатость*, *длинные острые зубы*, *острые ногти*, *громадные размеры* особенно характерны для описания *Матери леса* (*Дочь леса, Лешая* и т. п.): «она изображается как старая женщина, черная лицом, безобразная, ростом с дом, с волосатым телом, с длинными, до пят, распущенными волосами» (Candrea F. 165), см. также 'с большими волосами, до земли волосы, и очень длинная... лешая, дикая женщина, была покрыта волосами, с длинными волосами, безобразная... длинные волосы, до ступней ног на ногах с копытами как у лошади, длинные волосы... лицом черная, безобразная' *cu păr mare, până la pămînt păru, și tare lungă... pădureană, miere sălbatică, iera flocoasă, cu păr mare, hîdă... un păr mare, până'n tălpile pchicioarelor, la pchicioare cu copită ca a calului păr mare... la față neagră, hîdă* (Mușlea 218—219); 'у *Матери леса*... глаза огромные (как сито, как миски)' *Mama-pădurii... are ochi enormi*

(*cît o sită, cît străchinile*) (Mușlea 198). Ср. также клише для изображения Матери леса в заговорах:

'Ты клыкастая,	<i>Tu colțato,</i>
Ты зубастая,	<i>Tu zimbato,</i>
Ты, Мать Леса'	<i>Tu, Mama-Pădurii</i> (Densusianu L. 157)
'Ты, мать леса,	<i>Tu, mama pădurei,</i>
И самая безобразная на свете!	<i>Și urita lumei!</i>
Клыкастая...'	<i>Colțato...</i> (Tazlăuanu VIII 207).

Специально отмечается связь *Матери леса с огнем* (см. далее: *огонь* в связи с охранительницей): входя в дома, она садится 'к печке у огня' (*pe vatră lângă foc*, Stăncescu 273), 'греет ноги у огня' (*stînd cu picioarele la foc*, Basme I, 159), жарит на огне человеческую руку (Candrea F. 167).

Существенно, что при описании ее внешности появляются сравнения с орудиями прядения или с другими орудиями, характеризующимися признаком *длинный* и *острый*, см.: Candrea F. 165:

'С руками, как мотовила,	<i>Cu mâinile, cât rășchitoarele,</i>
С ногами, как песты,	<i>Cu picioarele, cât prăjinile,</i>
С глазами, как сита,	<i>Cu ochii, cât sitele,</i>
С зубами, как тесла,	<i>Cu dinții, cât testele,</i>
С ногами, как серпы... ,	<i>Cu unghiile, cât secerile...</i>

а также 'с распущенными волосами и черная и с руками как мотовило, и раздувающаяся' *despletită și neagră și cu mâinile ca rășchitoarele și boboșată* (Stăncescu 274). Сравнения с орудиями прядения употребляются для характеристики других персонажей, непосредственно не связанных с охранительницей. Можно, однако, предполагать, что появление соответствующих лексем не случайно, а свидетельствует о более косвенных и глубинных соответствиях, выявляющихся на других уровнях²³. См., например, описание персонажа по имени *Buricul Diavolului* (Furtună 17) — 'Пуп Дьявола' (?), 'Душа Дьявола' (?), м. б. 'Палец Дьявола' (?): 'чудовище сгорбленное и безобразное, размером с локоть, с ногами как прялка, с руками как веретено и с головой как клубочек пряжи' *o matahanie strămbă și urită, înaltă de un cot, cu picioarele ca furca, cu mâinile ca fusul și cu capul cât un ghemușor de tort*. Этот персонаж, кроме того, связан с *огнем*, он сжигает героев в большой печи.

²³ Ср., например, мотив повозки *car*, общий для *Дней* и для *Матери леса*, что, несомненно, требует дальнейшего исследования и интерпретации: *Дни*, чтобы наказать людей, забирались к ним в повозки — *Мать леса* забирается к людям в повозки, так что их нельзя сдвинуть с места; ср. также мотив *повозки* в заговоре от *Матери леса*: 'она положила девять деревянных повозок в огонь' *pusasă nouă cără d'e lemne p'e foc* (Folc. Olt. I, 335).

Таким образом, связь с *прядением*, с атрибутами прядения считается достаточным основанием для включения некоторого персонажа в круг, связанный с реконструируемым женским божеством—охранительницей. С другой стороны, ряд черт, отмеченный у этих персонажей («вторичных»), может быть в дальнейшем включен в парадигматику «первичных» персонажей.

Атрибуты

Атрибутами охранительницы являются прежде всего *прялка* и *веретено*, а также другие предметы, связанные с прядением, ткачеством и шитьем (см. дары *Св. Пятницы* — золотое веретено, ткацкий станок, который сам ткёт, золотое мотовило, которое само мотает, *Şaipenu*). У *Марцоли* семь веретен с куделью; *Св. Пятница* просит кудель и прялку, затем мотовило; *Марць-сяра* просит, чтобы ей принесли прялку (см. соответственно *Muşlea* 221, *Ştefănuşă F.* 151, *Pamfile* 111). *Джоя* ходит с прялкой и веретеном, хотя и не прядёт (Р. *Parahagi* 95). См. эти же атрибуты у трех *мир* (*мойры*, соответствующие др.-греч. *Паркам*): 'приходят три мойры, с прялкой за поясом и с веретеном в руках, прясть ему судьбу' *vin treili miri, cu furca m-brîn şi cu fuslu to mină, si-l' toarcă căsmetea* (Р. *Parahagi*, 127); у третьей *мойры* за поясом ножницы (*foartică*), которыми она перерезает нить жизни²⁴.

С прялкой, веретеном, куделью появляется *Богоматерь*, как известно, отождествляемая со *Св. Пятницей*. См. в связи с этим рождественскую коляду, интересную тем, что в ней процесс прядения описан достаточно детально (*Colindul Sf. Marii*. *Tazlăuanu VI*, 19):

'Ходит моя
Матушка Святая Мария.
С прялкой белой у пояса,
Зеленая шелковая кудель (пряжа),
Вся сплетенная в шесть нитей.
На серебряное веретенце
Тянет нить
Золотую,
Прядет свивальник Христу,
Новорожденному для крещения'.

*Mi-se plimbă
Măicuţa Sfânta Marie.
Cu furca d'albă la brâu,
Caier verde de mătasă,
Tot cu' mpletitură 'n şease.
P'un fuscior de arginţel
Trage fir
De boidafir
Toarce faşă lui Hristos,
Că s'a născut şi să-l boteze.*

См. также мотив кудели (*fuior*), из которой *Богоматерь* плетет сеть (*mreaţă*), чтобы вытягивать души грешников из ада (*Voronca* 137)²⁵.

²⁴ Ср. в связи с этим арумьнскую сказку, где в роли *мойры*, притом благожелательной, выступает *Мать леса*: 'Я — мать леса и мойра людей' *Tei escu tuma a pădurii-lor şi mira a boteii-lor* (*Obedenaru* 54).

²⁵ Вообще прядение и его атрибуты часто встречаются в волшебных сказках при описании женского персонажа обладающего чудесными свойствами,

Кроме прялки, веретена, кудели и под., охранительница связана с огнем (*foc*), золой, пеплом (*cenușă, scrum*) и соответственно с очагом, печью (*ogeaș, cuptor*); с водой (*apă*) и через это — с посудой; вода и огонь обычно выступают в сочетании друг с другом. Воду нагревают на огне: *вода + огонь* → *кипяток*; *кипяток + зола* → *щелок*; *кипяток + щелок* — основной состав для вываривания пряжи и стирки белья²⁶. См.: *ea umblă cu o troacă, strachină, căldare, oală, ciob cu foc sau jar, cu un vătrai ars sau chiar cu un cuptor, căruia-i «dă foc», cu apa fiartă sau un sac de cenușă* (Mușlea, Birlea 202) 'она [охранительница] бродит с корытом, миской, ведром, горшком, черепком с огнем или горящими углями, с раскаленной кочергой или даже с печью, в которой она «разводит огонь», с кипящей водой или с мешком золы'.

Атрибуты охранительницы распадаются на две группы, каждой из которых соответствуют определенные признаки:

1) *острый, колющий, режущий, ударяющий*: *прялка* (распространенный тип румынской прялки — нечто в роде двузубых вил), *веретено, кочерга* и под., ср. также: *la brîu un cuțit «tăietor», și ciocane sau ciocănele* (Mușlea, Birlea 202) 'у пояса нож «режущий», и молотки или молоточки'. Существенно, что, кроме специальных режущих инструментов, сюда включаются соответствующие детали ткацкого станка (*sul, țâă* и т. д., см. далее) и др., т. е. предметы, имеющие отношение к прядению в широком смысле;

2) *мягкий, длинный (протяженный), бескостый*: *кудель, пряжа, нить, очесы* и под.;

3) *мокрый, влажный*, обычно в сочетании с *горячий, горящий*: *вода, кипящая вода, вода с золой (щелок), вода, стоящая на огне*.

По этим же признакам может быть описана и внешность охранительницы, отдельные элементы внешности могут быть сопоставлены и отождествлены с атрибутами:

острый: *прялка, веретено* — *зубы, ногти*;

мягкий, протяженный: *кудель, нить* — *волосы*;

мокрый, влажный: *вода* — *urină, слюна*.

Дальнейший анализ показывает, что вся семантическая сфера охранительницы, набор связанных с ней семантем удовлетвори-

см., например, «Девушка из камня» *Fata din piatră* (Rad.-Codin 95):

Крошечный домик,	<i>O căsuță mititică,</i>
Крытый скабиозой (лесная астра),	<i>Coperită cu sipica,</i>
И молоденькая женщина	<i>Și-o nevastă tinerică</i>
Сидит на постели, прядет на прялке,	<i>Șade-n pat, toarce la furcă,</i>
Кудель хлопковая,	<i>Cu caierul de bumbac,</i>
Прялка из сирени,	<i>Cu furca de liliac,</i>
Веретено алмазное.	<i>Cu fusul de-diamant.</i>

²⁶ Ср. вообще магическую роль *зола*, из которой делают *щелок*, например, в исторорумынской сказке *Trei surori sărace* (Porovici, II, 52—53), где свекровь закапывает в саду 50 убитых ею детей невестки, приказывает срубить и сжечь 50 деревьев, выросших на могилах, а из *зола* сварить *щелок*.

тельно описывается (хотя, естественно, не исчерпывается) выделенными признаками, во-первых, и что именно эти признаки создают возможность для реконструкции некоторых мифологем, во-вторых.

Благодаря тому, что весь «словарь охранительницы» в целом классифицируется по указанным признакам, отдельные его лексемы могут описываться и представляться друг через друга, образуя единую систему, в которой собственное значение лексемы ослабевает, и она представлена на уровне дифференциальных признаков (иногда может даваться и весьма абстрактное указание на принадлежность к соответствующей семантической сфере, см., например, наряду с обычной метафорой *волосы-кудель* или *кудель-волосы*²⁷, мегленорумынскую загадку, где *волосы* отождествляются с *веретенами*, хотя, казалось бы, они должны попасть в разные классификационные группы: *un pimint acupirit cu fusi* (Capidan I, 37) 'земля, покрытая веретенами': — 'голова'.

Сфера действия охранительницы

В сферу действия охранительницы входят: различные виды женского домашнего труда (см. выше); запреты и рекомендации, связанные с женщиной; наказание за нарушение соответствующих установлений; исцеление некоторых болезней, которые могут быть связаны с нарушением запретов. Вся эта достаточно разнообразная совокупность действий, правил и т. д. описывается ограниченным набором лексем, а в терминах семиотических оппозиций — одним и тем же набором семиотических признаков. Разница, следовательно, заключается в том, что в каждом разделе соответствующий набор лексем находит разное функциональное воплощение. Отношения между группами схематически можно представить следующим образом (лексемы с признаком *острый* здесь условно передаются лексемой *веретено*, с признаком *мокрый* + *горячий* — лексемой *вода*):

- 1) женская работа выполняется с помощью *веретена* и *воды*;
- 2) регламентируется во времени *женская* работа, выполняемая с помощью *веретена* и *воды* (запреты, рекомендации);
- 3) наказание за нарушение соответствующих запретов осуществляется с помощью *веретена* и *воды*;
- 4) болезни, полученные в наказание за нарушение запрета (т. е. болезни от *веретена* и *воды*), излечиваются *веретеном* и *водой*.

Это, разумеется, не более чем фрагмент, но и более подробный анализ выделенных групп показывает, что при подстановке прочих элементов набора (т. е. лексем) тип отношений остается прежним, что и можно видеть из более развернутого описания.

²⁷ Ср. клише *pice-i pârul | ca fuiorul* (Folc. Trans. III, 245) 'падают у него волосы | как кудель' и под., а также магические действия, основанные на подобии волос и кудели: «в колыбель ребенку кладут расчесанную кудель, чтобы у него были *волосы*, длинные и красивые, как *кудель*. . . для того, чтобы волосы росли, их надо мыть в воде с *коноплей*» (Candrea F. 34—35); ср. также *cînepa* 'волосы', 'борода' в рум. арго *şmechereasca* (Sainéan 344).

Женская работа

В нее включаются: прядение, ткачество, шитье, стирка, приготовление еды. Элементы, описываемые признаком *острый*, здесь представлены достаточно непосредственно и не требуют дальнейших комментариев: это инструменты типа прялки, веретена, иглы, ножиц, мотовила, гребня для чесания шерсти (ср. полный изоморфизм гребня для чесания волос), ножа, сечки и т. и., а также различные элементы ткацкого станка и проч. Интересна связь прядения и ткачества с *водой*, явно гораздо более глубокая, чем это вызывается технологией производства (вымачивание конопли, вываривание пряжи, смачивание кудели). См. прежде всего магические действия и приметы, связывающие воду и прядение / ткачество: *până nu ridici răsoiul, se aruncă apă pe sub el, că așa e bine* (Gorovei Cr. № 3857) 'перед тем, как поднять ткацкий станок, нужно плеснуть под него воды, потому что так хорошо'; ср. также более сложную связь *прядения с водой* (притом проточной), где вода играет защитительную роль, являясь границей между *своим* и *чужим* (*живым* и *мертвым*): *dacă toarce o femeie în a cărei vecinătate este un mort, și dacă între casa ei și a mortului este un pârâu, apoi nu-i strică nimica, dacă însă nu-i, apoi capătă amețelă* (Gorovei Gr. № 3823) 'если женщина прядет, а по соседству с ней есть покойник и если между ее домом и домом покойника течет ручей, то ничего не будет, а если нет, то у нее начинает кружиться голова'.

Ср. также загадки о прядении и ткачестве, как правило, построенные по оппозиции *сухой / мокрый* (вода, дождь, роса, снег, слезы):

П р я л к а и р у к и (пальцы) во время прядения:

'Есть две сестры:
Одна сидит под навесом, и дождь ее мочит,
А другая бегаёт в поле, и дождь ее не мочит'.
*Sint două surori:
Una stă sub pătruij, și -o plouă,
Și cealaltă aleargă pe câmp și n-o plouă*

(Cinel, № 796)

'У меня десять сестричек, Пять бегают целый день в поле И остаются сухими, Даже роса их не мочит. А пять сидят под крышей, И всегда мокрые'.	<i>Am zece surioare, Cinci aleargă toată ziua pe câmp Și sint zbicite, Nici de roauă nu-s atinse. Și cinci șed sub strașină, Și totdeauna sint ude</i>
---	--

(Cinel, № 797).

'У меня пять богатырей,
Сидят под крышей и плачут,
А пять бегают внизу в долине и посвистывают'.

*Am cinci voinici,
 Şed sub straşină şi plîng,
 Şi cinci aleargă n. vale şuierînd.*
 (Cinel, № 800, см.: Там же, № 798, 799; Gogovei, № 834,
 835 и др.).

См. также мегленорумынские загадки **х л о п о к и в е р е т е н о**, где сочетаются элементы **мокрый** (вода) + **холод** + **белый** (снег) и **острый, высокий** (гора, забор) (Capidan III № 9, № 94):

‘Есть у меня гора, *Am un munt,*
 По одну сторону снег, *La ună parti neaună,*
 По другую забор...’ *La lantă garduşcă...*

Достаточно сложная загадка об обработке конопли (Gogovei С. № 294) также построена на оппозиции **сухой / мокрый**:

‘По неровной (полосатой) долине *Pe o vale dungată*
 Идешь, опускаешь ее сухой, *Mergi, o bagi uscată,*
 Вынимаешь ее совсем мокрой, *O scoţi udă bine,*
 Оглядываешься назад, *Te uiţi după tine,*
 С верхушки течет вода, *Din vîrf curge apă,*
 Поит землю.’ *Pămîntul de-adapă.*

Кроме **воды**, в аналогичных контекстах может выступать **слюна**, см. многочисленные магические действия, связанные с ней: «когда женщина начинает прясть, она трижды плюет на веретено, чтобы оно быстрее намоталось... на намотанное веретено хорошо поплевать — от сглазу... после окончания прядения на прялку надо плюнуть» и т. д. (Candrea F. 60); см. также мегленорумынские загадки о веретене (Capidan III № 31, 32, 65) типа *am un cal | scurî-l în cur | încălică-la* ‘есть у меня конь | плюнь ему на зад | оседлай его’.

Процесс тканья, т. е. превращения нити в полотно, отождествляется с превращением воды в лед. При этом признак **влажный**, связанный с **водой** и признак **протяженности** сохраняются, реализуется оппозиция **мягкий / твердый**: см. загадки, одинаковым образом представляющие: 1) **т к а ц к и й с т а н о к**, 2) **б ё р д о**, 3) **ч е л н о к** (в ткацком станке):

1) ‘Дует ветер,
И Дунай замерзает’.	<i>Bate vîntul,
Şi Dunărea-ngheaţă</i>
(Cinel, № 826,
см. также № 825).
2) ‘Есть у меня слепая старуха,
Которая делает воду твердой’.	<i>Am o babă oarbă,
Care-ncheagă apele,</i>
(Cinel, № 844)
3) ‘Кобыла пробегает,
Море замерзает’.	<i>Lapa trece,
Marea-ngheaţa</i>
(Cinel, № 849).

Запреты и наказания целесообразно рассматривать вместе, поскольку между ними существует тесная связь и часто в запрете содержится наказание.

Запреты и наказания по признаку *острый*

Нельзя прясть, ткать, шить, причесываться и чесать коноплю, шерсть, лен, стричь волосы и ногти, бриться, подметать, т. е. нельзя употреблять *острых* и *зубчатых* орудий, *колющих* и *режущих* (прялка, веретено, мотовило, различные детали ткацкого станка, гребень, игла, ножницы, нож, метла и т. д.)²⁸. Эти же орудия употребляются для наказания нарушительницы: нарушительницу колют, бьют, режут, причем страдают в основном *глаза* (или *голова*) и *руки* (*пальцы*)²⁹: *Ieu niş nu torc, niş nu ăş vine-ria, c'am năcajit cu ochii. Pin zis am zisat cî mă trăze la prag şi-ni scote ochii cu aşi, cu fusî şi de-atunsi nu cos, nu torc şi nu coc pîni luntă. Ni s'o arătat o fimei displesitî, poati sfînta moarti! Dumnedzău ştii!* (Ştefănuţă С. № 229) 'Я не пряду и не тку в пятницу вечером, беда у меня с глазами. Во сне я видела, что меня тащат к порогу и выкалывают глаза иглами, веретенами и с тех пор не шью, не пряду и не пеку хлеб до понедельника. Мне при-виделась женщина с распущенными волосами, может святая смерть! Бог знает!'; *Dacî-i toarsi 'n spri Sfînta Vineri, ori dacî-i ăşî, apu tătî noaptea-ţ bagî fusîli 'n ochi. Da dacî ăş, apu tătî noaptea ba-tî 'n tălchiţi. Asta şi ieu am apucat. Am ăşut şi dac'am adorînt, pîn zis videm cum îmbli tălchiţii şi iřli. Nu videm pi nimi, da audzăm: cliamp! cliamp!* (Ştefănuţă С. № 231) 'Если будешь прясть на-кануне *Святой Пятницы*, или если будешь ткать, потом всю ночь веретена будут лезть в глаза. А если будешь ткать, то потом всю ночь будешь крутить ткацкий станок. Со мною тоже так было. Я ткала и когда заснула, увидела во сне, как ходит ткацкий станок (досл. педали и рейки ткацкого станка). Я никого не видела, но слышала: тук! тук!'

Ср. также: «та, кто прядет в *пятницу* шерсть, на том свете будет наказана выкручиванием (досл. сучением) шеи» (Gorovei Сг. № 1826); «если шьешь в *пятницу*, потом мучаешься руками» (Ştefănuţă С. № 230); «*среда* и *пятница* — проклятые дни, в кото-рые нельзя шить иглой и ножницами» (Şăinenu 295) «нельзя прясть в *пятницу* — поранишь пальцы» (Gorovei Сг. № 3824); «*Жоймэрица* рубит пальцы тем, у кого к *Великому Четвергу* не срядена вся *кудель*» (Ciauşanu 230—231); женщина, которая подметает в *пятницу*, ослепнет (I. Muşlea CCCLXXIII); «в *пятницу* женщины не расчесывают волосы и не подметают в доме» (Gorovei Сг. № 4108);

²⁸ Сравнение разных источников показывает, что запреты распространяются не только на *четверг* или *пятницу*, но и на все остальные дни недели, см., например, «оборотни. . . делаются. . . потому что женщины прядут ночью (в *воскресенье* или во *вторник* вечером) при свете луны» (Muşlea, Bîrlea 229, см. также 413—421), так что в более широком плане речь идет именно о сакрализации определенных действий, в частности с помощью временной регламентации.

²⁹ Здесь рассматриваются запреты, связанные с женским трудом. Прочие, сравнительно немногочисленные, в частности, запреты, связанные с полевыми работами, в данную статью не вошли.

«шить в день *Св. Пятницы* опасно для глаз» (Bolliac 52); «у той, кто шьет в пятницу, на том свете выскочат глаза» (Candrea F. 216); *Жоймэрица* «режет, рубит, выкручивает пальцы или дробит ногти (на пороге), стуча по ним молотком» (Muşlea, Bîrlea 203) и т. д.; «нехорошо стричь ногти и волосы в пятницу и воскресенье. А будешь бриться, заболят зубы или что-нибудь еще» (I. Muşlea CCCXX); «*Марць-сяра* колет веретеном, в пятницу вообще нельзя работать, особенно острыми инструментами» (Muşlea, Bîrlea 206, 418). Ср.: «*Прялку* кладут на конец давки. Ее никогда не кладут на кровать, к изголовью, потому что... женщина, которая положила ее туда, получит *головную боль*» (Pam. I. 444).

Запреты и наказания по признаку *мокрый, горячий* (вода + огонь)

Нельзя готовить щелок, вываривать шерсть, стирать и кипятить белье, отбеливать полотно, мыться, мыть голову, готовить еду, печь хлеб, т. е. пользоваться *огнем и водой*, греть воду на огне. Симметрично этому наказание — ожоги и обваривание в кипящей воде³⁰. *Жоймэрица* «бросает в огонь прялку и веретена, сжигает необработанные расчески, обжигает пальцы или руки или ногти, кладя их на горящие угли... сует в глаза, в руки горящую кудель», *Св. Пятница* «обжигает тебя или твоего ребенка... бросает тебя в чан с бельем», «нельзя мыть голову», «нельзя печь хлеб, жарить, варить еду», «нельзя мыть детей, иначе они обожгутся» (Muşlea, Bîrlea 202—203, 222, 418); «говорят, что в пятницу нехорошо делать щелок, а тем, кто его делает, не везет с детьми — падает [в щелок] ребенок и обжигается» (I. Muşlea CCCLXXI); за то, что женщина стирает в ее день, *Св. Пятница* хочет обварить ее ребенка (Călinescu 267, Pamfile 110); в *Св. Пятницу* и *Вел. Четверг* нельзя мыться (Căuşanu 325—326); *Марць-сяра* кипятит воду, «чтобы было чем ошпарить девушку» (Pamfile 111, ср. Tuţescu 61); «*Марцоля* задумала положить в чан с водой и щелоком хозяйку и кипятить ее, пока она не умрет» (I. Muşlea 221); накануне *пятницы* 'не стирают в щелоке' (*nu se zoleşte*, Gorovei Cr. № 4110); *Marţ-sara nu cos, nu torc nu ţas... ne temem i'a ghini Marţ-sara... o ghinit la o femeie din sat... o dzîs cã o-a pune'n ciubâr şi o a hierbe* (I. Muşlea 220) 'во вторник вечером не шьют, не прядут, не ткут — боимся, что придет *Марць-сара*... она приходила к одной женщине в деревне и сказала, что положит в котел и обварит'; по *четвергам* и *вторникам* после Пасхи нельзя стирать рубахи, 'потому что сопреет («ошпарится») зерно» (*cã se opăreşte grâul*, Gorovei Cr. № 1603);

³⁰ Соблюдение симметрии *запрет/наказание* необязательно: за *прядение* охранительница может наказать *ожогами*, за *кипячение воды* — *болезнью глаз* и т. п., не говоря о других видах наказания (часто неопределенных «придет *Св. Пятница*», «будет беда», «нападут всякие болезни» и под.). См. также запрещение класть в огонь веретено, так как от этого 'сгорят все пальцы' (*coc degetele toate*, Gorovei Cr. № 1081).

в Великую Пятницу нельзя варить «кислый квас» (*borş*, Marian S. II, 295),³¹ нельзя готовить питу, потому что придет Св. Пятница (Gorovei Cr. № 4113) и т. д.

Запреты и наказания по признаку *внешний*

Основным средством защиты от охранительницы является *замкнутое пространство*, закрытая дверь; нарушение оппозиции *внутренний / внешний* особенно опасно. Нарушение оппозиции среди прочего выражается и в вынесении предметов из дома или со двора *наружу*. Поэтому запрещается выметать из дома сор, выносить сор со двора³², выносить из дома огонь, давать взаймы:

«В понедельник, среду и пятницу нельзя выносить навоз за забор» (Ştefănuică C. 191); «в пятницу не выносят наружу сор» (Ciauşanu 325); «нехорошо убирать навоз вечером в пятницу — будет беда со скотом» (Gorovei Cr. № 157); «в пятницу нельзя выносить из дома огонь, нельзя давать взаймы соль. . . в Великую Пятницу ничего нельзя выносить из дома *наружу*» (Ciauşanu 325, 326); «в Сухую Пятницу или Великую Пятницу ничего нельзя выносить со двора, потому что это нехорошо» (Gorovei Cr. № 4120); «нельзя выносить *наружу*, потому что у тебя умрут дети», «ничего не дают из дома, ни деньги из кошелька, ни еду для подаяния, никакого подаяния, не дают в долг», «не выносят сор из дома или из стойла» (Muşlea, Bîrlea 417, 418); при заговоре от сглаза, произносимом во вторник и в четверг вечером, нельзя ничего выносить из дома, ни хлеб, ни соль, иначе заговор не будет иметь силы (Bîrlea II, 354) и т. д.

Запреты и наказания по признаку *женский*

В сферу действия охранительницы входит контроль за соблюдением брачных правил³³. Основным наказанием для женщин при этом является перспектива вдовства. Запреты строятся на достаточно примечательной связи *прядение — вода — волосы / брак*: «Когда женщины прядут, пусть не кладут 'пряжу на пряжу' (*caier peste caier*), чтобы не овдоветь» (Gorovei Cr. № 4051); «когда девушки прядут, пусть прядут всю кудель до конца, чтобы у них не было безбородых мужей» (Gorovei Cr. № 3557); «если замужняя женщина вымоет голову в среду, верят, что у нее умрет муж» (Gorovei Cr. № 2269); «если моешься в среду, останешься вдовой» (Gorovei Cr. № 4045); «у женщины, которая моет голову во вторник, скоро умрет муж», «девушка, которая вымоет голову в среду,

³¹ См., с другой стороны, поверье, отмеченное в Сербском Банате: *borş*, сваренный в Великий Четверг, будет хорошим весь год (Marian S. II, 268).

³² Есть и противоположные правила: «Жоймэрица. . . наказывает парней, которые не убрали мусор со двора» (Paradîma 413); «в Великий Четверг рано утром подметают дом, выносят мусор во двор и сжигают его, чтобы к дому не приползали черви и жуки» (I. Muşlea 148).

³³ Ср. также явно матримониальные устремления Дочери леса, похищающей молодых парней (I. Muşlea 218).

выйдет замуж за старика»; «если женщина моет голову 9 пятниц подряд и выливает воду на паршивую собаку, у нее умрет муж» (Candrea F. 31—32); «невесте нельзя пряхть до свадьбы, чтобы не расстроилась помолвка» (поверье основано на игре слов *să nu se toarcă. . . ca să nu se întoarcă logodna*, Gorovei Cr. № 1893, ср. № 3764) и т. д. См. также праздник *Repotinii*, приходящийся на третий *вторник* после Пасхи: он состоит в том, что женщины бросают все домашние дела, устраивают угощение; при этом на этот праздник не допускают мужчин, проявляют к ним суровость, отплачивая за все несправедливости, бывшие в течение года (Teodorescu 124) ³⁴.

Болезни, их исцеление

Острые, колющие орудия (прежде всего нож, веретено), вода, огонь — универсальные средства в магической практике для заговаривания разного рода болезней. Особенно интересна их функция в исцелении тех болезней, которые они сами причинили. Здесь используется принцип «обратного хода»: они на - к а л ы в а ю т, на - р е з а ю т, на - м ы в а ю т, на - ж и г а ю т болезни и они же (*similia similibus curantur*) ее с - к а л ы в а ю т, с - р е з а ю т, с - м ы в а ю т, с - ж и г а ю т. Действие остается одним и тем же, но его направление меняется, и соответственно этому меняется его оценка: действие, направленное *вовнутрь*, к пострадавшему, отрицательно; действие, направленное *вовне*, от пострадавшего, — положительно.

Охранительница наказывает болезнями глаз («проколами», «запорошением» — от метлы, кудели), ожогами, нарывами и прострелами (колотьем), а также некоторыми другими болезнями и, в частности, «сглазом», который может включать в себя всевозможные недуги. Тексты соответствующих заговоров носят операционный характер и представляют собой перечисление соответствующих действий или даже последовательное описание некоторого процесса, ср. заговор *De desfăcătură* (Bîrlea II № 13) ³⁵.

‘Сгинь, дух черный и нечистый	<i>Du-te, duh negru și necurat</i>
.....
Перережу тебя серпом,	<i>Ti-oi tăia cu secerea,</i>
Разрежу тебя ножницами,	<i>Ti-oi forfecă cu foarfecă,</i>
Веретенами тебя проткну,	<i>Cu fusurile ti-oi străpunge,</i>
Иглами тебя прошью,	<i>Cu acele ti-oi coase,</i>
Скалкой тебя раскатаю,	<i>Cu sucitoru ti-oi, suci,</i>
Точилом тебя источу,	<i>Cu tocilătoriu ti-oi tocila,</i>

³⁴ Ср., с другой стороны: «*Ропотиний* соблюдается, чтобы не было града» (Mușlea, Bîrlea 364).

³⁵ *Desfăcătură* — болезнь от сглаза, часто проявляющаяся в нарывах и фурункулах — *bubă* (одно из постоянных наказаний охранительницы) ср. также «человек, которого побьют в Великий Четверг, весь год будет страдать нарывами» (Marian, S. II, 269).

Толкушкой тебя истолку
И ножом тебя разрежу'.

*Cu coleşeriu ti-oi freca
Şi cu cuţitlu ti-oi tăia*

(при этом все упомянутые предметы, а также одежда больного кладутся рядом с горшком, в который налита вода и брошены горящие угли). Ср. также 'веретенами тебя выпряду' в заговоре от солнечного удара (*cu fusele ti-oi toarce*, *Bîrlea II № 21*), 'топором тебя разрежала|, Водой тебя затопила' в заговоре от *Матери леса* (*Cu toporul te-am tăiat*, | *Cu apa te-am înecat*, *Folc. Olt. V, 160*) и т. д.

Особенно детально эта техника разработана в заговорах от бельма и от слепоты:

'Идите к (имярек) ...
У которого бельмо на глазу:
Цапкой его выкопайте,
Граблями его выгребите,
Метлой его выметите,
Грибом его заговорите,
Иглой его проколите,
Ножницами его перережьте,
От корня его высушите
И с глаза снимите'.

*Să vă duceţi la...
Că are albeaţă-n ochi:
Cu sapa o săpaţi,
Cu grapa o grăpaţi,
Cu mătura o măturaţi,
Cu vineţică o descintaţi,
Cu acul o înţepaţi,
Cu foarfecele o retezaţi,
De la rădăcină o secaţi
Şi după ochi o luaţi*

(Diaconu II, 428),

см. также 'веретенами тебя проколю, | ложками тебя соберу, метлами тебя вымету' (*cu fusele te-oiu înţepa*, | *cu lingurile te-oiu aduna*, *cu măturile te-oiu mătura*, *Tazlăuanu, VIII, 29*), 'метлой их выметали, | Ножницами их разреzáли, | В воду их бросали' *cu mătura le mătura*, | *Cu foarfecele le tăia*, | *In sâliman le arunca* (*L. Muşlea 47*).

Исцеляют глаза от бельма *Богоматерь* и *Св. Пятница*:

'Пошла я по пути, по дорожке,
Повстречалась на пути с *Пречистой Матерью*,
Что с прялки тянула [нить], с веретена сучила,
Глаз (цвет глаза) от бельма излечивался'.
*Plecai pe cale, pe cărare,
Mă-nţilnii cu Maica Precista-n cale,
Care din furcă trăgea, din fus răsucea,
Ochiul (culoarea o.) de albeaţă se curăţa*

(*Folc. Mold. I, 220*).

'Мать *Пятница*, *Пятничка*
С девятью метлами, метелушками,
Пусть выметет с глаз (X)
Бельмо белое, бельмо черное'.

*Maica Vineri, Vinerele
Cu nouă mături măturele,
Să măture ochii lui (X)
Izbitură albă, izbitură neagră*

(*Folc. Mold. I, 233*).

В связи с охранительницами и в более широком мифологическом контексте весьма интересен мотив *junghiu* — 'прострел', 'колотье'

(ср. его первое значение «укол острым оружием» и его народное название *cuțit* 'нож', или *țeară* 'острие'); ср. также: «увидеть во сне, что прядешь — к прострелу» (Vogonca D. 1088). Прострел, как известно, связан с *Громовником*, поражающим *стрелой* (ср. употребление в связи с *junghiu* глагола *a săgeta* — 'поражать стрелой'). Вместе с тем прострел можно получить, если не соблюдать некоторых правил, связанных с прядением: «нельзя класть на кровать прялку, на которой прядешь», «нельзя оставлять в доме пустое («голое») веретено» (Candrea F. 240). Существует несколько способов излечения прострела; часть из них связана с *острыми*, *режущими* орудиями: ножом, иглой и т. п., т. е. его срезают или прокалывают. Прострел могут не «срезать», а «завязывать» нитью, вытянутой из очищенной конопляной кудели (от прострела хорошо помогает 'летняя конопля' *cînepă de vară*); эта нить называется 'нить прострела' *ață de junghiu*. Завязывание сопровождается заговором, представляющим текст «рассказа о конопле» (см. выше «рассказ о конопле» как средство избавления от охранительницы). См. пример подобного заговора (Bîrlea II № 29):

'Распахали поле,	<i>S-o tăiat ogor,</i>
Не буду пахать поле,	<i>Nu tai ogor,</i>
Пока не завяжу прострел (X).	<i>Fără leg junghiurile (X).</i>
Сею коноплю.	<i>Samîn cînepă.</i>
Не сею коноплю.	<i>Nu samîn cînepă.</i>
А связываю прострел (X)'	<i>Ci leg junghiurile (X)</i>

(далее повторения опускаются)

'Собираю коноплю...	<i>Culeg cînepă...</i>
Вымачиваю коноплю...	<i>Topesc cînepă...</i>
Треплю коноплю...	<i>Meliț cînepă...</i>
Тяну коноплю...	<i>Trag cînepă...</i>
Пряду коноплю...	<i>Torc cînepă...</i>
Сматываю коноплю...	<i>Răștiu cînepă...</i>
Надеваю пряжу...	<i>Pui torturi...</i>
Сматываю пряжу...	<i>Deapîn torturi...</i>
Навиваю основу...	<i>Urzăsc tiară...</i>
Кладу основу...	<i>Pun tiară...</i>
Тку основу...	<i>Țes tiară...</i>
Отбеливаю полотно...	<i>Bilesc pînză...</i>
Крою рубахи...	<i>Croesc cămeși...</i>
Шью рубахи...	<i>Cos cămeși...</i>
От пахоты,	<i>De la arat,</i>
До посева,	<i>Pînă la săminat,</i>
И до шитья,	<i>Și pînă la cusut,</i>
У кого есть прострел,	<i>Cine are junghiuri,</i>
Прострел прошел'	<i>De junghiuri i-o trecut</i>

Ср. также Tazlăuanu VIII, 179 и особенно окончание заговора на стр. 189:

‘Сшил себе рубаху,
Сносил ее,
И как ничего не остается от рубахи!
Так пусть ничего не останется от прострела’.
Ș-o făcut-o cămașă,
Ș-o purtat-o,
Și cum nu se alege nimic de cămașă!
Așa să nu se aleagă nimic de junghiul ³⁶.

Ср. также избавление от прострела с помощью прялки (Diaconu II, 439—440):

‘Прострел (X) остался [один].	<i>Junghiul de la (X) a rămas.</i>
И завыл,	<i>Și s-a văitat,</i>
И заплакал,	<i>Și s-a olicăit,</i>
И он сел верхом на прялку,	<i>Și el pe furcă a-ncălecat,</i>
И в море опустился’.	<i>Și-n mare s-a scufundat.</i>

Связь *junghiul* одновременно с *пряжей* (охранительница) и *стрелами*, *колющим*, *ударами* (Громовник) существенна для дальнейшего анализа некоторых мифологических соответствий охранительницы с другими божествами румынской традиции.

³⁶ Ср. реализацию этого текста в обряде «Рубаха чумы», совершавшемся для защиты от персонифицированной чумы и холеры: «процесс изготовления рубахи составляет важный элемент обряда: ее должны выткать и спить менее чем за сутки, как правило, ночью, девять или семь вдов или девушек. . . в области Фэгэраш семь женщин, все по имени Мария, ткнут вместе рубаху, которую они надевают на куклу, набитую соломой. . . Затем они помещают эту куклу на дерево, на краю деревни» (Eliade 190); см. также Densusianu A. 19: «В прежнее время, когда холера бродила по земле, чтобы избавиться от нее, вот что делали: одна из женщин брала коноплю, пряла ее, навивала основу, ткала и делала из этого полотна рубашку, которую вешала на кол, на краю деревни. Если приходила холера в нашу деревню и находила рубашку на краю деревни, она брала ее и уходила. Иначе от нее нельзя было избавиться». См. воплощение этого же мотива в сказке *Birbicișă* (P. Parahagi № 128), где для освобождения героя, похищенного девятью ‘волшебницами’ (*qine*), девять сестер по имени Мария ткнут ‘льняное полотно’ (*pință di l’in*), из которого потом шьют ‘рубаху’ (*nă cămeșe*). «Рассказ о конопле» (см. примечание 10 наст. статьи) является самостоятельной семантемой, проходящей через разные жанры, в каждом из которых она находит индивидуальную форму выражения. Самостоятельной семантической единицей следует, очевидно, считать и ‘коноплю’, *cînepă*: атрибут охранительницы (сырье для прядения) — почти исключительно *конопля* (а не *шерсть* или *лен*); магические действия, связанные с циклом плодородия, посвящены именно *конопле* (Candrea F. 288—289), см., наконец, обычай ‘Праздника конопля’ (*Clacă cu cînepă*, Truszkowski 417—418) — женский праздник, связанный с прядением, в котором участвуют молодые замужние женщины и девушки, а также молодые парни; праздник сопровождается песнями и танцами ритуального характера (где, в частности, присутствует мотив бросания прялки и кудели в огонь *furcă pă foc și să-t ard’e căieru*); этот же мотив чрезвычайно распространен в так называемых ‘бытовых песнях’ *cîntece de lume*).

Охранительница и гроза

Анализ *запретов/наказаний* и соответствующих атрибутов, связанных с охранительницей, приводит к выделению элементов *огонь—вода—удар / укол—острое орудие*. Все эти элементы входят в семантическое поле, относящееся к *Громовнику*, который поражает виновных *огненными стрелами* (молния) и *водой* (дождем). Непосредственной связи охранительницы с циклом мифов о Громовнике, как будто, не засвидетельствовано³⁷, однако существует ряд более косвенных доказательств некоторых совпадений. Гроза, буря, град, дождь, а также засуха (ср. одно из названий *Страстной Пятницы Vinerea seacă*, явно связанное не только с постом) — одно из распространенных наказаний за нарушение запретов охранительницы: «С Великого Четверга и до Вознесения. . . не прядут, не шьют, не кипятят рубахи и т. д. по четвергам, а то пойдет град или отвернутся дожди и наступит засуха» (Gorovei Cr. № 1631, ср. также № 1795); «верят, что тому, кто соблюдает пятницы, не страшны грозы» (Gorovei Cr. № 4116); «в день Великой Пятницы (Св. Параскева) ничего не шьют, боятся грома, града и глазных болезней» (Gorovei Cr. № 4119). Ср. также Marian S. II, 268 о поверьях Буковины и Молдовы: с Великого Четверга и до Вознесения Господня нельзя прясть, шить и кипятить рубахи, чтобы град не побил фруктовые деревья и посевы или чтобы не случилась засуха; «если работать от Великого Четверга до Вознесения Господня, будет град» (Vikowina 138); «во время сенокоса женщинам нельзя ходить с прялкой у пояса и прясть, потому что будет град» (Sandrea F. 7). См. также запрещение несколько иного характера: «если разобьешь яйцо в день Пасхи, будет дождь с градом», «у того, кто в день Св. Пятницы возьмет и закопает в винограднике яйцо, град в тот год не побьет виноградник» (Gorovei Cr. № 1632, № 4089).

Ср. также приметы: «если в Сухую Пятницу идет дождь, значит год будет урожайный», «если в Великую Пятницу идет дождь, значит, год будет засушливый» (Gorovei Cr. № 227, № 370) и т. д.

То, что *огонь* в *печи* и *кипящая вода* могут в определенных контекстах отождествляться с *молнией* и *дождем*, т. е. с *грозой*, как будто находит некоторое подтверждение в следующем тексте:

³⁷ Более непосредственно с грозой связана *Баба Докия* (A. Schullerus 368*): каждый раз, когда она сбрасывает тулуп, начинается гроза и мороз (Gorovei Cr. № 1148); в наказание бог превращает ее в *камень*, из-под которого течет *вода*. См. также старуху-колдунью (*moași măvâștră*), насылающую грозу, в арумьнской сказке *Lumina cu noiață căpiti* (P. Parahagi № 23); она живет 'в чумном лесу' (*im pădurea trușci'ată*), в избушке. Когда кто-нибудь подходит к избушке, начинается град (*grindini*), гремит гром и сверкает молния. Старуха заманивает путников в избу, взмахивает метлой (*mătură*) и превращает их в *камень* (*keatră*). Метла обладает волшебной силой только во время града и бури. Ср. также: «*Мать леса* выходит только в дождливое время» (Mușlea, Birlea 199). *Când e ploaie ea se suie pe moviță și alungă nourii de ploaie* (Voronca D. 867) 'когда дождь, она [*Мать леса*] поднимается на бугор и разгоняет дождевые облака'.

Ploaia sî rîdicî di pi api. Fierbi apa acoló, ca'n cãzan şî sî rîdicî aburu şî dîn aburu seala sî fac nourî groş şî Dumnedzãu stîrneşti vînt şî-i urniazî dîn urmî undi vre iel sî plouî (Ştefãnuçã C. 195) 'Дождь поднимается с воды. Кипит там вода, как в котле и поднимается пар и из этого пара делаются густые облака и Бог поднимает ветер и идет за ним следом туда, где он хочет пролить дождь'. Аналогия с процессом кипячения воды для стирки достаточно явная, даже на лексическом уровне («кипит вода, как в котле») ³⁸.

Существенно заметить, что охранительница, которая наказывает нарушительниц *острым* и *горячей водой* (имитация грозы), сама боится этого же наказания. Действия нарушительниц угрожают охранительнице, и для того, чтобы обезопасить себя от «грозы», она насыпает ее на женщин. В день *Св. Параскевы-Пятницы* «грешно пряться, так как веретено, кружась в миске, на самом деле ходит по сердцу *Св. Параскевы*» (Сырку, 170); *Ólele acelea dela focû le-aş fi înferbîntatû cu crucile acestea şî te-aş fi fertû pe tine şî pe fêtulû sêû, precum mẽ ferbeþi şî voi pe mine, când zoliþi spre ãiua mea* (Şãinenu B. 985) 'Эти горшки с огня, я бы их вскипятила с этими крестами и обварила бы тебя и твоего ребенка, потому что и вы меня обвариваете, когда стираете в мой день'.

Охранительница боится *горячей воды* (которую можно отождествить с дождем, с *водой*, падающей *сверху*, с *неба в грозу*, т. е. связанной с *огнем*), положительной для нее является *холодная* (или вообще не горячая, не кипящая) и *проточная вода*, ср. противопоставление *дождевой* и *проточной воды*: *большой водой*, образовавшейся от таяния снегов или от дождей, владеют злые духи, *водой* из *источника* — владеют добрые духи (Gorovei Сг. № 90). При определенных условиях *вода* благодаря охранительнице приобретает целебные свойства: купание в *холодной воде*, на рассвете соответствующего дня избавляет от всех болезней: «в день *Великого Четверга* парни и девушки рано утром, перед восходом солнца, идут к воде, обливают друг друга и уходят, веря, что будут здоровыми весь год» (Gorovei Сг. № 70, см. также № 4122, № 3414, Marian S. II 301—303, Ştefãnuçã F. 173, Он же С. 68, Candrea F. 311 и др.).

В сказочных сюжетах АТ 480 задание, которое охранительница дает героине, состоит в том, чтобы накормить или вымыть ее животных, причем вода или еда должны быть 'ни теплыми, ни холодными' *nici caldã, nici rece; nici fierbinte, nici rece şî numai cum îi ara de varã* (Sbiera 274) 'не горячая, не холодная, а как вода летом'. Если в сюжете АТ 368 охранительница боится, что *ошпарят* ее, то в сюжете АТ 480 она боится, что *ошпарят, обожгут* ее животных (другими словами, что и ее животные пострадают от *грозы*).

³⁸ См. также средство от града: «когда идет град, женщины выносят *треножник*, чтобы остановить град» (Candrea Т. 101), ср. переворачивание *треножника* как средство защиты от охранительницы.

Охранительница и Громовник

Далее приводятся некоторые данные, подводящие к реконструкции мифологемы Охранительница — Громовник.

1. О х р а н и т е л ь н и ц а всегда идет *сверху вниз*. Она живет далеко, на вершине *горы*, и оттуда спускается к людям. *Гора* носит определенные варианты названия (христианизированные, восходящие к Галилее и Ханаану), о ней известно, что она находится близко к *небу* (раю), что там живут *змеи* и *ветры*. См.: *Св. Пятница* живет наверху, 'На вершине холма | Холма Галилейского' (*Sus pe vîrful Délului*, | *Délul Galileului*, Marian S. II 295); 'наверху, совсем наверху. . . в хижине' (*sus, sus de tot. . . la o colibă*, Rad.-Codin 62); *Марць-сяра*, *Мьеркура* и *Винеря* живут в 'Канагалийских горах' (*munții Canagalilor*, Pamfile 110); *Марцоля* уходит 'в пустынные горы Гэргэутские', где живет с тех пор и до сих пор (*spre munți cei pustii ai Gărgăuțului*, Pamfile 112); *Марцоля* живет 'на Берегу' (или 'на Склоне') 'Гаралейском' (*la Coasta Garaleului*, I. Mușlea 224); *Марць-сяра* выдает себя за мать девушки, пришедшую 'с того света' (*de pe cealaltă lume*, Pamfile 110), *Мать леса* идет *поверху*, а преследуемая ею девушка — *под землей* (Sandrea F. 105).

Мотив «Галилейских гор» распространен в колядах (*Plugușor*):

'На холме Гэрэрэйском,	<i>În dealul Gărărăului,</i>
Близко от двора змея,	<i>Aproape de curtea zmeului,</i>
Или на горе Симиникийской,	<i>Sau în muntele Siminicului,</i>
Где собираются ветры. . .'	<i>Unde -i bataia vîntului. . .</i>

(Jula, 85, см.: там же, 111
«Холм Гаралинский».)

Ср. также 'на вершине горы | Где собираются ветры' (*-n vîrfu muntelui*, | *În bătaia vîntului*, Diaconu, II 423), а также 419:

' . . . Холм Гаралия.	<i>Dialu Garaliului.</i>
А на холме	<i>Îar în dial</i>
К могиле когда мы пришли,	<i>La mormin(t) cîn am ațiuș.</i>
Увидели рай открытый:	<i>Añ găsit raia diskis:</i>
Столы накрыты,	<i>Mesi-ntiñsi,</i>
Факелы зажжены;	<i>Făcliț-apriñsi;</i>
И Ирод сидел за столом	<i>Și Irod stitja la masi</i>
В шелковой шапке,	<i>Cu tikița di mătasi,</i>
С обнаженной саблей в руке. . . ³⁹	<i>Cu sabița-m mîni scōasi. . .</i>

³⁹ Здесь примечательно смешение *верхнего* (рай) и *нижнего* (могила, Ирод) мира, что, как кажется, свидетельствует о весьма архаическом уровне данного текста; ср. также распространенное поверье, что с *Великого Четверга* и до седьмого или девятого дня после Троицы открыто *небо*, *рай* и *ад* (т. е. вход в *чужой*, *верхний* и *нижний* мир), см.: Cîușanu 191 и др. Мотив «открытого рая» см. также в охранительной молитве (которую читают дети перед сном), обращенной к *Св. Пятнице*, защищающей, среди прочего, от тумана (признак *влажный*), дегтя (*черный*), лягушек, пауков, гадюк,

«Галилейский» холм представляется границей, входом в *чужой мир*; ср. также атрибуты *Громовержца* — горящие *факелы*, *обнаженная сабля* (и вообще интерпретацию *сабли* в связи с *Громовержцем* Vagonca 293—294).

На холме живет *Дочь леса* (*deal unde are ea loc*, I. Muşlea 218), 'она приходит с *ветром* и совершает чудеса наверху' (*ghine cu vânt și fă mninuni ră sus* I. Muşlea 217); *Дочь леса* живет в *камне* (I. Muşlea 218).

Направление *сверху вниз* дублируется в микроуниверсуме (доме): охранительница приходит через *печную трубу*, ходит по *чердаку* (Muşlea, Birlea 202); на *чердаке* хранится ее *прялка* (Ramfile 110), а у *Матери леса* — *мельничный жернов*, чтобы точить зубы (Pop-Reteganul 90). Этот же путь повторяет *посуда*, спрыгивающая *сверху вниз*, чтобы открыть охранительнице дверь⁴⁰, см. также переворачивание посуды *сверху вниз*.

Движение *сверху вниз* отражено в особой группе загадок, которые правдоподобно сопоставить с охранительницей, имея в виду при этом и лексический уровень. Известно, что основное женское божество, до изгнания бывшее *хозяйкой, госпожой верха*, после низвержения с неба становится соответственно *госпожой, хозяйкой низа*. Отмечена большая группа румынских загадок, в которых *госпожа верха* посылает (X) к *госпоже низа* (т. е. *сверху вниз*) с некоторым поручением (принести нечто или выполнить некоторую работу). Загадки этого типа описывают весьма ограниченный круг предметов (см.: Paradima 309): *вода, снег, лед, стекло, бумага, воск; червь, пиявка, язык, брызга, яйцо*. Все они характеризуются признаками, существенными для охранительницы и ее атрибутов: 1) связанный с водой — *мокрый, влажный*; 2) связанный с холодом — *лед, снег*; 3) превращающийся из *мягкого, теплого* в *твердый, холодный*; 4) *бескостый, бесформенный, протяженный* в пространстве (признак *змея* и *змееподобных* существ, а также — в контексте охранительницы — *нити, волос, полотна*). См. некоторые примеры:

Л е д (Cinel № 2533, Ispirescu II № 87; см. также Cinel № 2535):

‘Меня послала госпожа верха
К госпоже низа

*M'a trimes doamna de sus
La cea de jos*

змей, огня, см.: Marjan N. 188—189; мотив открытого (для дождя) неба см. также в связи с *Пеперудой*.

⁴⁰ Ср. также загадки об орудиях прядения и ткачества, построенные на оппозиции *верх/низ*: *веретено*: ‘То вверх, | То вниз | Ходит сердитый братец’ (*Cind în sus, | Cind în jos, | Vine badea mînios*, Cinel № 805, см.: Там же № 801, 802; Sbiera № 19); *мотовило*: ‘Валяй вверх и валяй вниз | Злосчастный бедняга’ (*Haida-n sus și | haida-n jos | Tot un pui de ticălos* Cinel № 813); *полотно* на ткацком станке: ‘Что растет корнями вверх, | А верхушкой вниз’ (*Ce stă cu rădăcinile în sus | Și cu vîrful în jos* Cinel № 833); *прялка* и *веретено*: ‘Под платаном | Прыгает зайчик’ (*Sub un pâlînaș | Joacă-un iepuraș* Cinel № 807) и уже приведенные загадки о прядении.

Построить ей мост через море,
Но без ног («без устоев»).' *Să-i fac pod peste mare,
Dar fără picioare.*

‘Меня послала госпожа верха
К госпоже низа,
Чтобы ты дала ей покрывало
Ненавитое, нетканое, некроеное’.
*M-a trimis doamna de sus
La cea de jos,
Să-i dea un procov
Neurzit, nețăsut, necroit.*

‘Меня послала госпожа верха
К госпоже низа
Соткать полотно сплошное’.
*M-a trimis doamna de sus
La doamna de jos
Să-i țes pînza fără rost*

(rost — промежуток
между нитями в материи).

(Здесь *лед* передается через *полотно*, ср. приведенные ранее загадки, где соотношение обратное: *полотно* загадывается через *лед*: «кобыла пробегает, море замерзает» и т. п.). Почти тождественны загадки о *стекле* (Cinel, № 316), *бумаге* (Ispirescu II № 165), *снеге* (Gorovei, № 1200).

В загадке о *воске* к признакам *мягкий / твердый, относящийся к ткани*, присоединяется оппозиция *теплый / холодный* (ср. сюжет АТ 480, задание охранительницы приготовить «ни теплую, ни холодную воду»). Если предыдущие загадки строились на описании процесса тканья, то здесь описывается следующая стадия — стирка уже сшитого (Ispirescu II № 77, Gorovei С. № 368, см.: Там же № 368а). ‘Меня послала госпожа верха к госпоже низа, вымыть ее рубашу в *теплой воде* и высушить в *холодной*’ *M-a trimis doamna de sus la cea de jos, ca să-i spăl ia în apă caldă și s-o usuc în apă rece.*

‘Послала госпожа верха
К госпоже низа,
Чтобы та дала ей платок,
Вымытый в теплой воде
И высушенный в холодной воде’.
*A trimis dómna de sus
La dómna de jos,
să-î dea batista,
spălata în apă caldă
și uscată în apă rece.*

Я й ц о

Через признак *мокрый*, связанный с *водой*, описывается *яйцо* (которое вообще в системе фольклора является самостоятельной семантемой с многочисленными мифологическими связями), см.: Ispirescu II № 68, см. также Cinel, № 733, № 741; Gorovei № 263: ‘Меня послала госпожа верха к госпоже низа, чтобы та дала мне вино и ракию в одной бочке’ *M-a trimis doamna de sus la cea de jos să-mi dea vin și rachiu tot într-un butoi.*

Пиляка, червь и под., *брынза* и т. д. загадываются через признак *бескостый*, см.:

П и я в к а (Cinel, № 2340) ⁴¹:

'Послала госпожа верха	<i>A trimis doamna de sus</i>
К госпоже низа,	<i>La cea de jos,</i>
Чтобы та дала ей рыбу без костей,	<i>Să-i dea pește fără oase,</i>
Потому что она беременна'.	<i>Că e burdicoasă.</i>

Б р ы н з а (Cinel № 731, см. также № 729, № 730):

'Меня послала госпожа верха	<i>M-a [trimis doamna de sus</i>
К госпоже низа	<i>La cea de jos</i>
Дать ей мясо ягненка	<i>Să-i dau carne de miel</i>
Без единой косточки'.	<i>Făr'de neam de osciorel.</i>

В каком-то смысле эти загадки описывают мир охранительницы ⁴², которая вообще, на основании прочих данных, может быть отождествлена с *хозяйкой низа*, спустившейся из *верхнего* мира в *нижний*. В текстах, ритуалах и т. п., связанных с охранительницей, манифестируется постоянное повторение ее пути.

2. О х р а н и т е л ь н и ц а-вдова (Pamfile 115, Mușlea, Bîrlea 222), у нее есть дети (*copii, pui*), которые живут вместе с нею на *вершине холма* ⁴³ (ср. связь: *семья охранительницы/лица*, которым угрожает наказание: охранительница *женщина, вдова* — она наказывает *девушек* и *женщин*, угрожая им среди прочего *вдовством*; у охранительницы есть *дети* — она вредит маленьким *детям*. Это, в частности, можно интерпретировать как повторение на персонажах более низкого уровня того, что произошло с самой охранительницей и ее детьми. По текстам это можно восстановить в следующем (разумеется, предположительном) варианте: охранительница спускается *вниз*, в то время как ее дети остаются *наверху*, на горе. В отсутствие охранительницы на *горе* вспыхивает *пламя*, которое жжет ее *детей*. Охранительница возвращается, чтобы прийти на помощь детям. Для того, чтобы избавиться от охранительницы, надо сказать, что горит ее дом (Mușlea, Bîrlea 543); что 'горят горы Канагалийские' (*ard munții Canagalilor*, Pamfile

⁴¹ В связи с *пиявкой lipitoare* ср. злокозненное существо *lipitorul, lipitura* 'липучка' и болезнь (истерия у женщин) того же названия, связанная со змеем *sburător* (см.: Sandrea F. 156—157), а также персонаж *lipitura casei* (Ispirescu II, 173, сказка-анекдот), где от предполагаемой *липучки* избавляются «способом охранительницы»: ставят 'на огонь котел с водой' (*căldare cu apă la foc*), а когда вода 'выкипела' (*fierbea în clocote*), выливают на *липучку* 'кипяток' (*apă fiartă*), говоря: 'Сгинь, липучка, | Не то обожгу тебя кипятком' *Fugi, lipitură, | Că te arz cu stropitură* ('кроплением').

⁴² В некоторых загадках *госпожа верха* и *госпожа низа* заменяются соответствующей мужской парой: *господин верха* и *господин низа*; существуют и некоторые другие варианты, для данной работы не обязательные.

⁴³ Ср. также вариант генеалогии *Св. Пятницы*: 'Великая Пятница была девушка девственница, мать Пречистой Марии' *Vinerea-i mare, o fost fată fecioară, mama Mariei Precurate* (I. Mușlea 225).

110); горит дом (*lăcașurile*) охранительницы на 'горах Гэргэутских' (*munții Gărgăuțului*, Pamfile 111), 'на Берегу (или 'на Склоне') Галарейском... горит большой огонь' (*La Coasta Galareului... ieste un foc mare* I. Mușlea CCCXXXIII), на вершине Галилейского холма горит космический огонь 'с пламенем, доходящим до солнца' (*cu para până la soare*, Marian S. II 295), 'горят пламенем дома Св. Пятницы' (*ard casele Sf. Vineri cu vâpăi*, Tuțescu 61)⁴⁴. Охранительница бросается бежать *наверх, домой*: 'это пламя сжигает моих детей' (*para aceea arde copiii mei*, Marian S. II 296), бежит, потому что 'там были ее дети' (*acolo a fost puii Marțolei*, I. Mușlea CCCXXXIII).

3. Превращение детей. В текстах типа АТ 368 не говорится о том, как выглядят дети охранительницы⁴⁵. В текстах АТ 480 (где охранительница выступает под именем едва ли не любого дня недели) функционально место детей занимают животные (ср. также: дети Св. Пятницы — дикие звери, Mușlea, Birlea 222). Они называются также *copiii*, *puii*, *gujuliile* и прочими ласкательными именами, которые в принципе могут относиться и к человеку: Св. Воскресница... 'увидела, что дети прекрасно вымыты' (*a văzut copii lăuși frumos*, Creanga I, 132); героиня ухаживает за животными «лучше, чем многие матери за своими детьми»; по приказанию охранительницы она обращается к ним *gili tamei* — нечто вроде «Цып-цып, мамины [детки]» (правда, «маминны» не обязательно соответствует родственным отношениям, а может обозначать ласковое обращение старшего к младшему по возрасту).

Задание (накормить, вымыть животных) всегда связано с *водой*, которую нельзя доводить до кипения (она должна быть не более, чем теплой — *ară încropită*, Stăncescu 87, ср. выше «летняя вода»): охранительница боится, что животные обожгутся или опарятся, за это виновную ждет наказание. Св. Воскресница за это превращает свою служанку в птицу (Marian P., раздел V); на виновницу нападают змеи или страшные звери и т. п.⁴⁶ Антиге-

⁴⁴ Мотив «горящих гор», очевидно, клиширован, ср. в заговорах: 'Горят горы Галарейские, | Нет не горят горы Галарейские' *Ard munții Galareului, | Va nu ard munții Galareului* (Birlea II 347).}

⁴⁵ Ср. также о детях *Матери леса*:

'Ты, Мать леса,	<i>Tu Mamă a pădur'ii</i>
Ты со Стариком бора	<i>Tu cu Moșu codrului</i>
С твоими дочерьми	<i>Cu fet'el'e tal'e</i>
И с твоими сыновьями'.	<i>Și cu fis'iori tăi</i> (Vasilii 57).

По некоторым поверьям, дети *Матери леса* — деревья в лесу; см. также мотив подмены человеческих детей безобразными детьми *Матери леса* или *Дочери леса* (I. Mușlea 220, Candrea F. 165).

⁴⁶ Здесь везде речь идет о животных, ср., с другой стороны, сказку *Plugul cu boii de aur* (Folc. Trans. III), где заны (*zâne*) приказывают герою приготовить «не горячую и не холодную» еду к тому времени, 'когда придут ветры, ослабевшие от голода' *pe când veneau* (Imperf.) *vinturile lăhnite de foame*.

роиня обваривает животных: «выскочили они все из корыта, у одного лапа ошпарена, у другого хвост, у третьего — глаза» (Sbiera 277, ср. обваривание *рук и глаз* за нарушение запрета); «все звери пожаловались, что обожгли горло» (Ispirescu II, 299) и т. д., см.: Călinescu 97, Folc. Olt. 227, Kremnitz 299 и др. Если в сюжете АТ 368 детей охранительницы сжигает огонь, то здесь их поражает кипяток, т. е. *огонь + вода* (молния + дождь, см. выше о связи кипящей воды с грозой). Несчастье с детьми-животными охранительницы происходит тогда, когда она отлучается из дома.

Если героине дается задание вымыть и накормить животных, ей ставится дополнительное условие (или делается предупреждение), чтобы она делала это без страха и отвращения. В структуре фольклорного текста такого рода условие интерпретируется как «указание на превращение», бывшее и/или будущее: не надо бояться зверя, потому что на самом деле это не зверь (змея, чудовище, с признаком *отрицательный, злокозненный*), а человек, божество (с признаком *положительный, благосклонный*). Еще более показателен в этом отношении набор животных, принадлежащих охранительнице, которые к тому же приходят откуда-то *издалека*, например, из *леса*. Это — хтонические животные, большую часть из которых составляют холоднокровные (земноводные и пресмыкающиеся, ср. существенность признаков *холодный, бескостный, протяженный* для описания мира охранительницы); кроме того, в набор включаются сверхъестественные существа змеино-го происхождения⁴⁷: «змеи, лягушки, ящерицы, зеленые ящерицы, ласки, летающие и нелетающие драконы» *șerpi, broaște, șopîrle, gușteri, nevăstuici, balauri zburători și nezburători* (Călinescu 96); «драконы, змеи, ласки, лесные совы, ящерицы, гадюки и зеленые ящерицы» *balauri, șerpi, nevăstuici, cîhurezi, șopîrle, năpîrci și gușteri* (Ispirescu I 298); «все звери земли: лягушки, змеи, ящерицы, мыши, кроты» *toate jiganiile pămîntului: broaște, șerpi, șopîrle, șoareci, cîrțiți* (Sbiera 277). См. также: «из леса вышли драконы и всевозможные большие и маленькие звери» (Kremnitz 233); «всякие безобразные и мерзкие (нечистые, проклятые) звери» (Stăncescu 90); антигероиня получает в награду «сундучок со змеями» (*lăduță cu șărpi* Folc. Olt. 227) и т. д., см. также магические действия, направленные на то, чтобы к дому «не подходили змеи и *жоймэрица*» (Mușlea, Birlea 358), а также: *Мать леса* «управляет лягушками, змеями, и если укусит кого-нибудь змея, она не принимает ее обратно» (*orînduește cu broaștele, cu șerpi... și dacă mușcă pe cine-va șerpele, nu'l primește înapoi*, Voronca D. 867).

⁴⁷ Ср. в связи с этим *Joia gădinelor* «Четверг гадов», длящийся три дня (четверг, пятница, суббота) и посвященный всем домашним и диким животным, червям, насекомым и под., т. е. всем «гадам» (Marian S. I, 255), ср. у Блока «— Душа моя рада | Всякому гаду | И всякому зверю...»

«Человеческая» природа змееподобных существ или во всяком случае их способность превращаться в человека или из человека, известна (см. хотя бы летающего дракона *sburător*, в которого был превращен юноша, и т. п.). Засвидетельствованы также мотивы низвержения *змея/червя вниз, под землю* и поражения его *камнем* и *водой/дождем*. См. прежде всего обычные загадки о черве: 'ремешок скользкий [смазанный жиром] | под землю спрятанный' *cirelușă unsă | sub pământ ascunsă* (Ispirescu II № 66); 'ремешок скользкий под землю уведенный' *cirelușă unsă pe sub pământ dusă* (Sbiera № 111), а также:

'Вы, крапивы, вытащите червей из (X),
Не то твоего отца и твою мать в темницу посажу
И камнями их убью'.

Voi, urzicilor, scoateți, viermii de la (X)
Că pe tată-to și pe mă-ta în temnița i-oi închide
Și cu pietre i-oi ucide

(Folc. Mold. I, № 347) ⁴⁸.

'Дождь пошел и его погасил. *Plouașă arădui și-l stîNSE.*
Петру пистрицу гневается'. *Petru pistrițu să mîni'e.*

(Vasilii, VII),

заговор от змеи; *Петру пистрицу* — «Пестрый Петр» или «Пестрый камень», ср. табу на лексему *змеи* и замену ее лексемой *камень* (Candrea F. 264). См. также и более непосредственно связанные с охранительницей мотивы о *змее*, выводящей *яйца* на *вершине Гаралея* (дом охранительницы) или вообще *наверху*, на дереве (калина, ель):

'Сидела змея на яйцах	<i>Clocea șerpele</i>
На вершине Гаралея	<i>La virfu Galareului</i>
Птенцов выводила.	<i>Pui me scoate.</i>
Не смогла свить гнездо,	<i>N-o putut face cuib,</i>
Не смогла вывести птенцов...	<i>Nici o putut scoate pui...</i>

(Bîrlea, 397).

см. Там же, 395, 396, см. также змея, сидящая 'на золотых плитках' *pe lespezi de aur* (Folc. Trans IV, 32); далее в приведенном заговоре появляется камень *piatră îngurguțată*, около которого берут воду, и от этой воды 'тварь издыхает' *gîndacu încă seară*.

К числу превращенных из человека животных принадлежит также *мышь* (помогающая героям спастись от *Матери леса*) и *ласка*, о связи которой с охранительницей /прядением и змеями, как будто, пока не говорилось. Между тем *ласка* (*mustela nivalis*)

⁴⁸ Связь *молния* (нож, сабля) — *червь* можно предполагать в вырожденных текстах типа *Cușitele Domnului, |Sabia curcanului| Limbirci, custurici; Cușitele Danului, |Sabia|Cotanului| Limbirci Codolici* (Voronca 293—294), а также магические действия, практикуемые при изгнании червей: 'если червь пойман, когда он подходит к «предназначенному», ему вонзают веретено в заднюю часть' (*dacă viermele e prins cînd vine la cel «menit», i se înfige un fus în șezut*, Mușlea, Bîrlea 490).

занимает особое место в окружении охранительницы и в широком мифологическом контексте.

Название *ласки nevăstuiică* — «женушка» — табуировано (что, впрочем, находит аналогии и в других традициях, в частности, в славянской, см.: Фасмер, Трубачев).

Ласка имеет человеческое происхождение: в *ласку* была превращена дочь священника, которая ленилась прясть (A. Schuller, Anhang, I, 105; Gorovei, № 2660; Muşlea, Bîrlea, 281).

Магические действия, направленные на то, чтобы избавиться от *ласки* (она кусает человека и скот), связаны с *прядением* и его атрибутами: «когда появляется *ласка*, ей кладут *прялку* и *веретено*, чтобы она убежала, чтобы не покусала скотину», «когда видишь *ласку*, то, чтобы она убежала из этих мест в другие, надеваешь на *палку* конопляную *кудель* и *палку* прикрепляешь к забору. *Ласка*, когда видит *палку* с *куделью* и *веретено* против *прясть* — и уходит отсюда» (Gorovei Cr. № 2662, № 2665); «под навес кладется *прялка* с *куделью* и *веретено* против *ласки*» (Т. Parahagi С. 42); «чтобы отогнать *ласку* от дома, ей кладут *прялку* с очесами и *веретено*» (Muşlea, Bîrlea 282); ср. также запрет, связанный с *лаской*: «если работать в день Св. Георгия, *ласка* кусает скотину» (Bukowina 140).

Шкурка *ласки* употребляется как целебное средство в магической практике, (ср. аналогичное употребление змеиной кожи); она — необходимый атрибут знахарей и деревенских лекарей. Сочетание с *влагой*, *водой* при этом обязательно: «шкурка *ласки* хороша, если ее вымыть в воде, и вымыть и окропить этой водой скотину распухшую, укушенную тоже *лаской*» (Gorovei Cr. № 2666, см. также № 2668); «укус *ласки* (когда спишь) излечивается промыванием 'нетронутой водой' (*ară neîncerută*), пролитой через шкурку *ласки*, натянутую на рогатину» (Gorovei Cr. № 2669); «шкурка *ласки*, высушенная, хороша от лихорадки» (Gorovei Cr. 400); «укушенный *лаской* пусть промоет рану водой, пролитой через шкурку *ласки*, растянутую и высушенную на деревянной рогатине, мездрой наружу» (Candrea F. 309); «если *ласка* укусит корову, берешь солому, смешанную с сажей, и кладешь ее в выщербленный горшок, а потом наливаешь — да прости меня — человеческую мочу на эту солому, а потом кладешь шкурку *ласки* в горшок и хорошенько смачиваешь. . . А потом обмываешь корове укушенное копыто, вымя» (Todoran СХХII) и т. д.

Ласка связана со *змеями* и змееподобными существами; укус *ласки* отождествляется с укусом *змеи*, а через это и сама *ласка* — со *змеей*. Ср. прежде всего загадку о *ласке*, почти полностью совпадающую с распространенной загадкой о *черве*:

Червь (Gorovei Cr. № 1548°)

'Мне кричит девушка с холма,
Чтобы я защитил ее от кур,
Потому что собак она не боится'.

Mă strigă o fată din dël,
S'o apăr de găini,
Că de câni nu-î e frică.

Ласка (Cinel № 2204):

'Кричит Марица с холма,
Чтобы ты защитил ее от кур,
Потому что собак она не боится'.

*Strigă Marița din deal,
S-o aperi de găini,
Că de cini nu-i e frică.*

Загадка о ласке по существу бессмысленна: ласке, напротив, должны быть опасны собаки, а не куры. Здесь существенно упоминание холма и имени Марица, вообще связанном со змеями и змееподобными существами (в связи с этим имя Жоймэрица требует специального рассмотрения).

См. также текстуально близкие заговоры от ласки и от змеи (Т. Parahagi С. XXVII и XXVIII):

'Ласка белая,	<i>Navîscă albă,</i>
Ласка черная,	<i>Navîscă neagră,</i>
Ласка желтая,	<i>Navîscă galbără,</i>
Ласка сизая,	<i>Navîscă porumbă,</i>
Ласка белолобая,	<i>Navîscă brează,</i>
Ласка из камня,	<i>Navîscă de piatră,</i>
Ласка с берега (со склона),	<i>Navîscă de coastă,</i>
Ласка из болота'.	<i>Navîscă de baltă.</i>

'Змея белая,	<i>Șerpe alb,</i>
Змея черная,	<i>Șerpe negru,</i>
Змея желтая,	<i>Șerpe galbăr,</i>
Змея сивая,	<i>Șerpe sur,</i>
Змея сизая,	<i>Șerpe vînat,</i>
Змея из воды,	<i>Șerpe de apă,</i>
Змея из болота,	<i>Șerpe de baltă,</i>
Змея с берега (со склона)'.	<i>Serpe de coastă.</i>

Существенно указание на связь ласки с камнем, а также на связь ласки и змеи с берегом, краем и с влагой, водой. Аналогичный приведенным заговор от солнца (т. е. от солнечного удара) вводит семантемы змей и ласка в космологический контекст (Folc. Trans. IV 35):

'Сгннь, великое солнце,	<i>Fugi, soare mare,</i>
Солнце белое,	<i>Soare alb,</i>
Солнце красное,	<i>Soare roșu,</i>
Солнце сизое,	<i>Soare vînat,</i>
Солнце багровое,	<i>Soare mohorit,</i>
Солнце черное,	<i>Soare negru,</i>
Солнце зеленое,	<i>Soare verde,</i>
Солнце желтое,	<i>Soare galbin,</i>
Девять солнц,	<i>Nouă sori,</i>
Идите на гору Пипетул	<i>Să vă duceți în muntele Pipetului</i>
И там взойдите...'	<i>Și acolo să răsăriți...⁴⁹</i>

⁴⁹ Ср. ту же модель в заговоре против ветра-злого духа (Marienescu 727):
'Ветер большой, *Vîntul cel mare,*
Ветер сильный, *Vîntul cel tare,*

(Ср. горы и холмы, связанные с охранительницей и соответственно с Громовником и с огнем).

Змея и ласка отождествляются также по признаку *spurcat*, т. е. нечистый, проклятый: «когда змея или ласка укусит корову или другое животное, говорят — нечистый покусал» (Bîglea II, 395); существуют заговоры общие для змеи и для ласки, см. хотя бы уже приведенный заговор о змее, сидящей на яйцах, на вершине Галарея. То, что ласка не высиживает яйца, очевидно, несущественно, поскольку есть более сильные признаки ее подобия змее.

Эта работа является попыткой составить своего рода «семантический словарь охранительницы» и частично интерпретировать его. Представленный здесь материал, как кажется, дает основания для отождествления охранительницы (поскольку персонифицированные дни недели сводятся воедино) с основным отрицательным женским божеством, «хозяйкой низа», и для некоторых выводов о реконструкции индоевропейской мифологемы о Громовнике и его семье.

В дальнейшем предполагается сопоставить словарь охранительницы с другими тематическими словарями как на уровне отдельных семантем, так и на уровне более крупных единиц. Уже сейчас можно назвать некоторые проблемы, требующие дальнейшего анализа. См., например, связь *прядение* — *камень*, о которой уже говорилось⁵⁰. В истрорумынском тексте о *вилах*, строящих людям дома, эта связь, не вполне ясная, достаточно интересна:

Cire purtat-a ceaste ārpe

O voté fost-a ūancea vilele (ceaste s-a pl'erzut. Iale biveit-a ūa. N-a case vut. Biveit-a ān fund de grope). Pac iale veriā ūi zideia muūate case. Fost-ūaū ān Pula? Ūaū vezut voi cea'arene? Cea iale uzideit-a, ceste vile. O vile vrut-a zidei ūi dus-a pre furche ceasta ārpe ūi tors-a. Ūancea cucutu zepiveit-a ūi cea vote i-a pus-a ūancea ārpa ūi mes-a chia. Ūancea se re fost face biserica. Ceasta ārpa āt de mramor. E vavic hladne ūi ūomu se pote ohladi pre ia, cānd sorele ciuda sveté (Т. Cantemir, 84).

‘Кто принес эти камни’

‘Были здесь когда-то вилы [волшебницы] (они исчезли. Они жили так. Домов у них не было. Жили на дне ям). Потом они при-

Ветер горячий (огненный),	<i>Vintul infocat,</i>
Ветер бешеный,	<i>Vintul turbat,</i>
Ветер с острием,	<i>Vintul cu țeară,</i>
Ветер со стрелой...	<i>Vintul cu săgeată...</i>

(см. мотивы огня, стрелы, острия и вообще связь ветра с грозой).

⁵⁰ См. также топоним в районе Авделы: *Keātra a Gîoîl'eî* ‘Камень Джои’ Т. Paphagi D. 534.

ходили и строили красивые дома. Были вы в Пуле? Видели эту сцену? Так вот, они ее построили, эти вилы. Одна вила хотела построить и принесла на прялке этот камень и пряла. Тут запел петух, и в этот раз она положила здесь камень и ушла прочь. Надо было бы построить здесь церковь. Этот камень — из мрамора. Он всегда холодный, и человек может охладиться на нем, когда солнце сильно греет*.

Цикл охранительницы связан с другими циклами, в частности, с погребальным, с культом покойников, см. прежде всего день поминовения, приходящийся на *Великий Четверг*, и обряды, связанные с *огнем* и *водой*: 'огни (костры) для покойников' (Marian S. II, 270—276, Vrabie 188) и особенно 'освобождение воды' (*slobodirea apei*, Marian I. 399), состоящий в следующем: «возвращаясь с кладбища домой, берут ведро, идут с ним к источнику, наполняют его водой, а затем несут к месту, где растет зеленая трава, делают на траве круг из камней и 'освобождают воду покойникам' (*slobod apa morților*), т. е. выливают ведро принесенной из источника воды в середину круга, в знак того, что источник делается свободным» (Marian S. II 274). В этих обрядах вычлениются семантемы *вода* (*холодная, проточная*) — *камень* — *огонь*, которые, в свою очередь, принадлежат миру охранительницы.

Не менее интересна связь *прядения* и его атрибутов с магической практикой вызывания *дождя* (Пеперуда, Калоян): так, недавно обнаружен и описан обряд «*Сулул*» (*sulul* — навой ткацкого станка, представляющий собой длинную палку), см.: Rădulescu: в послепасхальный *четверг* молодые девушки и девочки одевают *сулул* в женский наряд и с песнями (сходными с соответствующими песнями Калояна и погребальными) несут его сначала на хлебное поле, а потом к реке, делая вид, что собираются бросить его в воду: обряд сопровождается обливанием друг друга водой.

Здесь названы лишь некоторые проблемы. Естественно, что роль охранительницы в общем мифологическом контексте данной традиции гораздо более широка и значительна; метод анализа по семантическому словарю представляется вполне плодотворным для дальнейшего исследования⁵¹.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ *

- Бирюкова — Н. Ю. Бирюкова. Западноевропейское кружево XVI—XIX вв. Л., 1959.
- Иванов, Топоров — В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М. 1965.
- Мелетинский — Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик и др. Вопросы семантического анализа волшебной сказки.

⁵¹ Авторы выражают глубокую признательность научным сотрудникам бухарестского Университета доктору Ливию Ону и Кристине Кэлэрашу за консультации и помощь в работе.

* В тексте арабские цифры после фамилии автора означают номера страниц. В цитатах везде сохранена орфография подлинника.

- «Тезисы докладов V-Летней школы по вторичным моделирующим системам». Тарту, 1970.
- Сырку — П. Сырку. Из быта бессарабских румын. «Живая старина», XXII, 1913.
- Топоров — В. Н. Топоров. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул. «Труды по знаковым системам IV». Тарту, 1969.
- Трубачев — О. Н. Трубачев. Славянские этимологии 29—39. — «Этимологические исследования по русскому языку». П. М., 1962.
- Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. П. М., 1967.
- Basme — Basme populare românești. I—II, București, 1967.
- Bîrlea. — Bîrlea. Literatura populară din Maramureș. 1—2. București, 1968.
- Bolliac — C. Bolliac. Poezia populară. In: Elogiu folclorului românesc. București, 1969.
- Bukowina — Die Bukowina. Czernowitz, 1899.
- Călinescu — G. Călinescu. Estetica basmului. București, 1965.
- Candrea F. — I.-A. Candrea. Folklorul medical român comparat. București, 1944.
- Candrea T. — I.-A. Candrea. Texte meglenite. «Grai și suflet», vol 2, 1925, № 1.
- D. Cantemir — D. Cantemir. Descrierea Moldovei. București, 1957.
- T. Cantemir — T. Cantemir. Texte istoromîne. București, 1959.
- Ciașanu — Ch. F. Ciașanu. Superstițiile poporului român. București, 1914.
- Capidan — Th. Capidan. Meglenoromâni. I—III. București, 1928.
- Cinel — Cinel-Cinel. Ghicitori. București, 1964.
- Creangă — I. Creangă. Opere. I—II. București, 1970.
- Densusianu A. — O. Densusianu. Antologie dialectală. București, 1915.
- Densusianu L. — O. Densusianu. Limba descîntecelor. «Grai și suflet», vol. 5, 1931, № 1.
- Diaconu — I. Diaconu. Ținutul Vrancei. I—II. București, 1969.
- Eliade — M. Eliade. De Zalmoxis à Gengis-Khan. Paris, 1970.
- Folc. Mold. — Folclor din Moldova. I—II. București, 1969.
- Folc. Olt. — Folclor din Oltenia și Muntenia. I—V. București, 1967.
- Folc. Trans. — Folclor din Transilvania. I—III. București, 1967.
- Furtună — D. Furtună Cuvînte scumpe. București, 1914.
- Gîlcescu — T. Gîlcescu. Cercetări asupra graiului din Gorj. «Grai și Suflet», vol. 5, 1931, № 1.
- Gorovei C. — A. Gorovei. Cimiliturile românilor. Bucuresci, 1898.
- Gorovei Cr. — A. Gorovei, Credinți și superstiții ale poporului român. București, 1915.
- Gorovei D. — A. Gorovei. Descîntecele românilor. București, 1931.
- Iarnik — I. Iarnik, A. Bîrseanu. Doine și ștrigături din Ardeal. București, 1968.
- Ispirescu — P. Ispirescu. Opere. I—II. București, 1969.
- Jula — N. Jula, V. Mănăstireanu. Tradiții și obiceiuri românești. București, 1968.
- Kremnitz — M. Kremnitz. Rumänische Märchen. Leipzig, 1882.
- Marian I. — S. F. Marian. În mormîntarea la români. Bucuresci, 1892.
- Marian N. — S. F. Marian. Nascerea la români. Bucuresci, 1892.
- Marian P. — S. F. Marian. Pasările noastre și legendele lor. Bucuresci.
- Marian S. — S. F. Marian. Sărbătorile la români. I—III. Bucuresci, 1899.
- Marienescu — A. Marienescu. Poezii populare din Transilvania. București, 1971.
- I. Mușlea — I. Mușlea. Cercetări folklorice în țara Oașului. «Anuarul arhivei de folklor», I, 1932.
- Mușlea, Bîrlea — I. Mușlea, O. Bîrlea. Tipologia folclorului. București, 1970.

- L. Muşlea, — L. Muşlea. Şcheii de Cergau și folklorul lor. «Dacoromania», vol. V, 1927—1928.
- Obedenaru — C. Obedenaru. Texte macedo-române. București, 1891.
- Pamfile — T. Pamfile. Mitologie românească. I. Dușmani și prieteni ai omului. București, 1916.
- Pamfile I. — T. Pamfile. Industria casnică la români. București, 1910.
- Papadima — O. Papadima. Literatura populară română. București, 1968.
- P. Papahagi — P. Papahagi. Basme aromâne și glosar. București, 1905.
- T. Papahagi C. — T. Papahagi. Cercetări în munții Apuseni. «Grai și suflet», vol. II, 1925, № 1.
- T. Papahagi D. — T. Papahagi. Dicționarul dialectului aromân general și etimologic. București, 1963.
- T. Papahagi I. — T. Papahagi. Images d'ethnographie roumaine. București, 1934.
- Petrovici — E. Petrovici. Folclor din valea Almaajului (Banat). «Anuarul arhivei de folclor», III, 1935.
- Pop-Reteganul — I. Pop-Reteganul. Crăiasa zînelor. București, 1970.
- Popa — I. I. Popa. Contribuții la studiul practicii magice în Banat. «Folclor literar». Timișoara, 1967, I.
- Popovici — I. Popovici. Dialectele romîne din Istria. I—II. Halle a. d. Saale, 1909.
- Rădulescu — N. Rădulescu. Sulul — un obicei inedit din ciclul calendaristic. «Revista de etnografie și folclor», t. 14, 1969, № 1.
- Răd.-Codin — C. Rădulescu-Codin. Povești. București, 1957.
- Sainéan — L. Sainéan. L'argot ancien. Paris, 1907.
- Sbiera — I. G. Sbiera. Povești și poezii populare românești. București, 1971.
- A. Schullerus — A. Schullerus. Verzeichnis der Rumänischen Märchen und Märchenvarianten. «FF Communications», № 78., Helsinki, 1928.
- P. Schullerus — P. Schullerus. Rumänische Märchen aus dem mittle-ren Harfachtal. Hermannstadt, 1907.
- Stahl — P. H. Stahl. Folclorul și arta populară românească. București, 1968.
- Stăncescu — D. Stăncescu. Sora soarelui. București, 1970.
- Şainéu B. — L. Şainéu. Basmele române. București 1895.
- Şaineanu D. — L. Şaineanu. Dicționar universal al limbei române. București, 1925.
- Ştefănuță C. — P. V. Ştefănuță. Cercetări folklorice pe valea Nistru-luide-jos. «Anuarul arhivei de folclor», VI, 1937.
- Ştefănuță F. — P. V. Ştefănuță. Folclor din județul Lapușna. «Anuarul arhivei de folclor», II, 1933.
- Tazlăuanu — Gh. I. Tazlăuanu. Comoara neamului. I—VIII. București, 1943.
- Teodorescu, Paun — B. Teodorescu, O. Paun. Folclor literar românesc. București, 1967.
- Teodorescu — C. D. Teodorescu. Incercari critice asupra unor credințe, datine și moravuri de poporul român. București, 1874.
- Todoran — R. Todoran. Material dialectal II. Graiul din Vilcele (raionul Turda). «Materiale și cercetări dialectale», I. Cluj, 1960.
- Truszkowski — W. Truszkowski. Folclor din somuna Trasnea, județul Salaj. «Folclor literar», II, Timișoara, 1968.
- Tușescu — Șt. St. Tușescu. O parte din «Sfinții poporului». Craiova, 1908.
- Vasiliiu — A. Vasiliiu. Descîntece de Hunedoara. «Grai și suflet», vol. 5. 1931, № 1
- Voronca — E. Niculița-Voronca. Studii în folclor. I. București, 1908.
- Voronca D. — E. Niculița-Voronca. Datinele și credințele poporului Român. Cernăuți, 1963.
- Vrabie — Gh. Vrabie. Folclorul. București, 1970.

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ОТРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ
ОППОЗИЦИИ *ВНУТРЕННИЙ/ВНЕШНИЙ*

Как известно, обычно принятым теперь способом описания знаковых систем является установление для них набора основных оппозиций. Сравнение наборов, соответствующих различным знаковым системам (мифология, фольклор, искусство, этикет, естественный язык и пр.), позволяет выделить ряд общих оппозиций, которые на этом основании можно считать универсальными¹, поскольку они как бы заложены в человеке и необходимы ему для адекватного, с его точки зрения, восприятия мира, осознания своего места в нем, т. е. для выработки модели мира².

Среди универсальных оппозиций, к которым, очевидно, относятся такие, как *живой/мертвый*, *мужской/женский*, *свой/чужой* и т. д., важное место занимают временные и особенно пространственные оппозиции (*верх/низ*, *близкий/далекий*, *правый/левый* и под.). К последним может быть причислена и рассматриваемая здесь оппозиция *внутренний/внешний*, которая в более широком смысле получает иную, соответственно более общую интерпретацию. Существование ограниченного набора универсальных оппозиций в знаковых системах, созданных человеком или связанных с ним, приводит к мысли о том, что человеку вообще присуща классифицирующая деятельность универсального характера. Целью или результатом такой классификации и является самоосознание, создание модели мира. С другой стороны, можно говорить о том, что модель мира определяет набор оппозиций. Процесс классификации в значительной степени автоматизирован и совершается на подсознательном уровне. Выражение универсальных оппозиций в знаковых системах интерпретируется, в частности, и как выведение классификации из подсознания в сознание. Универсальные оппозиции, очевидно, обладают разной значимостью, так что

¹ Ср. вообще актуальность проблемы установления универсалий. О способах выделения универсалий, при этом не только языковых, см., например: Дж. Гринберг, Ч. Осгуд, Дж. Дженкинс. Меморандум о языковых универсалиях. «Новое в лингвистике», V. М., 1970.

² При этом оппозициям отводится роль абстрактных и конкретных классификаторов, см.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 10; ср. также постановку этой проблемы: Ю. М. Лотман. О метаязыке типологических описаний культуры. «Труды по знаковым системам IV». Тарту, 1969.

в конце концов возможно установление их иерархической последовательности³. Такую иерархию правдоподобно видеть, например, в мифах о сотворении мира, где очередность этапов перехода от хаоса к космосу прослеживается по порядку введения оппозиций: 1) *пространственные* и *временные*; 2) *живой / мертвый*; 3) *мужской / женский* и т. д.⁴ Действительно, основным признаком хаоса является его не дифференцированность, прежде всего пространственная и временная, и первым шагом к космосу является разделение хаоса на *верх/низ* (*небо/земля*) и установление регулярного чередования света и тьмы. Точкой отсчета при этом является сам классификатор⁵.

Это же применимо и к повседневной практике человека, для которого оказывается необходимым в каждый данный момент ощущать себя в определенной точке пространства, характеризующейся не столько однозначными признаками (вроде географической широты и долготы), сколько условными и весьма относительными типа *близкий/далекый*, *здесь/там*, *дома/вне дома* и пр. Столь же необходимы и аналогичные временные характеристики: ср. вообще понятие пространственно-временного континуума, выражение времени через пространство и пространства через время и т. д. Утрата относительной ориентации такого рода вызывает состояние неустойчивости, страха — ночные кошмары, вызванные тем, что человек не понимает, где он находится, в какой точке пространства и времени (ср. у Клоделя: «„Где я“ и „Который час?“ — вот неисчерпаемые для нас вопросы»); ср. также фобии открытого и замкнутого пространства; очевидно, и боязнь темноты — элемента хаоса — связана с затруднением ориентировки.

Человек вообще склонен к гипертрофии пространственных и временных комментариев. В обыденной речи они регулярно предваряют или сопровождают едва ли не любое описание событий: рассказчик, без особой необходимости, сообщает о своем положении по отношению к описываемой ситуации: — «а я как раз иду мимо» и под. Эти комментарии или «введения в ситуацию» (в данном случае их расположение в описании не рассматривается) могут, среди

³ Пространственным оппозициям отводится при этом преимущественная роль: они с наибольшей легкостью трансформируются в оппозиции, носящие социальный, в самом широком смысле, характер, см., например, о понятии ценностной акцентировки пространства, о ценностных соответствиях «идущим вверх по пространственным ступеням»: М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965, стр. 395. О языке пространственных отношений как средстве осмысления действительности см. также: Ю. М. Лотман. Структура художественного текста. М., 1970, стр. 267 и далее.

⁴ Эта особенность ряда архаических текстов, построенных как *вопрос-ответ*, интерпретируется В. Н. Топоровым как «своего рода повторение (или воспоминание) этапов сотворения мира или как актуализация структуры мира, связанная с переходом из диахронического ряда в синхронический».

⁵ Классификация осуществляется по плану, как бы известному заранее, ср. в социологии описание картины мира, вырабатываемой человеком, с контурной схемой, которая опережает опыт, определяет его и управляет им.

прочего, служить основой для персонологической классификации⁶.

Можно указать еще на одну особенность функционирования универсальных оппозиций, составляющих модель мира: в знаковых системах, носящих в самом широком смысле социальный характер, на каждый вопрос требуется ответ *да/нет* и крайне нежелательна неопределенность. К примерам пространственных оппозиций можно добавить и другие: ощущение беспокойства, раздражения и т. п. в ситуациях, связанных с нейтрализацией оппозиции пола, например, когда по одежде нельзя отличить мужчину от женщины⁷; неприятное чувство, даже боязнь лиц «без возраста», — меняющихся от ребенка до старика (ср. использование этого приема в литературе, искусстве и т. д. для создания атмосферы таинственности, тревоги и т. д.). Такая реакция отнюдь не очевидна, тем более что аналогичная нейтрализация оппозиций, так сказать, *вне* человека, например, в природе, может вызывать и противоположные, благоприятные эмоции (ср. море, сливающееся с небом, игру света и тени и под.; к этому же, очевидно, относится и *Ряд волшебных изменений|Милого лица*).

Сказанное можно резюмировать следующим образом: 1) моделирование мира осуществляется человеком с помощью постоянной классифицирующей деятельности по заданным критериям. При этом не только создается нечто новое, но и регулярно подтверждается уже установленное. В определенном смысле можно сказать, что классификация (как процесс и как результат), т. е. знание⁸, столь же необходима человеку, как и условия его физического

⁶ Критериями являются разные типы соотношений комментария и описания события (собственно сюжета). Крайними можно считать следующие типы: 1) комментарий поглощает сюжет и становится почти, самодовлеющим; 2) комментарий отсутствует, и сюжет вводится фразой типа «тогда они ему говорят» (интересно, что обе крайности нередко совмещаются). Нестабильность пропорций комментария и сюжета может, кроме того, явиться критерием и для анализа этикетных ситуаций (уменьшение или увеличение комментария в зависимости от вида ситуации — официальной и неофициальной, с разным числом участников и т. д.).

Иллюстрацией того, насколько эти комментарии подсознательны и «машинальны», могут служить показания свидетелей в суде. Юридические учебники обычно предупреждают от чрезмерного доверия или недоверия к свидетельским показаниям, ввиду их возможной неточности и противоречивости. Весьма часто человек, даже в спокойном состоянии, не может вывести из подсознания в сознание те пространственно-временные характеристики, которыми он автоматически сопровождает высказывание. См. в связи с этим описание разных типов свидетелей: А. Ф. К о н и. Память и внимание. Пб., 1922, стр. 37 и далее.

⁷ Современная мода, ставящая целью снятие этой оппозиции, воспринимается как вызов более сильный, чем экстравагантность другого рода. Здесь можно видеть проявление разрушительной тенденции к снятию и нейтрализации оппозиций.

⁸ Ср.: «„Знание“ — это ориентация по отношению к реальному или воображаемому порядку возможного, схема пространства и времени, отношений между объектами, порядка, управляемого правилами. Люди действуют именно на основе этого порядка и его правил. Без этого жизнь была бы

существования (режим питания, температуры и пр.); 2) классифицирующая деятельность, как правило, происходит на подсознательном уровне; она выводится в сознание и манифестируется в знаковых системах разного рода; 3) классификация осуществляется на основании ограниченного набора универсальных оппозиций; ответы в принципе должны быть однозначны.

Если в универсальном наборе семиотических оппозиций преимущественная роль принадлежит *пространственным*, то среди *пространственных*, пожалуй, основное значение имеет оппозиция *внутренний/внешний* (которая может быть представлена и как оппозиция *замкнутый/незамкнутый, закрытый/открытый, ограниченный/неограниченный* и под.). В содержательном плане это, очевидно, связано с тем, что человек с момента своего самоосознания, т. е. выделения из природы, стремится установить границы и как бы обезопасить себя внутри некоторого замкнутого пространства. Ср. в «Фаусте»:

*Das ist die Eigenschaft der Dinge:
Natürlichem genügt das Weltall kaum,
Was künstlich ist, verlangt geschlossnen Raum*⁹.

С этим, очевидно, связано введение рамки как средства сегментирования пространства, в том числе и социального (ср. «держаться в рамках», «не выходить за рамки» — на непосредственно лексическом уровне). Особенно полно проблема рамки разработана для разных видов визуального искусства (и архитектуры), где она выступает в своем буквальном, а не опосредствованном значении, как рамка картины, пьедестал скульптуры или контуры строения¹⁰. Если поместить понятие рамки не только в пространственный, но и во временной континуум, сюда следует включить *начало и конец* как способы разграничения текста (в самом широком понимании термина). Рамочное сегментирование пространства, как правило, не абсолютно. Оно определяется позицией классификатора, помещающего себя либо *внутри* рамочного пространства, которое, в свою очередь, может входить в рамку следующего порядка и т. д. — *space in space* в архитек-

хаосом; даже сомнения и вопросы возможны только внутри несомненной системы соотношения». — Т. Ш и б у т а н и. Социальная психология. М., 1969, стр. 105.

⁹ 'Вот неизбежная вещей изнанка:

Природному вселенная тесна,

Искусственному ж замкнутость нужна' (пер. Б. Пастернака).

¹⁰ О рамке в произведениях визуального искусства, о ее происхождении, функциях, влиянии на заключенное в ней пространство см.: M. S h a r p i g o. On some Problems of the Semiotics of Visual Art. Field and Vehicle in Image-Signs. «Sign, Language, Culture». The Hague—Paris, 1970. См. там же семантическую интерпретацию основных пространственных оппозиций, действующих в произведениях изобразительного искусства: *широкий / узкий, высокий / низкий, левый / правый, центральный / периферийный, угловая / неугловая части пространства* и т. д.

туре, — либо *вне* его (ср. в связи с этим актуальную проблему точки зрения). Существенно четкое обозначение рамки как гарантии отделения *внутреннего* от *внешнего*¹¹. Признаку *внутренний*, как правило, приписывается *положительное* значение, признаку *внешний* — *отрицательное* (ср. хотя бы основную оппозицию фольклора: *свой мир*, с защищающим, замкнутым пространством дома, и *чужой мир*, в большинстве случаев враждебный или хотя бы опасный своей *неизвестностью/незамкнутостью*). Пограничное положение нежелательно и описывается признаком *отрицательный*¹². Параллельно существует и другая, периодическая усиливающаяся или ослабляющаяся тенденция — уничтожение границы между *внутренним* и *внешним*, нейтрализация оппозиции *внутренний/внешний*, в частности, введение признака амбивалентности (самый убедительный пример такой нейтрализации — карнавал, см. у М. Бахтина), стремление к выходу в неограниченное *внешнее* пространство, которому приписывается признак *положительный*. Не касаясь социальной сферы проявления этой тенденции, можно привести некоторые примеры из разных знаковых систем: см. идею пространственной непрерывности, перетекания пространства (*flowing space*) в архитектуре XX в., основанную прежде всего на нейтрализации оппозиции *внутренний/внешний*¹³. Ср. также отчасти связанное с сегментированием пространства противопоставление *творец/зритель* (или вообще воспринимающий) и проблему *участия/неучастия* воспринимающего в творческом акте, что особенно ярко проявляется в театре, начиная с *commedia dell'arte*, где действие выносилось на просцениум, для облегчения контакта с публикой, и кончая современными представлениями *happening*, где зритель вовлекается в действие, иногда насильственно, и где сцена и зрительный зал не дифференцированы. Очевидно, что число подобных примеров может быть неограниченным.

До сих пор речь шла о более или менее конкретном и непосредственном выражении оппозиции *внутренний/внешний*. Весьма существен и анализ тех знаковых систем, в которых пространственные оппозиции выступают в преобразованной в сторону большей

¹¹ О снятии границы см., например: «Его [Леонардо] „Тайная вечеря“... имеет задачей снять пространственное разграничение того мира, евангельского, и этого, житейского... То, что на фреске — постановка сценическая, но не особое, несравнимое с нашим пространством. И эта сцена есть не более, как продолжение пространства комнаты... На этой сцене царят законы кантовского пространства и ньютоновской механики» (П. А. Флоренский. Обратная перспектива. «Труды по знаковым системам III». Тарту, 1967, стр. 395).

¹² Ср. в социологии понятие «маргинального человека», находящегося на границе двух или более социальных миров, но не принимающегося ни одним из них как полноправный участник, и присущие ему в связи с этим неуверенность, боязнь неопределенных ситуаций и т. п.

¹³ R. Venturi. Complexity and Contradiction in Architecture. New York, 1966. «The Inside and the Outside».

абстракции форме, т. е. как бы переходят на некоторый более высокий уровень. Здесь прежде всего и по преимуществу должен быть рассмотрен естественный язык, система в своем роде уникальная и прежде всего своей универсальностью: она может описывать прочие знаковые системы и при этом служить не только средством, но и эталоном описания¹⁴. Семиотические оппозиции в естественном языке отражены особым образом.

Универсальные оппозиции *мужской/женский*, *единичный/множественный* и др. ни в коем случае не равны, но лишь положены в основу грамматических оппозиций рода и числа. К тому же для грамматической категории, соответствующей какой-либо универсальной оппозиции, существует некий центр или locus, где эта оппозиция манифестируется особенно ярко, семантически значимо и почти конкретно (т. е. не трансформированным образом). При этом существует и п е р и ф е р и я, покрывающая гораздо более обширное пространство, где та же оппозиция, несомненно, существующая, семантически ослаблена или вообще нейтрализована. Категория рода, описываемая через оппозицию *мужской/женский*, в своем конкретном значении существенна лишь для ограниченной группы имен в тех случаях, когда необходимо различение пола. На периферии эта оппозиция ослаблена настолько, что для некоторых практических целей более разумным представляется отказаться от термина *род*, заменив его термином *согласовательный класс*¹⁵. Это, однако, не опровергает существования той или иной оппозиции, но лишь относит сферу ее действия к более высокому и более общему уровню. Естественный язык, построенный, как и другие знаковые системы, по универсальным оппозициям, но выступающим в трансформированном абстрактном воплощении, на синтагматическом уровне, кроме того, должен отражать те же оппозиции, но уже в конкретной форме. Поскольку оппозиции в языке не равны оппозициям вне языка, приходится варьировать, приспосабливаться и т. п. Так, глагольное время, естественно, не совпадает полностью с реальным, и ось *прошлое — настоящее — будущее* не равна оси *praeteritum—praesens—futurum*. Поэтому для адекватного выражения реального времени используются дополнительные (лексические, грамматические и др.) средства, компенсирующие несоответствия (ср. хотя бы стилистическое использование времен).

Для естественного языка не установлены правила перевода универсальных оппозиций в специфически языковые. Поэтому функции ряда элементов языка остаются не вполне ясными, им нередко навязывается чересчур конкретная семантика, в то время

¹⁴ Ср. по аналогии идею о связи лингвистики с другими науками и о ее особой роли в этом конгломерате: R. Jakobson. *Linguistics in its Relation to other Sciences*. «Actes du X-e Congrès international des linguistes». I. Bucarest, 1969.

¹⁵ А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 62 и далее.

как они просто находятся на периферии действия какой-либо оппозиции. По этой же причине язык кажется устроенным неэкономно. Однако было бы ошибочно полагать разумность устройства языка в его рациональности, остроумной простоте или изощренно тонких способах выражения. Разумность языка, очевидно, заключается в его соответствии классификационным задачам человека: язык, будучи устроен по тем же принципам, что и другие знаковые системы, независимо от своего материального воплощения является адекватным универсальным планом выражения почти любого вида классификационной деятельности человека. Поэтому при семантическом анализе языка представляется целесообразным в некоторых случаях идти по пути максимальной абстракции, опираясь не столько на текст или даже грамматику (т. е. синтагматический и парадигматический уровень), сколько на более общие, может быть, внеязыковые категории. Если же избрать обратное направление, т. е. исходить из формального анализа категорий языка, то речь пойдет о грамматикализованном выражении универсальных семиотических оппозиций, т. е. о тех фрагментах языка, где этим оппозициям соответствуют определенные сочетания граммем.

Об актуальности такого направления исследований свидетельствуют, как кажется, многочисленные в последнее время работы, посвященные пересмотру традиционной семантической классификации категорий языка. В основе работ такого рода лежат, по крайней мере, два принципа: 1) семантика определенной языковой категории шире, чем та, которая ей обычно приписывается, и имеет другую, по сравнению с ней, структуру (например, глагольное время означает не только время в собственном смысле слова, но имеет и ряд других значений, о чем см. ниже); 2) семантика, обычно приписываемая одной языковой категории, может быть распространена и на другие. Иными словами, семантические критерии должны быть более общими и широкими, а в их проекции на язык следует по возможности строго различать *locus* и периферию. Последовательное применение такого подхода должно подвести к описанию семантики языка через систему универсальных семиотических оппозиций, а на уровне выражения — к выделению универсалий.

Здесь предпринимается попытка рассмотреть проекцию на язык оппозиции *внутренний/внешний*. В более общем смысле эта оппозиция может подразумевать *включение/невключение* участника в ситуацию, т. е. в конце концов оппозицию *я/не-я*, очевидно, универсальную для любого языка¹⁶.

Эта оппозиция, реализующаяся в акте речи в зависимости от разных типов отношения сообщения к коду, на формальном уровне

¹⁶ Ср.: «В любом человеческом языке среди дейктических элементов представлен элемент, обозначающий говорящего, и элемент, обозначающий адресата». Ч. Хоккет. Проблема языковых универсалий. «Новое в лингвистике», V. М., 1970, стр. 68.

относится к дейксису и наиболее явно манифестируется в категориях глагола и местоимения¹⁷. Предложенная Р. Якобсоном¹⁸ классификация глагола, основанная на *включении* или *невключении* участника события в акт речи, положила начало описанию глагола в рамках пространственных оппозиций¹⁹. Непосредственно оппозиция *включенность* / *невключенность* осуществляется в противопоставлении *прямой* и *косвенной* речи, более скрыто — в противопоставлении *прямого* и *непрямого* рассказа, когда говорящий не только не участвует в описываемой им ситуации, но и не наблюдает ее, т. е. занимает по отношению к ситуации *внешнюю* позицию (категория *evidential*). Проекция оппозиции *внутренний* / *внешний* (*включенность* / *невключенность*) на традиционную классификацию категорий глагола позволяет вскрыть более глубокий уровень его семантики²⁰. Ср., например, систему времен французского глагола в трактовке Э. Бенвениста²¹: рассматривая в более общем ракурсе оппозицию *passé simple* / *passé composé* в письменной и разговорной речи и плеоназм системы претеритных времен французского глагола, Бенвенист предлагает разделить времена на две разные, но в то же время дополнительные системы, манифестирующиеся в двух разных планах выражения — историческом и речевом. Исторический план характеризуется употреблением исключительно форм 3-го лица, тремя формами прошедшего (*aoriste, imparfait, plus-que-parfait*) и перифрастическим будущим (*prospectif*). Речевой план характеризуется прежде всего участием говорящего и слушающего (1-е и 2-е лицо) и тремя временными формами (*présent, futur, parfait*). Оппозиция *исторический* / *речевой* может интерпретироваться и как оппозиция *внешний* / *внутренний*,

¹⁷ Ср.: «В число компонентов речевой ситуации, связанных с дейксисом, входят следующие: автор высказывания («1-е лицо») и адресат высказывания («2-е лицо»); время речи (грамматические времена) и ее место (разнообразные указательные элементы); идентичность / неидентичность данного акта речи некоторому другому акту речи (анафора, возвратность, обвинательность и т. д.). Этот набор представляет собой яркую языковую универсалию. . .» — У. Вейнрейх. О семантической структуре языка. «Новое в лингвистике». V. М., 1970, стр. 177.

¹⁸ R. Jakobson. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. Harvard, 1957.

¹⁹ См.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960, стр. 95—99 (классификация глагола по оппозициям *автор речи* / *не-автор речи*, *участие в акте речи* / *неучастие в акте речи*, *обращенность на субъект* / *необращенность на субъект*, *направленность* / *ненаправленность*, что в конце концов вписывается в рамки оппозиции *включенность* / *невключенность*).

²⁰ Тем более, что термины невольно воспринимаются как полностью адекватные семантике описываемой ими категории: *время* обозначает время, *модус* соответствует модальности, *число* — единичности или множественности и т. п. Ср. в связи с этим постоянно поднимающийся вопрос о вневременном характере индоевропейского перфекта — речь идет не только о его связи с медиальными и через это с именными формами, но и о его «субъективной», комментативной функции.

²¹ E. Benveniste. Les relations de temps dans le verbe français. «Problèmes de linguistique générale». Paris, 1966.

поскольку она предполагает классификацию ситуаций в зависимости от точки зрения автора сообщения на собственную позицию по отношению к описываемой ситуации (*участие/неучастие*, т. е. нахождение *внутри* ситуации, причастность к ней/нахождение *вне* ситуации, непричастность).

В балканских языках этой оппозиции соответствует (восходящее к аналогичным категориям в тюркских) пересказывательное наклонение (комментатив) в болгарском и македонском и адмиратив в албанском. Вообще существует тенденция строгого разграничения комментатива²² и адмиратива, поскольку адмиративу приписывается в общем чисто эмоциональная функция — выражение удивления. Тем не менее морфологическая невыделенность адмиратива в балканославянских языках²³ и комментатива в албанском²⁴, существование семантически пограничных случаев

²² См. подробную аргументацию в работе: Е. И. Демина. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке. «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959, стр. 325—328.

²³ Ю. С. Маслов. К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения. «Сборник в чест на А. Теодоров-Балан». София, 1952, стр. 316.

²⁴ W. Fiedler. Zu einigen Problemen des Admirativs in den Balkansprachen. «Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes», VI. София, 1968, стр. 68—69. Указывая на присутствие в албанском адмиративе комментативных оттенков, автор, тем не менее, считает неправомерным говорить о комментативе в албанском, поскольку здесь не зарегистрированы обязательные употребления этой категории в ее чистом виде. Однако, если обязательность интерпретировать как регулярность, статистическую частоту (что кажется вполне допустимым, поскольку вообще обязательность есть категория нормативной грамматики более, чем описательной), то и в болгарском обнаруживаются многочисленные случаи произвольного употребления, смещения и нейтрализации индикатива и комментатива. Здесь можно обратиться хотя бы к методическим исследованиям комментатива в речи школьников при пересказах на уроке: М. Иванова. Някои особености в употребата на глаголни времена в пересказ. «Български език и литература», 1970, № 4 [см. рассказы типа *В едно Габровско село живееше* (инд.) *малкият ятак Петко. Една вечер Петко дочула* (комм.) *продължително изсвиркане*. . . , стр. 48 и др.].

Кроме того, и в албанском встречаются формы адмиратива с комментативным значением, см., например: *Disa vjet ma para qenka zakon me i a premë flokët vajzës fejueme ditën që do të nusëroheshkë. Simbas këtij zakoni apo besimi vetëm gocat paskan pasë të drejtë me mbajtë flokë të gjata e gërsheta, kurse femnat e martueme lypseshkë të kenë flokë jo ma të gjatë se ke supet, pse floku i gjatë, përgruen e martueme, baheshkë. gjarpën në Xhehehne. Ma vonë paskan drueky zakon. . . Tash që moda kërkon t'i shkurtojme, prapka nisë me fry ai murrani egër i kundërshtimeve. . .* (H. Stërmilli. *Sikur t'isha djalë*. Tiranë, 1957, стр. 66). 'Раньше был обычай обрезать невесте волосы в день свадьбы. По этому обычаю или поверью только девушки и мел и право носить длинные волосы или косы, а замужним женщинам полагались волосы не длиннее плеч, потому что длинные волосы у замужних женщин в аду превращались в змей. Потом обычай изменился. . . С тех пор, как мода требует, чтобы мы стриглись, опять начал подниматься этот страшный ураган противоречий. . .' Здесь при описании ситуации адмиратив выражает действия, относящиеся к прошлому, индикатив — действия, отно-

и т. д. заставляют предполагать, что, по крайней мере на более общем уровне, эти категории могут быть объединены. Так, представляется возможным объединять их на основании оппозиции *внутренний/внешний*. Действительно, для адмиратива, пожалуй, существеннее не то, что он выражает определенные эмоции, а то, что адмиратив описывает событие, не известное говорящему до момента речи. В каком-то смысле можно сказать, что адмиратив выражает *невключенность* участника в ситуацию еще более тонко, чем комментатив, поскольку здесь присутствуют и временные указатели (оппозиция *до момента речи/момент речи*), и является своего рода стилистическим средством для выражения резкого перепада между состоянием «незнания» и внешнего приобретения «знания».

В свете оппозиции *внутренний/внешний* особое значение приобретает граммема лица в глаголе, что ведет к включению в рассмотрение категории местоимений. Семантика глагольных категорий, непосредственно или косвенно связанных с лицом — личное и местоименное спряжение, различные виды инклюзива и эксклюзива и т. д., в конце концов сводятся к оппозиции *я/не-я*, наиболее адекватным выражением которой является местоимение, совершенно особая, «экстерриториальная» (по выражению А. М. Пешковского) категория языка²⁵. В содержательном плане эта оппозиция соответствует весьма сложному и достаточно позднему этапу классификации — отделению себя от себе подобных (первый шаг: оппозиция *человек/не человек*; второй шаг: оппозиция *человек/человек*), т. е. высшей ступени самоосознания²⁶. Может

сящиеся к настоящему моменту; эмоциональный оттенок, как будто, не обнаруживается. Ср. там же собственно адмиратив (стр. 53): *Po Myslimanë janë moj bijë — jegji Mamë Gjystina. — A! S'qenkan të Krish-tenë?! — thashë e mahnitun. . .* 'Да они мусульмане, дочка — ответила мама Джюстина. — Ах! Значит, они не христиане?! — сказала я, пораженная. . .' и т. д. Естественно, здесь требуется проведение специальных обследований, причем особое значение будет иметь анализ диалектных текстов, в которых употребление адмиратива, на первый взгляд, кажется особенно непоследовательным. М. Ламберц, например, отводит адмиративу в поэтических фольклорных текстах лишь метрическую роль, см.: M. Lambertz. *Zur Volksepik der Albaner*. Halle, 1958, стр. 167.

²⁵ А. М. Пешковский. *Русский синтаксис в научном освещении*. М., 1938: «Местоимения представляют в языке собой такую единственную и совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни). . . обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» (стр. 163); корень *м-* в словах *меня, мне* и т. д. обозначает, «что мыслящий мыслит о самом себе, что он отождествляет предмет своей мысли с самим собой. . . , корни слов *ты, тебя, твой, по-твоему* обозначают только, что мыслящий отождествляет предмет своей речемысли с адресатом ее. . .» (стр. 163); «. . . значения местоимений являются первообразами таких понятий, как „яйность“, „самость“. . .» (стр. 164).

²⁶ Ср. постепенное развитие *я-концепции* у ребенка: на раннем этапе неспособность отделить себя от матери, на языковом уровне — позднее овладение системой местоимений. Ср. также семантическую интерпретацию оппозиции *я/ты* в работе: E. Veneniste. *De la subjectivité dans*

быть, оппозиция *внутренний/внешний, включенность/ невключенность* была введена в знаковые системы разного рода только после прохождения этой стадии классификации. В категории местоимения, при ее абстрактности, универсальные оппозиции выражаются наиболее непосредственным образом: оппозиции *расстояния* (этот/тот), *направления, присутствия/отсутствия, настоящего/прошлого, движения/покоя, определенности/неопределенности* и др. Поэтому категорию местоимения можно, в каком-то смысле, причислить к основообразующим элементам языка как классификационной системы и анализировать ее экстраполяцию на другие категории в языке, хотя бы они и представлялись достаточно отдаленными²⁷.

В этом плане целесообразно рассмотреть категорию артикля, тем более, что исторически и генетически (и соответственно материально) она связана с местоимением. До сих пор не существует удовлетворительного описания механизма применения артикля, хотя в теориях артикля нет недостатка. Обычно определения функций артикля одновременно и жестки и слишком конкретны (например, *определенность/неопределенность*), они не могут покрыть все возможные случаи его употребления, так что приходится изыскивать дополнительные, более сложные объяснения для не поддающегося применяемой классификации остатка. Практически это выражается в том, что ни для одного языка не существует полных вариантов анализа и синтеза артикля. Если для носителя артиклевого языка его употребление автоматизировано, то для носителя безартиклевого языка артикль остается камнем преткновения и при совершенном знании прочих грамматических разделов. Как принято, даются «операционные» правила употребления артикля, без попытки проникнуть в его онтологические основы. Эти конкретные, обычно разрозненно изложенные сведения об употреблении артикля не могут заменить знания общего принципа его применения, так что надежды возлагаются лишь на приобретение

le langage. «Problèmes de linguistique générale». Paris, 1966, стр. 260. «Осознание себя возможно только при наличии контраста. Я употребляю я, только обращаясь к кому-то, называемому мною ты. . . я предполагает другое лицо, которое, будучи совершенно внешним по отношению ко „мне“, становится моим эхо, которому я говорю ты и которое говорит мне ты. Полярность лиц является основным условием языка, в то время как процесс коммуникации представляет собой лишь прагматическое следствие этого. . . Эта полярность не означает ни равенства, ни симметрии: „его“ находится в превосходной позиции по отношению к ты; тем не менее ни один из этих терминов не осознается без другого: они дополнительные, но в рамках оппозиции „внутренний/внешний“ и в то же время обратимы».

²⁷ См. в связи с этим определение дейктических знаков и сферы их распространения: У. Вейнрейх. Указ. соч., стр. 177 и далее, в частности о *местоимениях* (англ. *to do*, сербск. *onoditi* и др.). Ср. также предложение об использовании местоименных слов как точек отсчета при классификации по признаку прямой или косвенной номинации: Ю. П. Князев. К типологии местоименных слов. «Материалы XXVI научной студенческой конференции». Тарту, 1971.

в результате практики «чувства артикля», т. е. автоматизма, подсознательного овладения его механизмом. Дробность и недостаточная обобщенность обычно принятых классификаций затрудняют развитие типологии артикля. При таком подходе неясно место безартиклевых языков — либо следует признать их дефектными, либо приписать им несуществующие способы регулярной компенсации артикля. Но и в языках с артиклем, в том числе близких генетически и типологически, остаются необъясненными многочисленные различия в употреблении артикля: поскольку семантика артикля в каждом данном языке описывается в сущности *ad hoc*, для определенной конструкции, неизбежны противоречия в интерпретации. Так, если собственное имя употребляется без артикля, считается, что признак *собственности* делает излишним показатель определенности. В языках же, где имена собственные употребляются с артиклем, значение *собственности*, очевидно, имплицитно указывает на показатель определенности и т. д. Ввиду сказанного представляется целесообразным, не ставя перед собой задачи немедленного и полного разрешения проблемы артикля, отвлечься от сделанного раньше, избрать принципиально другой подход, введя артикль в круг универсальных оппозиций, принадлежащих высшим уровням анализа²⁸.

Очевидно, что при описании артикля необходима большая широта, свобода и абстрактность. Иными словами, чтобы иметь надежду в дальнейшем выработать правила, объясняющие или предписывающие употребление артикля в каждом данном случае (т. е. создать исчерпывающие варианты анализа и синтеза артикля), надо начать с того, чтобы полностью и принципиально от этого отказаться, ставя перед собой задачу установить механизм действия артикля лишь в самом общем виде²⁹. В данной работе пред-

²⁸ «Совершенно справедливо, что высшие уровни лингвистического описания зависят от результатов, полученных на низших уровнях. Однако в определенном, вполне разумном смысле верно также и обратное. . . Было бы абсурдным или даже безнадежным устанавливать принципы построения предложений в терминах фонем или морфем, однако только разработка таких высших уровней, как уровень непосредственно составляющих, показывает нам, что нет смысла предпринимать попытку на низших уровнях. . . Описание структуры предложения через анализ по непосредственно составляющим теряет силу вне определенных границ. Однако только разработка еще более абстрактного уровня трансформаций может подготовить почву для разработки более простой и адекватной методики анализа по непосредственно составляющим в более узких границах. . . Для исчерпывающей разработки одной части (грамматики) полезно или даже необходимо иметь некоторую картину системы в целом. . . ; мнение, будто синтаксическая теория должна ожидать решения проблем фонологии и морфологии, совершенно несостоятельно и. . . питается ложной аналогией между порядком разработки лингвистической теории и предполагаемой очередностью операций при открытии грамматической структуры». Н. Хомскр. и й. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике», II. М., 1962, стр. 467—468.

²⁹ Попытка такого рода была предпринята Г. Гийомом (G. Guillaumе). Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. Paris, 1919). Отказываясь от традиционной семантической схемы, автор приписывает

лагается избрать в качестве основания для характеристики системы артикля оппозицию *внутренний/внешний*. Под этим подразумевается, что артикль выступает в роли к л а с с и ф и к а т о р а с и т у а ц и й (так как на избранном уровне можно говорить о функции или значении артикля вообще, не привязывая его ни к отдельному имени, ни даже к более или менее протяженному тексту), воспринимаемых участниками либо как *внутренние*, либо как *внешние* по отношению к ним (ср. аналогичные функции местоимений, о чем говорилось выше).

В этом смысле с артиклем можно сопоставить «введение в ситуацию», пространственно-временной комментарий, о котором уже было сказано и который сопровождает какое-либо сюжетное повествование. Этот автокомментарий можно интерпретировать как самоопределение участника по отношению к ситуации, проводимое на основании оппозиции *внутренний/внешний*. Существенно, что этот комментарий, в большинстве случаев как бы подсознательный, в равной мере нужен и адресанту и адресату, хотя последним он тоже может не осознаваться, т. е. не содержать особой информации. Действительно, рассказ без автокомментария, как правило, вызывает вопросы «где?», «когда?», «вы сами это видели?» и пр. Ответ на них, по сути дела, безразличен, поскольку удовлетворительными признаются ответы типа «где-то тут/там», «когда-то недавно/давно», «один человек сказал» и т. п. Естественно, в ряде ситуаций комментарий такого рода семантически значимы — специальная проверка, доказательство причастности/непричастности, достоверности/недостоверности и т. д. Можно думать, что вообще комментарий играет роль своеобразного детерминанта, связанного с данной ситуацией лишь постольку, поскольку это необходимо для облегчения ее восприятия и понимания адресатом, и, очевидно, в такой же степени для ее воспроизведения адресантом, словом, для создания контакта в акте коммуникации. Комментарий, следовательно, имеет прямое отношение к классификационной деятельности человека, а именно к классификации ситуаций. Поскольку точкой отсчета всегда является классификатор (ср. «человек есть мера всех вещей»), предположение, что классификация проходит по оппозиции *внутренний/внешний*, вполне правдоподобно. При необходимо-

артиклю значение абстрактного классификатора (хотя и не пользуется этим термином): «без артикля легче обойтись, чем без имени — это не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время ряд языков обходится без него, — но из этого следует заключить, что менее необходимый в действительности, чем имя, артикль тем самым мог бы представить собой более чистое выражение потребностей мышления» (стр. 47). Считая основной функцией артикля перевод слова с уровня языка на уровень речи (*le nom dans la langue, le nom dans le discours*) или перевод потенциального слова в реальное (*le nom en puissance, le nom en réalité*) или отделение 'слова в употреблении' от 'слова до употребления' (*le nom en emploi, le nom avant emploi*), Г. Гийом считает ошибочным приписывать артиклю различные конкретные значения, считая его «чистой формой экстенсивности, лишенной значения» (стр. 55).

сти эта оппозиция разбивается на ряд более частных, например, *близкий/далекий, давний/недавний* и др. или получает иное значение — *свой/чужой, включенный/невключенный* и пр.³⁰

Если рассматривать в этом же аспекте артикль, его следует признать одним из наиболее абстрактных классификаторов. Тогда представляются более объяснимыми его варьирование, кажущаяся непоследовательность и немотивированность употребления. Можно подумать, что в ситуации адресант — адресат первому артикль не нужен, поскольку для него в принципе расклассифицировано (т. е. «известно», «определено») все, что он говорит, и он применяет артикль в расчете на адресата. Но в этом случае перед адресантом стоит весьма сложная задача, исключая автоматизм, несомненно присущий механизму употребления артикля: адресант должен производить мгновенную классификацию за адресата³¹. Очевидно, что операция такого рода возможна лишь

³⁰ Классификация ситуаций с точки зрения участников находит отражение в различных знаковых системах. См., например, в литературе проблему сказа, рассказа, «чужого слова». Среди прочего в рамках этой классификации можно рассматривать известный литературный прием («самоустранения автора»: автор представляет себя лишь публикатором чужой истории, к которой он сам не причастен. Варианты таких введений чрезвычайно разнообразны: автор приписывает свое авторство главному/неглавному герою («История X, написанная им самим»), сообщает о том, что он нашел или получил от X произведение, написанное Y или написанное Z об Y, и т. п. Если пытаться анализировать этот прием рационально (а не в плане стили, традиции и т. д.), придется признать, что его назначение неясно. Цель весьма пространного сообщения о лицах и обстоятельствах, не имеющих прямого отношения к сюжету и нередко исчезающих после предисловия, кажется непонятной. Между тем, введения такого рода, если только они пропорциональны, воспринимаются естественно и как бы автоматически: о них нередко забывают, но тем не менее они кажутся органичными, может быть, именно потому, что они, играя роль детерминанта или классификатора ситуации, облегчают ее восприятие. Ср., с другой стороны, психологические трудности восприятия и понимания сообщения, вводящего *in medias res* (трудность отождествления героев и сюжета в начале фильма, спектакля и т. д.). Не менее существенна оппозиция *внутренний/внешний* при анализе самого себя, открытий в внутреннего человека — «себя самого», доступного. . . только активному диалогическому подходу к себе самому, разрушающему наивную целостность представлений о себе. . . Диалогический подход к себе самому разбивает внешние оболочки образа себя самого, существующие для других людей, определяющие внешнюю оценку человека (в глазах других) и замутняющие чистоту самосознания». М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, стр. 160. См. в связи с этим разбор автором жанров солилоквиума, диатрибы и т. д.

³¹ Н. Рейтер (N. Reiter. Der Artikel in den Balkansprachen. Ztschr. für Balkanologie, I, 1962, № 1, стр. 107) предлагает следующую интерпретацию семантики артикля: «С помощью определенного артикля говорящий идентифицирует свой уровень с уровнем слушателя. Что для этого нужно, говорящий решает в зависимости от речевой ситуации, так что в процессе речи он должен так глубоко проникнуть в представления слушателя, чтобы иметь возможность судить о том, когда его представления совпадают с представлениями слушателя и могут быть идентифицированы одним языковым знаком (определенный артикль) или когда их представления не согласуются, и тогда об этом состоянии сигнализирует отсутствие артикля».

тогда, когда классификация универсальна и одинакова для обоих участников, так что они оба в равной степени нуждаются в ее подтверждении. Следовательно, артикль подчиняется каким-то более общим законам и, может быть, зависит не столько от конкретной ситуации, сколько от того, к какому т и п у или в и д у она относится.

При начальном обучении языку элементарные переводы типа *это — книга, это — перо* даются обычно в виде упражнений двух родов: 1) письменный перевод; 2) устный перевод с названием предметов, находящихся перед учеником. В первом случае требуется неопределенный артикль (правилен только вариант *c'est un livre*), во-втором возможны и определенный и неопределенный артикли (*c'est un livre, c'est le livre*). Число примеров легко может быть увеличено (собран достаточный материал для иллюстрации непоследовательных и «нелогичных» вариаций в употреблении артикля). Можно предположить, что в приведенном и аналогичных случаях выбор определяется положением участника (*внутреннее/внешнее*) по отношению к ситуации. Приблизительно (не более, чем в качестве модели) неопределенному артиклю можно приписать признак *внешний*, а определенному — *внутренний*.

Деление ситуаций по признаку *внутренний/внешний* в принципе не является индивидуальным, т. е. целиком зависящим от воли говорящего и от данной конкретной ситуации. Если бы это было так, то овладение системой артикля не представляло бы существенных трудностей — любое решение было бы, во всяком случае, приемлемым (этой иллюзии поддаются носители безартиклевого языка, выбирая артикль в зависимости от собственного отношения — *знание/незнание* — к определяемому, и в большинстве случаев ошибаются). Поскольку это явно не так, разумно предположить, что на внеязыковом уровне выработаны достаточно простые способы универсальной классификации ситуаций, в частности, по признаку *внутренний/внешний* или *участие/неучастие, включенность/невключенность* говорящего. Эта классификация должна быть достаточно простой, так как выбор производится автоматически, на подсознательном уровне; при этом он, как правило, однозначен, что проверяется не только взаимопониманием участников (артикль меняет смысл высказывания в общем достаточно редко), но и их согласным признанием грамматической правильности высказываний. В плане выражения здесь можно выделить два основных варианта: 1) регламентированное употребление артикля; 2) нерегламентированное, свободное употребление артикля, его взаимозаменяемость, где, среди прочего, речь может идти и о нейтрализации оппозиции *внутренний/внешний*. Если согласиться с тем, что в основе семантики артикля лежит оппозиция *внутренний/внешний*, причем деление ситуаций совершается универсальным, заданным извне образом, то можно сделать вывод, что механизм действия артикля в принципе должен быть достаточно прост.

Данная статья не ставит целью описание системы артикля в каком-либо языке через оппозицию *внутренний/внешний*, описание, которое в конце концов явилось бы грамматикой артикля. Помимо всего прочего, такая задача пока представляется несвоевременной. Основная же мысль данной статьи есть предложение оторваться от традиционных описаний артикля, которые при всех своих достоинствах не могут быть признаны вполне удовлетворительными и тем более окончательными, и применить иные, более общие и свободные принципы рассмотрения этой проблемы в рамках не только собственно языковых, но и общесемиотических. При этом следует помнить, что основания для классификации носят сугубо абстрактный характер и *участие/неучастие* не означает непосредственных действий говорящего.

Если говорить о первых практических шагах к описанию артикля с помощью универсальных оппозиций, то, может быть, следует начать с установления типологии ситуаций по ряду общих, внеязыковых критериев. С другой стороны, следует иметь в виду, что оппозиции, описывающие артикль, в чистом виде будут проявляться только, или по крайней мере преимущественно, в *locus'e*, в то время как на периферии они будут представлены в ином, завуалированном и даже нейтрализованном виде. Здесь имеются в виду прежде всего случаи весьма многочисленных, так называемого грамматического употребления артикля, когда его появление абсолютно детерминировано дистрибуционными грамматическими требованиями (например, сочетание артикля с другими классами слов). Учет употреблений такого рода, в частности, необходим при автоматическом переводе, где это — едва ли не единственное средство разрешения проблемы артикля. Представляется целесообразным, хотя бы в практических целях, выделить грамматические употребления артикля в самостоятельный фрагмент его описания. Первые попытки составления формальной «грамматики артикля»³², в свою очередь, свидетельствуют о высокой степени абстракции его семантики: в весьма значительном объеме его систему можно описать, не прибегая к семантическим критериям, но с помощью дистрибуции. Что же касается употреблений артикля, не поддающихся описанию по формальной схеме (ср. так называемое «немотивированное» употребление артикля), то здесь, среди прочего, для балканских языков можно предположить следующее. В синхронном плане балканские языки не обладают системой артикля в такой четкой форме, какая существует, например, для английского, французского, немецкого. Особенности становления артикля в балканском языковом союзе, постоянно действующие балканистические процессы, вызывающие сближение и расхождение в различных фрагментах языковых систем, могут явиться причиной нестабильности или непоследова-

³² См., например: С. Стоянов. Членуване на имената в българския език. София, 1965.

тельности в употреблении артикля (не говоря уже об универсальных различиях между артиклем в литературном языке и в диалектах; ср. также роль артикля в организации ритмической структуры фразы и под.). Описывая систему артикля в рамках оппозиции *внутренний/внешний*, определенное количество таких употреблений, так же, как и грамматических, можно отнести к периферии, где действие оппозиции ослаблено. Кроме того, следует учитывать и некоторые общие принципы языка, в котором нет обязательного однозначного соответствия плану выражения плану содержания (ср., с одной стороны, избыточность, а с другой, дефектность формальных средств).

Грамматические категории, о которых шла речь до сих пор, связывались с оппозицией *внутренний/внешний* более или менее непосредственно. Ср. другие категории, в которых эта связь завуалирована. В балканских языках правдоподобно связывать с указанной оппозицией местоименную репризу, т. е. дублирование объекта клитиками личного местоимения. Попытки представить репризу как смыслообразительное средство, почти осознанно употребляемое говорящим для компенсации недостаточной разрешающей силы в системе склонения, в общем не приводят к положительным результатам. Препятствие заключается в том, что реприза находится в тесной зависимости от артикля: она (хотя на практике это последовательно может и не соблюдаться) дублирует только тот объект, который выражен существительным в определенной форме. При этом следует учесть, что в балканских языках падежная система сохраняется преимущественно во флексиях определенного артикля. С этой точки зрения, функциональность репризы представляется еще более сомнительной. Более плодотворным в связи с этим кажется, опираясь на связь репризы с артиклем, ввести ее в рамки оппозиции *внутренний/внешний*, т. е. включить ее в число языковых категорий, так или иначе сопоставляемых с типологической классификацией ситуаций³³.

Ведение в качестве критериев описания языка универсальных семиотических оппозиций, действующих на высшем и вполне абстрактном уровне, создает предпосылки для более широкого и обобщенного семантического разбиения языковых категорий, для создания новых по составу содержательных классов, что в итоге должно привести к более тонкой и разработанной характеристике, например, функций различных грамматических категорий. Так,

³³ Правила употребления репризы элементарны и могут быть описаны чисто формально. При этом соблюдаются они еще менее строго, чем правила употребления артикля. Типология репризы в балканских языках также не поддается рациональной интерпретации: в литературном болгарском она нежелательна, в литературном македонском — обязательна и т. д. Такая свобода лишней раз может свидетельствовать о том, что в основе механизма репризы лежит некий весьма общий принцип, а не требование конкретной ситуации.

если через оппозицию *внутренний/внешний* описывается местоименная реприза, то следующим шагом должно быть включение в сферу действия этой же оппозиции прочих морфолого-синтаксических способов указания на объект и субъект, в частности, соответствующих показателей, содержащихся в глаголе (субъектно-объектное спряжение), и т. д. Если идти дальше, то можно объединить на определенном уровне описания и мя и глагол на основании указанной оппозиции. Следует сказать, что практически фрагментарное объединение такого рода производится постоянно и как бы интуитивно, без ощущения потребности в каком-либо общем семантическом классификаторе: например, описание глагольной системы регулярно связано с системой местоимения/имени, по меньшей мере для категории лица.

Показательно, что в упомянутой работе Р. О. Якобсона, где вообще трактуется вопрос различного соотношения сообщения и кода, естественно и органично оказались объединенными (в конце концов оппозицией *включенность/невключенность*) такие грамматические категории, как глагол, местоимение и имя собственное (почти непосредственно связанное с артиклем).

В некоторых балканских языках оппозиция *определенность/неопределенность* нашла отражение в системе глагола³⁴; см., например, принятое в некоторых описаниях болгарского языка разделение времен на определенные и неопределенные, с основным противопоставлением аорист, имперфект (*определенность*)/перфект (*неопределенность*) (ср. аналогичное описание глагольной системы, принятое в тюркских языках, в частности в турецком). Естественно, что в этом случае *определенность/неопределенность* выступает не в своем непосредственном и конкретном значении, а в трансформированном виде, и именно на этом уровне она отождествляется с аналогичной оппозицией, описывающей имя (ср. также оппозицию *определенность/неопределенность* в прилагательном в сербохорватском языке).

Связь оппозиции *специальный/неспециальный* (в традиционной терминологии *определенный/неопределенный*) с глагольным временем отмечена в албанском языке, где наличие/отсутствие краткой формы личного местоимения в роли объекта при предикате (явление эллиптической анафоры) зависит от времени предиката (проклитическое местоимение опускается, если предикат стоит в форме будущего времени)³⁵. Естественно, что число примеров может быть увеличено и что ощущается необходимость перехода к системному описанию. Предпосылки к такому описанию уже

³⁴ См. хотя бы названия времен: *минало неопределено* болгарском, *минато определено* и *минато неопределено* в македонском. Ср. также *определенность/неопределенность* при классификации сложноподчиненных предложений в новогреческом, в зависимости от вида подчинительного союза: A. M i g a n b e l. Grammaire du grec moderne. Paris, 1949, стр. 192.

³⁵ В. У. Д р е с с л е р. К проблеме индоевропейской эллиптической анафоры. — ВЯ, 1971, № 1, стр. 97—98.

существуют — ср. принятое в некоторых грамматических традициях (хотя бы для тех же тюркских языков) разделение всех классов слов вообще на *определенные* и *неопределенные*, т. е. введение достаточно общего критерия. Очевидно, сейчас следует идти далее, разрабатывая семантическое описание языковых категорий в более широком плане и вводя их в круг несравненно более общих представлений. На этом уровне анализ должен охватывать не классы слов, хотя бы даже представленные как пучок ДП или набор граммем, а гораздо более общие категории. Для того, чтобы ввести, например, видо-временные различия в универсальную оппозицию *внутренний / внешний*, связать их с такими абстрактными классификаторами падежной системы, как *объемность / направленность / периферийность* (существенно, что все эти классификаторы построены на пространственных оппозициях, так что интерпретировать их как модификации оппозиции *внутренний / внешний* вполне допустимо, особенно потому, что в каждом из них содержится идея *ограниченности / неограниченности*), а затем с типологической классификацией ситуаций, необходимо полностью отвлечься от привычной конкретности.

На определенном этапе можно вообще отказаться от содержательной интерпретации универсальных оппозиций, называя их оппозициями А, В, С . . . или I, II, III . . . (подобно тому, как системе тех же балканских артиклей можно удовлетворительно описать, перенумеровав их и отказавшись от наименований, как бы то ни было связанных с семантикой). В этом случае анализ будет направлен к тому, чтобы выделить соответствующие данной оппозиции категории языка на чисто формальных основаниях. Поэтому, в частности, в цели данной работы входит не столько утверждение и отстаивание именно оппозиции *внутренний / внешний* (тем более, что она здесь и выступает под разными и, на первый взгляд, несводимыми названиями), хотя эта оппозиция представляется достаточно правомерной, сколько подчеркивание того, что функции категорий языка в принципе могут быть лучше выявлены и описаны с помощью системы абстрактных семиотических оппозиций.

В заключение можно коснуться еще одной детали, которая в будущем может оказаться столь же существенной, сколь второстепенной она представляется сейчас. Характерным признаком употребления упомянутых здесь грамматических категорий (артикл, реприза, комментатив, адмиратив) была их относительная свобода, часто интерпретируемая наблюдателем как непоследовательность, нелогичность и немотивированность. Иными словами, все перечисленные грамматические категории отличаются ограниченным *locus*'ом и весьма обширной периферией³⁶. Заранее можно

³⁶ В этом смысле заслуживает особого внимания работа Л. Андрейчина «О поэтике болгарских народных песен» («Poetics, Poetyka, Поэтика». Варшава, 1964), где интерпретируются в диахроническом плане случаи непоследовательного и противоречащего правилам современного литературного языка употребления артикля и комментатива. Представляется весьма суще-

сказать, что например, оппозиция *мужской/женский* (соответствующая в языке родовым противопоставлениям) или оппозиция *единственный/множественный* (противопоставление по числу) проявляются гораздо более последовательно и с меньшим числом вариантов и отклонений. Если эти наблюдения подтвердятся, то вполне вероятной окажется следующая гипотеза: свобода или регламентированность в употреблении грамматической категории определяется грамматической оппозицией, которой она описывается. Так, оппозиция *внутренний/внешний* как бы предоставляет большую неопределенность и свободу грамматическим категориям, которые с ней связаны.

Итак, естественный язык представляет собой семиотическую систему, основанную на наборе оппозиций, универсальных для различных семиотических систем, но здесь представленных в абстрактной форме. Одна из функций языка — служить планом выражения, в общем, для того же набора оппозиций, но уже в их непосредственном, более конкретном значении. Между внутриязыковыми и внеязыковыми оппозициями не существует однозначного соответствия. Это происходит среди прочего еще и потому, что внутриязыковые оппозиции находятся под воздействием внутриязыковых же факторов, что в конце концов может привести к их модификации и далее к нейтрализации. Тем не менее универсальные семиотические оппозиции занимают первое и особое место в иерархии различных факторов и, хотя и непрямым образом, регулярно воздействуют на функционирование категорий языка. Анализ языка по универсальным оппозициям представляется столь необходимым тем более, что это наилучшим образом вводит язык в круг прочих семиотических систем, составляющих модель мира, неперменной частью которой является и сам человек.

ственным, что здесь оказались естественно объединенными эти две категории, хотя автор статьи, очевидно, не ставил своей целью установление таким образом их семантической общности.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

О. Г. Ревзина. Общая теория грамматических категорий . . .	5
И. И. Ревзин. Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков	39
Вяч. Вс. Иванов. Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов	51
И. И. Ревзин. К семантическому анализу степеней сравнения в славянских языках	61
О. Г. Ревзина, Н. В. Чанишвили. Об одном виде взаимодействия категории падежа с глагольными категориями	68
Т. Н. Молошная. Двухкомпонентные субстантивные образования апозитивного типа в славянских языках	87
З. М. Волоцкая. К описанию системы деривативных значений (опыт применения компонентного анализа)	105
В. Н. Топоров. О двух праславянских терминах из области древнего права в связи с индоевропейскими соответствиями	118
В. Н. Топоров. Из индоевропейской этимологии	140
Т. М. Николаева. Некоторые наблюдения над соотношением словесных акцентов и фразовой мелодики в сербском языке . . .	155
Т. Н. Свешникова, Т. В. Цивьян. К исследованию семантики балканских фольклорных текстов	197
Т. В. Цивьян. О некоторых способах отражения в языке оппозиции <i>внутренний/внешний</i>	242

**Структурно-типологические исследования
в области грамматики славянских языков**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР*

Редактор издательства *А. Н. Знаменская*
Художественный редактор *Т. Ф. Поленова*
Художник *О. В. Камаев*
Технический редактор *А. М. Сатарова*

Сдано в набор 12/VI 1973 г. Подписано к печати 16/X 1973 г.
Формат 60×90/16. Бумага № 2. Усл. печ. л. 16,5. Уч-изд. л. 18,4.
Тираж 2000. Тип. зак. 404. Цена 1 р. 10.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62,
Подсосенский пер. 21

1-я типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, 9 линия, д. 12

1 р. 10 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»